Искрящийся идеями… глубокий, захватывающий, запоминающийся роман.
Kirkus Reviews

Роберт Чарльз Уилсон

ЗВЕЗДНАЯ ЖАТВА

Впервые на русском!

Звездная жатва
Роберт Чарльз Уилсон

Аннотация
Роберт Чарльз Уилсон. Звездная жатва
Пролог
Часть первая. Новая луна
  Глава 1. Август
  Глава 2. Бруксайд
  Глава 3. Машины
  Глава 4. Заголовки
  Глава 5. Вашингтон
  Глава 6. Болезнь
  Глава 7. Тишина
Часть вторая. Один из десяти тысяч
  Глава 8. Проснувшийся Бьюкенен
  Глава 9. Много обителей
  Глава 10. Этикет
  Глава 11. Киндл
  Глава 12. Бруксайд (II)
  Глава 13. Споры и выводы
  Глава 14. Кража со взломом
  Глава 15. Собрание
  Глава 16. Битва за США 1995 года
  Глава 17. Два орла

Глава 18. Энни и Бобби
Часть третья. Бабье лето
Глава 19. Всем станциям
Глава 20. Рождество
Глава 21. Кожа
Глава 22. Плоть
Глава 23. Вид с высоты
Глава 24. Проливной дождь
Часть четвертая. Жатва
Глава 25. Странник
Глава 26. Выборы
Глава 27. Маршруты
Глава 28. Не отрываясь от земли
Глава 29. Я знаю, кто ты
Глава 30. Фейерверк
Глава 31. Ночные огни
Глава 32. Освобождение
Глава 33. Провокация
Глава 34. На краю пропасти
Глава 35. Раны
Глава 36. Профилактика
Глава 37. Вознесение
Глава 38. Око Божье
Глава 39. Пути расходятся
Эпилог

Аннотация

Когда на Землю прибывают представители сверхмогущественной инопланетной цивилизации и предлагают населению планеты преобразиться и стать единым целым, откинув материальную оболочку, — как на это ответить? Среди огромного населения планеты на десять тысяч ответивших «да» приходится лишь один, кто ответил «нет».

Среди ответивших «нет» — врач Мэтт Уилер из небольшого города Бьюкенен на Тихоокеанском побережье США. Ведь все его прежние представления о добре и зле, жизни и смерти, Боге и человеке поставлены под сомнение. Он оказывается в положении, когда приходится выбирать, на чьей ты стороне в апокалиптическом противостоянии, способном изменить облик самой Вселенной…

Впервые на русском!

Роберт Чарльз Уилсон
Звездная жатва

Посвящается Девону… ничего лучше я сейчас сделать не могу.
И с опозданием — моим родителям

Robert Charles Wilson
THE HARVEST
Copyright © 1993 by Robert Charles Wilson
All rights reserved

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Пролог

— Сегодня, — начал свою речь президент Соединенных Штатов, — глядя в небеса, мы теряемся в догадках и задаемся множеством вопросов.

«Мягко говоря», — подумал Мэтт Уилер.

Он вгляделся в серьезное лицо президента, окруженное голубоватой аурой телеэкрана. Как обычно бывает с президентами, после избрания он заметно постарел. За последние две недели, как показалось Мэтту, — особенно.

Мэтт прибавил громкость и открыл двери патио.

В гостиную хлынул холодный воздух. Включился термостат, теплый пол начал нагреваться. Президент брал продолжительные паузы, во время которых отчетливо слышался монотонный гул горячего металла.

Снаружи было холодно, однако ночное небо прояснилось впервые за этот дождливый март. Мэтту наконец удалось лицезреть явление, почти неделю повергавшее в ужас весь мир. Конечно, он видел его на фотографиях и на своем девятнадцатидюймовом «Сони». Но одно дело — видеть это

по телевизору, и совсем другое — на собственном дворе. В Орегоне, в небе над Бьюкененом — безлунном, темном, с яркими россыпями звезд.

Он взглянул на часы. Пять минут одиннадцатого. На востоке, в столице, был уже второй час ночи. Президент выступил несколько часов назад. Во время прямого эфира дочь Мэтта Рэйчел была на репетиции оркестра… разучивала марши Сузы[1], пока президент объявлял о событии, которое могло предвещать конец света. Мэтт записал речь от начала до конца. Все каналы повторяли отрывки в начале каждого часа, но Мэтт решил, что дочь должна посмотреть обращение целиком. Особенно в этот день. Пока небо ясное.

Мэтт поспешил вернуться в дом, в свое теплое укрытие.

— Рэйчел? Милая, пора выходить!

После ужина Рэйчел заперлась в своей комнате, перебирая фотокарточки в семейном альбоме. Всякий раз, приходя в плохое настроение, Рэйчел раскладывала старые снимки на покрывале, разглядывала их и складывала обратно в альбом

---

[1] Примечания: 1

Джон Филип Суза — американский композитор и дирижер, автор множества маршей для духового оркестра, самый известный из которых, «The Stars and Stripes Forever», стал национальным маршем США. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

из искусственной кожи, в известной только ей последовательности. Мэтт никогда не мешал, хотя и беспокоился, когда дочь вот так скрывалась в прошлом, раскладывая перед собой семейную историю, как карту, в поисках поворота, на котором она сбилась с курса.

Но этот ритуал успокаивал ее, и Мэтт не хотел лишать дочь ни минуты, проведенной в покое. Когда умерла Селеста, Рэйчел было семь, и Мэтт рассчитывал, что воспоминания о матери, пусть и грустные, помогут ей продержаться в эти трудные дни. Надеялся.

Она вышла из комнаты, одетая ко сну — ночнушка и розовый фланелевый халат. Удобная одежда. Рэйчел уже исполнилось шестнадцать, и Мэтт порой удивлялся тому, как быстро она выросла. Все родители чувствуют то же самое, но Мэтту казалось, что дочь повзрослела в мгновение ока. Впрочем, в этот день было иначе. В этот день, облаченная в старенький халат, она выглядела на двенадцать. Ее глаза были затуманены, во взгляде, похоже, читалась легкая обида. Быть может, она снова ощущала себя двенадцатилетней и как бы говорила: «Не заставляй меня смотреть на это. Я еще маленькая».

Они вместе вышли на улицу.

— Впервые в истории человечества, — говорил президент, — нам светит новая луна.

— Какое огромное небо, — заметила Рэйчел.

«Больше, чем казалось прежде, — мысленно согласился Мэтт. — И враждебнее». Но произнести это вслух он не мог.

— Красивая ночь.

— Холодно, — поежилась дочь.

Дом стоял на вершине холма. Мэтту всегда нравился вид, открывавшийся со склона. Он указал на восток, где над десятком темных крыш возвышался поросший пихтами хребет. Макушки деревьев будто цеплялись за звезды.

— Вон там должно быть видно.

— Многие из нас напуганы последними событиями, — вещал президент. — Мне докладывают о беспорядках и мародерстве. Возможно, это естественная реакция, но она не делает чести нашему обществу. Наш народ всегда был сильным и здравомыслящим. Мы стойко пережили Перл-Харбор и Булл-Ран[2], и отчаиваться сейчас нелепо, не по-американски…

---

[2] Примечания: 2

Сражения при реке *Булл-Ран* (21 июля 1861 г. и 28–30 августа 1862 г.) — два крупных сухопутных сражения времен Гражданской войны в США. Оба закончились победами армии Конфедерации и разгромом федеральных войск.

«Однако в Перл-Харборе уничтожили изрядную часть Тихоокеанского флота, а при Булл-Ран армия Севера в панике бежала», — подумал Мэтт.

В любом случае сейчас никакой войны не было. Было нечто иное, доселе неведомое.

Рэйчел крепко прижалась к нему.

— Страшно? — спросил он.

Она кивнула.

— Ничего. Всем немного страшно.

Она вцепилась в его руку, и Мэтт почувствовал прилив злости.

«Черт тебя побери, — мысленно обратился он к пустому небу. — Не смей, черт побери, пугать мою дочь».

Под весенними звездами голос президента звучал громко и непривычно.

— Наши ученые доказали, что с момента зарождения жизни на этой планете мы прошли долгий эволюционный путь. Наши гости, кем бы они ни были, наверняка тоже его прошли. Вероятно, мы выглядим для них настолько же необычно, как они — для нас. А может, и нет. Возможно, они считают нас сородичами. Дальними родственниками. Быть может, очень дальними, но не чужими. Надеюсь, что это так.

«Откуда тебе знать?» — подумал Мэтт.

Предположение было благонамеренным, оптимистичным, но на самом деле никто ничего не знал.

Неподалеку открылась и захлопнулась раздвижная дверь. На улицу вышла соседка, Нэнси Косгроув. Под желтым фонарем, светившим во дворе Косгроувов, ее кожа выглядела бледной и нездоровой. Она налила молока для Пушинки, их толстой пятнистой кошки, которой нигде не было видно.

— Привет, — грустно сказала Рэйчел.

Миссис Косгроув кивнула в ответ, остановилась и подняла голову.

— Когда я был маленьким, — продолжил президент, — мы с родителями провели одно лето в Адирондаке. Там, у реки, у нас была хижина. Широкая, неторопливая река — жаль, название забыл. Тогда мне было десять лет. Казалось, что мы там одни, оторваны от цивилизации, насколько возможно. Но река удивила меня. Нет, там не было людских толп… но вдоль берега то и дело проходили путешественники, а по стремнине проносились одинокие гребцы в каноэ. Поначалу я стеснялся незнакомцев, но потом научился улыбаться и махать, а они всегда улыбались и махали в ответ. Иногда они задерживались у нас,

чтобы перекусить или выпить чашечку кофе. Мы никому не отказывали. — Президент взял паузу, и на миг в воздухе было слышно лишь кваканье лягушек из холодных болот в низине. — Я считаю, что наша Земля подобна той хижине. Мы много лет жили одни, но выяснилось, что мимо нашего жилья бежит река и по этой реке кто-то путешествует. Мы тут же стремимся отстраниться, ведь за долгие годы одиночества мы стали немного застенчивыми. Но в то же время мы чувствуем желание улыбнуться, поприветствовать незнакомцев, поверить в их добрые намерения. В этом наша сила. Это желание позволит нам преодолеть этот переломный момент, и я призываю вас взрастить его в ваших сердцах. Верю, когда-нибудь историки напишут о нашем времени и скажут, что мы были щедрыми и открытыми и что конец света, которого так опасались, стал началом новой дружбы. Я призываю всех вас…

Слова президента заглушил изумленный возглас Рэйчел. Нэнси Косгроув выронила бутылку молока, и та вдребезги разлетелась о каменную плитку. Мэтт уставился на небо.

На западе, над горизонтом, сразу за пихтами начал подниматься округлый силуэт белого, как кость, корабля пришельцев.

Больше всего на свете Мэтт Уилер любил свою дочь, свою работу и орегонский городок Бьюкенен, где он жил.

Глядя на голую необъятную махину, воспарившую над деревьями, заслонившую собой Орион и направившуюся в сторону Близнецов, он вдруг пришел к выводу: все это в опасности.

Пришедшая мысль была порождением животного страха перед неведомой штуковиной в небе, и Мэтт всячески гнал ее прочь.

Но она возвращалась. Все, что он любил, было хрупким. Все, что он любил, могло погибнуть из-за этой новой безымянной луны.

Эта мысль была навязчивой. Эта мысль была верной.

Прошел год.

Часть первая. Новая луна

Глава 1. Август

Колонка «Взгляд из Вашингтона», одновременно опубликованная в нескольких изданиях. Выпуск от 10 августа (вырезка из альбома мисс Мириам Флетт, Бьюкенен, Орегон):

> Несмотря на приближающиеся выборы, конгресс и президентская администрация по-прежнему заняты обсуждением чрезвычайного происшествия, которое отдельные лица называют «Контактом».
>
> Мы называем это «Контактом», но, как заметил на прошлой неделе сенатор Рассел Уэлланд (Р., Айова), происшествие примечательно тем, что никакого контакта до сих пор не случилось. Космический корабль, если речь идет действительно о нем, кружит над Землей уже больше года, не посылая никаких сигналов. Он подал признаки жизни лишь один раз, сбросив на наши крупные города сооружения, которые смело можно назвать памятниками нашим бесполезным средствам ПВО. Зачем они нужны — загадка. На нашу

планету будто вторглись инопланетные мимы, чокнутые, но могущественные.

По крайней мере, к этой мысли подталкивают общепринятые представления. В Городе Сплетен никому нельзя верить на слово. Недавние международные встречи на высоком уровне, включая несколько оставшихся без внимания прессы поездок госсекретаря, породили подозрения, что до реального «контакта» недалеко. Согласно неофициальным источникам в Белом доме, уже больше недели страна обменивается секретной информацией с Германией, Россией, Китаем и другими странами. Совпадение?

Кто знает? Очевидно, что-то происходит. И лидеры обеих партий в конгрессе требуют, чтобы их посвятили в курс дела.

После того как гигантская инопланетная машина припарковалась на околоземной орбите, прошел год с хвостиком. Мэтт Уилер целый вечер раздумывал, как пригласить Энни Гейтс на вечеринку, которую он устраивал в пятницу.

Вопрос был не в том, приглашать или нет, —

разумеется, он собирался ее позвать, — а в том, как это сделать. Точнее, что это приглашение будет означать для их дальнейших отношений и будет ли?

С этими мыслями он вымыл руки и приготовился принять двух оставшихся пациентов.

В небольшом городке вроде Бьюкенена врач нередко лечит людей, с которыми устраивает пикники на заднем дворе. Его последними пациентами были Бет Портер, дочь Билли, который тоже иногда наблюдался у него, и Лиллиан Бикс, жена его друга Джима.

Женщины, Бет и Лиллиан, сидели по краям дивана в приемной, напоминая плохо подобранные половины книжной обложки. Лиллиан листала «Ридерз дайджест» и то и дело шмыгала носом в платок. Бет тупо смотрела в стену, погруженная в музыку, если можно было назвать таковой ритмичный лязг — точно кто-то барабанил по жестяной форме для пирога, — раздававшийся в наушниках плеера. Еще пара лет, и Мэтту придется лечить ее от тугоухости.

Девушка была первой в очереди.

— Бет, — позвал ее Мэтт.

Та продолжала витать в облаках.

— Бет. Бет!

Девушка неприязненно скривилась, будто ее только что грубо разбудили. Узнав Мэтта, она смягчилась, выключила кассетный плеер и сняла наушники.

— Спасибо, — сказал Мэтт. — Входи.

Бросив взгляд назад, он увидел, как Энни Гейтс с папкой в руках вышла из своего кабинета и посмотрела на Бет, потом на Мэтта. «Удачи!» — как бы говорил ее взгляд. Мэтт ответил улыбкой.

На Энни Гейтс был белый врачебный халат, на шее висел стетоскоп. В отличие от Бет и Лиллиан, Мэтт с Энни сочетались превосходно. Они были деловыми партнерами. Профессионалами. Кажется, он был в нее влюблен. Влюблен уже почти десять лет.

Мэтт Уилер был врачом общей практики и работал в этом здании пятнадцать лет. Он вырос в Бьюкенене, здесь же у него развилась, как он сам говорил, «тяга к медицине», и после обязательной практики в больнице Сиэтла и сдачи экзамена он вернулся в Бьюкенен, чтобы открыть частную клинику. Тогда его партнером был Боб Скотт, темноволосый нервный денверец, с которым они вместе стажировались. Они взяли в аренду помещение с тремя кабинетами и приемной на седьмом этаже Маршалл-билдинг, песчаникового

здания времен Гувера, стоявшего на перекрестке Марина-стрит и Гроув-стрит.

Мэтт с коллегой прекрасно понимали все нюансы семейной практики — точнее, думали, что понимают. Деньги делались на узкоспециализированных случаях, на процедурах. А вот сама семейная практика была настоящей морокой. Дело было не только в пациентах — к этому оба были готовы. А вот возня со страховками и государственными программами медицинской помощи, бумажная волокита… со временем необходимость заниматься этим возросла многократно. Сославшись на тоску по большому городу, доктор Скотт сдался и в 1992 году уехал в Лос-Анджелес. Мэтт слышал, что он работал в пункте медицинской помощи в торговом центре — таких называли «будкодоками». Бывай, морока. Бывай, независимость.

Мэтт превозмогал трудности. Он не представлял себе жизнь за пределами Бьюкенена, не мог вообразить, какая работа доставляла бы ему больше удовольствия, — главное, чтобы ему не мешали ее выполнять. Вскоре после отъезда Боба умерла Селеста, и возросший спрос на его услуги, возможно, помог ему справиться с утратой.

Замена Бобу Скотту нашлась в июне того же

года: девушка-интерн по имени Энн Гейтс. Мэтт не предполагал, что женщина захочет стать его партнером по бизнесу — особенно молодая блондинка в офисной юбке и очках в черной оправе, из-за которых ее глаза напоминали совиные, а на лице появлялось строгое и торжественное выражение. Он сразу предупредил, что работать придется подолгу, что нужно обзванивать пациентов, подрабатывать в местном пункте неотложной помощи и не ждать большого вознаграждения. «У нас не как в городе», — сказал он, вспоминая побег Боба Скотта и не сводя глаз с юбки-гармошки.

На это Энн Гейтс ответила, что выросла на ферме в прериях Южной Манитобы, что прекрасно знает, какова жизнь в маленьких городках и что Бьюкенен, будь он неладен, не такой уж и маленький (но с виду вполне приличный). Она справилась с больничной практикой в гетто, где в неотложку регулярно привозили людей с огнестрельными и ножевыми ранениями, а также наркоманов, не рассчитавших дозу. Она прошла через эти испытания, не утратив веру в краеугольные принципы медицины, а что касается «вознаграждения», то ей вполне хватит жилья без тараканов, чуть больше пяти часов сна в неде-

лю и хотя бы нескольких пациентов, которых не стошнит на нее прямо на пороге кабинета.

Так у Мэтта появился новый партнер.

Они проработали вместе почти год, прежде чем начали узнавать друг друга как люди. Мэтт все еще приходил в себя после смерти Селесты и в это грустное время отмечал лишь невероятное мастерство Энн Гейтс в области оптической ректороманоскопии[3], процедуры, к которой он сам испытывал страх и отвращение, и ее неуверенность при столкновении с черепно-мозговыми травмами. Они стали брать пациентов, принимая в расчет собственные умения и слабости; почти все пожилые пациенты Мэтта перешли к Энн, а он, в свою очередь, стал больше заниматься с детьми. Но она была женщиной, а он — вдовцом и порой понимал, какой результат может оказаться у этого несложного уравнения. Чтобы отметить годовщину ее приезда в Бьюкенен, Мэтт пригласил Энн поужинать в «Траулер», ресторан у пристани. Мягкотелые крабы, лук-шалот в масле, «маргарита» и полный запрет на обсуждение работы. К концу вечера он уже звал ее «Энни». А

[3] Примечания: 3

Ректороманоскопия — метод медицинской диагностики, при котором производится визуальный осмотр слизистой оболочки прямой кишки.

через неделю они переспали.

Почти целый год прошел в пылких романтических отношениях. Затем они охладели друг к другу: не ссорились, но все реже устраивали свидания, реже спали вместе. Затем — полгода прежней страсти. Затем — новый перерыв.

Все это они не обсуждали. Мэтт не знал, по чьей вине, его или ее, происходят такие перепады. Но картина была ему ясна. С тех пор как Энни Гейтс впервые переступила порог его кабинета, прошло почти десять лет. Виски Мэтта поседели, на голове появились залысины, а в уголках глаз Энни образовались морщинки. Десять лет пролетели как миг, и ни разу за это время нельзя было сказать, что они расставались… или были вместе.

В последнее время в их отношениях вновь образовалась пустота, и Мэтт гадал, как Энни воспримет приглашение на пятницу. Как формальную любезность? Или как предложение провести вместе ночь?

И чего хотелось Мэтту?

Ответа он так и не нашел.

Он проводил Бет Портер в кабинет, напротив кабинета Энн.

Кабинет был крепостью Мэтта, которую возвел он сам. Главными предметами мебели были под-

линные дубовые шкафы Викторианской эпохи, купленные на аукционе в 1985 году. За столом стояло скрипучее кожаное кресло, на котором четко отпечатывалась его задница. Окно выходило на город, вдали виднелись душная гавань и море.

Бет Портер уселась на стул. Мэтт поправил жалюзи, чтобы спрятаться от послеобеденного солнца. Недавно Энни поставила в своем кабинете вертикальные жалюзи с тканевым покрытием, которые казались Мэтту нелепыми. Его внутренний голос вещал: «Традиции!» Внутренний голос Энни отвечал: «Прогресс!» Может быть, эти незримые противоречия и отдаляли их друг от друга.

Впрочем, сегодня он только о ней и думал.

Усевшись в кресло, он посмотрел на Бет Портер.

Прежде чем пригласить девушку, он изучил ее медицинскую карту. Бет наблюдалась у Мэтта со своего одиннадцатого дня рождения; мать буквально силой приволокла ее в приемную, хмурого ребенка в картонном колпаке, с распухшим, огромным, как тыква, лицом. В перерыве между тортом и мороженым Бет каким-то образом потревожила гнездо шершней во дворе дома. Аллергическая реакция началась так внезапно

и была настолько сильной, что мать даже не успела снять с дочери шапку. Веревочка плотно врезалась в распухший подбородок.

Это было девять лет назад. С тех пор Мэтт видел ее лишь изредка, а с пятнадцати лет она и вовсе перестала приходить. Еще одна проделка времени: Бет больше не была ребенком. Она превратилась в пухленькую, но достаточно привлекательную двадцатилетнюю девушку, которая выпячивала свою сексуальность в знак протеста. На ней были синие джинсы и тесная футболка. Когда воротник опускался, Мэтт замечал под левым плечом что-то синее. Боже правый, татуировка!

— Бет, с чем пожаловала?

— У меня простуда, — ответила девушка.

Мэтт сделал вид, что записывает. За годы практики он понял, что люди чаще делятся подробностями, когда ты держишь ручку. Белый халат тоже был нелишним.

— Сильная?

— Ну… не особенно.

— Что ж, обычное дело. На этой неделе все простужены. — Это было правдой. Энни пришла на работу, хлюпая носом. Лиллиан Бикс в приемной всеми способами сдерживала сопли. Самому Мэт-

ту пришлось в обед принять антигистаминное средство. — От простуды лекарств нет. В груди не давит?

— Немного, — помешкав, кивнула Бет.

— Давай послушаем.

Бет нервно выпрямилась. Мэтт принялся прикладывать стетоскоп к ее спине. Застоя в легких не было, и он не сомневался, что визит вовсе не связан с простудой. Слушая легкие, он просто налаживал отношения «врач — пациент». Устанавливал медицинскую близость. Он пощупал горло, отметил, что лимфоузлы немного увеличены — твердые камушки под плотью, — и насторожился.

— Ничего необычного, — заключил он, облокотившись на край стола.

Бет потупила взгляд. Кажется, она не удивилась.

— Бет, у тебя есть жалобы, помимо простуды? Тебя беспокоит что-то еще?

— Похоже, гонорею подцепила, — призналась Бет Портер.

Мэтт записал.

К удивлению Мэтта, симптомы она описала не краснея.

— Прошерстила медицинскую энциклопе-

дию, — добавила она. — Очень похоже на гонорею, а это вроде штука серьезная. Вот записалась. Что думаете?

— Думаю, диагноз подтвердится. Может, тебе во врачи пойти?

Бет улыбнулась.

— Узнаем больше, когда получим результаты тестов, — добавил Мэтт.

— Каких тестов? — Улыбка девушки померкла.

Мэтту пришлось позвать Энни, чтобы та отвлекала Бет, пока он берет мазок. Не обошлось без привычной шутки про гинекологическое зеркало в морозилке. Энни расспрашивала Бет о работе в «Севен-Илевен», которая, по словам Бет, была страшно скучной. Продавать замороженные пирожки и буррито почти до полуночи и возвращаться домой с менеджером, когда на дорогах остаются одни лесовозы и фуры.

Мэтт взял мазок и наклеил метку. Бет сползла со стола. Энни отправилась по своим делам.

— Когда будет результат? — спросила Бет.

— Если в лаборатории нет аврала, то завтра к вечеру. Я позвоню.

— Домой?

Мэтт понял намек. Бет все еще жила с отцом, регулярно наблюдавшимся у Мэтта по поводу

хронического простатита. Билли Портер был нормальным мужиком, но немногословным и консервативным — снисхождения к дочери от него ждать не стоило.

— Могу позвонить на работу, если номер дашь.

— А если я сама позвоню?

— Без проблем. Давай часа в четыре? Предупрежу администратора, чтобы тебя со мной соединили.

Это ее успокоило. Она кивнула и принялась засыпать Мэтта вопросами. Что, если это правда гонорея? Сколько придется принимать антибиотики? Нужно ли говорить ее… любовнику?

Ответы она выслушала внимательно. Без кассеты в плеере Бет Портер производила впечатление вполне разумной девушки.

Разумной, но, как раньше говаривали психиатры, «проблемной». Переживающей непростую пору в своей жизни. И уставшей от этого, судя по утомленному прищуру глаз.

Ей было двадцать, но выглядела она одновременно и намного старше, и намного младше.

— Если хочешь поговорить… — начал он.

— Нет, не хочу. Спасибо вам. Обещаю принимать все лекарства и следовать всем указаниям. Но обсуждать это не хочу, — немного холодно

ответила Бет.

— Ясно, — ответил Мэтт. — Не забудь завтра позвонить. Потом, вероятно, придется зайти за рецептом. А после курса лечения явишься на повторный осмотр.

— Спасибо, доктор Уилер, — с пониманием ответила она.

Мэтт проставил дату в ее карточке и убрал карточку в корзину с пометкой «выполнено». Затем вымыл руки и вызвал Лиллиан Бикс, последнюю пациентку.

У Лиллиан уже давно не случалось месячных, и она решила, что беременна.

Эта тридцатидевятилетняя женщина была замужем за лучшим другом Мэтта. Разговор вышел откровенным, пусть и немного неуклюжим. Лиллиан стеснялась и запиналась, но в конце концов изложила суть. Мэтт выдал ей баночку для анализов и направил в туалет. Лиллиан покраснела до кончиков ушей, но выполнила указание. Когда она вернулась, Мэтт наклеил на баночку ярлык «ХГЧ»[4].

Лиллиан сидела напротив, держа на коле-

[4] Примечания: 4

ХГЧ (хорионический гонадотропин человека) — гормон, вырабатывающийся у женщин после оплодотворения яйцеклетки и являющийся одним из главных показателей развития беременности.

нях сумочку. Мэтт часто думал, что Лиллиан — воплощение слова «маленький». Она сама была маленькой, ее сумочка была маленькой, ее присутствие было почти незаметным. Может, поэтому она была так счастлива в браке с Джимом Биксом, шумным здоровяком, а тот, в свою очередь, был невероятно увлечен своей женой.

За долгие годы брака у них не появилось детей, но Мэтт эту тему не поднимал. Теперь, облаченный в белую врачебную броню, он спросил Лиллиан, намеренно ли они избегали зачатия.

— Вроде того, — задумчиво ответила та. — Ну, скорее так хотел Джим. Он всегда… ну, сам понимаешь. Предохранялся.

— И ты не возражала?

— Нет.

— Но контрацепция — не гарантия полной защиты.

— Знаю, — кивнула Лиллиан.

— Что будешь делать, если выяснится, что ты и вправду беременна?

— Обрадуюсь. — Ее улыбка была искренней, но немного вялой. — Я давно к этому готовилась.

— Всерьез готовилась? К подгузникам, ночному кормлению, ободранным коленкам, растяжкам на коже?

— Когда нужно, ко всему привыкаешь. Мэтт, я понимаю. Но я действительно представляла, как стану матерью, часто представляла.

— А с Джимом уже обсуждала?

— Даже не намекала. Не хочу говорить, пока не будет точно известно. — Ее глаза под тонкими бровями посмотрели на Мэтта с беспокойством. — Ты ведь ему не скажешь?

— Не скажу, если сама не попросишь. Врачебная тайна.

— Даже между врачами?

— Это как воровская честь.

Лиллиан снова улыбнулась. Улыбка мелькнула и угасла.

— Вы ведь постоянно обедаете вместе.

Джим работал в клинике гистологом. Они с Мэттом познакомились еще на подготовительных медицинских курсах и регулярно обедали в китайском кафе на Гроув-стрит, в двух кварталах от клиники.

— Возможно, мне будет слегка неловко. Но анализ делается быстро. Совсем скоро мы все узнаем наверняка. — Он сделал вид, что записывает. — Лиллиан, ты в курсе, что у женщин твоего возраста порой случаются осложнения…

— Знаю. Я все знаю. Но есть же способы заранее

это понять.

Мэтт почувствовал ее нервозность и попытался успокоить:

— Если решишь рожать, будем держать все под контролем. Не думаю, что возникнут проблемы. — Он держал в уме еще кое-что, но пока не собирался выкладывать это Лиллиан.

— Хорошо, — ответила она.

Но снова нахмурилась. Она не была уверена и выглядела далеко не радостно. Мэтт не знал, выяснять ли причины недовольства или оставить все как есть.

— Что тебя беспокоит? — спросил Мэтт, отложив ручку.

— Ну… три вещи. — Лиллиан убрала платок в сумочку. — Одну мы уже упоминали — мой возраст. Я волнуюсь. Во-вторых, конечно, Джим. Как он отреагирует? Боюсь, для него это станет… как бы сказать, знаком, что молодость прошла? Не знаю, захочет ли он брать на себя такую ответственность.

— Может, и не захочет, — сказал Мэтт. — Но я сильно удивлюсь, если он не сживется с этим. Джим — парень эпатажный, но каждый день исправно приходит на работу, выполняет ее добросовестно и никогда не опаздывает. Что это,

если не ответственность?

Лиллиан кивнула и, кажется, обрела некую уверенность.

— А что третье? — спросил Мэтт.

— Что-что?

— Ты сказала, тебя беспокоят три вещи. Возраст, Джим… что еще?

— Разве не понятно? — Она посмотрела на него через стол. — Иногда я открываю окно по вечерам… и смотрю на эту штуковину в небе. Мне страшно. А теперь еще эти глыбы, или здания, или что там они разбросали по городам? Я видела их по телевизору. Мэтт, это ерунда какая-то. Как называется эта фигура? Октаэдр? Я не произносила этого слова после школы. Октаэдр размером с океанский лайнер посреди Центрального парка. Как ни включишь телевизор, только это и показывают. Но никто не знает, зачем это все. Без конца обсуждают, но высказывают лишь досужие домыслы. Естественно, я переживаю. Что будет дальше? Может, я вовсе не беременна, а лишь выдаю желаемое за действительное? Или это нервное. — Она поправила сумочку на коленях и просверлила Мэтта взглядом. — Мэтт, ты же отец. Ты должен понимать, что я имею в виду.

Конечно, он понимал. Те же сомнения отража-

лись в поведении Бет Портер с ее зависимостью от плеера, были они и у его собственной дочери Рэйчел, которая после уроков постоянно смотрела новости, подтянув колени к лицу.

Успокоив Лиллиан Бикс, он отправил ее домой и прибрался в кабинете, пока Энн принимала своего последнего пациента. Потом он раскрыл жалюзи, впуская внутрь солнечный свет. Яркий длинный луч упал на плиточный пол, погладил дубовые шкафы. Мэтт окинул взглядом город.

С седьмого этажа Маршалл-билдинг Бьюкенен казался длинным плоским пятном, врезавшимся в синеву океана. Уже не такой маленький, как пятнадцать лет назад, когда Мэтт только открыл клинику, но по-прежнему весьма тихий грузовой порт. Многое изменилось с тех пор. Пятнадцать лет назад Мэтт только окончил ординатуру. Рэйчел была совсем маленькой, Селеста была жива, а в Бьюкенене проживало на несколько тысяч человек меньше.

Время, жестокое сучье отродье, все изменило. Три месяца назад Мэтту стукнуло сорок, его дочь изучала буклеты колледжей, Селеста уже десять лет лежала в могиле на кладбище Бруксайд… а вокруг Земли уже год с лишним кружил космический корабль цвета бетона.

Мэтт уже не в первый раз понял, как сильно он ненавидит этот объект, зависший в ночи дамокловым мечом.

Он всем сердцем любил этот город. Казалось, так было всегда, с самого рождения. Мэтт находил это забавным. Многие люди не привязаны к месту: могут припарковаться у «Мотеля-6» и чувствовать себя там как дома. Некоторые, включая нескольких друзей Мэтта, с детства терпеть не могли Бьюкенен с его провинциальностью. Но для Мэтта Бьюкенен был его отражением, он не мог жить без города, как без сердца или печени.

В детстве он был одиночкой и порой сторонился других детей. Он выведал все тайны гавани, главной улицы и реки Литл-Данкан задолго до того, как приобрел первого близкого друга. Он впитал глубоко в себя этот город, его ухабистые дороги, пихты, туманные зимы и полуобвалившиеся фасады домов времен золотой лихорадки в центре.

Здесь была похоронена его жена. Селесту погребли на кладбище Бруксайд, в двух шагах от устья Литл-Данкана, у часовни, где по воскресеньям в полдень всегда раздавался колокольный перезвон. Его родители тоже лежали рядом.

Мэтт не сомневался, что и его когда-нибудь

похоронят здесь… но в последнее время это убеждение пошатнулось.

На прошлой неделе он относил цветы на могилу Селесты и сразу за кладбищенскими воротами вдруг испытал мрачную уверенность в том, что ветра судьбы унесут его куда-то далеко, где он и встретит свой конец.

Мэтт, как Лиллиан Бикс, как все остальные, пал жертвой предчувствий.

Уродливый белый корабль-призрак показывался в небе каждую ясную ночь. Неудивительно, что Лиллиан боялась. Кто, черт побери, не боялся? Но Мэтт Уилер не собирался падать духом. Делай что должен и не сдавайся. Так и надо поступать.

Он услышал, как Энни провожает последнего пациента, и собрался выйти в коридор, чтобы озвучить приглашение, но тут зазвонил телефон. Неурочный звонок Джима Бикса еще больше усилил тревогу Мэтта.

— Надо поговорить, — сказал Джим.

Мэтт сразу же подумал, что дело в визите Лиллиан.

— Что случилось? — спросил он осторожно.

— Не телефонный разговор. Заглянешь в больницу после работы?

Значит, дело не в Лиллиан. Джим говорил че-

ресчур взволнованно. Не так, как человек, только что узнавший о грядущем отцовстве. Голос его звучал намного мрачнее.

Мэтт взглянул на часы:

— У Рэйчел сегодня мало уроков, и она обещала приготовить ужин. Может, встретимся завтра за обедом?

— Лучше сегодня. — Джим взял паузу. — Я работаю сверхурочно, но готов заскочить по дороге домой. Ты не против?

— Насколько поздно?

— Скажем, в одиннадцать? В полдвенадцатого?

— Это важно?

— Да.

Никаких «наверное» или «вроде бы». Четкое «да». По коже Мэтта пробежали мурашки.

— Давай, — согласился он. — Буду ждать.

— Хорошо, — ответил Джим и сразу повесил трубку.

Мэтт поймал Энни в дверях.

Когда он сообщил о пятничной вечеринке, та улыбнулась и пообещала прийти. Фирменная улыбка Энни Гейтс. Она поблагодарила Мэтта, тронула за руку. Он проводил ее до стоянки.

«Господи, — подумал Мэтт, — наши чувства то просыпаются, то затихают, но сейчас определен-

но не спят».

Эта мысль приятно удивила его.

Перед тем как сесть в свою «хонду», Энни приобняла Мэтта. Прикосновение оказало целительное воздействие. Плохо быть одному, когда в мире происходят непредвиденные события.

Глава 2. Бруксайд

В декабре 1843-го исследователь Джон Фримонт наносил на карту территории, позднее ставшие штатом Орегон, и как-то раз, спасаясь от ужасной снежной бури высоко в Каскадных горах, всего за день спустился к озеру, окруженному мягкой зеленой травой, — короче говоря, попал из зимы в лето. Гряду, от которой Фримонт пустился в путь, он назвал Зимней, а озеро, где его группа разбила лагерь, — Летним.

Полтораста лет спустя штат по-прежнему был примечателен в первую очередь своим ландшафтом. К югу от Портленда, между Каскадным и Береговым хребтами, на сто восемьдесят миль простиралась долина Уилламетт, главная житница штата. К западу от Береговых хребтов расположился прибрежный Орегон, полоса сельскохозяйственных земель и лесов протяженностью в двести восемьдесят и шириной в двадцать пять миль, по которой были разбросаны мелкие рыбацкие деревеньки.

Бьюкенен был крупнейшим из прибрежных городов, грузовым портом на берегу широкой, но мелкой бухты. Благодаря основанной в 1895 году

целлюлозно-бумажной фабрике Дансмьюира к концу двадцатого века его население выросло почти до сорока тысяч жителей. В доки поступали товары изо всех стран тихоокеанского побережья, а рыболовный флот был крупнейшим к югу от Астории.

Бьюкенен готовился стать крупным городом, что принесло как новые возможности для развития, так и новые проблемы: расовое многообразие, рабочие места, анонимность, преступность. Но в июле по-прежнему проходил ежегодный фестиваль рыбалки и лесоповала, а местное радио в промежутках между бесконечными кантри-песнями все так же выдавало расписание приливов и отливов и график нереста лосося.

Как и в любом городке на побережье Орегона, в Бьюкенене было дождливо. Зимой океан, казалось, вторгался в воздух. Дождям всегда сопутствовала смесь из тумана, мороси, пара и дымки. Город накрывали низкие тучи. Зимы тянулись неспешно, ввергая жителей в меланхолию.

Но даже в Бьюкенене небо бывало чистым. Это лето выдалось особенно засушливым. Начиная со Дня независимости над городом стояла ясная тихоокеанская погода. Водохранилища обмелели,

в прибрежных лесах объявили угрозу пожара. В пожухлой коричневой траве лужаек стрекотали цикады.

Дни переходили в долгие летние вечера.

Тем вечером Мэтт Уилер задумался о кладбище Бруксайд, поразмышлял немного и забыл об этом. Он поужинал поджаренной на сковороде отбивной и принялся обдумывать более насущную проблему: тревожный звонок Джима Бикса. Кладбище Бруксайд напрочь вылетело из его головы.

Зато оно занимало заметное место в головах других людей.

Например, Мириам Флетт.

А также Бет Портер и Джоуи Коммонера.

«АНОНСИРОВАНО ОБРАЩЕНИЕ ПО ПОВОДУ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ», — гласил заголовок газеты «Бьюкенен обсервер».

Мириам Флетт разложила передовицу на кухонном столе и накинулась на нее с карманной бритвой, купленной утром в канцелярском магазине Делайла внутри торгового центра «Ферри-Парк».

Мириам нравилось пользоваться этими сменными карманными лезвиями. Нажимаешь кнопку, и из округлого пластмассового корпуса выдвигается язычок из нержавейки. У Делайла

они продавались прямо на кассе по пятьдесят девять центов и были разноцветными. Мириам покупала по штуке каждую неделю. В этот раз она выбрала успокаивающую — голубенькую.

Лезвие же было вовсе не успокаивающим, а блестящим и острым, как коготь хищной птицы.

Мириам атаковала газету. Четыре аккуратных разреза отделили «АНОНСИРОВАНО ОБРАЩЕНИЕ» от шедших ниже заголовков «ОТРАВЛЕНИЕ ЯДОМ МЕДУЗЫ?» и «ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНУЮ ОТРАСЛЬ ОЖИДАЕТ СПАД».

Она поискала в нижнем правом углу статьи слова «продолжение на с. 6» или что-нибудь в этом духе, но их там не оказалось. «Продолжения» всегда раздражали ее.

«Вот и славно», — подумала Мириам. Доброе предзнаменование.

Мириам толком не понимала, что за труд взяла на себя, но ясно сознавала две вещи. Во-первых, этот труд важен. Во-вторых, нужно быть аккуратной.

Если бы Бет Портер и Джоуи Коммонер с ревом пронеслись на «ямахе» Джоуи по Беллфонтен-авеню сейчас, а не позже, то могли бы заметить Мириам в окне ее маленького бунгало. В лучах заходящего солнца она делала вырезки из газет

— маленькая седовласая фигурка, согнувшаяся над исцарапанным кухонным столом.

Все свои пятьдесят шесть лет Мириам прожила в Бьюкенене. Почти половину этого времени она была секретарем директора в общественной школе имени Джеймса Бьюкенена. В прошлом году ей сделали выговор за раздачу религиозных листовок школьникам, вызванным к директору Клею. Директор Клей (чье первое имя было Марион, и страшно подумать, что бы случилось, если бы, упаси господи, дети узнали, что скрывается за подписью «М. Джонатан Клей») намекнул, что Мириам стоит задуматься о досрочном выходе на пенсию. Повторять дважды ему не пришлось.

Некогда Мириам держалась бы за эту работу обеими руками, вцепилась бы в нее так, что если и оторвут, то с ногтями. Мириам не любила перемен в жизни, но в прошлом году, когда в небесах появилось Око Божье, та, прежняя Мириам умерла.

В ее понимании смысл этого явления был совершенно ясен.

Города меняются. Люди умирают. Любовь не вечна. Мир со временем становится почти невыносимо чужим.

Вера все терпит.

Она редко ходила в церковь. По ее мнению, местные церкви, даже Истинная Баптистская, считавшаяся фундаменталистской, неверно истолковывали Библию. Мириам верила в Бога, но не была с Ним в «близких отношениях», как телевизионные проповедники. Сама мысль об этом ее пугала. Церкви делали упор на прощении и отпущении грехов, но Мириам прочла Библию трижды и так и не нашла доказательств тому, что Бог добр. Милосерден — пожалуй. Изредка. Мириам глубоко верила в грозного Бога Авраама и Исаака, требовавшего кровавых жертвоприношений; Бога, готового уничтожить человечество, если оно прогневает Его, подобно фермеру, опрыскивающему свои посевы карбофосом, чтобы избавиться от нашествия вредителей.

С этими мыслями, смутно бродившими в голове, Мириам присмотрелась к вырезке.

> Белый дом объявил, что президент выступит с обращением к гражданам на фоне слухов о прорыве в коммуникации с так называемым инопланетным космическим кораблем на земной орбите.
>
> С похожими заявлениями выступили также лидеры других ведущих мировых

держав, в том числе президент России Юденич и премьер-министр Великобритании Уокер.

Эти заявления привели к обвинениям в сокрытии информации. Выступая перед конгрессом, республиканский партийный организатор Роберт Мэйхью обвинил президента в…

Мириам вздохнула и отложила клочок газеты. В этот день новости, особенно политические, не доставляли ей удовольствия. Положив очки на стол, она протерла глаза.

Кухонный стол серьезно пострадал от ее работы. Вырезая ту или иную заметку, она порой чересчур усердствовала, и ее бритвы кромсали пластмассу, иногда сдирая целые куски. Стол напоминал разделочную доску мясника, о чем Мириам жалела. В остальном кухня была весьма чистой. Мириам всегда считала, что кухня должна быть чистой.

Она снова надела очки и поднесла к глазам альбом для вырезок.

Текущий том был десятым. Остальные девять были сложены в буфете у стола. На верхней полке хранились поваренные книги и баночки со

специями, на нижней — ее труды.

После ухода из школы — Око Божье появилось вскоре после этого — Мириам не потребовалось много времени, чтобы понять: в мире она одинока. В Бьюкенене у нее не было друзей, и даже в церкви ее считали чудаковатой. Из родни остался лишь отец, да и тот доживал свои дни в доме престарелых «Маунт бейливик». Он говорил несвязно и страдал недержанием, но Мириам навещала его каждый день и говорила с ним, хотя его глаза всегда были подернуты пеленой безразличия. Рассказала она и о своем проекте.

— Я начала делать вырезки из газет, — сообщила она, изо всех сил стараясь обнаружить на отцовском лице удивление или неодобрение. Ничего подобного. Небритый, он сидел на кровати и смотрел на Мириам тем же пустым взглядом, что и на телевизор, будь то до ее прихода или после.

— Мне кажется, это мое призвание, — осмелев, продолжила она. — Не могу объяснить почему. Меня никто не заставлял этим заниматься. Я собираю все газетные заметки об Оке Божьем и наклеиваю в альбом. Кто-нибудь найдет их и поймет, что произошло. Не знаю, чем все это закончится и кому нужно будет об этом напоминать. Но я должна это делать.

Раньше папа отвечал ей, высказывая своей мнение по поводу «проектов» Мириам — почти всегда пренебрежительное. Мириам очень редко соответствовала папиным ожиданиям.

Но инсульт отбил у него все ожидания. Мириам могла говорить и делать все, что пожелает, прямо у него на виду.

Ей захотелось уволиться, когда директор Клей обвинил ее в фанатизме. Она уволилась. Ей захотелось завести альбом для вырезок. Она его завела.

Она сняла с полки первый том. Ему было чуть больше года, но газетная бумага внутри уже пожелтела и стала хрупкой.

Все вырезки были из «Обсервера», большинство — с пометками «Юнайтед-пресс интернэшнл» или «Рейтерс». Мириам могла бы добыть больше, если бы воспользовалась портлендской газетой или сходила к Даффи за «Нью-Йорк таймс». Но она не ставила целью наклеить *больше*. Нужно было наклеить *в достаточном количестве*.

В НАСА УДИВЛЕНЫ ПОЯВЛЕНИЕМ ОБЪЕКТА В НЕБЕ

Первая вырезка, пробуждавшая у Мириам самые теплые воспоминания. Она перевернула

страницу.

«НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВРАЖДЕБНЫЙ», — ЗАКЛЮЧИЛИ В ООН
МИР ОХВАЧЕН СТРАХОМ
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В ИОРДАНИИ И АНГОЛЕ

Мириам перевернула сразу несколько страниц.

В НЬЮ-ЙОРКЕ ОТМЕНЯЮТ КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС; ПО СЛОВАМ МЭРА, ПАНИКА ПОЧТИ ПРЕКРАТИЛАСЬ

Целый пласт истории, заключенный в альбомах! Мириам перескочила к третьему тому. Здесь заголовки выглядели менее крикливыми. Значительная часть вырезок была из раздела «Заметки»: так называемые авторские статьи. По мнению Мириам, совершенно бесполезные. Тем не менее она усердно собирала их.

САГАН: РАЗУМНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ

НЕИЗБЕЖНА

Астроном и популярный писатель Карл Саган утверждает, что события последнего полугода были «в той или иной форме неизбежны, учитывая гигантскую вероятность возникновения разумной жизни в других уголках галактики. Нужно радоваться, что это случилось на нашем веку».

Саган не считает, что от объекта исходит угроза. «Да, попыток выйти на связь не было. Но подумайте о том, что межпланетное путешествие, должно быть, длилось невероятно долго. Существа, совершившие его, наверняка чрезвычайно терпеливы. Нужно и нам проявить терпение».

Мириам хорошо знала эту песню. Колыбельная, насвистываемая в ночи. Делая вырезки из «Обсервера», Мириам устала от Сагана и прочих экспертов, к которым так охотно обращались журналисты. Очевидно, они были столь же невежественными, как и все остальные. И мнения их были ошибочными.

«Это Око, — была уверена Мириам, — и нужно

ли гадать, кто через него глядит? А раз есть Око, то будет и Длань. Наказующая».

Том шестой. Апрель и май этого года. Очень толстый том.

ИНОПЛАНЕТНЫЕ АРТЕФАКТЫ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ

Лучше всего историю рассказывали фотографии. Вот панорамный снимок так называемого артефакта, одной из ярких крошек, рассыпанных Оком наподобие конфетти или снежинок — всего около двухсот, равномерно рассеянных по миру. Вот более поздние снимки, на них уже не снежинки, а многогранные конструкции цвета обсидиана, нависающие над величавыми городами-ульями — Нью-Йорком, Лос-Анджелесом, Лондоном, Москвой, Мехико, Амстердамом, Йоханнесбургом, Багдадом, Иерусалимом и многими другими, отмеченными на карте мира в газете от 16 апреля. Мрачные октаэдры. Нечеловечески совершенные. Они не летели, не парили, не ныряли, не планировали, не скользили по воздуху. Просто упали, пронзив атмосферу — точно нацеленные капли. С изяществом бабочек приземлились на открытых площадках и замерли там. Никто из них не вышел. После прибытия

октаэдры стояли и отбрасывали длинные тени, ничего больше.

Мириам полагала, что господин Саган по-прежнему призывал к терпению.

Если не само Око, то как минимум эти Пальцы Божьи влияли на жителей Бьюкенена. Мириам видела, что люди стали воспринимать Око как нечто обыденное. Так бывает с любыми объектами, которые ты видишь изо дня в день. Но Пальцы были посланием. Они как бы говорили: «Да, у меня была причина прибыть сюда. Нет, я с вами еще не закончил. Я никуда не тороплюсь, и вы ничего мне не сделаете». Непреложная истина, нарушавшая глупую радость соседей Мириам, истина, заставлявшая пригибать голову гордецов и приглушавшая голоса власть имущих. До Бьюкенена стало наконец доходить, что близится конец времен или нечто вроде того и что будущее непредсказуемо.

Мириам раскрыла десятый том на первой пустой странице и, сделав пару мазков клеящим карандашом, купленным все в том же магазине Делайла, наклеила заметку «АНОНСИРОВАНО ОБРАЩЕНИЕ ПО ПОВОДУ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ».

Она надеялась, что на этот день с «Обсерве-

ром» покончено. Мириам устала. Она накупила продуктов на неделю вперед и была совершенно измотана, возможно, даже слегка температурила, чувствовала легкое головокружение. Кассирша «Делайла» трижды чихнула в платок, пока Мириам покупала бритву. Мириам расплатилась долларовой банкнотой и теперь беспокоилась, не подхватила ли заразу со сдачей. Как там называется эта болячка? Тайваньский грипп? Этого еще не хватало… времена и без того предстоят тяжелые.

Но Мириам была ответственной и не сразу отправилась спать. Она перелистала газету и, щурясь сквозь очки, просмотрела каждую статью. На первых страницах для ее альбома ничего не нашлось. Она не без удовольствия отметила, что «Пердис», большой универмаг в торговом центре «Ферри-Парк», прекратил давать рекламу под заголовком «БЕЗУМИЕ НОВОЙ ЛУНЫ» с дурацкой карикатурой на Око Божье, глядящее на стиральную машинку «Кенмор». Может, рекламщиков «Пердис» отговорили от этого святотатства. А может, они сами заволновались, как и все. Во втором (и последнем) разделе «Обсервера» Мириам увидела нечто неожиданное.

Некролог ее отца.

Удивляться было глупо. Мириам сама его заказала. Папа был уважаемым инструктором по токарному делу в местном колледже, и Мириам не сомневалась, что его кончина заслуживает упоминания в газете.

Но неминуемая публикация некролога, как и прочие обстоятельства смерти отца, утекли из головы Мириам, как роса стекает с древесного листа.

Теперь она вспомнила все и отметила в календаре дни необходимых встреч: в субботу — с преподобным Экройдом, чтобы обсудить детали поминальной службы. Нужно было зайти к распорядителю похорон в Бруксайде. Уведомить папиных друзей и коллег, которых, впрочем, осталось совсем немного.

Он умер в ночь на понедельник, во сне. Врач из «Маунт бейливик» сказал, что сердце просто остановилось, как уставший от войны солдат, что выбрасывает белый флаг. Но Мириам не присутствовала при кончине отца и до сих пор не могла осознать, что его больше нет.

Больше не будет неприятных молчаливых визитов в его комнату. Больше не будет гадких подозрений, что его душа после инсульта покинула тело и была заменена каким-то дышащим

механизмом.

Папа больше не позовет ее по имени, не стоит и надеяться. Она больше не почувствует запаха его мыла для бритья, не увидит ослепительно-белых накрахмаленных воротников его рубашек.

Не услышит привычного «Мириам, сегодня постарайся сильнее», фразы, что неслась ей вслед каждый раз, когда она уходила в школу, сначала как ученица, потом как учительница.

После инсульта папа превратился в призрака на больничной койке. Смерть поменяла его статус. Когда из «Маунт бейливик» позвонили и сообщили, что его не стало, на Мириам невольно нахлынули воспоминания о разных местах: о доме на Кэмерон-авеню, где они прожили много лет, о ее комнате, кровати и книгах, о колыхании кружевных занавесок, когда она открывала окна летними вечерами.

Она не вспоминала об этом уже тридцать лет.

После смерти папа стал одной из этих забытых и утраченных вещей.

«О нем скорбит его дочь Мириам», — говорилось в некрологе. Но это было полуправдой. Все неоправданные надежды, что терзали ее, когда она приходила в больничную палату, все это тоже покинуло ее. Она искренне оплакивала

его в ночь смерти… но с тайным облегчением и глубоко запрятанным детским ликованием.

Эти чувства она, разумеется, держала при себе.

Но Око, безусловно, видело все.

Мириам положила искромсанную газету поверх стопки, которой предстояло быть выброшенной. Десятый том занял свое место на полке.

Она налила себе чаю. Солнце опустилось совсем низко. Небо было прозрачно-чернильным, и Око уже заглядывало в большое заднее окно.

Мириам задернула шторы.

Включив телевизор, она посмотрела вечерние новости по портлендскому кабельному каналу. Ведущие, мужчина и женщина, казались детьми. Вырядившимися по-взрослому. А где были сами взрослые? Наверное, умерли.

Тыльной стороной ладони она потрогала лоб.

«И правда температура, — подумала Мириам. — Небольшая — уж точно».

Погасив свет, она проверила, заперта ли дверь, и отправилась спать.

Потом уснула, едва натянув на плечи одеяло.

Лишь однажды она пошевелилась во сне — после полуночи, когда мимо дома промчался мотоцикл Джоуи Коммонера. Сквозь рев двигателя едва можно было расслышать смех Бет

Портер.

Мириам повернулась и, как только шум стих, снова уснула. Но сон ее не был глубоким.

Ей снилось кладбище Бруксайд.

На закате, когда Мириам Флетт с отсутствующим видом листала многочисленные тома своего труда, Бет Портер стояла на южной стороне парковки универмага «Ферри-Парк», хлюпая носом и дожидаясь Джоуи Коммонера.

Она сомневалась, стоило ли вообще приходить. В кожаной куртке было жарко, да и выглядела она глупо. Лучше бы, наверное, отлежаться дома. Она ведь больна. Доктор Уилер так сказал.

На парковке не было машин — одинокое пустое пространство, озаренное голубоватым светом уходящего дня.

Воздух все еще был жарким, но небо уже сделалось мрачным и бесцветным: значит, к полуночи с моря подует прохладный ветерок.

Бет взглянула на часы. Конечно, он опаздывал.

«Говнюк ты, Джоуи Коммонер! — подумала она. — А ну живо сюда!»

Но она не знала, что делать, когда он приедет.

Послать его на хрен?

Может быть.

Поехать с ним кататься?

Может быть.

В Бруксайд? В ночи, на мотоцикле, с баллончиком краски, который она купила только потому, что он ее попросил? Ну… ну… может быть.

Спустя десять минут она услышала, как его мотоцикл с ревом повернул с шоссе.

Он промчался по парковке, резво петляя и наклоняя мотоцикл так, что едва не задевал локтями асфальт.

На нем были черный шлем и черная футболка. Футболка из сувенирного магазина Ларри в гавани. Заведение Ларри считалось наркоманским, пока несколько лет назад все его прибамбасы не попали под запрет. Никаких больше бульбуляторов, никаких пособий по выращиванию травки. Теперь у Ларри продавались кожаные брюки, футболки с крикливыми изображениями хеви-метал-групп, и только латунные ременные пряжки в форме листьев марихуаны напоминали о былом.

На футболке Джоуи Коммонера был изображен кричащий неоновый череп в куче кроваво-красных роз. Бет не знала названия группы, которую символизировал рисунок. Она не слушала метал и не интересовалась мертвецами. Да и Джоуи тоже. Девушка готова была побиться об заклад,

что он купил эту футболку лишь из-за рисунка. Он любил такие картинки.

Он остановился в ярде от нее, не заглушив ревущий и чихающий двигатель. Сочетание футболки и шлема показалось Бет причудливым. Шлем был черным, глянцевым, с зеркальным забралом. В нем Джоуи напоминал какое-то насекомое. Не видя лица, человек невольно обращал внимание на футболку. На череп.

Джоуи снял шлем, и Бет расслабилась. Прежний Джоуи. Длинные светлые волосы под шлемом свалялись, но первый же порыв ветра растрепал их над плечами. Ему было девятнадцать, но выглядел он младше. Круглые щеки и задержавшиеся подростковые угри. Джоуи очень хотелось выглядеть опасным парнем, но природа не желала содействовать ему в этом. Природе было угодно, чтобы дерзость Джоуи выглядела капризностью, а враждебность — обидчивостью.

Он стоял, зажав мотоцикл между ног, ожидая, что скажет Бет. За его спиной заходило солнце.

Бет вдруг почувствовала, что ее сердце бешено колотится, словно она перебрала кофе. Голова слегка кружилась. Она нервничала.

— По телефону мне показалось, что ты сердишься, — начал Джоуи, почувствовав, что тишина

затянулась.

Бет вспомнила все оскорбления, которые придумала с тех пор, как вышла от доктора Уилера. Но красноречие покинуло ее. Она перешла сразу к делу:

— Ты мне трипак подкинул, ублюдок!

Удивительно, но он улыбнулся:

— Гонишь?

— Не гоню, на хрен! Ты меня заразил!

Он переварил информацию.

— То-то я думал… — произнес он с той же нагловатой улыбочкой.

— Чего ты думал?!

— Ну, мне немного больно…

— Что больно?

— Когда я ссу, — ответил он тоном двенадцатилетнего мальчишки.

Бет закатила глаза. Безнадежен, абсолютно безнадежен. «Мне больно, когда я ссу». Какого хрена! Что теперь, жалеть его?

— Джоуи, с кем ты трахался?

— Ни с кем! — обиженно воскликнул он.

— Ни с кем? А трипак от кого подхватил?

Он задумался.

— В прошлом году, — вспомнил он, — мой двоюродный брат возил меня в одно заведение. В

Такоме.

— Заведение? Бордель, что ли?

— Вроде того.

— Бордель в Такоме?

— Ну да. Нам обязательно это обсуждать?

Бет поняла, что все время переспрашивает его и едва не повторила последнюю фразу: «Нам обязательно это обсуждать?» Тогда она собрала в кулак остатки самообладания:

— Джоуи, ты трахнул проститутку в Такоме и заразил меня гонореей. Я зла на тебя.

— Тогда мы с тобой еще не встречались, — оправдался он и добавил нехотя, как показалось Бет: — Прости.

— За «прости» лекарств не купишь. — Она отвернулась. — Это мерзко.

— Прости. Ладно? Что мне еще сказать? Прости. — Он сдвинулся вперед на сиденье «ямахи». — Залезай.

Ей хотелось ответить «нет». Слишком просто все выходило. Нельзя, чтобы он отделался одним «Прости. Залезай».

Или все на самом деле было просто и он мог этим отделаться?

Она почувствовала, как внутри, в пустоте, перевернулось что-то тяжелое.

— Краску купила? — спросил Джоуи.

Пакет в руке выдавал ее. Она протянула его Джоуи.

— Отлично.

Он стал выжимать стартер, пока мотор не заревел на высоких оборотах. Надел шлем. Второй шлем был прицеплен к мотоциклу. Бет надела его на голову, заправив волосы.

Садясь на мотоцикл, она вдруг почувствовала прилив радости… загадочный, опьяняющий восторг от совершения дурного поступка. Она совершала серьезную ошибку и делала это намеренно.

— Живее. — Голос Джоуи был приглушен забралом и тонул в реве мотора. — Почти стемнело.

Она крепко обхватила мотоцикл ногами, а руками вцепилась в плоть и кости его бедер.

От него пахло кожей, машинным маслом, потом и ветром.

Бет вспомнила болтовню с одноклассницами, жаркие телефонные разговоры, неизбежный вопрос: «А ты его любишь?» Этот же вопрос звучал сейчас в ее голове, по-девчачьи звонко и стыдливо. «А ты его любишь, любишь его, любишь?»

Сперва она подумала, что сама мысль об этом была нелепой, даже оскорбительной. Любить

Джоуи Коммонера? Эти слова плохо вязались друг с другом. Бет казалось, что любить его совершенно невозможно, это все равно что любить… ну, подвязочную змею, например, или рыболовный магазин, или банку машинного масла. То, что может нравиться только непривередливому мальчишке.

Но это был неполный ответ. Если бы ее на самом деле спросили, честным ответом было бы что-то вроде: «Да, я его люблю… но только время от времени и сама не знаю почему».

Она познакомилась с ним в прошлом году, когда только начала работать в «Севен-Илевен» на шоссе. Бет поделила покупателей на пять основных типов: маленькие дети, школьники, семьянины из пригорода, байкеры и «Питы-из-пикапа» — мужики, которые ездили на пикапах со странными прибамбасами, трубчатыми рамами, рядами фар, похожих на киношные прожекторы, и, кажется, никогда не снимали кепок. Джоуи не подходил ни под одну из этих категорий, даже под «байкера». Его мотоцикл не был мощным и предназначенным для долгих путешествий, и он не тусовался с другими байкерами. Он всегда приезжал один и закупал еду для перекуса — как правило, ведра мороженого и замороженные

пироги, — и почти исключительно по пятницам. Бет уже запомнила, когда его ждать.

В одну из пятниц он поругался с Питом-из-пикапа, который припарковал свою махину впритирку с «ямахой» Джоуи. Мотоцикл не пострадал, в отличие от гордости и самолюбия Джоуи. Он обозвал водителя пикапа «мудаком косоглазым», произнеся эти слова так громко и с такой желчью, что Бет четко услышала их через окно у кассы. Ответ водителя был неразборчивым, но, очевидно, грубым.

С удивлением и интересом Бет наблюдала, как Джоуи бросился на мужика раза в два старше и тяжелее его. Она подумала, что это самоубийство. Парень совсем слетел с катушек. Но он был стремительным, как ураган.

Когда Бет вспомнила о существовании кнопки вызова ночного администратора, поединок уже закончился.

Джоуи, ясное дело, проиграл.

Ее смена закончилась в полночь. Он по-прежнему сидел на разбитом тротуаре. Из расквашенной верхней губы на дорожную пыль капала кровь. В бело-зеленом свете вывески «Севен-Илевен» капли выглядели призрачными и неестественными, словно кровь инопланетянина.

Бет сама не знала, зачем остановилась с ним поговорить. Даже тогда это казалось неудачной затеей.

Но, как множество неудачных затей, она привела к серьезным последствиям. Бет остановилась и открыла рот:

— Сегодня без мороженого?

— Видела этого чувака? — Джоуи угрюмо посмотрел на нее.

Бет кивнула.

— Ну и жирный же. — Джоуи передернуло от отвращения. Впоследствии Бет узнала, что это один из пунктиков Джоуи: он терпеть не мог толстых.

— Ага, — ответила Бет. — Жирный. — Она припомнила, что водитель тоже был постоянным клиентом. Его джинсы всегда свисали, приоткрывая щель между ягодицами. — Противный, — добавила она.

Во взгляде Джоуи мелькнула сдержанная признательность.

Позднее Бет поняла, что тем вечером ей открылись обе стороны Джоуи Коммонера. Во-первых, Джоуи-опасный, тот, что назвал здоровенную мясную тушу «мудаком косоглазым» и накинулся на него, как обезумевшая мартышка на носорога.

У Джоуи были острые ногти и колени, он был полон ярости, и Бет сперва даже испугалась за здоровяка.

Во-вторых, Джоуи-уязвимый, Джоуи-ребенок. Тот, что истекал кровью на тротуаре.

Бет захотелось по-матерински понянчиться с ним и отдаться ему. От этой комбинации ей почудилось, что тротуар кружится перед глазами.

— Подкинешь меня до дома? — спросила она.

— Чего?

— Подкинь меня, а я тебе раны обработаю. У меня есть пластырь и всякое такое. Я Бет Портер.

— Знаю. — Он забрался на мотоцикл. — Наслышан о тебе.

«Вот облом», — подумала Бет.

Это повторялось регулярно. Она уже привыкла, но слышать такое все равно было больно. Но Джоуи сдвинулся ближе к рулю.

— Залезай, — сказал он. Скрыв удивление, Бет поспешно залезла на мотоцикл и почувствовала между ног крепкое кожаное кресло. — Джоуи Коммонер, — представился парень.

— Привет, Джоуи.

Вжжж!

Этим вечером он вез ее на юг по шоссе, через мост над рекой Литл-Данкан. Свернув с магистра-

ли, он развернулся и помчался к реке через район недостроенных каркасных домов. Наконец он остановился. Бет соскочила с мотоцикла. Джоуи заглушил мотор и покатил железного коня по набережной, спрятав его за бетонными опорами моста.

Здесь почти не было ветра. Бет слышала, как вдоль набережной стрекочут цикады.

Литл-Данкан бежала по каменистому руслу к морю. На юге, за полями, за вышками гидроэлектростанции, огни домов казались недостижимыми, будто там проходила граница цивилизованного мира. Севернее реки росли сорные травы и виднелись грязные парковки придорожных заведений. На востоке река Данкан врезалась в подножие горы Бьюкенен. На западе было кладбище.

Джоуи, как и большинство выпускников старшей школы южного Бьюкенена, знал, что, если проследовать вдоль Литл-Данкан за скалистый склон, сквозь заросли мокрицы, можно попасть на кладбище Бруксайд после закрытия.

Джоуи достал из пакета баллончик вишневой краски, смял пакет и выбросил его в освещенный луной речной поток.

Бет последовала за ним вдоль берега. Она до-

статочно хорошо знала Джоуи, чтобы понимать: болтовня окончена. Пришло время двигаться.

Джоуи был для нее вместилищем движений, он и думал-то в основном телом. Ей пришлось постараться, чтобы не отстать от него среди сорняков и камней, по пути к травянистой окраине кладбища. Джоуи двигался с лихорадочной торопливостью. Будь его движения мыслями, они, по мнению Бет, были бы необычными — стремительными, бессвязными, непредсказуемыми.

Может, они были бы снами. Даже Бет эта ночь начала казаться сном. Артефакт висел в небесах, как огромная молодая луна. В этот день он имел слегка желтоватый оттенок, как Луна в день осеннего равноденствия. Артефакт пугал Бет, как и всех, но в то же время внушал ей необъяснимый трепет. Вися у нее над головой, озаряя своим светом коротко подстриженную траву и надгробия, Артефакт олицетворял собой отторжение всего спокойного и безопасного. Люди проживали свои бестолковые жизни в своих дурацких домах, а эта новая луна прилетела для напоминания о том, что они живут на краю бездны. Она лихо закрутила привычную жизнь. Поэтому все ее ненавидели.

Джоуи оторвался от Бет. Он шел под сенью де-

ревьев, поднимаясь к трем каменным мавзолеям, где самые знатные семейства Бьюкенена раньше хоронили своих усопших. Драгоценные тела не зарывали в землю, а укладывали в каменные саркофаги. Бет это казалось вдвойне жутким. Как-то раз жарким весенним вечером она сквозь тонкую щелочку заглянула в один из темных мавзолеев, постройку размером с гараж, на которой была выбита фамилия Йоргенсон. В мавзолее было холодно, как зимой. В лицо ей будто дохнул ледяной воздух.

«Должно быть, там всегда зима», — подумала она и отпрянула с дрожью, с инстинктивным трепетом.

Джоуи, не испытывавший никакого трепета, поднес баллончик с вишневой краской к стене и нажал на клапан.

Он работал быстро. Бет отошла подальше и наблюдала. Подобно машине, печатающей неподдающийся расшифровке код, он изрисовал восточную стену мавзолея невозможной смесью слов и символов. Символы были общеизвестными, но Джоуи как бы делал их своими собственными: свастики, черепа, звезды Давида, кресты, анхи, знаки мира. Бет не знала, что все это значит для него. Может, ничего. Акт чистого, бес-

смысленного вандализма. Шипение баллончика напоминало шелест листьев на ночном ветру.

Затем он перешел к надгробиям, помчавшись вдоль склона так быстро, что Бет пришлось перейти на бег, иначе она отстала бы. Джоуи перечеркивал имена и даты красными крестами, то и дело останавливаясь, чтобы нарисовать череп или знак вопроса. В свете Артефакта краска на холодных бледных плитах казалась темнее — коричневой или даже черной.

Бет подумала, что для него это как секс. Резкие движения. Эякуляция краски.

Мысль показалась ей забавной, но Бет была ближе к истине, чем думала сама. Когда баллончик опустел, Джоуи метнул его в небо — может быть, метя в Артефакт. Баллончик взлетел высоко и бесшумно упал в траву среди могил. Бет подошла к Джоуи и, когда он обернулся, заметила сквозь его джинсы эрекцию. Она вздрогнула от возбуждения и отвращения одновременно.

Он толкнул ее в траву на границе леса. Она покорно упала. Было поздно, рядом не замечалось никого, а воздух казался пугающе наэлектризованным. С океана дул прохладный ветер, принося густой запах ночи и соли. Бет позволила Джоуи задрать ей юбку. Склонившись над ней, он

казался бесформенным, словно нечто, упавшее с небес. Она приподнялась, давая ему стянуть трусики. Он шумно и отрывисто дышал. Его член был твердым и холодным, как сама ночь. Первую минуту было больно. Потом нет.

Этого она от него хотела? Поэтому привязалась к Джоуи Коммонеру, как алкоголик к бутылке?

Нет, не только. Не только этого толчка, краткого забвения и липкого окончания.

Джоуи был опасен.

Она хотела его — не вопреки этому, а именно поэтому.

Эти мысли беспокоили ее, и она позволяла их себе только в минуты спокойствия, которые наступали после секса.

Он натянул штаны и сел рядом с ней. Вдруг устыдившись своей наготы, Бет расправила юбку. Трахаться на кладбище. Боже мой.

Она посмотрела туда же, куда и Джоуи. С холма были видны огни центра Бьюкенена и мерцающая рябь моря.

— Как-нибудь натворим серьезных дел, — сказал Джоуи.

Он часто так говорил. Бет понимала, что он имеет в виду. Что-то действительно опасное. Что-то действительно плохое.

— Мы с тобой, — сказал он, обнимая ее за плечи.

«Он как дикий зверь, — думала Бет. — Дикий жеребец. Мустанг, который позволил тебе объездить его и кататься на нем по ночам. По всяким диким местам. На край обрыва».

Она закрыла глаза и представила. Представила, как скачет на Джоуи-мустанге на вершину крутого известнякового холма. Далеко внизу — пустыня. Ночь полна звезд, как и сейчас. Вокруг ни души, только Бет, ее дикий жеребец и головокружительная бездна.

Она пришпоривает его пятками.

И он прыгает.

Позже они заметили фары маленькой машинки для гольфа, на которой сторож объезжал кладбище по ночам, и сбежали вниз по холму, мимо могил, через заросли мокрицы, к темному оврагу, на дне которого текла река. Бет показалось, что она слышит удивленные возгласы сторожа, обнаружившего изуродованные памятники, — но, вероятно, лишь показалось. Однако мысль позабавила ее, и она рассмеялась.

Джоуи погнал мотоцикл мимо домов со спящими людьми, петляя по извилистым окраинным улочкам Бьюкенена… мимо дома Мириам Флетт,

которая повернулась в кровати от шума мотора и дикого хохота Бет Портер и подумала сквозь сон о том, каким чудны́м стал город в последнее время.

Глава 3. Машины

Джим Бикс был некрасив, как, по слухам, был некрасив президент Линкольн. Исключительно, в величайшей степени.

У него было вытянутое, покрытое оспинами лицо. Его глаза, когда он сосредотачивал все свое внимание, напоминали яйца пашот, уложенные в чашки из кожи и кости. Стрижка ежиком подчеркивала уши, торчавшие на первый взгляд как ручки кувшина, а на второй — как ручки детсадовского горшка или творения гончара, страдающего тремором.

Это лицо не могло скрывать эмоций. Когда Джим Бикс улыбался, вам хотелось улыбнуться в ответ. Когда он усмехался, вам становилось смешно. Мэтт знал, что Джим прекрасно понимал свою бесхитростность и стеснялся ее. Он не играл в покер. Лгал редко и всегда безуспешно. Однажды Мэтт своими глазами видел, как Джим попытался солгать: взял на себя вину за разбитую антикварную статуэтку Лиллиан, прикрывая истинного виновника — их собаку, которую Лиллиан терпеть не могла. Его ложь была такой несвязной, заведомо выдуманной и очевидной

для окружающих, что все, включая Лиллиан, расхохотались. Не смеялся только сам Джим. Он раскраснелся и стиснул зубы.

Короче говоря, сложно было представить свидетеля надежнее, чем Джим Бикс. Мэтт держал это в уме, когда слушал рассказ друга. Из уст кого-нибудь другого рассказ прозвучал бы невероятно. Абсурдно. Но из уст Джима…

Доверие — самый осторожный судья — воздержалось от вердикта.

Тем августовским вечером Мэтт открыл дверь в четверть двенадцатого, чтобы впустить своего некрасивого и простодушного друга, который по совместительству был еще и одним из самых дотошных гистологов, встречавшихся Мэтту. Джим согласился выпить кофе и уселся на диван в гостиной. В нем было метр девяносто от пят до торчащих волос, и обычно он выделялся в любом помещении, но тем вечером, как показалось Мэтту, Джим будто сжался, ссутулился, а его лицо обвисло от тяжелых мыслей. Он молча взял чашку с кофе и крепко обхватил ее ладонями.

Мэтт списал это на усталость. В начале года больницу Бьюкенена сертифицировали как региональный центр травматологии. Для администрации новость была хорошей — повышались

престиж и финансирование. А вот реакция персонала оказалась смешанной. С одной стороны, они получили все необходимые технические новшества — респираторы, бронхоскопы, новую палату реанимации в педиатрическом отделении. С другой стороны, теперь им предстояло иметь дело с тяжелыми пациентами, которых прежде направляли в Портленд. В отделении гистологии работы прибавилось в разы, а новых сотрудников не появилось. Вот уже два месяца Джим работал сверхурочно, почти до самой ночи. Разумеется, он сильно уставал.

Рэйчел уже отправилась спать, шторы были задернуты, и в доме стояла неуютная тишина. Джим откашлялся.

— Как дела у Лиллиан? — спросил Мэтт, скрывая их сегодняшнюю встречу.

— Вроде нормально, — ответил Джим. — Потихоньку. — Он пригладил ежик волос своей лапищей. — Давненько мы вас с Энни не видели.

— Чертов график. Что наш, что ваш. Надеюсь, в пятницу придете?

— Какая еще пятница?

— Эта пятница. У меня вечеринка. Я еще на прошлой неделе предупреждал.

— А, точно. Извини, Мэтт. Да, постараемся

быть.

— Выглядишь пришибленным, — заметил Мэтт, и Джим не возразил. — Дело серьезное?

Джим кивнул.

— Тогда выкладывай. И пей свой чертов кофе, пока не остыл.

— В больнице какая-то дрянь творится, — сказал Джим. — Но меня никто не слушает.

По его словам, все случилось очень быстро.

Началось с понедельника. Джим получил пару жалоб от врачей из-за странных результатов анализов крови. Общие анализы, предметное стекло, эритроциты, лейкоциты. У пациентов с подозрением на анемию был чересчур низкий гемоглобин.

Кровь взяли заново, заказали новый анализ, Джим пообещал лично за всем проследить.

— Все было кошерно, я убедился. Но результаты… оказались хуже.

— Намного? — спросил Мэтт.

— Такие цифры нельзя показывать врачу. Что я должен был сказать? «Доктор, извините, но, согласно анализам, ваш пациент мертв»? А пациент в это время сидит у себя дома и смотрит

«Дни нашей жизни»[5]. Хуже всего то, что парой образцов дело не ограничилось. Теперь у нас везде такие бредовые результаты. Гематология, гемостаз, иммунологическая реакция, тесты на группу крови. Невозможно проводить анализы. Каждый раз какие-то марсианские цифры.

— Проблема в лаборатории? — предположил Мэтт.

— Что это за проблема, если из-за нее все анализы испорчены? Вот и мне ничего в голову не приходит. Хотя я думал. Я поговорил со старшим ординатором, и мы решили передать самые важные исследования в другие лаборатории, пока не выясним, в чем проблема. Хорошо, мы это сделали. С тех пор прошло два дня. Мы все проверили. Вентиляцию на предмет неизвестных микробов. Качество стерилизации. Возможные замыкания в электросети. Все продезинфицировали. Провели анализ образца цельной крови из морозильника. Показатели в пределах нормы.

— То есть проблема решена?

— Вроде бы. Но у меня остались сомнения. Поэтому мы взяли свежую кровь у абсолютно здо-

---

[5] Примечания: 5

«*Дни нашей жизни*» — американская мыльная опера, выходящая с 1965 г., один из самых длинных телесериалов в истории (свыше 14 000 серий).

рового человека, посчитали тельца, гемоглобин, ретикулоциты, фибриноген плазмы, тромбоциты, сделали одноступенчатый количественный тест…

— И там снова ерунда? — догадался Мэтт.

— Не просто ерунда, — ответил Джим. — Такая дичь, будто мы исследовали стылую колодезную воду.

Мэтт почувствовал испуг, словно чья-то холодная рука погладила его по шее.

Если появилась новая патология и она распространилась настолько, что встречалась во всех анализах крови, проведенных Джимом… почему она не попалась больше никому?

— А что с анализами, которые вы отправили в другие клиники?

— Нам их не вернули. Мы обзвонили частные лаборатории. Говорят, извините, но результаты, кажется, недостоверные. Спрашивают, не были ли образцы повреждены или загрязнены во время перевозки. В это время старшему ординатору звонят из больницы Астории, спрашивают, не заметили ли мы странностей с гемограммами? Потому что они заметили. И в Портленде тоже.

— Господи, — выдохнул Мэтт.

— Так обстоит дело на сегодня. Конечно, все с

ума сходят. До центра по контролю за заболеваниями не дозвониться. После обеда я взял еще один свежий образец и сунул под микроскоп — посмотреть, не изменилось ли что-нибудь. Ага. Появились чужеродные тельца, которых я никогда прежде не видел.

Мэтт отставил чашку, которая уже успела остыть у него в руках.

— Чужеродные тельца? Вирусы, что ли? Или бактерии?

— На стекле похожи на тромбоциты. Примерно того же размера.

— А это точно не тромбоциты? Может, просто деформированные?

— Я не идиот. Они не агрегируют. И окрашены иначе…

— Я не сомневаюсь в твоей компетенции.

— Да ладно, валяй, черт с тобой. Я бы на твоем месте усомнился. Главная странность в том, что еще вчера этих организмов там не было. То ли они так быстро размножаются, то ли просто прятались.

— Ума не приложу, что это может быть. Другое дело, если бы ты исследовал кровь пациентов с патологиями, но… твои доноры ведь здоровы?

— Насколько я могу судить, ни у кого нет при-

знаков заболевания.

— Как это возможно? Лейкоциты низкие?

— Лейкоцитов вообще нет.

— Бред какой-то.

— Вот и я о том! Это очевидно! Я уже достаточно об этом наслушался. Если тебе нужны разумные объяснения, это не ко мне.

— Получается, что тельца безвредны?

— Ничего подобного я не говорил. В этом я как раз сомневаюсь. Ситуация развивается. Мне страшно, аж оторопь берет. Знаешь, что еще я заметил? Похоже, у всех сейчас насморк. Мэтт, у твоих пациентов тоже? Вроде бы ничего серьезного, но все до одного хлюпают носом. Зайди в людное помещение и пересчитай носовые платки. Загляни в аптеку. Все безрецептурные средства от насморка смели с полок. Мой фармацевт говорит, что даже аспирин почти закончился. Совпадение?

— Боже правый, — произнес Мэтт. — У меня в ванной есть полупустой флакон спрея от насморка.

— Ага, — кивнул Джим. — У меня тоже.

Энни шмыгала носом на работе. Лиллиан тоже. И Бет Портер.

И Рэйчел. Господи, Рэйчел.

Мужчины посмотрели друг на друга, не сказав ни слова, испытывая одни и те же страхи.

— Что тебе нужно от меня? — спросил Мэтт.

— Просто хотел поговорить. Все, с кем я общаюсь в больнице, весь персонал, либо хотят мгновенно найти решение, либо вообще не хотят об этом слышать, и точка. А еще я хочу выпить. Не этого дрянного кофе.

— Пойду откупорю бутылку, — предложил Мэтт.

— Спасибо. — Джим, показалось, на миг расслабился. — Знаешь, почему я на самом деле пришел к тебе?

— Почему?

— Потому что ты — один из немногих здравомыслящих людей на планете.

— Ты что, уже принял по дороге?

— Я серьезно. Всегда считал тебя таким. Мэтт Уилер, человек разумный. Вслух не говорил. Но лучше поздно, чем никогда.

«Лучше поздно, чем никогда». Это прозвучало многозначительнее, чем, наверное, предполагал Джим. Мэтт не остановился на пути к бару, но на всякий случай спросил, как можно спокойнее:

— Думаешь, мы все умрем?

— Возможно, — ответил Джим Бикс.

За разговором каждый выпил по несколько стаканов. Они вновь и вновь обсуждали одно и то же, избегая конкретных выводов, выдвигая гипотезы, косвенно проверяя таким образом степень легковерности каждого. Дошло до того, что захмелевший и уставший Джим произнес слово «машины».

— Машины? — Мэтт решил, что неправильно понял друга.

— Слышал про нанотехнологии? Сейчас научились перемещать атомы, делать крошечные механизмы, рычажки и прочее.

— У тебя есть повод считать, что эти твои частицы — наномашины?

— Кто знает? С виду на механизмы не похоже, на клетки — тем более. Больше всего напоминает черные подшипники. Ядра нет, митохондрий нет, внутреннюю структуру с больничным оборудованием не рассмотреть. Вот бы посмотреть, что найдут в какой-нибудь продвинутой лаборатории. — Джим слабо улыбнулся. — Шестеренки и рычажки. Зуб даю. Или даже крошечные компьютеры. Миниатюрные субатомные микросхемы, выполняющие алгоритмы с помощью нуклеотидов. Или то, что мы вообще неспособны увидеть. Микросхемы размером меньше электрона. Ма-

шины из нейтрино, соединенные глюонами.

Он безрадостно усмехнулся.

— По-моему, твоими устами вещает Джек Дэниелс, — заметил Мэтт.

— У пьяного есть два преимущества. Во-первых, ты можешь нести чепуху. Во-вторых, говорить очевидные вещи.

— И что тут очевидного?

— То, что все это наверняка связано с непонятной хреновиной в небесах.

«Может быть», — подумал Мэтт. Но на Артефакт уже успели свалить все, начиная с жаркой погоды и заканчивая опрелостями у детей, и он не спешил вставать на эту точку зрения.

— Доказательств нет…

— Я знаю, как выглядят заболевания органического свойства. Тут совсем другая картина. Мэтт, эти штуки не развились за несколько месяцев. Речь идет о паре дней. Можно сказать, о нескольких часах. Да, бактерии размножаются так же быстро. Но будь это бактерии, мы бы все уже померли.

Если это было так…

— Нет, — ответил Мэтт. — Не-а. Не хочу даже думать об этом.

— Не ты один.

— Серьезно. Это слишком страшно. — Он стыдливо уставился в стакан. — Я не отвергаю того, что ты мне рассказал. Но если это связано с Артефактом, если эти штуки уже внутри нас, то это конец. Они получат все, что хотят. Мы бессильны.

Повисла тишина. Затем Джим опустил стакан на журнальный столик и выпрямился:

— Извини, Мэтт. Я поступил дерьмово. Приперся и вывалил на тебя свои проблемы. Нехорошо вышло.

— Предпочитаю испугаться, чем оставаться в неведении, — ответил Мэтт. Час был уже поздний. Разговор перестал клеиться. Мэтт боялся даже взглянуть на часы; утром у него был прием, не подлежащий отмене, что бы ни случилось. — Пора спать.

— Я пойду.

— Ложись на диване, дурень. Или Лиллиан ждет?

— Я сказал ей, что могу заночевать в кабинете.

— Завтра побудь с ней.

Джим кивнул.

Мэтт достал ему одеяло из шкафа в коридоре.

— Значит, мы по уши в дерьме?

— В точку. — Джим растянулся на диване, положил очки на стол и закрыл глаза. Его некрасивое

лицо было чересчур бледным. — Мэтт?

— Гм?

— Знаешь, чья это была кровь? Свежий образец, который я исследовал под микроскопом?

— Чья же?

— Моя.

Мэтт не просыпался до звонка будильника, смакуя предрассветный сон, в котором потонул рассказ Джима, оставив от себя лишь неясный след. Когда он проснулся, то сразу почувствовал резкую головную боль и вспомнил ужасы, о которых наслушался вчера.

Утро было ясным, солнечным. Мэтт заставил себя принять душ и оделся. Казалось, одежда была сделана из среднезернистой наждачной бумаги. На кухне Рэйчел готовила яичницу. Мэтт посмотрел на тарелку и ограничился этим.

— Ты не заболел? — спросила дочь.

— Нет.

Хотя, возможно, больны были все.

— У нас на диване дрыхнет доктор Бикс. — Рэйчел шмыгнула носом.

— Ему на работу к полудню. Пускай спит. Ему полезно.

Рэйчел вопросительно посмотрела на отца, но донимать расспросами не стала.

Она свято верила в силу домашнего завтрака и всегда вызывалась готовить сама. Это началось, когда Селеста заболела, и продолжилось после ее смерти, когда Мэтт начал поручать завтраки и ужины «Макдоналдсу» и «Пицце-хат» соответственно. Тогда ему казалось, что приготовление завтрака стало для Рэйчел своего рода ритуалом, с помощью которого она выражала свою скорбь по матери. Теперь это вошло в привычку. Но Рэйчел по-прежнему выполняла эту процедуру со всей серьезностью. Даже больше. С грустью.

С прошлого года эта грусть пропитала всю жизнь Рэйчел и была видна в ее походке, в гардеробе, в печальной музыке, которую она слушала на магнитофоне — рождественском подарке Мэтта. В выпускном классе она вдруг превратилась из отличницы в дежурную хорошистку — ее способность к обучению снизилась из-за беспросветного уныния.

Мэтт поковырял яичницу вилкой, пока Рэйчел переодевалась, и снова увидел ее уже у дверей. Она собиралась встретиться с друзьями в супермаркете.

— Ужин в обычное время? — отстраненно улыбнулась она.

— Давай поужинаем в ресторане, — ответил

Мэтт. — В «Дос агилас» или «Золотом лотосе».

Рэйчел кивнула.

— Я люблю тебя, — сказал он. Он часто говорил ей это. На сей раз вышло неуклюже и бестолково.

— И я тебя, папа, — ответила дочь, бросив на него любопытствующий взгляд, и снова улыбнулась.

Улыбка была невеселой и как бы вопрошала: «Разве все так плохо?»

Мэтт решил, что лучше обойтись без слов, и выдавил ответную улыбку — смелую, но неубедительную: «Да, Рэйчел. Плохо — не то слово».

Глава 4. Заголовки

СЛУХИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕРЕВОРОТЕ ОПРОВЕРГНУТЫ

Сегодня представители Белого дома и спикер Комитета начальников штабов выступили с опровержением слухов о готовящемся в стране военном перевороте.

Беспокойство было вызвано необъявленными маневрами воздушных и наземных батальонов в непосредственной близости от Вашингтона. В начале недели оно усилилось после публикации в «Вашингтон пост» документа, якобы полученного в результате утечки данных из кабинета генерала воздушных сил Роберта Осмонда.

В ответ на вопрос, коснется ли президент этих событий в ходе пятничного обращения к нации, пресс-секретарь Белого дома заявила, что тема не нуждается в дальнейших комментариях.

ВАНДАЛИЗМ НА КЛАДБИЩЕ БРУКСАЙД

Полиция расследует масштабный акт

вандализма, совершенный прошлой ночью на кладбище Бруксайд.

Предположительно, вандалы проникли на территорию кладбища ночью и испортили краской несколько памятников. Среди оставленных ими изображений обнаружены свастика и черепа.

Директор кладбища Уильям Спанг сообщил «Обсерверу», что очистка памятников обойдется «очень дорого» и займет по меньшей мере неделю.

Начальник полиции Теренс Маккенна признал, что найти виновных будет нелегко.

«Такие поступки обычно совершают подростки», — заявил Маккенна.

В полиции рассматривают возможность проведения в местных школах мероприятий по разъяснению неприемлемости вандализма.

Мотивы преступления неизвестны.

«ТАЙВАНЬСКИЙ ГРИПП» ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ

По сообщениям Центров по контролю заболеваний в Атланте, в стране идет эпидемия гриппа.

Случаи так называемого тайваньского гриппа отмечены во всех штатах.

Болезнь вызывается неагрессивным штаммом обычного гриппа и считается неопасной.

«Просто запаситесь бумажными платочками», — рекомендовал представитель агентства.

Глава 5. Вашингтон

Когда министр обороны вошел в Овальный кабинет, президент сидел в спокойной, гармоничной позе — локти на столе, пальцы сцеплены под подбородком.

— Хорошо выглядишь, Чарли, — сказал он.

— Вы тоже, сэр, — ответил Чарльз Этуотер Бойл… как показалось президенту, с ноткой искреннего удивления.

Вообще-то, Чарли Бойл выглядел отнюдь не хорошо. На щеках алели пятна, как будто при легкой температуре — она у него и в самом деле была. И он явно нервничал из-за этой вечерней встречи, на которую его, без всяких объяснений, вызвал президент. Чарли Бойл прошел через два оплота невозмутимости — Корпус морской пехоты и банковский сектор — и соблюдал политический баланс, по крайней мере до сих пор, столь же умело, как любой другой член кабинета. Однако внешняя отрешенность лишь подчеркивала внутреннюю борьбу. Привычно холодные голубые глаза то и дело метались налево, будто он искал подсказки у невидимого суфлера. Или мечтал, чтобы этот суфлер там был.

«Вопрос в том, кого он боится, — подумал президент. — Меня или своих ненадежных соратников по заговору?»

— Чарли, — начал президент, — я хочу обсудить твой переворот.

К его чести, министр обороны даже не моргнул.

— Сэр? — спокойно переспросил Чарли.

— Садись, — сказал президент. Чарли сел. — Я не должен называть это «твоим» переворотом. Мне известно, что твоя роль в нем не определена. И я не жду, что ты охотно сознаешься в заговоре против гражданских властей. Это генерал Чейфи внушил тебе, что ты можешь стать временным президентом? Член кабинета, гражданский — идеальный лидер. «Военная хунта» для них звучит плохо, а ты бы добавил им легитимности. — Президент положил руки на стол и наклонился вперед. Жест был агрессивным, империалистическим. — Честно говоря, Чарли, мои осведомители не знают, что́ ты ответил. Знают лишь, что предложение было сделано. И что генерал Чейфи с улыбкой пожал тебе руку.

— Для протокола, — ответил Чарли Бойл, — я все это отрицаю.

— Принято к сведению. Но к делу не относится.

Твоя лояльность под сомнением, но это несущественно.

Министр обороны нахмурился. Президент подумал, что он не может решить, обижаться на эти слова или нет. В то же время ему было любопытно.

— В таком случае, — сухо произнес Чарли, — зачем эта встреча?

— Да, поздновато для встреч, — признал президент. — Ты бы предпочел быть дома с Эвелин и детьми. Я тебя не виню. Но в такие времена позволительно задерживаться на работе. — Он постучал по столу перьевой ручкой, и Чарли напрягся. — Я знаю тебя пять лет, я изучил весь твой карьерный путь. Чарли, знаешь, я ведь считал, что твое назначение — самый удачный выбор, если говорить о министрах. Не думаю, что ты подлец, нет. Просто твоя лояльность пошатнулась. Далек я от истины?

— Вы просите, чтобы я признал то, чего признать не могу. Для протокола: я отрицаю любые подозрения.

— Забудь о протоколе. Нет никакого протокола. Мы разговариваем in camera[6].

---

[6] Примечания: 6
Конфиденциально, при закрытых дверях (*лат.*).

— Думаете, я поверю?

— Думаю, тебе неплохо бы прислушаться, — сказал президент, теперь уже более резко. Было общеизвестно, что Чарли Бойл всецело признает авторитет начальства. Вся его жизнь была гимном авторитету: он признавал его, уважал его, приобретал его.

«Я знаю тебя как облупленного, — подумал президент. — Знаю, что ты из бедной деревенской семьи, знаю, что такое попасть в морпехи для парня без роду без племени».

Это был не просто шаг вверх на лестнице общественного уважения, хотя и он тоже. Старые тотемы не утратили волшебной силы. Даже если, по мнению Чарли, человека, занимавшего должность президента, было легко заменить, сама эта должность, идея этой должности, пост Верховного главнокомандующего имели немалое символическое значение.

«И до поры до времени, — подумал президент, — все это в моем распоряжении».

Он тщательно подбирал слова.

— Я хочу, чтобы ты понял: ваши усилия напрасны. Хуже того, обречены на провал. Я хочу, чтобы ты понял: в стране хватает заслуженных людей, будь то военные или гражданские, и это не только

те, кого выдвигает Комитет начальников штабов. Правительство по-прежнему пользуется мощной поддержкой. Ваш бунт встретит сопротивление и не пройдет бескровно. Стоит оно того?

Чарли Бойл некоторое время сидел молча.

— Говорят, что вы вступили в контакт с Артефактом, — начал он осторожно. — Говорят, вы скрываете факты. Еще ходят слухи о некой болезни. Центры по контролю заболеваний отмалчиваются с прошлой недели. Молчите вы, молчат представители Национального центра исследования здоровья, все молчат.

— Может, я кое-что скрываю. Может, я собираюсь об этом рассказать, когда придет время. Это мое исключительное право.

— Черт, вы же не сказали ни слова членам кабинета. И вашим секретарям, и Комитету национальной безопасности…

— Это тебя удивляет с учетом обстановки?

— Люди хотят знать, кто на самом деле управляет страной.

— Черт побери, Чарли, управляю я!

— На этот счет есть сомнения. В народе вас уже зачислили в пятую колонну.

— Люди, которым не хватает власти, склонны делать необдуманные заявления. Политические

кампании невозможны без *лжи*. Военные перевороты — тоже.

— Вы могли бы развеять эти слухи.

— Через два дня я выступаю с обращением к нации. Этого недостаточно?

— Пожалуй, нет. — Чувствуя, что из него и так вытянули чересчур много безмолвных признаний, Чарли сидел в кресле скованно, как оскорбленный пуританин. — Итак, вы признаете, что вам кое-что известно.

— Именно. Мне известно, когда люди мне не подчиняются. И я знаю, как на это реагировать.

— Сэр, у вас не осталось союзников. — Чарли дрогнул, но не сменил гневный взгляд на более милостивый.

— Ты готов за это поручиться? — Ответа не последовало. — Я понимаю, что происходит, так и скажи им. Это задание для тебя, Чарли. Передай генералу Чейфи, генералу Вайсману и всей пентагонской шайке, что их планы давно изучены в этом кабинете. Скажи им, что без кровопролития они ничего не добьются. — Президент посмотрел министру обороны в глаза и не отвел взгляда. — Ты почти всю жизнь служил верой и правдой на благо страны. Хочешь, чтобы она погрязла в гражданской войне? Хочешь стать

новым Джефферсоном Дэвисом… и кончить, как он? — (Министр обороны раскрыл рот и тут же закрыл.) — Передай генералу Чейфи… — это было самым сложным, — передай ему, что время для переговоров еще не прошло. Но насилие столкнется с ответным насилием. И еще, Чарли.

— Сэр?

— Спасибо, что уделил мне время.

Число тайных агентов в Белом доме было удвоено. Президент сомневался в том, стоило ли это делать. Слишком много незнакомых лиц, что само по себе порождало риски. Ощущение кризиса усиливалось еще больше, но избежать этого было, вероятно, нельзя. Он вспомнил Линкольна, прибывшего на инаугурацию замаскированным, в то время как вокруг Капитолия были размещены снайперы. Да, ситуация скверная, но бывало и хуже. Однако нельзя было отрицать, что ничего настолько же необычного раньше не случалось.

Из того, что он наговорил Чарли Бойлу, многое было блефом, и генералы наверняка его раскусили; однако этого, вероятно, хватило бы, чтобы посеять зерна сомнений в определенных кругах. Ему нужна была отсрочка, а не развязка. Ближайшим дням предстояло стать решающими. Было бы весьма прискорбно, если бы внутренние

склоки привели к ненужному кровопролитию, ведь утраченные жизни… уже не вернуть.

В этом случае президент отдал бы необходимые приказы и добровольно покинул кабинет, чтобы избежать лишних потерь. Но некоторые намеревались сражаться, несмотря ни на что, из лучших побуждений и, сражаясь, неминуемо погибли бы без шансов на воскрешение.

«Нам приходится решать совсем не те проблемы, которых мы ожидали», — подумал президент.

Он не считал себя подходящим человеком, чтобы решать нынешнюю проблему. Его карьера была чрезвычайно успешной, но в целом вполне ординарной. Вырос в семье новоанглийских политиков, с детства готовился к государственной службе, окончил Гарвард с дипломом юриста, обзавелся надежными связями и обладал энергией, достаточной, чтобы осветить жилой квартал. Но его амбиции росли; терпения ему было не занимать. Он грациозно поднялся по иерархической лестнице Демократической партии, завел больше друзей, чем нажил врагов. Для начала он выдвинулся в сенат от родного штата, победив конкурента-республиканца с таким преимуществом, что партия всерьез задумалась о его

президентских перспективах. Но он не спешил. Он старался заручиться поддержкой партийных боссов, нефтяных и промышленных магнатов, юристов.

На своих первых праймериз он уступил совсем чуть-чуть, но с лихвой отыгрался через четыре года. Западные нефтяные активы ускользнули из рук зазевавшихся республиканцев, а Юг, пострадавший от перемещения производств в Мексику, вернулся в лоно Демократической партии. А когда дело доходит до голосования, многое зависит от личности. Президент был открытым человеком, не стеснялся толпы, неизменно выглядел жизнерадостным и обладал превосходным чувством юмора. Его противник был до нездорового тощим, чопорным и весьма рассеянным. Теледебаты превратились в избиение; от последнего эфира из трех республиканцы даже попытались отказаться.

В ночь после выборов не было никакой интриги. Он с удовольствием смотрел, как ведущие Си-эн-эн подбирали новые слова, преподнося очевидные новости о том, что господству республиканцев в Белом доме пришел конец.

Затем на орбите появился Артефакт, и все прочие заботы отступили перед необъяснимым

явлением. Большую часть времени президент пытался разобраться с этим. Разумеется, безрезультатно. Проблему нельзя было решить. Но с ее побочными эффектами — политической нестабильностью, падением морального духа граждан — можно было бороться. Он чувствовал, что добился успеха в этом отношении. Сделал что-то хорошее — удивительное событие для политика двадцатого века! Это так по-викториански. Он смело взял быка за рога, когда тот подвернулся ему.

У него еще оставалась возможность кого-нибудь спасти, и, возможно, беседа с Чарли Бойлом способствовала этому. Ближайшим дням предстояло стать определяющими.

«Посмотрим», — подумал он.

А вот дальше…

Дальше наступал новый мир.

Он представил, хоть и смутно, контуры будущего. В нем не было места монархам, завоевателям, аристократам, даже парламентам, конгрессам и президентам.

Когда он вошел в спальню, Элизабет читала книгу.

— Как прошло? — сонно спросила она.

Президент начал раздеваться.

— Ты же знаешь Чарли. Упрям как баран. Не слишком дальновиден. Прежде всего думает о собственной шкуре. Но теперь, думаю, он станет осторожнее.

— Это достаточно хорошо?

— Это хорошо. — Президент пожал плечами. — А достаточно ли — другой вопрос.

— Бедный Чарли. Он просто не понимает.

— Нам повезло, — напомнил президент жене. — К нам обратились раньше других. Мы избранные. — Тут ему в голову пришла любопытная мысль. — Мы — последние аристократы в этом мире.

— Пожалуй. Но если бы Чарли и генерал Чейфи были на нашей стороне…

— Они к этому придут. Хотя насчет Чейфи я не уверен. Может и отказаться.

— Побыстрее бы.

— Быстрее некуда. Надеюсь, удастся избежать жертв. Об этом будут сожалеть даже генералы.

— Они не понимают, против чего борются. Это ведь смерть самой Смерти.

Президент улегся рядом с женой. Он взял с собой тонкую папку, утренний доклад разведки с пометкой «Только для президента», и собирался перечитать — но зачем? Он взял жену за руку и

выключил свет.

Когда он женился на Элизабет Боннер, та была подтянутой, привлекательной женщиной из богатой восточной семьи. Спустя тридцать лет она донельзя разжирела. В ходе кампании нередко раздавались шутки в ее адрес, злые, жестокие шутки. Но Элизабет не обращала внимания. Она не придавала значения таким пустякам. Самого президента они задевали, но несильно. Задевали потому, что он любил ее, а не потому, что его смущали габариты жены. Он знал ее секрет — она набирала вес параллельно с мудростью; это был вес их брака, крепкого и надежного союза.

Простыня приятно холодила тело.

— Смерть самой Смерти, — повторил он. — Занятная мысль.

— Но ведь так и есть, — ответила Элизабет.

Эта мысль успокаивала. Разумеется, так оно и было. Хочешь подобрать чему-то лучшее определение — спроси Элизабет.

«И безвластна смерть остается»[7]. Откуда это? Из Библии? Из Теннисона? Он не мог вспомнить.

«Как бы то ни было, — подумал президент, — время пришло».

---

[7] Примечания: 7

Цитируется одно из самых известных стихотворений валлийского поэта Дилана Томаса. Перевод В. Бетаки.

Глава 6. Болезнь

Мэтт стал врачом, соблазнившись самой идеей исцеления.

Десятки телесериалов и кинофильмов убедили его, что в основе медицины лежит исцеление. Ему удалось пронести свои хрупкие убеждения через медицинский колледж, а вот интернатуру они не пережили. Интернатура крепко вколотила в него непреложный факт: врачебная работа неразрывно связана со смертью. В лучшем случае с ее откладыванием. Зачастую — с ее облегчением. И всегда — с ее неизбежностью. Смерть — серый кардинал, скрывающийся за символом кадуцея. Люди платили врачам за лечение. Но боялись их из-за смерти.

Вопреки мифам, с получением медицинского диплома ты не становился эмоционально неуязвимым. Даже врачи, в том числе весьма успешные, боялись смерти. Боялись и избегали ее. Иногда невротически. Во время стажировки Мэтту встретился онколог, который ненавидел своих пациентов. Хороший врач, бдительный профессионал, он, оказываясь вместе с коллегами в кафетерии или баре, неустанно обвинял людей

в слабости: «Изо всех сил стараются, чтобы у них развился рак. Ленятся, жрут как не в себя, курят, напиваются, валяются голыми на палящем солнце. А потом тащат свои истерзанные тела ко мне. „Вылечите меня, доктор“. От этого тошнит».

— Может, им просто не повезло, — вставил как-то Мэтт. — По крайней мере, кому-то из них?

— Чем больше вы проработаете рядом со мной, доктор Уилер, тем меньше будете склонны в это верить.

Может быть. Такое презрительное отношение было необоснованным, но свою роль выполняло на ура. Оно держало смерть на расстоянии. Стоит приоткрыть сочувствию дверь, хоть чуть-чуть, как в нее тут же вломится сожаление.

Но Мэтт так и не проникся этим отношением, что помогло ему уйти в семейную практику. В повседневной работе редко встречалось что-нибудь тяжелее свинки, кори, поверхностных ран и инфекций, которые можно было победить антибиотиками. Другими словами, он занимался исцелением. Совершал маленькие добрые дела. Играл эпизодические роли в повседневных людских драмах, изображая хорошего парня, а не ангела смерти, охраняющего врата забвения.

Как правило.

Но Синди Ри умирала, и он ничего не мог с этим поделать.

Он сказал родителям Синди, что заглянет проведать их дочь в пятницу утром.

Дэвид Ри работал на погрузчике на фабрике к югу от города. Его родителями были корейские иммигранты, жившие в Портленде. Он женился на прелестной девушке из Бьюкенена по имени Эллен Дрю, и двенадцать лет назад Эллен подарила ему дочь Синди.

Синди, хрупкая и худая, лишь отдаленно напоминала отца. У нее были большие загадочные карие глаза. Она страдала от нейробластомы, рака нервной системы.

Осенью она упала по дороге в школу. Поднялась, стряхнула листья с кофты, пошла дальше. Через неделю упала снова. И еще через неделю. Затем стала падать дважды в неделю. Потом дважды в день. Наконец, мать привела ее к Мэтту.

Он обнаружил серьезные аномалии в рефлексах и отек зрительного нерва, сказал миссис Ри, что точный диагноз поставить не может, и направил Синди в больницу к неврологу. Уже тогда он подозревал худшее. В лучшем случае — операбельную доброкачественную опухоль мозга. Все прочие варианты были нехорошими.

Пока она сдавала анализы, Мэтт наблюдал ее. Синди с почти сверхъестественным терпением переносила все обязательные неприятные процедуры. Мэтт гадал, откуда только берутся такие люди, безусловно добрые и порядочные, ни на что не жалующиеся, такие, что даже суровые медсестры плачут в коридоре.

Когда невролог поставил диагноз «нейробластома», Мэтт был с семьей Ри. Дэвид и Эллен слушали, ожесточенно и внимательно, как специалист объясняет плюсы и минусы, преимущества и недостатки химиотерапии.

— Она вылечится? — таков был первый вопрос Дэвида.

— С помощью химиотерапии можно продлить ее жизнь. Возможно, добиться ремиссии. Слово «вылечить» мы не употребляем. Даже при самом благоприятном развитии событий за девочкой нужно будет установить строгий врачебный контроль.

Дэвид Ри кивнул, не в знак согласия, а от осознания неизбежного. Его дочь может не выздороветь. Может умереть.

«Лучше б я был водопроводчиком, — подумал Мэтт. — Электриком, бухгалтером, господи, да кем угодно, только бы не находиться в тот момент

в том кабинете».

Когда Эллен с мужем уходили, он не мог смотреть ей в глаза. Боялся, что она увидит, как он жалок и беспомощен.

Поначалу химиотерапия дала результат. Синди потеряла много волос, но вновь обрела координацию движений, и ее выписали домой — изрядно похудевшую, но смотрящую в будущее с надеждой.

Спустя полгода она вернулась в больницу. Изначально неоперабельная опухоль распространилась. У Синди затруднилась речь, нарушилось периферическое зрение. Мэтт собрал больничных специалистов: наверняка можно было произвести хоть какую-нибудь операцию… Но злокачественная опухоль слишком глубоко укоренилась в мозгу. Снимки давали четкую, беспощадную картину. После хирургического вмешательства, если бы на него кто-нибудь решился, девочка осталась бы немой и слепой, а может, вообще превратилась бы в овощ.

Теперь она лежала дома и умирала. Ри это понимали. В какой-то степени прогноз был утешительным: Синди в достаточной мере сохранила двигательные функции, чтобы находиться дома, и, если повезет, не окончит свои дни в бе-

лой реанимационной палате. Спустя некоторое время она ослепла и могла произносить только простые слова, но Эллен Ри продолжала ухаживать за дочерью с непоколебимым героизмом, перед которым Мэтт преклонялся.

Он пообещал зайти сегодня утром, но задача была не из приятных. Сложно было не переживать за Синди Ри, не презирать болезнь, терзавшую ее до смерти. Мэтт умел приводить свой разум в состояние, которое называл «врач-машина», откладывать эмоции на потом… но даже в лучшие времена это давалось ему с трудом, а этим утром он был возбужден и рассеян. Проглотив сосудосуживающую таблетку, он в мрачном настроении поехал к Ри.

Его по-прежнему мучило то, что он услышал от Джима Бикса. Новости лежали на его плечах камнем, тяжким грузом, от которого нельзя было так просто избавиться. Джим верил в то, что говорил, но, возможно, ошибался. Или спятил. Или это действительно было началом конца… и тогда, какой бы гадкой ни была эта мысль, Синди Ри повезло.

Он припарковался у скромного двухкомнатного домика Ри. Дверь открыла Эллен. На ней было желтое домашнее платье, волосы были

завязаны и отброшены назад. Пахло чистящим средством с ароматом сосны, на ковре бравым часовым стоял старый пылесос. Мэтт привык, что в домах, где есть умирающие, к уборке либо подходят чересчур ответственно, либо забывают о ней вовсе. Эллен Ри прибиралась фанатично. За последние месяцы Мэтт видел ее без передника всего пару раз.

Но она улыбалась.

«Странно», — подумал Мэтт. В доме работало радио. Играла бодрая попсовая музыка.

— Заходи, Мэтт, — пригласила Эллен.

Он вошел. В доме было светлее, чем обычно; Эллен открыла все жалюзи и распахнула шторы. Летний утренний бриз развеял запах антисептика, и с заднего двора доносился нежный аромат роз.

— Извини за бардак, — сказала Эллен. — Я еще не закончила уборку. Совсем забыла, что ты собирался заехать.

Она шмыгнула носом и высморкалась в салфетку.

«Тайваньский грипп, — подумал Мэтт. — Кажется, так его называли в газетах?»

— Могу заглянуть в другой раз, — сказал он.

— Нет, прошу тебя, заходи. — Улыбка не сполз-

зала с ее лица.

По-научному такое поведение называлось «отрицанием». А может, это был ее способ смириться с неизбежным. Продолжать жить как ни в чем не бывало и с улыбкой принимать гостя. Нововведение в этиологии горя Эллен Ри. Но Мэтту показалось, что она изменилась внешне. Будто ее почти ничто не тяготило. Возможно ли такое?

— Дэвид дома?

— С утра уехал на фабрику. Будешь кофе?

— Нет. Спасибо, Эллен. — Он взглянул в сторону комнаты Синди. — Как она сегодня?

— Лучше, — ответила Эллен. Мэтт удивился — видимо, так, что это бросалось в глаза. — Я серьезно! Ей гораздо лучше. Спроси сам.

Шутка была неудачной.

— Эллен…

Ее улыбка стала мягче. Она дотронулась до его руки:

— Мэтт, зайди к ней. Посмотри.

Синди сидела на кровати, что само по себе было чудом. Первой мыслью изумленного Мэтта было: «Она действительно выглядит лучше». Девочка по-прежнему была невероятно истощенной, хрупкой — кожа да кости, как обычно бывает у умирающих раковых больных. Но ее глаза были

ясными и широко раскрытыми. Когда Мэтт навещал ее в прошлый раз, она, кажется, даже не узнала его.

— Привет! — сказал Мэтт, ставя медицинскую сумку на прикроватный столик. Он всегда говорил с Синди, хотя невролог утверждал, что та уже ничего не понимает. Доброжелательный тон его голоса мог успокоить ее. — Пришел проверить, как твои дела.

— Спасибо, доктор Уилер, — моргнув, ответила Синди. — Все хорошо.

— Ты как будто привидение увидел, — сказала Эллен, когда он вышел из спальни девочки. — Давай присядь.

Он сел за кухонный стол. Эллен налила ему стакан лимонада.

— Я же сказала, что ей лучше, — заметила Эллен.

Мэтт никак не мог собраться с мыслями.

— Она говорит, — произнес он. — Мыслит здраво. Понимает, что я ей говорю. Она еще слаба, ее лихорадит, но, кажется, она даже чуть-чуть поправилась. — Он взглянул на Эллен. — Это невозможно.

— Это чудо, — твердо заявила Эллен. — По крайней мере, я в это верю. — Она усмехнулась. — У

меня самой небольшая температура.

— Эллен, послушай. Я рад. Счастлив, что так произошло. Но я не понимаю почему.

Он действительно не понимал. Да, случались ремиссии. Однажды ему попался пациент с раком легкого, у которого наступила «чудесная» ремиссия. Но с Синди все обстояло иначе. Ткань мозга была частично уничтожена. Даже если бы опухоли чудесным образом исчезли, речь не должна была вернуться. Отвечавшей за нее части мозга больше не существовало. Даже без опухолей девочка должна была выглядеть так, словно пережила тяжелый инсульт. Какие-то способности могли вернуться к ней, но полное восстановление — нет, невозможно… То, что он увидел в ее комнате, было невозможно.

Он не стал говорить об этом Эллен.

— Я хочу быть уверен, — сказал он вместо того. — Пускай ее обследуют в больнице.

Впервые за утро Эллен нахмурилась:

— Может быть, когда она окрепнет. Не знаю, Мэтт. Не хочу снова подвергать ее всем этим процедурам.

— А я не хочу тешить нас ложными надеждами.

— Думаешь, ей снова станет хуже? — Эллен по-

мотала головой. — Нет. Не могу сказать почему, но я знаю. Болезнь ушла, доктор Уилер.

Он не нашел в себе сил спорить.

— Надеюсь, ты права. Синди тоже сказала нечто подобное.

— Правда?

Девочка говорила неторопливо, словно это все еще давалось ей с невероятным трудом, но произносила слова четко и грамотно.

— Бедный доктор Уилер, — сказала истощенная девочка. — С такими, как мы, у вас скоро не будет работы.

Каким бы удивительным ни было это происшествие, еще удивительнее было другое: стоило Мэтту покинуть дом Ри, как он перестал о нем думать.

Он поехал в центр по Променад-стрит. Дорога изгибалась параллельно береговой линии. Движение не было оживленным. Ехать было приятно; сбоку под пологом перистых облаков раскинулся спокойный синий океан. Типичный жаркий августовский полдень, когда все неподвижно.

Бьюкенен заразил Мэтта своей удивительной безмятежностью. Мэтт списал все на температуру — бессодержательное спокойствие города и свое

собственное, — но затем задумался.

«Что, если Джим прав? — подумал он. — Мы все заражены. У нас в крови машины. Это что-то вроде чумы. Тайваньский грипп… разве ему он не снился?»

Но эти мысли быстро спрятались под глянцевой поверхностью дня.

Оказалось, что Джилл — администратор клиники — не вышла на работу по болезни. Энни была на месте и принимала звонки, большинство которых касались отмены назначенных визитов. Она положила трубку и на час перевела входящие звонки на автоматическую службу, чтобы пообедать. Мэтт принес еды из кафе на первом этаже, где тоже не хватало работников. Салаты в пластиковых контейнерах и сэндвичи из белого хлеба с ветчиной. Энни Гейтс взяла свою порцию. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль.

— Странный день, — задумчиво произнесла она.

Мэтт рассказал ей о Синди Ри, но рассказ вышел поверхностным — никак не получалось говорить по существу.

Энни нахмурилась. Лоб пересекла морщинка, губы поджались. Она пыталась уложить в голове услышанное, но столкнулась с внутренним со-

противлением.

— Может, поэтому все отменяют визиты. Им всем… лучше?

«Бедный доктор Уилер. С такими, как мы, у вас скоро не будет работы».

«Или не лучше, — подумал Мэтт. — Или хуже».

Он пересказал Энни все, что Джим Бикс сообщил о чужеродных телах в образцах крови, включая его собственную. Изначально он не собирался этого делать, по крайней мере не сразу, — не хотел лишний раз волновать Энни. Но та понимающе кивнула:

— Я слышала об этом в больнице. Обедала с медсестрой из лаборатории. Она до смерти напугана. Услышав ее рассказ, я тоже перепугалась и позвонила знакомому гематологу в Даллас, где стажировалась. Сначала он не хотел говорить, но, когда я пересказала то, что сообщила медсестра, он все подтвердил.

«Выходит, мы скрывали это друг от друга, — подумал Мэтт. — Как у О. Генри. Сколько еще людей посвящены в эту тайну?»

— Значит, такое не только у нас.

— Нет. Удивлен?

— Нет.

— В Центре по контролю заболеваний наверня-

ка узнали об этом не позднее Джима Бикса. — Энни глотнула пепси. — Наверняка туго затянули гайки. В газетах ни намека. Видимо, не хотят лишний раз пугать народ. Болезнь проходит бессимптомно, карантин вводить нет смысла, потому что все уже больны, — так зачем наводить панику?

— Вряд ли у них получится долго держать это в секрете.

— Может, и не придется.

Мэтта словно окутало болезненное спокойствие. Часть его вела вполне обстоятельный диалог; другая часть оказалась изолирована и молча, со страхом слушала Энни. Энни озвучивала то, о чем сам Мэтт боялся подумать.

— Если это целенаправленное заражение, а я думаю, что так и есть, — отстраненно, словно витая в облаках, продолжила она, — мы все очень скоро увидим последствия.

— С чего ты взяла, что оно целенаправленное? — Мэтт с прищуром посмотрел на нее.

— Интуиция. — Энни пожала плечами. — А тебе так не кажется?

На этот вопрос ему отвечать не хотелось.

— Энни, можно вопрос? Ты сказала, что испугалась, услышав об этом от подруги.

— Да.

— А теперь не боишься?

Она нахмурилась еще сильнее:

— Нет… теперь не боюсь.

— Почему?

— Не знаю, Мэтт. — Она отвлеклась от остатков обеда и бросила на Мэтта серьезный взгляд. — Не могу объяснить.

Весь вечер он сортировал бумаги и принял лишь одного пациента: тридцатилетнюю домохозяйку, которая хотела проверить давление. Да, она соблюдала диету. Да, она принимала предписанные лекарства.

Ее давление было эталонным, 120 на 80, несмотря на небольшую температуру. Пациентка выглядела рассеянной, но, уходя, улыбнулась: «Спасибо, доктор Уилер».

Мэтт подкатил кресло к окну и принялся следить, как свет и тень отмечали ход времени снаружи.

«Нас усыпляют».

Город дремал. Любое движение было обособленным, единичным. По шоссе, как в замедленной съемке, ползла машина. Из дешевой парикмахерской, обслуживавшей как мужчин, так и женщин, вышел пожилой человек в расстегну-

той на две пуговицы рубашке. Его пиджак был переброшен через плечо. Мужчина остановился, провел костлявой рукой по короткому ежику волос. Солнечные блики мелькали на ветровых стеклах автомобилей, асфальт плавился, с далекого пустынного океана наползала дымка.

«Мне должно быть страшно, — думал Мэтт. — Но я не боюсь. От этого тоже должно быть страшно. Но нет».

Усыпление. Как еще назвать этот клинический покой? Нам надо бы кричать. Бесноваться от гнева. Протестовать против бесцеремонного вмешательства в нашу жизнь. Потому что это…

Что?

Конец света?

«Да, — подумал Мэтт. — Похоже на конец света. Вероятно, это он и есть».

В три часа курьер из частной лаборатории на третьем этаже принес папку с результатами анализов. Анализы крови были ненадежными, а вот обнаружить в моче гонадотропин удалось. Мэтт быстро просмотрел медицинскую карту и позвонил Лиллиан Бикс, подтвердив, что она беременна.

В четыре они закрыли пустые кабинеты.

— Я пришла пешком, — сказала Энни. — Может, подвезешь к себе?

Мэтт не сразу понял, о чем речь.

— Ты что, забыл о собственной вечеринке?

Он чуть не расхохотался. Теперь идея казалась ему бредовой. Какую вечеринку он мог устроить? Подать всем соленых орешков и поставить «Ближе, Господь, к Тебе»?[8]

— Ничего страшного, — улыбнулась Энни. — Несколько приглашенных позвонили утром в клинику и сказали, что не придут. Посмотри в своем блокноте. Кто-то наверняка звонил тебе домой. Можешь все отменить… а я поужинаю в ресторане.

— Нет. — Он помотал головой. — Энни, поехали ко мне. Но вряд ли там будет кто-нибудь, кроме нас.

— Ну и ладно.

— Праздновать нечего.

— Ну и ладно. Просто выпьем. Посмотрим на ночные огни.

— Звучит отлично, — ответил Мэтт.

Слова Энни о вечеринке оказались верны. Не

---

[8] Примечания: 8

«*Ближе, Господь, к Тебе*» — христианский гимн, иногда исполняющийся на похоронах.

пришел никто — большинство по причине простуды, — кроме Джима и Лиллиан Бикс, которые принесли бутылку вина.

Настроение было далеким от праздничного, хотя Лиллиан уже успела сообщить Джиму о беременности, а тот объявил об этом Энни. По немного растерянному виду друзей Мэтт понял, что они чувствуют себя так же, как и он: их как будто отгородили от текущих странных событий. «Как на столе пациент под эфиром»[9] — Т. С. Элиот, если Мэтт правильно помнил. Фраза звучала в голове все время, пока они вчетвером копошились на кухне, сооружая импровизированный ужин. Рэйчел смотрела новости в соседней комнате. Она сказала, что президент отменил вечернее обращение, но, не считая этого, в Вашингтоне спокойно.

Чуть позже Мэтт отключил кондиционер, и взрослые собрались на веранде. Поставили шезлонги, разлили вино по бокалам с длинными ножками. Солнце почти скрылось за горизонтом; на небе появились первые звезды. Бриз покачивал высокие пихты в конце двора. Мэтт прислушался к закатному шороху ветвей, тихо-

---

[9] Примечания: 9

Цитируется стихотворение «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока». Перевод Н. Берберовой.

му, как шелест женской юбки.

— Боже, — выдохнул он, — как… тихо.

— Как там говорят в кино? — шутливо произнес Джим. — Слишком тихо?

— Серьезно, — ответил Мэтт. — Прислушайся. Слышно, как качаются деревья.

Они все склонили головы и прислушались.

— Слышу лягушек, — удивленно заметила Энни. — Наверное, с реки. Ничего себе! Это же на другом конце долины.

— И еще что-то звенит, — добавила Лиллиан. — Точно! Флагшток у начальной школы! Иногда я хожу мимо. Когда дует ветер, веревка бьется о столб. Как колокол.

Мэтт тоже услышал отдаленный неритмичный звон.

— А что во всем этом удивительного? — спросил Джим.

— Сегодня пятница, — ответил Мэтт. — Вдоль реки проходит шоссе. Обычно слышно только машины. Люди едут в кино и бары, грузовики перевозят лес. К этим звукам привыкаешь и не обращаешь на них внимания, но замечаешь, когда они пропадают. Здесь, в округе, всегда шумно, даже после полуночи. Поезда гудят. Иногда срабатывает сигнализация. А еще…

— Телевизоры, — закончила за него Энни. — Все вокруг смотрят телевизор. А в летнюю ночь вроде сегодняшней еще и с открытыми окнами. — Она едва заметно вздрогнула. Мэтт держал ее за руку и почувствовал это. — Похоже, сегодня никто не смотрит.

Мэтт оглянулся на дом. Рэйчел выключила телевизор и стояла у окна своей комнаты, хмуро вглядываясь в сумерки. За ее спиной светила лампа.

— Все простужены, вот и улеглись пораньше, — предположил Джим.

— Не нужно меня щадить, — сердито произнесла Лиллиан, выпрямляясь в кресле. — Я знаю, что происходит на самом деле.

Мэтт с Джимом переглянулись.

— Лиллиан, если ты знаешь, что происходит, значит ты на шаг впереди нас, — спокойно сказал Мэтт.

— Все меняется. Вот что происходит. — Ее голос звучал хрипло, взгляд был скорбным. — Поэтому сегодня никто, кроме нас, не пришел.

Повисла тишина, которую Мэтт счел признаком всеобщего согласия. Затем Джим поднял бокал:

— Тогда — за нас. За стойкую четверку.

Лиллиан выпила, чтобы показать, что больше не сердится.

— Зря это я, — тут же спохватилась она. — От вина меня в сон клонит. И ребенок же! Это ведь плохо для ребенка? Ладно, всего лишь один глоток.

«Клац, дзынь», — отозвался далекий флагшток.

Мэтт зашел к Рэйчел пожелать спокойной ночи и обнаружил, что она уже спит, завернувшись в розовое покрывало. В открытое окно веяло ночной прохладой.

Он придвинул к кровати кресло и осторожно сел, стараясь не скрипеть.

Рэйчел почти не делала перестановок в комнате после смерти матери. Спальня до сих пор выглядела детской; на окне висели кружевные занавески, на шкафу сидели плюшевые зверьки. Мэтт точно знал, что Рэйчел не выбросила ни одной старой игрушки. У нее в сундуке хранились мультяшные герои «Моего маленького пони» и «Джем» — полная коллекция, — миниатюрные кухонные плиты, телевизоры, холодильники; туда же был аккуратно уложен «Дом на колесах Барби», тоже собранный полностью. Сундук открывался редко, выполняя скорее роль святилища, посвященного то ли матери Рэйчел, то ли

просто безмятежному детству. Этакое королевство забытых вещей.

Он посмотрел на дочь, и мысль о сундуке с игрушками вдруг повергла его в безутешную грусть.

«Рэйч, я бы отдал все, лишь бы вернуть то, что мир украл у тебя. Все, что он крадет и крадет».

Рэйчел повернулась на бок и открыла глаза:

— Папа?

— Да, Рэйч.

— Я слышала, как ты вошел.

— Просто хотел пожелать спокойной ночи.

— Энни останется?

— Вроде бы.

— Хорошо. Мне нравится видеть ее по утрам.

Рэйчел зевнула. Мэтт потрогал ее лоб. Чуть горячее нормы.

Она вдруг о чем-то задумалась:

— Папа? Все будет хорошо?

«Солги, — подумал Мэтт. — Солги так, чтобы она поверила».

— Да, Рэйч, — сказал он.

Дочь кивнула и закрыла глаза:

— Я тоже так думаю.

Он разложил в подвале кровать для Джима и Лиллиан. Оба то ли перебрали вина, то ли нахо-

дились под иным «эфиром»; так или иначе, ехать домой они были не в состоянии.

«Я знаю, как они себя чувствуют», — подумал Мэтт. Как обернутые ватой. Бодрые и одновременно сонные. В студенческие годы он пару раз курил марихуану в комнате приятеля. Эффект был примерно тот же… его словно обволакивал защитный фосфоресцирующий туман, а когда он добирался до дома, постель будто колыхалась под ним.

В эту ночь он улегся в постель рядом с Энни.

Они давно не спали вместе, и теперь Мэтт задумался почему. Он скучал по ее присутствию, ее теплу и всему, что делало ее Энни. Она была миниатюрной, и вся ее пылкая энергия, вся загадочная молчаливость были тесно упакованы внутри тела. Она повернулась на бок и подобралась ближе; он обвился вокруг нее.

Мэтт испытывал чувство вины, когда впервые привел Энни домой, — повсюду еще ощущалось присутствие Селесты, Энни была в доме чужой, и Мэтт боялся, не оскорбляет ли это память его покойной жены. Реакцию Рэйчел он тоже не мог предугадать. Возможная вражда между Энни и дочерью была ужасной перспективой.

Но Рэйчел поладила с Энни, приняла ее без

вопросов.

— Это потому, что она скорбела, — предположила потом Энни. — Скорбела по матери и, наверное, до сих пор скорбит. Но она не обманывает себя. Она отпускает ее. Понимает, что ничего плохого в моем появлении нет, ведь Селесту не вернуть. — (Мэтт скривился.) — Мэтт, а вот ты не любишь отпускать. Ты барахольщик. Копишь вещи и воспоминания. Твое детство. Этот город. Твои идеалы. Твой брак. Нет даже мысли о том, чтобы отказаться от чего-нибудь.

Это было правдой, но все равно бесило его.

— Я отказался от Селесты, — ответил он. — У меня даже не было выбора.

— Ты упрощаешь. С одной стороны, ты не должен полностью о ней забывать. В конце концов, она — часть тебя. С другой стороны, ты ничего не можешь поделать с тем, что она умерла. Между этими двумя крайностями есть пространство — небольшое, — куда вписываюсь я.

Мэтт вспомнил об этом, обнимая Энни, и крепко задумался.

«Ты барахольщик. Ты не любишь отпускать».

Да, все так.

Он крепко держался за Энни. За Рэйчел. За Джима, Лиллиан, свою клинику и Бьюкенен.

«Все меняется», — сказала Лиллиан. Но он не мог отказаться ни от чего.

Холодные пальцы ветра тронули его за плечо. В летней темноте Мэтт подтянул покрывало, закрыл глаза и, как Энни, как Рэйчел, как Джим и Лиллиан, как все жители Бьюкенена и целого сонного мира, увидел сон.

Волна сна накрыла земной шар, словно тень от солнца, лишь на несколько часов задержавшись за границей ночи.

Это был самый глубокий сон с тех пор, как человечество покинуло Африку и расселилось по планете. Он двигался по Северной Америке, от восточной оконечности Лабрадора на запад, и в равной степени подчинил себе всех: ночных работников, людей, страдающих бессонницей, богатых и бедных, алкоголиков и наркоманов.

Он подчинил себе фермеров, рыбаков, тюремных заключенных и их надзирателей. Он подчинил накачанных мефедроном дальнобойщиков, и те дружно свернули на обочины и уснули прямо в кабинах под песни Уэйлона Дженнингса[10]. Подчинил пилотов гражданской авиации, которые по команде диспетчеров поса-

[10] Примечания: 10

Уэйлон Дженнингс (1937–2002) — популярный исполнитель музыки кантри.

дили все свои 747-е «Боинги» на полосы спящих аэропортов и тоже уснули.

Но были и отдельные — временные — исключения. Чрезвычайных ситуаций, требовавших вызова медицинской помощи, почти не случалось, но телефонные линии остались под наблюдением нескольких сонных сотрудников (которые уснули позже); машины «скорой помощи» развезли пострадавших по больницам, где редкие врачи, способные работать, но одурманенные настолько, что не задумывались о происходящем, обработали редкие раны редким спящим пациентам… впрочем, раны затягивались и без их вмешательства. Пожарные, пусть и сонные, оставались на дежурстве до тех пор, пока не разобрались — безотчетно — с очевидными угрозами: потушили все сигареты, выключили все оставшиеся без присмотра плиты и камины.

Глава 7. Тишина

Если пожары все-таки случались, то по вине природы, а не человека. В Чикаго неработающая мать-одиночка Эджи Лангуа, которая крепко спала в своей двухкомнатной квартире, пробудилась посреди сна — но тот не был сном — и обнаружила, что из старой розетки 1925 года вырывается пламя, постепенно подбираясь к хлопчатобумажным занавескам. Она подхватила спавшего малыша и не спавшего, но абсолютно спокойного трехгодовалого сынишку и помчалась вниз через два лестничных пролета… с удивлением обнаружив, что остальные жильцы дома спокойно выбираются из своих квартир и гуськом следуют за ней. Наркодилер из квартиры 3-А тащил на себе безногого старика из 4-Б, а главный враг Эджи, молодая соседка, работавшая официанткой и любившая закатывать вечеринки допоздна, когда детям Эджи нужно было спать, принесла целый ворох одеял и без лишних слов отдала Эджи сразу три.

Кто-то задержался, чтобы позвонить по номеру 911. Пожарные машины прибыли почти мгновенно, в сверхъестественной тишине. Члены расчета

легко, без лишних манипуляций, подключили шланги. Они действовали так, будто у каждого бодрствовала только часть организма, ответственная за эффективное выполнение работы. Незнакомый мужчина из соседнего дома предложил Эджи поспать у него на диване, а детей уложить на тюфяке. Эджи согласилась.

— Необычная ночь, — сказал мужчина, и Эджи, не говоря ни слова, задумчиво кивнула в ответ. Не прошло и часа, как пожар потушили, и жильцы, храня удивительное, возвышенное молчание, разошлись по новым местам для ночлега. Оказавшись в безопасности вместе с детьми, Эджи вновь погрузилась в сон.

Несмотря на работающие телефонные станции, местных звонков совершалось все меньше, а международная связь вовсе прервалась. За считаные часы на всей Земле многократно снизился уровень низко- и высокочастотного излучения. Ночь накрыла западные города — Лиму, Лос-Анджелес, Анкоридж; тьма поползла на океан, а в Израиле прекратился эфир Си-эн-эн — из-за «непредвиденной нехватки персонала», как выразился один усталый телеведущий из Атланты. Сначала на экранах остался только логотип на фоне помех, затем — одни помехи. Заокеанские зрители,

вглядываясь в горизонт, один за другим решали: что-то не так. Случилось что-то серьезное, но все они чувствовали себя невероятно спокойно и в конце концов уснули.

Одни сопротивлялись дольше других. То ли благодаря силе воли, то ли крепкому здоровью некоторым удавалось стряхнуть дремоту или по меньшей мере отложить засыпание на несколько минут и даже часов.

Торговый агент обувной фирмы «Беневолент» из Эбботсфорда, Мичиган, раздумывал о чуде, снизошедшем на него во тьме, в арендованном «крайслере», по дороге из денверского аэропорта. Он приехал на форум западных производителей обуви и должен был поселиться в отеле «Марриотт» в Форт-Коллинзе. Торжественный прием, чтоб его, был назначен аж на семь утра. Но чудо — необъяснимое происшествие — избавило его от раннеутренней яичницы с беконом в компании сонных предпринимателей с бейджиками «Привет, меня зовут…».

Чудо началось сразу после заката, когда его самолет только приземлился в Степлтоне. Аэропорт был почти пустым, хотя самолеты стояли у всех выходов. Добрая половина его попутчиков остались на борту, свернувшись калачиками в

креслах, — летят еще куда-то, предположил он сперва, но сразу понял, что это чушь. Само здание было похоже на тихую пещеру; багажа ждали очень долго, а женщину в будке прокатной компании «Хертц» пришлось изрядно потормошить, чтобы арендовать автомобиль. По дороге на север торгового агента чрезвычайно удивило почти пустое шоссе. Машины одна за другой сворачивали на обочину, пока его «крайслер» не остался единственным на дороге. Сквозь призрачную дремоту он подпевал песне «Юритмикс» — та перекатывалась в его голове, как горошинка в пустом стручке. Затем денверское ретро-радио вдруг прекратило вещание; он попытался поймать другую станцию, но нашел только одну, транслировавшую музыку кантри и вестерн. Вскоре она тоже отключилась. Это было ненормально. Даже более того. Это было чересчур ненормально, и, вообще-то, он должен был порядком перепугаться. Как и все, он свернул на обочину и вылез из машины. Забравшись на крышу, он уселся там, постукивая каблуками по пассажирской двери, — что еще можно было делать? На него снизошло лихорадочное озарение: наступал конец света. Наступал странным, неожиданным, удивительно спокойным образом, но, вне всякого сомнения, наступал.

Торговый агент встречал его на крыше «крайслера» цвета детской неожиданности, в дешевом костюме и впервые в жизни слышал тишину всеми покинутой ночи, где не было места людскому шуму. Его ерзанье на крыше вдруг показалось чрезмерно громким; злаки приглушенно шелестели на ветру, ощущался запах растущей травы с примесью горячего машинного масла и его собственного пота. Где-то лаяла собака, а звезды были яркими, как искры… и все составляло одно явление, которое он назвал просто «тишиной», и это было прекрасно и страшно. Он вспомнил свою жену и семилетнего сына. Он знал, хоть и не понимал откуда, что необъяснимое настигло и их, отчего стало легче смириться с неизбежным. У него вдруг закружилась голова, он почувствовал себя невероятно одиноким на необъятном ковре спящих полей, слез с крыши, шмыгнул в машину, где тишина казалась еще громче, свернулся калачиком на заднем сиденье и подчинился внезапному, но запоздалому зову сна.

В числе прочего ему приснилось, что прямо посреди прерии, недалеко от его машины, выросла гора — не уступающая высочайшим вершинам Земли и совершенно круглая, как жемчужина.

В тысяче миль к югу Мария Монтойя, по ее

собственному определению — элитная эскорт-служащая, или, как в порыве страсти имели неосторожность шептать (или кричать) клиенты, шлюха, собиралась встретиться с немецким бизнесменом в отеле на Авенида-Хуарес, у площади Сокало в Мехико.

Попасть на место встречи оказалось неожиданно трудно. Во-первых, не было такси. Подстава, как сказали бы американцы. Вся ее работа зависела от такси. У нее даже имелось соглашение с перевозчиком «Такси-метро»: она оставляла карточку компании в номерах клиентов и получала десятипроцентную скидку. В этот день такси не ходили, диспетчеры не отвечали на звонки, а на улицах, словно тромбы в старых артериях, стояли тысячи машин. Весь город замер, как при землетрясении. Разумеется, никаким землетрясением или другим бедствием даже не пахло, и оттого суть происходящего становилась еще загадочнее… но Мария не хотела в нее вникать. Она чувствовала себя сонной, рассеянной, как при болезни. И всецело сосредоточилась на встрече с клиентом. Он был важным, богатым мужчиной. Мария пробовала звонить, чтобы предупредить об опоздании; телефон работал, но в отеле не отвечали. В конце концов Мария выру-

галась и вышла из съемной комнаты на жаркую ночную улицу. Воздух был липким и спертым. Она прошла десять кварталов до отеля, мимо заглохших машин… впрочем, нет, не заглохших, ведь водители намеренно съезжали с дороги, иногда прямо на тротуар, оставляя посередине пустую полосу, выключали моторы и гасили свет в салоне. Автомобили превратились в темные пещеры, внутри которых сквозь открытые окна виднелись сутулые фигуры спящих пассажиров. Они были живы, иначе Мария переполошилась бы. Просто спали. Откуда она знала? Непонятно. Но знала наверняка.

Дорога была мучительной. Мария засыпала на ходу. Один раз она свернула не туда и оказалась перед Национальным дворцом, некрасивой громадой из пористого вулканического камня, нависшей над безлюдной площадью и сотней неподвижных машин. Ее каблуки клацали по тротуару, в ответ раздавалось эхо.

Она добралась до отеля, опоздав на час и сломав каблук. Марии хотелось спать; долгая прогулка заметно подорвала ее решимость.

Но она все равно доехала на лифте до четырнадцатого этажа, прошла по прохладному, пахнущему сосной коридору до номера 1413, постучала

и, не дождавшись ответа, открыла незапертую дверь. Клиент, толстый немец, был внутри и, разумеется, спал: растянулся на кровати в одних трусах и храпел. Он был бледным, как яйцо, и неприятно волосатым. Мария почувствовала секундное отвращение — издержка профессии — и сразу подавила его. Очевидно, в ее услугах здесь не нуждались. Этого мужчину, требовавшего от нее пунктуальности, было не разбудить. Можно было возвращаться домой… но от одной мысли о том, что прогулку придется повторить, Марию зашатало.

Добросовестно выполняя свою работу до последнего, Мария положила на прикроватный столик карточку «Такси-метро» и целомудренно улеглась рядом со спящим немцем, чтобы видеть сны, как и он.

Сон двигался на запад. Сон дошел до Аляски, перешагнул Алеутские острова и отправился в Сибирь. Сон опустился на древние азиатские города: Ханой, Гонконг, Бангкок. Токио уснул в таком тесном единстве, что Хироси Митио, последний регулировщик, сомкнувший глаза под неоновыми вывесками Акихабары, успел подумать, что сон, подобно туману, может подняться до небес и скрыть звезды.

С приходом ночи сон накрыл русские степи, Уральские и Кавказские горы; промаршировал, будто невидимая армия, до финской границы, вошел в Украину, Румынию и Польшу, не встретив сопротивления — лишь прохладный ночной воздух.

Сон завоевал Китай и перекинулся на Тибет, Пакистан, Индию, перемахнул две широты от Калькутты до Хайдарабада.

Чтобы захватить Африку, сну понадобились считаные часы. Он направился от Аденского залива в засушливые внутренние регионы, сморив и погрузив во тьму голодающих детей в лагерях для беженцев, прошел через джунгли и саванну вдоль экватора, поглотил Египет, Ливию, Алжир и в конце концов добрался до последней добычи в рыбной лавке Дакара.

Сон охватил европейские города, перекрыв реку людского шума, что бежала без передышки с самого основания Рима. Сон заставил замолчать Берлин и Лейпциг, завоевал Неаполь и Милан, потушил свет в Париже и Амстердаме, перебрался через Ла-Манш и захватил Лондон, где последние перепуганные одиночки следили за системным сбоем мира с помощью коротковолновых радиоприемников. Наконец уснули и они. Теперь

спали все, и все видели сны.

Сны у всех были одинаковыми. Сложными, но в основе своей состоявшими из единственного послания, вопроса, заданного шести миллиардам человек на более чем трех тысячах языков.

«Ты хочешь жить?»

Часть вторая. Один из десяти тысяч

Глава 8. Проснувшийся Бьюкенен

Саймон Экройд, доктор богословия, ректор епископальной церкви Святого Иакова с момента своего назначения в Бьюкенен в 1987 году, очнулся от долгого сна с мыслями об ацтеках.

К концу пятнадцатого века ацтеки так отточили мастерство ритуального жертвоприношения, что как-то в 1487 году одного за другим убили восемьдесят тысяч пленников, вырезав им еще бьющиеся сердца обсидиановыми кинжалами. Очередь жертв протянулась на несколько миль. Перед жертвоприношением их держали в клетках, откармливали и одурманивали наркотиком из растения толоатцин, чтобы те выдержали кошмарный ритуал не сопротивляясь.

Саймон прочитал об ацтеках во время учебы в колледже, и это стало первым серьезным испытанием для его веры. Он рос, как ему теперь казалось, в атмосфере стерильного христианства, в той пастельной вере, что прививают в воскресных школах: ласковый Иисус спасает человечество от дикарского поклонения таким же пастельным языческим богам вроде Афины или Диониса. В такой картине мира проблема зла

была чем-то несущественным и абстрактным.

Да, был еще и Холокост, но его Саймон списывал на жуткое умопомрачение, на юродство мира, где Христос правит, но никого не принуждает к обращению в свою веру.

В то же время ацтеки… ацтеки засели в его голове и жгли разум, как горячие уголья.

Он никак не мог избавиться от назойливых видений: вереницы пленников, дрожа, проходят мимо угловатых колоннад Теночтитлана. Видение как бы намекало, что в истории остались целые цивилизации, о которых ничего не известно неизмеримо долгие, невероятно жестокие столетия, когда люди не знали Христа. Он представлял ритуальных жертв и думал: «Они были людьми. Человеческими существами. Каждый из них прожил свою жизнь, неведомую, страшную и очень короткую».

Во время учебы в семинарии Саймону даже приснилось, что он разговаривает с ацтекским жрецом — костлявым смуглым мужчиной в головном уборе из перьев, принявшим его страх за благоговейный трепет и попытавшимся сделать ответный комплимент. «Наши кинжалы — пустяк, — говорил жрец. — Посмотри, чего добился ваш народ. Ваши ракеты, ваши незаметные

бомбардировщики… каждый из них — это обсидиановый нож, нацеленный в сердца десятков миллионов мужчин, женщин и детей; каждый из них — это храм, плод кропотливой, искусной работы армии инженеров, разработчиков, политиков, налогоплательщиков. У нас нет ничего, что может с этим сравниться».

И Саймон проснулся с леденящей душу мыслью: его собственная жизнь, его культура, все, что было ему близким и родным, на деле может быть страшнее и уродливее каменных алтарей и труднозапоминаемых божеств ацтеков.

Вера поддерживала его во время учебы в колледже, после получения докторской степени и после назначения в приход. Он был христианином-мыслителем и в лучшие дни думал, что сомнения лишь делают его сильнее. В другие дни — когда Бьюкенен накрывало зимним туманом, в безлунные летние ночи, когда сосны казались особенно колючими, напоминая Тлалока, ацтекского бога загробного мира[11], каким он изображен на отвратительной фреске в Тепанитле, — ему хоте-

[11] Примечания: 11

Автор допускает ошибку — Тлалок в ацтекской мифологии был одним из правителей верхнего, небесного мира и покровителем дождя, грома и сельского хозяйства. Владыкой же загробного мира был бог Миктлантекутли.

лось избавиться от своих сомнений, сжечь даже их тени ярким светом веры.

Но этой ночью ему вдруг приснился совсем другой сон.

Он проснулся с трудом, на ощупь исследуя как будто обновленный и непредсказуемый мир. Возможно, так оно и было.

Саймон почувствовал, что окружающий мир просыпается вместе с ним. Просыпается, увидев необычный и весьма многозначительный сон.

Но мир, непосредственно окружавший его, остался прежним: та же кровать, та же спальня, тот же скрипучий паркетный пол.

Погода по-прежнему была хорошей. Саймон раздвинул шторы. Деревянный пасторский дом, стоявший возле церкви, построили в годы бума, после Второй мировой войны, в старой части Бьюкенена — между заливом и горами. Главной ценностью скромного строения был вид из окна. Утреннее небо сияло над синей океанской гладью. Ветер гнал по волнам белые барашки.

Мир изменился, но не стал другим. Точнее, изменилось человечество.

«Они начали работу внутри нас», — подумал Саймон.

Он побрился и задумчиво постоял перед зерка-

лом в ванной, разглядывая свое отражение: сухощавый сорокапятилетний мужчина, лысеющий, с седеющей бородой, совсем непримечательный. «Впрочем, — подумал он, — все мы теперь стали весьма примечательными *внутри*». Одевшись, он босиком спустился вниз. Теплыми летними утрами Саймон позволял себе ходить по дому босиком. Домоправительница Мэри Парк не одобряла эту привычку. Она глядела на его голые ноги так, будто они воплощали собой своенравие или дурной вкус, и качала головой. А вот Саймону собственные ноги нравились — неприхотливые, невзрачные, некрасивые, в полном соответствии с его протестантскими представлениями. «Простые» ноги, как сказали бы амиши.

Миссис Парк постучала и вошла, когда Саймон настраивал маленький телевизор в гостиной. Тот принадлежал церкви и обычно использовался для показов в воскресной школе. В июне прошлого года Саймон за свой счет провел в пасторский дом кабельное телевидение, чтобы удовлетворить свои потребности в новостях и образовательных передачах. Этим утром он включил Си-эн-эн. Сонная ведущая растерянно, общими фразами описывала события последних тридцати двух часов. Судя по всему, Западная

Европа еще не проснулась. Саймон на миг представил Землю животным, например медведем, который вылезает из берлоги на свет, еще пошатываясь после зимней спячки.

— Доброе утро, — рассеянно бросила ему миссис Парк.

Не обратив внимания на его босые ноги, она сразу приступила к приготовлению завтрака — два яйца, бекон, хлеб с маслом. Холестериновый грех, от которого Саймон никак не мог отказаться. Этим утром он был чрезвычайно голоден. Он проспал целую ночь, целый день и еще одну ночь. С необъяснимым трепетом он думал об утре, которое пропустил, и о тихом дне, который прошел, не замеченный ни одним человеком.

Миссис Парк поглядывала из кухни на экран телевизора. Саймон прибавил громкость, чтобы ей было слышно.

— Существуют неопровержимые доказательства того, что этот сон нам навязан, — говорила ведущая. — Однако мы не располагаем данными о каких-либо несчастных случаях. Опрошенные граждане рассказывают о прямом, почти телепатическом контакте с Артефактом на орбите.

И так далее. Саймон размышлял о том, как долго продлится эта игра в объективность. «Гос-

поди, — думал он, — мы и так все это знаем».

Никто даже не заикался о том, что ожидало всех в будущем. Элизий. Иерусалим. Illud tempus — иное время.

Он отправился на кухню по первому зову миссис Парк. Завтрак пах пленительно, как никогда. Или это было следствием уже начавшихся перемен в его теле?

— Доктор Экройд. — Домоправительница нависла у него над плечом.

— Да, Мэри?

— Вы видели сон?

— Все его видели.

— Я сказала им… «да», — призналась домоправительница.

— Конечно, Мэри. Я тоже.

— Но вы же были верующим! — удивленно воскликнула женщина.

— Не «был», а остаюсь. Думаю, что остаюсь.

— Тогда почему вы ответили «да»? Не сочтите мой вопрос за дерзость.

Он задумался. Вопрос был непростым. За эти тридцать с чем-то часов многим его убеждениям был брошен вызов. От некоторых он отрекся. Неужели его соблазняли и он поддался соблазну?

Он представил храм Теночтитлана, риту-

альную арку и опускающийся обсидиановый кинжал.

— Из-за ацтеков, — ответил он.

— Сэр?

— Потому что в мире больше не будет ацтеков, — сказал пастор. — С ними покончено.

Вопрос был задан в весьма демократичной форме и вскоре стало ясно, что ответивших «да» оказалось куда больше, чем ответивших «нет».

Мэри Парк сказала «да», как и ее муж Айра. Проснувшись и обменявшись взглядами, они поняли, что́ ответил каждый. В этом году Айре исполнилось шестьдесят, он был на семь лет старше Мэри. Всю весну и все лето он не выходил из дома из-за эмфиземы и был слаб, как ребенок. Его день начинался с просмотра утренних телевикторин, на смену которым приходили дневные фильмы, а по вечерам он перечитывал выписанные по почте спортивные журналы. Этим утром он сел, сделал в виде пробы глубокий вдох… и закашлялся, но не так сильно и болезненно, как за день до того. Воздух был приятен ему. Сладковатый воздух летнего утра, гораздо свежее больничного кислорода. К нему будто вернулись давно забытые воспоминания. «Ты хочешь жить?» Господи, еще бы! Этим утром он

очень хотел жить. Даже если в перспективе это предвещало некие… странности.

Лежа в постели, Айра Парк стал подумывать о возвращении в «Харвест», строительный магазин, где проработал двадцать пять лет. Затем передумал. Двадцать пять лет за прилавком — достаточно для одной жизни. Лучше найти новое занятие на ближайшие двадцать пять лет. Или две с половиной тысячи.

В «Харвесте» на его место наняли восемнадцатилетнего Теда Кининга, которого (в учительской, когда шел непринужденный разговор) школьный психолог охарактеризовал так: «Для колледжа не годится. Слишком тупой для науки, слишком жирный для спорта, слишком бедный, чтобы давать взятки на экзаменах».

Теда было не оторвать от телевизора. Он по-прежнему весил фунтов на двадцать больше, чем хотел бы, но от работы в магазине заметно похудел. Ему приходилось заниматься физическим трудом — таскать товары из подвала и обратно. Но Тед стал подозревать, что будущее готовит ему кое-что поинтереснее ежедневного замера цепей и взвешивания гвоздей. Этим утром он проснулся, осознавая, что никогда не умрет и что никто больше не назовет его жирным или

тупым — таким он считал себя с тех пор, как, проходя под окном учительской, случайно услышал слова школьного психолога. Он не ликовал, не злорадствовал… скорее, был поражен. Тед не до конца понимал, что происходит. Это превосходило его понимание. Но он чувствовал будущее. Свое. Будущее мира. Будущее стало интересным и удивительным. Оно маячило на горизонте, как мираж, трудноразличимое, ослепительно-яркое, но вполне реальное.

Тед сказал начальнику, что собирается вскоре уйти из «Харвеста». Мистер Уэбстер, также ответивший «да» на беззвучный вопрос из сна, ответил, что понимает его и, насколько может судить, у человечества вскоре вообще отпадет нужда в строительных магазинах. Печально, учитывая, сколько времени и денег он вложил в свое предприятие.

— Но черт побери, мне уже шестьдесят пять. Не до конца дней же им управлять. Уж лучше без магазина, чем в гробу. Тед, я думаю, нас всех ждет нечто необъяснимое. Никогда не сталкивался с таким, да и ты, наверное, тоже. Но если ты не собираешься увольняться прямо сейчас, может, упакуешь вот это для мистера Портера?

Билли Портер, отец Бет, был постоянным покупателем. Чаще всего он приходил за запчастями для машины. Билли постоянно возился со своей десятилетней «субару», но что бы он ни делал с карбюратором, двигателем и другими деталями, машина все равно глохла на перекрестках. Иногда он покупал патроны для охотничьего ружья. Билли не был заядлым охотником, но ездил в горы с друзьями. Сегодня он пришел за садовыми инструментами, что слегка позабавило мистера Уэбстера. Он с трудом представлял, как Билли на четвереньках копается в земле и сажает, скажем, тюльпаны…

А может, в этом не было ничего смешного.

— Бекки всегда следила за садом, — объяснил Билли. — Стыдно, что я так его запустил. Думал, особого труда не надо. Чуть-чуть подрезать там, сям. Вот черт.

— Взяли выходной? — поинтересовался мистер Уэбстер.

— Короткий день. Не знаю, сколько еще проработаю на фабрике.

Билли тоже ответил «да».

Но кое-кто ответил иначе.

Дочь Билли сказала: «Нет!» Бет поняла суть предложения и без раздумий отвергла его. Она

сама не могла сказать почему. Что-то внутри нее ожесточилось и отпрянуло от инопланетного прикосновения. «Нет, только не я. Вы не отберете у меня мою смерть».

Когда она проснулась, то немного взгрустнула, осознав, от чего отказалась. Теперь главным вопросом было: «Что дальше?» Какие опасности и какие возможности таил грядущий новый мир?

Она поехала в супермаркет и оттуда по платному телефону позвонила Джоуи Коммонеру.

Джоуи не хотел об этом говорить, но по его уклончивым ответам на ее осторожные вопросы Бет поняла, что он тоже ответил «нет».

«А то ты не догадывалась! Два сапога пара, — подумала Бет. — Последние, черт побери, настоящие люди».

«Последние ацтеки», — сказал бы преподобный Экройд.

Были и другие.

Мириам Флетт, чьи страдания и добродетели остались неизменными. Этим утром она проснулась с новым представлением о длани, коснувшейся ее ночью.

Том Киндл, уже пять лет живший на склоне горы Бьюкенен в хижине без электричества. Летом по выходным он спускался в город и возил

людей на пароме к островам, а зиму проводил в одиночестве. Ему так нравилось. А вот чудесное предложение, услышанное во сне, совсем не понравилось ему.

«Мы же станем леммингами», — подумал Киндл. Никакого уединения.

Один младший городской советник. Один муниципальный секретарь. Один продавец автосалона «Бьюик» на шоссе № 5.

Мэтт Уилер.

Глава 9. Много обителей[12]

Проснувшись, Мэтт сразу заметил, что температура прошла. Голова была ясной, взгляд — зорким, вчерашнюю сонливость как рукой сняло. Но что-то было не так.

Он повернулся и протянул руку, ожидая нащупать Энни, но обнаружил только одеяло.

Как и все, прошедшей ночью он видел сон. Сон казался ощутимым, реальным… был реальным, как подсказывал Мэтту внутренний голос. Но Мэтт решил, что он не мог быть реальным, и, вооружившись этой решимостью, подавил все остальные мысли, противоречивые и спутанные. Сон, повторял он про себя, — это всего лишь сон.

В доме пахло жареным беконом и маслянистыми тостами. Мэтт оделся по-выходному, в «ливайсы» и кофту, и направился на кухню. Мозаичную напольную плитку пересекала солнечная черта. Окно было распахнуто, утренний ветер легонько трепал занавески.

Энни и Рэйчел готовили вместе. Мэтт задержал-

---

[12] Примечания: 12

«В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: „Я иду приготовить место вам“» (Ин. 14: 2).

ся на пороге, пока они его не заметили. Склонив головы друг к дружке, они хихикали над какой-то шуткой. На Рэйчел были шорты и старая футболка цвета хаки. Энни так и не сняла ночную рубашку. Они разбивали яйца в синюю пластмассовую миску.

Первой Мэтта заметила Энни. Ее улыбка не померкла, но неуверенно дрогнула.

— Завтрак на подходе, — сказала она. — Для сонь. Джим и Лиллиан уже ушли. Решили поесть в «Макдоналдсе». Просили передать «спасибо» за вечеринку.

— Какая там вечеринка, — ответил Мэтт.

— Вино, друзья. Вполне себе вечеринка. — Энни махнула в сторону стола. — Мэтт, садись. Помощь нам не нужна, только мешать будешь.

Он наблюдал за тем, как она хозяйничает на кухне, растрепанная, но прекрасная в своей ночной рубашке. Любовью они прошлым вечером не занимались — чертов тайваньский грипп. С прошлого раза прошло уже много, чересчур много времени. Мэтт припоминал, что как минимум пять раз собирался сделать Энни предложение, но все время пасовал, не то из-за остаточного чувства вины, не то из боязни нарушить статус-кво, что покончило бы с их шатким романом.

«Надо было сделать предложение, — подумал он. — Тогда такие утра случались бы чаще. И спали бы мы вместе чаще».

Рэйчел подавала омлет с удивительной веселостью. В последнее время она почти не улыбалась. В детстве ее улыбка была широкой и заразительной. Селеста брала ее с собой за покупками и всякий раз слышала комплименты от встречных: «Какая довольная малышка!» Она была довольным младенцем, довольным ребенком, довольной маленькой девочкой. Смерть Селесты стерла эту улыбку, и Мэтт удивился тому, как бурно он отреагировал на ее возвращение. Сколько лет Рэйчел так не улыбалась? Не бравурной улыбкой, не улыбкой вежливости, а своей фирменной широченной улыбкой?

Эта мысль была одновременно сентиментальной и опасной, и Мэтт отбросил ее, уставившись на лакированный стол.

Рэйчел села есть с ним, а Энни отказалась.

— Не хочешь есть? — спросил Мэтт.

— Уже поела. Пойду переоденусь. Наслаждайтесь.

Она ушла, но прежде Мэтт заметил, как они с Рэйчел переглянулись. Будто сигнализировали о чем-то друг дружке.

Он посмотрел на часы и заметил, что дата перескочила на день вперед. Как так вышло? Во сне ему показалось, что спит он непривычно долго, но то во сне. Мэтт постарался сосредоточиться. Его на миг обуял страх, что окружающий мир вот-вот исчезнет, стены реальности рухнут и за ними окажется… пустота.

— Включить радио? — спросила Рэйчел.

«Господи, не надо», — подумал Мэтт.

— Нет… спасибо. — Сам не зная почему, он боялся услышать то, что могли сообщить по радио.

— Извини, пап, — смутилась Рэйчел.

— Ничего.

Она подцепила вилкой омлет. В комнате вдруг повисла неловкая тишина, и улыбка Рэйчел померкла.

— Пап, — сказала она, — со мной все хорошо. Честно.

— Я и не сомневаюсь.

— Ты за меня переживаешь. Но все хорошо. Правда. Пап? — Она внимательно посмотрела на него. — Папа, ты видел сон?

Вопрос едва не прибил его к полу. Он отчаянно боролся с детским желанием зажмуриться и заткнуть уши.

— Нет, милая, — отведя взгляд, произнес он

сквозь стыд. Его язык едва ворочался. — Мне ничего не снилось.

Он отвез Энни домой по прибрежному шоссе.

Бьюкенен снова выглядел тихим, но это была привычная субботняя тишина, а не безмолвие прошлого дня, тревожное и непонятное. Люди прохлаждались на улице, стригли лужайки, пололи грядки, ходили по магазинам. Мэтт порадовался этой пригородной умиротворенности.

Над склоном горы стояла голубоватая дымка. Ветер приносил через окно насыщенные запахи сосновой смолы и нагретого солнцем асфальта. Дорога плавно изгибалась. Мэтт миновал торговый порт, где на приколе стоял ржавый траулер, и направил машину через деловой квартал, огибая пригорок, — к дому, где жила Энни.

Ему было непонятно, почему она решила поселиться в этом захолустье, в старом многоквартирном доме, без лифта, со стенами не толще картона. Сама Энни не объясняла. Энни много чего не объясняла. Например, куда она исчезала каждую вторую субботу месяца и почему не меняла свою симпатичную, но давно устаревшую мебель.

Она пригласила Мэтта подняться, и он согласился. Несмотря на очевидную бедность убран-

ства, квартира вполне соотносилась с обликом и характером Энни: спальня, большая гостиная с видом на залив, редкие предметы мебели, чистый паркет, старая пятнистая кошка Бьюла, дремавшая на пятне солнечного света. Квартира, минималистичная, как японское хокку: важна каждая деталь.

Энни насыпала кофе в кофеварку. Бьюлу успела покормить соседка, и кошка пропускала доносившийся с кухни шум мимо ушей. Машина забулькала.

— Мэтт, нам нужно поговорить, — сказала Энни.

«Нам нужно поговорить» было политкорректным синонимом грядущего эмоционального всплеска, и Мэтту это не понравилось. Он встал у окна, глядя на спокойный синий океан. О чем говорить? Почему нельзя просто помолчать?

— Мэтт? — окликнула Энни. — Ты видел сон этой ночью?

Он едва не возненавидел ее за этот вопрос.

— Рэйчел спрашивала то же самое, — сказал он.

— О. И что ты ей ответил?

— Что не видел.

— Вряд ли она поверила.

— Она ничего не сказала.

— Я тебе не верю.

— Энни, к чему это? — Мэтт крайне неохотно отвлекся от созерцания озаренного солнцем моря.

— Я видела сон, — сказала Энни. — Рэйчел тоже видела. Думаю, все живущие на Земле люди видели его. И ты тоже.

Мэтту захотелось метнуться к двери. Его бросило в пот, он напрягся, не в силах противиться вердикту, который вынес сам. «Отрицание, — заявил его внутренний студент-зазнайка. — Ты отрицаешь то, с чем не хочешь иметь дела».

Он сел за лакированный сосновый стол и закрыл глаза. Бьюла потерлась о его ногу. Мэтт посадил кошку на колени, и та заурчала.

— Ладно, — сухо сказал он. — Расскажи, что тебе снилось.

Энни заявила, что это не сон. Это явление, вызванное микроорганизмами — или машинами, — о которых предупреждал Джим Бикс.

(«Нет, Мэтт, не спрашивай, откуда я это знаю. Просто знаю. Дай мне закончить».)

Энни сказала, что микробы — не организмы и не механизмы: или комбинация того и другого, или что-то неведомое. Они могут размножаться и в некотором смысле разумны. Их выпустили в

атмосферу триллионами; ветер разнес их по всем уголкам Земли, и к концу июля они поселились в организме каждого человека. На прошлой неделе они приступили к размножению; аномальные результаты анализов крови были следствием их роста и активности.

Они должны были служить голосом Артефакта. Точнее, голосом Странников.

Энни сказала «Странники» — так они называли сами себя. Как и созданные ими микробы, они не были органическими существами, но, в отличие от своих творений, когда-то являлись ими и не путешествовали за пределы родной планеты. Эти создания, напоминавшие ходячие губки, строили города в богатых метаном впадинах спутника юпитероподобной планеты, вращавшейся вокруг непостижимо далекой звезды.

Они переросли свой мир, отравили его органическими и техническими отходами и смогли предотвратить собственную гибель, лишь отказавшись от органических и механических сущностей. В критический момент они стали Странниками: беспланетными, бестелесными.

Теперь домом им служил Артефакт — физическая структура и одновременно огромное виртуальное пространство. Их было больше, чем

людей на Земле, но лишь некоторые по-прежнему помещались в физических телах, чтобы поддерживать работоспособность Артефакта.

Как рассказала Энни, они были не коллективным разумом, компьютером или чем-то подобным, а самостоятельными существами, уникальными индивидами; будучи нематериальными, они могли соединяться друг с другом, бесконечно спать, переносить длительные межзвездные путешествия без скуки и усталости. Они обладали безграничной способностью к обучению и жили неизвестно сколько — сколько угодно. В некотором смысле они достигли бессмертия.

Энни говорила, осознавая все это в процессе рассказа, что они странствовали с тех пор, как Земля была скоплением пыли, а Солнце — горячей новой звездой, и ничего не забыли за минувшие тысячелетия. Они были обширным хранилищем непостижимо древней мудрости и прибыли на Землю в момент, который сочли переломным и удачным. По их словам, «мы — то, чем они были когда-то»: разумная раса, не покидающая пределов планеты и отравляющая ее своими отходами.

Становилось понятно, почему они не выходили

на связь с мировыми лидерами и правительствами. У них был более продвинутый способ коммуникации: кибернетические микробы, нечто вроде руки, с помощью которой можно дотронуться до каждого человека. Такой, более личный, контакт был их единственным методом связи. Микробы, назовем их неоцитами, взаимодействовали с нервными клетками, не изменяя их. Непосредственно перед Контактом они успокоили испуганных землян, одурманили на некоторое время — как объяснила Энни, чтобы не допустить паники. Затем Странники погрузили нас в долгий глубокий сон и в течение тридцати часов обратились к шести миллиардам человек не на известном языке, а посредством, за неимением лучшего слова, комплекса понятий, более глубоких и всеобъемлющих, чем слова любого языка. Они рассказали все это и гораздо больше, куда больше, чем могла объяснить Энни.

«Мэтт, — говорила она, — ты наверняка тоже почувствовал это: такие возможности… в прямом смысле бесконечные возможности… их жизнь, их дом, Артефакт, как раковина наутилуса, не мертвая, как могло показаться, а полная удивительной и разнообразной жизни. Они ведь показали тебе это?

Они предложили мне все это. И тебе тоже должны были предложить.

Они сказали, что я могу получить все это».

«Ты хочешь жить? — спросили они. — *Жить, не зная смерти? Фактически вечно?»*

И Энни ответила «да».

«Ты хочешь жить, — спросили они, — *даже зная, что изменишься? Даже если со временем перестанешь быть человеком?»*

Тут она замешкалась. Но вновь подумала об их долгих, сложных, интересных жизнях; поняла, что все на свете меняется, что сама смерть — своего рода перемена и невозможно жить вечно, не меняясь: без перемен ничего не сделать.

И снова сказала «да».

Она налила Мэтту кофе. Мэтт посмотрел на кружку. Крепкая, приятно осязаемая. Привычная вещь.

Бьюла зевнула и спрыгнула с него, очевидно предпочитая залитый солнцем пол.

— Мэтт, что ты им ответил? — спросила Энни, положив руку ему на плечо.

Он отстранился:

— Я ответил «нет».

Глава 10. Этикет

Президент, которого, к слову, звали Уильям, решился на поступок, которого не совершал уже много лет: вышел на прогулку.

Он покинул Белый дом через главный выход, перешел Пенсильвания-авеню и оказался на Лафайет-сквер.

Стояло ясное сентябрьское утро. Воздух был прохладным, но ласковое солнце грело руки и лицо. На входе в парк президент задержался. Улыбнулся, скинул куртку. Расстегнул воротник, снял черный шелковый галстук, машинально сложил его и сунул в карман брюк.

«В новом мире этикет можно не соблюдать», — подумал он.

Он вспомнил историю о Калвине Кулидже, который как-то раз на утреннем приеме в Белом доме налил густой кофе со сливками в блюдце, шокировав всех. Изумленные гости из вежливости поступили так же. Вытаращив глаза, они дожидались, пока президент не сделает первый глоток. А Кулидж взял блюдце, наклонился и поставил его перед кошкой.

История забавная — но, по мнению Уильяма, в

ней было что-то неприятное. От нее так и разило древней закостенелой политикой подчинения и властвования. Что такое президент, которого все боятся? Просто название. Ходячий костюм, вдобавок неудобный.

К своему стыду, он иногда думал о себе как о единственном и неповторимом президенте, своего рода иконе, в большей степени символе, нежели человеке. Так, должно быть, чувствовали себя древнеримские императоры, избранники богов, или их китайские коллеги, правившие согласно небесному мандату. Мы грезим о громких титулах и присуждаем себе их — и в самом деле, почти вся его жизнь прошла как греза, как сон, невероятно долгий и глубокий. Сон, из которого его выдернул другой сон. Утренний воздух как бы возвращал ему молодость. Он вспомнил лето, проведенное с семьей на пляжном курорте в Мэне. Не в той хижине у реки в Адирондаках, о которой он рассказывал в давнем обращении к нации, — единичный случай, изрядно приукрашенный его спичрайтером. Двенадцатилетний Уильям провел лето в настоящем летнем дворце, возведенном в «позолоченном веке»[13] и

[13] Примечания: 13
Имеется в виду последняя четверть XIX в. в США.

прекрасно сохранившемся, несмотря на едкий соленый воздух и технический прогресс. Главными достоинствами отеля были изысканные льняные простыни, европейская кухня и двухмильный дикий пляж на берегу Атлантики. Матери Уильяма больше всего нравились простыни. Уильяму больше всего нравился пляж.

Ему позволяли гулять по пляжу сколько угодно, не разрешая лишь заходить в воду, которая в любом случае была слишком холодной и бурной, на его вкус. Он обожал океан, но любовался им с безопасного расстояния. Все лето, каждое утро, он поспешно запихивал в себя завтрак и мчался прочь из отеля, словно конь на скачках. Он бежал по плотному и твердому песку, пока не ощущал колики в боку, пока не начинал задыхаться. Когда бежать становилось невмоготу, он снимал обувь и подходил к кромке воды, чтобы посмотреть на удивительных существ, обитавших в приливных заводях и среди камней.

Устав и от этого, он садился в высоких зарослях дистихлиса и часами смотрел туда, где океан сходился с небом. Там, за бескрайними водными просторами, была Англия. Англия, куда американские летчики отправлялись на войну с люфтваффе. За Англией располагалась вишист-

ская Франция. Дальше — Европа, страдавшая под нацистским каблуком. Еще дальше держал оборону Сталинград.

Он смотрел, как огромные облака плывут над океаном, облака, пришедшие то ли из истерзанной войной Европы, то ли из тропиков, с морей, названия которых заставляли вспомнить книги Джозефа Конрада и Райдера Хаггарда: Индийский океан, Аравийское море, Бенгальский залив. Помечтав, Уильям съедал холодный ростбиф, приготовленный поваром отеля, и запивал его сладким ледяным чаем из термоса.

Вот это была жизнь.

«Наша жизнь подчас подобна сказкам», — подумал Уильям. И как тому мальчику пришла в голову идея стать президентом Соединенных Штатов? Он стремился к этому неустанно, в конце концов превратившись в бесстрастного патриция. Теперь ему казалось, что он впал в некий транс, но когда? В юридическом колледже? Во время первой предвыборной кампании? Он кутался в карьерный плащ до тех пор, пока желание пробежаться по солнечному летнему пляжу не покинуло его. Жаль.

Согревшись на солнышке, он задремал на ска-

мейке у памятника Рошамбо…[14] но его почти сразу же разбудило прикосновение пистолетного ствола к шее.

Холодное дуло прижалось к коже в двух дюймах ниже левого уха, скользнув по мышце.

Уильям осторожно повернул голову в противоположную сторону и посмотрел вверх.

Он не сразу узнал человека, державшего пистолет. Это был высокий мужчина с аккуратно причесанными седыми волосами. Сильный, но уже не молодой, лет шестидесяти с небольшим. На нем был безупречный костюм-тройка, пиджак был расстегнут. Все это Уильям разглядел за считаное мгновение.

Лицо мужчины было удивительно привлекательным. И отчасти знакомым.

— А, — произнес президент, вспомнив. — Полковник Тайлер.

Джон Тайлер прикрывал оружие своим телом от редких туристов. Он опустил дуло, чиркнув им по ключице Уильяма, и сел на скамейку рядом, прижав пистолет к животу президента.

Имя Джона Тайлера регулярно всплывало

---

[14] Примечания: 14

Жан-Батист Донасьен де Рошамбо (1725–1807) — французский маршал, участник Войны за независимость США.

в ежедневном резюме директора национальной разведки и на президентских брифингах. Тайлер играл незначительную роль в готовившемся мятеже, который благодаря Контакту так и не состоялся. Он был из тех бывших вояк, которые строили карьеру в сфере оборонной промышленности и так называемом железном треугольнике[15]. У него были связи… где? В «Форд эроспейс»? В «Дженерал дайнемикс»? Поэтому его слово имело определенный вес в Комитете палаты представителей по вооруженным силам и подкомитете по снабжению. У него имелись друзья в Пентагоне, в ЦРУ, в банках. Тайлер был образованным человеком, убедительным оратором, и его перспективы могли бы выглядеть гораздо лучезарнее, если бы военную карьеру полковника не разрушил какой-то сексуальный скандал.

Уильям знал о Тайлере кое-что еще. Сведения, подкинутые верным генералом авиации. Зачинщики переворота приготовили для полковника Тайлера особую роль. Если бы Уильям отказался

---

[15] Примечания: 15

Термином «железный треугольник» в политике США определяют отношения между комитетами конгресса, бюрократией и группами интересов, в результате которых зачастую лоббируются выгодные строго ограниченному кругу населения законопроекты.

мирно уйти на покой и доживать свои дни на даче, Джон Тайлер должен был вышибить ему мозги.

— Я за вами следил, — процедил Тайлер. Говорил он тихо, но злобно. — Видел, как вы вышли из Белого дома. Боже, как непривычно видеть президента на публике без телохранителей. Думали, все кончено и охрана вам больше не нужна?

— Все кончено. Охранники разошлись по домам, полковник. — Уильям посмотрел на пистолет Тайлера. Уродливая штуковина. — А что с вашей революцией? Мне казалось, ей тоже конец.

— Держите руки на месте, — отрезал Тайлер. — А то убью.

— Вы собираетесь меня убить?

— Скорее всего.

— А в чем смысл, полковник Тайлер?

— Сэр, смысл в том, что мертвый президент лучше живого предателя.

— Понятно.

На самом деле из этого короткого диалога Уильям почерпнул гораздо больше.

Во-первых, переворот действительно отменяется и полковник Тайлер пришел сюда исключительно по своей воле.

Во-вторых, Тайлер ответил Странникам «нет» и только сейчас начал понимать все значение Контакта.

В-третьих, несмотря на внешнее спокойствие, полковник едва справляется с паникой и безумием. Застрелит ли его Тайлер? Может, да. А может, и нет. Вопрос оставался открытым. Все решится под влиянием момента.

«Подбирай слова осторожно», — напомнил себе Уильям.

— У вас были соратники, — сказал он Тайлеру, — но теперь они передумали. Проснулись и поняли, что мир стал иным. Но вы, полковник, не с ними?

— Можете не сомневаться.

— Прошла целая неделя. Зачем вы столько ждали, прежде чем подобраться ко мне? — Уильям кивнул в сторону колючей ограды Белого дома. — Вы могли зайти с парадного входа, полковник. Никто бы вас не остановил.

— Вчера я разговаривал с вашим приятелем Чарли Бойлом. Он сказал то же самое. Я не поверил. — Тайлер развел руками. — Но, может, это и правда. Раз вы так спокойно разгуливаете.

«Чарли Бойл стал моим другом лишь тогда, когда проснулся бессмертным», — подумал Уильям.

Но Чарли говорил правду. Теперь Белый дом был открыт для всех, как музей.

Тайлер нетерпеливо дернулся и слегка поджал губы. Уильям медленно втянул в себя воздух:

— Полковник Тайлер, вы должны понимать, что́ происходит, даже если не собираетесь принимать в этом участия. Даже если вы отказались. Это не вторжение инопланетян. На Землю не приземлились летающие тарелки, ее не захватили враждебные вооруженные силы. Оглянитесь.

Тайлер сильно нахмурился, и на несколько секунд его палец плотно прижался к спусковому крючку. Уильям через ствол почувствовал биение сердца Тайлера.

Смерть — незримый третий участник разговора — нависла над парковой скамейкой.

«Я не должен пугаться, — подумал Уильям, — но я боюсь. По-прежнему боюсь».

— Я думаю, — сказал Тайлер, — что случилась массовая галлюцинация. Люди вообразили, что могут жить вечно. Что мы можем сосуществовать, как библейские лев с ягненком. Я думаю, что большинство людей заразились этой болезнью. Но не все. Некоторые исцелились. Вот я, например, здоров. А вы, господин президент, тяжело больны.

— Значит, я не предатель, а просто больной?

— Может, и то и другое. Какими бы ни были ваши причины, вы сотрудничали с этими… и больше не подходите для выполнения своих обязанностей.

— То есть пистолетом тычете в меня вы, полковник Тайлер, а болен при этом я?

— Оружие в правильных руках — не симптом болезни.

Вести такой разговор в этот приятный день было странно. Президент отвернулся от полковника Тайлера и увидел у подножия памятника Эндрю Джексону мальчишку лет десяти, запускавшего воздушного змея. Из-за порывистого ветра змей то взмывал ввысь, то падал. Темная кожа мальчика блестела на солнце. Змей был красивый. Черно-желтый, в форме крыла летучей мыши.

На миг их глаза встретились; между президентом и мальчиком установилась связь, они поведали друг другу о своих всемирных трудностях.

«Смогу отговориться», — решил Уильям.

— Полковник Тайлер, предположим, что я не гожусь на роль президента Соединенных Штатов.

— Под дулом пистолета вы признаете что угодно.

— Не важно. Я это признаю. Я не гожусь. Говорю это без задней мысли и готов повторить, когда вы уберете пистолет. Если хотите, напишу заявление. Полковник, кого бы вы предложили в качестве моего преемника?

Тайлер впервые пришел в недоумение.

— Я говорю искренне, — поспешно продолжил Уильям. — Мне нужен ваш совет. Кто у вас на уме? Чарли Бойл? Но ему теперь нельзя доверять. Он «болен». Вице-президент? Боюсь, тоже. Пресс-секретарь Белого дома?

— Вы несете чушь, чтобы запудрить мне мозги, — резко ответил Тайлер, но вдруг сделался жалким и каким-то рассеянным.

— Полковник Тайлер, не удивлюсь, если вы — самый высокопоставленный военный офицер, которого миновала так называемая болезнь. Не знаю, как в таком случае работает командная вертикаль. В Конституции этого не предусмотрено. Но если вы хотите…

— Господи, да вы совсем спятили! — воскликнул Тайлер. Пистолет в его руке дрогнул.

— Вопрос только в электорате. Это краеугольный камень. Полковник, вам известно, сколько человек отказались от возможности жить вечно? Приблизительно один из десяти тысяч.

— Откуда вам знать?

— Давайте не будем спорить и предположим, что я знаю. На Земле живет шесть миллиардов человек, плюс-минус, то есть из них, выражаясь вашими словами, «здоровы» шестьсот тысяч. Довольно много. Но далеко не все они — американцы. Я бы даже сказал, подавляющее меньшинство. Полковник Тайлер, вы помните, каково население Америки согласно последней переписи? Я, признаться, подзабыл. Миллионов триста? Значит, у вас примерно тридцать тысяч избирателей. Население небольшого городка. На мой взгляд, для демократии вполне достаточно. В идеальных условиях вы могли бы создать прямую демократию… если, конечно, собираетесь и дальше проводить выборы.

— Это неприемлемо. — Глаза полковника Тайлера заблестели. — Я…

— Что неприемлемо? Мои доводы? Или ваше президентство?

— Не принуждайте меня! Вы не можете просто взять и передать мне свой пост, как призовую карточку из пакетика с орешками!

— Но вы же хотели отобрать его у меня силой — вы и ваши соратники.

— Это другое!

— Неужели? Не сказал бы, что это вписывается в правовые нормы.

— Я не буду гребаным президентом! Вы — гребаный президент!

— Полковник Тайлер, можете меня застрелить, если хотите. — Уильям поднялся, несмотря на риск, и заговорил властным тоном. По настоянию Тайлера он еще раз стал президентом Соединенных Штатов. — Одного-двух выстрелов может не хватить. Я чувствую, что мое тело сейчас немного крепче, чем раньше. Но если вы выпустите всю обойму, тело уже не восстановится. Однако я считаю, что оставлять труп на Лафайет-сквер этим чудесным солнечным утром — моветон.

Полковник Тайлер встал, но не убрал пистолет от живота Уильяма.

— Раз вы можете умереть, вы не бессмертны.

— Тело смертно. Я — нет. Моя… сущность, назовем это так, теперь хранится в Артефакте. Я одновременно и здесь, и там. Здесь я бодрствую, а там — сплю. Если вы выстрелите, то просто переставите местами слагаемые.

Над парком пронесся порыв ветра. В десяти ярдах от скамейки воздушный змей мальчика дернулся и застыл.

«Тяни, — подумал Уильям. — Крути нитку».

Змей — черно-желтое пятно — поднялся высоко в синее небо.

— Полковник, давайте прогуляемся, — предложил Уильям. — Мои ноги затекают, если их долго не разминать.

Они пошли по 17-й улице в направлении Потомак-парка, мимо художественной галереи Коркорана, штаб-квартиры Организации американских государств и других образцов беспорядочной вашингтонской архитектуры.

По мнению Уильяма, наиболее характерными сооружениями Вашингтона оставались памятники. Мемориал Линкольна, мемориал Джефферсона. Американское представление о британском представлении о римском представлении о греческой гражданской архитектуре.

У афинян для осуществления демократии существовала агора. Нам следовало бы скопировать их рыночные площади, а не храмы. Поставить на Конститьюшн-авеню несколько палаток с фруктами, пару торговцев коврами, тележки с арахисом и устраивать между ними заседания конгресса.

Когда-то ему нравилась идея демократии. Он питал к ней не менее теплые чувства, чем к тому пляжу в Мэне. Но на долгом пути к Белому дому

он утратил и любовь к демократии, и любовь к пляжу.

Да, он неоднократно упоминал слово «демократия» в своих речах. Но из него будто выжали весь сок.

Ему было интересно, любил ли демократию полковник Тайлер. Прогулки по пляжу тот наверняка не любил.

— Вы отдали все, — рассуждал Тайлер. — Без боя. Даже кулаком не погрозили, мистер президент. Как по-вашему, заслуживает это преступление наказания в виде пули в лоб?

Пистолет спрятался в кобуре под курткой полковника, но Уильям не забыл о его наличии.

— И что же такого я отдал, полковник?

— Америку, — ответил Тайлер. — Нашу нацию. Наш суверенитет.

— Нельзя отдать то, что тебе не принадлежит.

— Но вы вступили в сговор с захватчиками.

— Все настаиваете, что это вторжение? Ну, пожалуй, можно сказать, что я с ними сговорился. — Это было правдой. Президент увидел многозначительный сон за несколько дней до остальных. Со смертельно больными и сильными мира сего вступили в Контакт заранее. С больными — чтобы болезнь не забрала их в

последний момент. С власть имущими — чтобы они не натворили бед. — По мне, это не сговор, а взаимовыгодное сотрудничество.

— А по мне — государственная измена, — сухо произнес Тайлер.

— Серьезно? Хотите сказать, у меня был выбор? Я мог сопротивляться? Что изменилось бы, если бы началась паника?

— Кто знает.

— Да, теперь можно только гадать. Полковник, процесс был демократическим. Уж с этим-то не спорьте. Вопрос о вечной жизни со всем, что за этим следует, был задан каждому. Считаете, я должен был принять решение за всю Америку? Нет, я не мог этого сделать, да и не нужно было. Америка сама сделала выбор. Полковник, мне очевидно, что лично вы отклонили предложение. Другие тоже могли отклонить. Но в подавляющем большинстве не сделали этого.

— Вздор, — отмахнулся Тайлер. — Вы правда в это верите? Думаете, что существа, способные вторгнуться в ваш разум и изменить метаболизм, не могут лгать?

— Предположим. Но в вас «вторглись» так же, как и в других. И вот он вы.

— Возможно, у меня иммунитет, как я уже

говорил.

— К внушению, но не к вопросу? Какой-то странный иммунитет, полковник.

Они уселись на скамейку в Садах Конституции, и их тут же окружили голуби в ожидании крошек. Уильям задумался о том, что думают голуби об этих бурных переменах в человеческих эпистемах. Туристов стало меньше, зато оставшиеся были куда щедрее.

Нужно было принести что-нибудь и покормить птиц.

— Задумайтесь о том, что вы мне рассказываете, — сказал Тайлер. — Они обратились ко всем? К каждому человеку на Земле? Включая младенцев? Инвалидов-маразматиков в домах престарелых? Преступников? Слабоумных?

— Полковник, насколько я понимаю, младенцы единогласно ответили «да». Думаю, им незнакомо понятие смерти. Да, младенцы еще не умеют говорить, но вопрос был задан с помощью чего-то большего, чем язык. И у младенцев, и у маразматиков велика жажда жизни, пусть они и не в состоянии ее выразить. Со слабоумными так же. В каждом есть крупица сознания, которая понимает и отвечает. Преступники тоже хотят жить, полковник, хотя для них все куда сложнее.

Принимая дар бессмертия, они навсегда остаются с грузом неприятных, страшных фактов о себе, которые предпочли бы забыть. Худшие из них отвергли предложение.

Полковник неприятно рассмеялся:

— Вы хоть понимаете, что несете? Выходит, я теперь неизбранный президент государства маньяков и убийц?

— Это далеко от истины. У людей много причин не желать бессмертия. Причин вроде вашей, например.

Полковник скривился. Уильям почувствовал, что ступил на опасную территорию.

— Это все равно что посмотреть в зеркало, — переведя дух, продолжил президент. — Когда Странники говорят, они обращаются к вашему естеству. Не к тому образу, каким вы сами себя представляете. К сердцу. К душе. К тому «я», в котором собрано все, что вы сделали, хотите сделать и никогда не сделаете. Наше истинное «я» не всегда выглядит симпатично. Мое уж точно.

Вместо ответа полковник Тайлер лишь тяжело вздохнул.

Голубям не понравился звук, и они всей стаей перемахнули к Зеркальному пруду, в холодной, подернутой рябью воде которого отражалось

чистое небо.

За прошедшую неделю интенсивность движения в пределах кольцевой автодороги заметно снизилась. По всеобщему согласию, без обсуждений, официальный Вашингтон сворачивал деятельность. Капитолийский холм еще за день до того превратился в город-призрак. Уильям стоял в ротонде и прислушивался к эху своих шагов под куполом. Но в городе пока оставались туристы, если их можно было так назвать. Люди, пожелавшие нанести прощальный визит правительственному аппарату.

Некоторые тихо брели по Национальной аллее. Уильям не чувствовал себя среди них лишним, а вот полковника Тайлера они заметно нервировали.

— Хочу спросить, — начал Тайлер.

— Полковник, не забывайте, что я политик. Мы — специалисты по уклонению от сложных вопросов.

— Мистер президент, к этому вопросу вам лучше отнестись серьезно. — Тайлер рассеянно потянулся к пистолету. Его взгляд блуждал. Уильям подумал, что помутнение рассудка полковника не обязательно было следствием Контакта. Возможно, Контакт просто пробудил в

нем старое безумие. От Тайлера исходил вполне осязаемый жар. Этот жар был опасен, и температура накала грозила подскочить от малейшего раздражителя.

— Простите, если моя ремарка была дерзкой. Я слушаю.

— Что будет дальше? Хотя бы по вашему предположению.

Уильям задумался.

— Полковник, вам больше не у кого спросить? Жена, подруга? Родственники? У меня в этом деле особой роли нет, я знаю не больше других.

— Я не женат, — ответил Тайлер. — И родных у меня нет.

Вот он, недостающий фрагмент мозаики Джона Тайлера: давнее, мучительное одиночество. Тайлер был одиночкой, и Контакт окончательно изолировал его от остального человечества.

Мысль об этом была грустной и пугающей.

— Полковник, я со всей серьезностью могу сказать, что вы задали чрезвычайно сложный вопрос. Вы и без меня понимаете, что все меняется. У людей новые запросы, они отказываются от старых привычек… и нам еще предстоит свыкнуться с этим. Думаю… когда-нибудь неудобные тела станут не нужны нам. Но до этого еще дале-

ко. — Ответ Уильяма был абсолютно честным.

Тайлер посмотрел на него страшным взглядом — отчасти испуганным, отчасти возмущенным, отчасти презрительным.

— А потом?

— Не знаю. Надо будет принять решение — коллективное решение. Но догадка у меня есть. Думаю, нашей измученной планете нужен ремонт, и очень скоро она его получит.

Сделав по городу круг, они вернулись к воротам Белого дома. День двигался к полудню; заметно потеплело.

Несмотря на опасность, Уильям устал от словесной дуэли с Джоном Тайлером. Он ощущал себя оставленным после уроков школьником, который считает минуты до свободы.

— Ну что, полковник? — Он посмотрел Тайлеру в глаза. — Решили стрелять?

— Выстрелил бы, если бы знал, что это поможет. Если бы чувствовал, что так можно вернуть хотя бы дюйм этой страны. Господи, я убил бы вас не моргнув глазом. — Тайлер сунул руку под куртку и почесался. — Но вы не представляете угрозы. Среди известных предателей вы — один из самых жалких.

Уильям скрыл облегчение. «Пусть я и бес-

смертен, — подумал он, — расставаться с этим воплощением еще рано».

К тому же как он объяснит свою смерть Элизабет? Она назовет его недотепой, и вполне справедливо.

— Если думаете, что конфликт исчерпан, вы ошибаетесь, — сказал Тайлер. — Есть люди, еще готовые сражаться за страну.

«Зачем сражаться? — подумал Уильям. — Страна ваша! Полковник Тайлер, берите ее!»

Но эти мысли он оставил при себе.

— Надеюсь лишь, — Тайлер отвернулся, — что остальные холощеные кони так же смирны.

Уильям проводил полковника взглядом.

Тайлер был человеком на грани. Оставшийся в меньшинстве одиночка, несущий мрачный груз каких-то старых грехов. Мир, в котором он жил, менялся, выходя за рамки его понимания.

Хуже всего, что этого можно было избежать. Полковник, вы могли сказать «да». И понимаете это, пусть и не признаетесь.

Погрустив о судьбе полковника Тайлера, Уильям сложил и убрал эти мысли, как складывал и убирал в карман свой шелковый галстук.

Встреча с полковником могла быть не послед-

ней, но до поры до времени об этом не стоило беспокоиться.

День стоял прекрасный, и до его конца было еще далеко. До ланча оставалось пятнадцать минут. А главное — его, Уильяма, не убили.

Он окинул взглядом лужайку перед Белым домом. Поиски пасхальных яиц, дипломатические фотосессии, вручение премий. Смотрел ли он когда-нибудь по-настоящему на лужайку во время всех этих мероприятий? Садовники прекрасно выполняли свою работу. Трава была ярко-зеленой и еще блестела от росы.

Уильям подумал, что хорошо бы развязать шнурки, стянуть ботинки с носками и пройтись босиком по мягкой зеленой лужайке.

И решил, что настало время сделать это.

Глава 11. Киндл

По мнению Тома Киндла, сон был именно тем, чем казался: приглашением погрузиться в уютное общественное бессмертие. Киндлу такая перспектива казалась омерзительной, но он не сомневался, что другие сочтут ее манящей.

Поэтому после той необычной ночи Киндл две недели не показывался в городе. Он не знал, каким предстанет Бьюкенен, и сомневался, что хочет это знать.

Поход в город откладывался и откладывался, но стал необходимостью, когда Том не удержался на скользкой горной дороге, скатился на двадцать футов вниз по западному склону горы Бьюкенен и сломал бедро.

Если подумать, непонятно, что он вообще забыл на этой тропе. Никто не заставлял его туда идти. В хижине хватало провианта и книг. В данный момент Киндл продирался через «Историю упадка и разрушения Римской империи» Эдварда Гиббона. Чтиво такое, что можно помереть со скуки, но книга входила в собрание «Классика западной литературы», которое Киндл приобрел

вместе с полкой, — не хотелось, чтобы деньги оказались потраченными впустую.

Клаустрофобия тоже была ни при чем. В хижине было весьма просторно. Он купил участок в нескольких милях от Бьюкенена — на старой дороге, которой раньше пользовались лесорубы, — в 1990 году. Сама хижина была каркасной; собирать ее помогали несколько друзей, один из которых был строительным подрядчиком и имел доступ к хорошим инструментам. С тех пор все деньги, не уходившие на ремонт лодки и еду, Том тратил на улучшение своих жилищных условий.

Городской муниципалитет провел сюда водопровод еще во времена земельного бума восьмидесятых, и Тому приходилось платить также и за воду. А вот электричество он получал от бензинового генератора в сарае. Зимы не всегда были снежными, но Киндл все равно утеплил жилище и поставил внутри дровяную печь, чтобы не мерзнуть. В это время года в отоплении еще не было нужды.

Да, это была всего лишь хижина, недостаточно большая, чтобы зваться домом, но вполне комфортабельная, и Том не чувствовал себя отрезанным от внешнего мира. Внезапный позыв погулять по горным тропам был беспричинным.

Ему просто захотелось. Очевидно, затея вышла глупой. Трехнедельная засуха прервалась на прошлой неделе; дождь лил без перерыва уже три дня, и тропы стали скользкими. А местами и очень крутыми.

Киндлу не хотелось это признавать, но он был уже далеко не мальчиком. На вопрос «Сколько вам лет?» он обычно отвечал: «Под пятьдесят». На самом деле он не считал годы. Ему это не нравилось. Когда живешь и работаешь один, на кой тебе дни рождения? Кто в здравом уме будет их считать?

Тем не менее в январе ему исполнилось пятьдесят три, и тело понемногу теряло былую проворность. Поэтому, поднимаясь по грязному серпантину, где тропа была разбита поваленной елью, он не успел ухватиться за корень или молодое деревце — ботинки поехали прочь, и мир вдруг перевернулся.

Когда нога переломилась, он потерял сознание.

Очнувшись, он не стал шевелиться. Видимо, сработал инстинкт самосохранения. Он не отваживался двинуться, лишь моргал, глядя на заслоненное хвойными деревьями небо, и пытался найти объяснение затруднительному

положению, в которое попал.

Голова кружилась, и Том не стеснялся говорить сам с собой, — впрочем, он никогда этого не стеснялся.

— Ты упал. — Констатация очевидного. — Поскользнулся на тропе, болван.

Он повернул голову и определил траекторию своего падения по сломанным деревцам и взрытой земле. Немалое расстояние. Остановился в овражке; задница в ручье, ноги обвили мшистый пень от старой канадской ели.

Том особо отметил неприятный факт: левое колено было выгнуто под неестественным углом.

— Вот дерьмо! — выругался Киндл. Вид сломанной ноги одновременно напугал его и рассердил. Больше рассердил. Он громко ругался, не стесняясь в выражениях, а когда закончил, даже лес, казалось, затих от смущения. Затем пришлось задаться вопросом: — Ну что, Том Киндл, угробил ты себя, дурачина?

Возможно. До хижины было четверть мили вниз по прямому склону, а по тропе — больше мили. Предположим, ему удастся добраться до дома. Но телефона в хижине нет. Помощь можно найти в Бьюкенене либо у ближайшего соседа, ниже по склону — три мили по гравийной дороге.

И кто сказал, что получится дойти хотя бы до ближайшего дерева, снова не потеряв сознание?

Он слегка пошевелился, чтобы проверить, и едва не отключился. Боль при движении была ему незнакома; в ногу и до самой поясницы будто втыкали раскаленный прут. Том слабо вскрикнул, спугнув птиц с ближайшего дерева. Пока он лежал спокойно, боль стихала, но не отпускала. Источником ее была левая нога между тазом и коленом; ниже все онемело.

Нужно наложить шину. Зафиксировать ногу, иначе он не сможет двигаться.

Том поднял голову и оценил характер травмы. На первый взгляд, крови не было, кость не торчала, — по крайней мере, не все так ужасно. Когда-то Киндл работал на лесопилке в Британской Колумбии и видел, как у одного лесоруба бедренная кость вышла наружу: что-то вроде окровавленного шестидюймового куска мела.

Но были и плохие новости. Похоже, перелом был непростым; пострадало и колено. Насколько Киндл помнил уроки первой помощи, при повреждении суставов не нужно пытаться их вправить. Нужно обездвижить конечность до получения «квалифицированной медицинской помощи».

Осмотревшись, он заметил походный посох

из ореха, с которым всегда ходил в горы. Надежная старая палка. Как старый друг. Достаточно прочная, чтобы зафиксировать перелом. «Сгодится», — подумал он. Но палка лежала в полутора футах от его руки.

Он с криком придвинулся к ней.

Он кричал без остановки, пока перематывал ногу. Действие было волнообразным. Когда волны боли достигали апогея, Том чувствовал, что теряет сознание, и лежал без движения, как в дурмане, тяжело дыша, пока в глазах не прояснялось; затем он продолжал работу над шиной.

В конце концов, через бог знает сколько времени, ореховый посох был примотан к бедру и голени обрывками хлопчатобумажной рубашки. Вышло на славу, как у профессионала.

А если пошевелиться?

Шина удерживала ногу более или менее неподвижно и облегчала боль. Киндл немного прополз по мокрому руслу ручья. Глубина достигала всего нескольких дюймов, вода едва струилась, но была ледяной. К счастью, день выдался теплый… но он уже клонился к вечеру, а в конце лета, когда небо ясное и высокое, вечерами бывает холодно. Стоит солнцу зайти, как жары и след простынет. Тогда Тому станет мокро и холодно.

— Гипотермия, — вслух произнес Киндл.

А еще болевой шок. Возможно, он у него уже был. Том одновременно дрожал и потел.

Дюйм за дюймом он двигался по ручью. В нескольких ярдах впереди ручей пересекал тропу. Там можно было выбраться из воды. Но не раньше. Невозможно было тащить горящую от боли, бесполезную ногу через густые заросли тихоокеанского леса.

Пока Том полз по каменистому руслу, ему пришло в голову, что, если бы он принял предложение инопланетян, с ним не случилось бы этого. Он стал бы бессмертным. Для него было бы приготовлено место, как выражалась мать. Она была религиозной. Баптисткой из Дакоты. Суровой баптисткой. Придерживалась философии в духе «Пинай меня, пока я не попаду в рай». Родной отец Киндла работал в городской коммунальной службе и умер от инфаркта за рулем снегоуборочной машины; через два года мать вышла замуж за укладчика напольных покрытий, который напивался каждую субботу. Его звали Оскар. Оскар был знаменит тем, что однажды холодной зимней субботней ночью помочился прямо из окна второго этажа, распевая

при этом «I Heard That Lonesome Whistle Blow»[16] Хэнка Уильямса. Ничего ужасного в этом не было, и, если бы его причуды ограничивались этим, Киндл не держал бы на него зла. Но Оскар по пьяни становился злым и не раз поколачивал мать Киндла. Та не жаловалась. Брак — тяжелое испытание, ей так или иначе уже приготовлено место и так далее. Киндлу тогда было пятнадцать, и, потерпев полгода, он решил, что если для него где-то и приготовлено место, то уж точно за пределами родного города. Он сел на автобус до Нью-Йорка, соврал о своем возрасте и нанялся юнгой на торговый корабль. Пять лет спустя он съездил домой. Оскар потерял работу и квасил токайское на ступеньках учебного манежа для солдат, и Тому расхотелось его колотить даже из мести. Мать давно куда-то переехала. Нового адреса не оставила — может, и к лучшему.

Итак, Киндл остался один и начал подозревать, что для него не приготовлено никакого места. За последующие тридцать три года эти подозрения только укрепились. В существование рая он не верил и отказался, когда его предложили. Однако теперь начал об этом жалеть.

---

[16] Примечания: 16
«Я слышал этот одинокий свисток» (*англ.*).

Уж лучше в «приготовленном месте», чем в сыром лесу, с каждой минутой делавшемся все темнее.

Синева неба становилась яркой, насыщенной. Солнце зашло? Да, но совсем недавно. Старые пихты и ели ушли в густую тень.

Том обнаружил, что ползет по дороге, среди грязи и слякоти. Когда он успел?

Горло саднило после крика, но он не помнил, как кричал. Теперь он скорее стонал. Стонал певуче, отчасти даже мелодично. Звук напоминал песню летучих обезьян из фильма «Волшебник страны Оз».

Эта мысль развеселила Киндла. Он посмотрел на звезды — уже высыпавшие — и подумал, не спеть ли настоящую песню. Несмотря на боль, ситуация вдруг показалась ему забавной. В смешное положение он попал. А если спеть, станет еще смешнее.

Вот только он знал очень мало песен. Не считая той, что распевал Оскар, в памяти почти ничего не отложилось. В воскресной баптистской школе он выучил «Иисус любит меня», но черта с два он станет петь христианскую песню, когда для него не приготовлено места. Еще он знал один куплет «Улиц Ларедо». Может, одного куплета и хватит.

— Я вышел пройтись по улицам Ларедо…

Не надо было ему никуда выходить.

— Как-то днем я вышел пройтись по Ларедо…

День уже сменился ночью.

— И встретил я ковбоя в белой рубахе…

Киндл засомневался, нравится ли ему такой сюжетный поворот.

— В белой рубахе, холодного как камень.

Нет, совершенно неподходящая песня.

Но Том продолжал ее петь, пока отрешенная веселость не покинула его и он не стал корить себя за то, что не смог подобрать подходящую песню.

Его хижина замаячила впереди как раз в тот момент, когда на западе в небе показался Артефакт. Он был вроде луны и даже слабо светил. Свет помогал Тому. Но сам Артефакт его пугал.

Нельзя сказать, что Киндл его ненавидел. Не за что было ненавидеть. Но он относился к Артефакту с подозрением. Впрочем, как и все, но подозрения Киндла были глубже, чем у остальных. Большинство людей подозревало, что Артефакт — инопланетный военный корабль, который прилетел, чтобы взорвать Землю или что-то в этом роде. Киндл в этом сомневался. Длительный опыт подсказывал, что твои ожидания всегда расходятся с действительностью. Артефакт обяза-

тельно что-нибудь учудит, но это не будет похоже на фильм ужасов. Это будет нечто иное, ничуть не лучше, но точно иное, новое, неожиданное.

И разве он оказался не прав? Никто не ожидал, что к ним явятся под покровом ночи и станут нашептывать на ухо слова о вечной жизни.

Безусловно, Киндл не рассчитывал, что прокравшиеся в его нервную ткань крошечные машинки начнут спрашивать, хочет ли он отринуть свое тело и некоторые привычки, превратиться из Киндла в нечто большее, но в то же время остаться Киндлом.

Он ответил незамедлительно. Господи, конечно нет. Он привык к своему стареющему телу и несдержанному эго и не собирался от них отказываться. Ему не нравилось, что его душа попадет в сборище других душ. Он был отшельником по природе и не хотел ничего менять; таков был его осознанный выбор.

Но жить ему тоже хотелось. Киндл отклонил предложение не потому, что искал смерти. Ему отчаянно хотелось выжить, но на своих условиях.

Том хотел жить, а потому дополз до своего тринадцатилетнего пикапа «форд», хриплым слабым голосом напевая «Улицы Ларедо» и раздумывая о

том, как выдержать следующее испытание.

Чтобы сесть в машину, нужно встать.

Киндл не сомневался, что стоять может и одноногий.

Если только ему не мешает боль.

Если только при подтягивании к дверной ручке старого пикапа сломанные кости не чиркнут друг о дружку, отчего он прекратит петь и снова заорет.

Если только он снова не хлопнется в обморок.

Но Киндл остался в сознании, даже когда вся местность сделала оборот вокруг раскаленной оси его позвоночника.

Бесполезная нога, согнутая в колене, как лапка дохлой мухи, стукнулась о дверь пикапа.

«Ключ!» — мысленно вскрикнул Киндл.

Он всегда носил ключи с собой. Опершись на правую руку, он порылся в кармане левой. Возможно, глупо запирать машину, когда живешь так далеко от людей. Кому придет в голову переться сюда и красть эту развалюху? Но у него была привычка все запирать: машину, лодку, хижину.

Он нашел ключ, переложил его в правую руку и умудрился открыть дверь, не шевеля всем телом.

Затем перевел дух, отполз от двери и приот-

крыл ее.

Отлично.

Но на левой ноге была шина, с которой он опасался возиться — как с ней садиться за руль? И даже если он сядет, что дальше?

Вынув ключ из двери, он крепко зажал его в правой руке.

— Том, — прохрипел он вслух. — Самое трудное впереди. До этого было легко. Теперь будет трудно.

Проще было бы прилечь и поспать, а поехать утром. Если получится дожить до утра.

«Скорее всего, не получится», — подумал Киндл. Чтобы умереть, большого труда не требовалось. Пожалуй, он мог бы даже заползти в хижину и приличия ради умереть на родном диване. Когда-нибудь его найдут. Может, найдут даже след, который он оставил, ползя вниз по горе, как червяк. Люди скажут: «Черт побери, как старался этот мужик, труп которого лежит на диване! Он достоин восхищения!»

Это диван, что ли? Нет. Киндл понял, что это водительское сиденье его старого «форда» — и растянулся на нем.

Провалы в памяти беспокоили Киндла. Еще ему казалось, что он слышит, как отголоски его кри-

ков затихают внизу, у подножия горы. Поэтому он решил не слишком зацикливаться на прошлом.

Том подтянулся и сел спиной к дверце, положив обе ноги поперек сиденья. Приборную панель он видел хорошо, но спустить ноги к педалям не мог.

По крайней мере, он укрылся от ветра. Немалое достижение. Он попытался придумать, как управиться с педалями. Под рукой ничего особенного не было: пустая кружка из пенополистирола, щетка для снега и журнал «Пушки и пули». Ничего полезного.

Ах да. Еще посох, который он использовал в качестве шины. Нога невероятно распухла и от паха до колена напоминала сардельку в оболочке. Тряпки, которыми он привязал шину, врезались в плоть, узлы натянулись.

«Избавьте меня от необходимости делать это, — подумал Киндл. — Это чересчур. Не могу решиться».

Но руки уже предательски потянулись к болезненной плоти.

Когда он очнулся, то увидел, что посох крепко зажат в дрожащей левой руке.

Утро еще не наступило, хотя Артефакт уже скрылся. Вероятно, близился рассвет, но Киндл не

знал наверняка; часов он не носил. Звезды были похожи на утренние.

Он дрожал, как больной зверь. Плохой симптом. Из-за этого было трудно прижимать посохом педали. А на ходу будет еще сложнее.

Том вставил ключ в замок зажигания, дважды нажал на педаль газа и повернул ключ.

Мотор кашлянул, но не завелся.

Это было нормально. Иногда Киндлу казалось, что пикап страдает икотой. Двигатель «форда» заводился, работал какое-то время, потом глох или почти глох, терял обороты, кряхтел и стучал, пока не успокаивался.

— Давай, мешок дерьма, — прошептал Киндл. — Давай, говешка ленивая.

Мотор завелся и затрясся так, что Киндл вскрикнул. Пикап подпрыгивал на старых рессорах. Сломанная нога Тома была плотно прижата к креслу, но ее ничто не держало, и она болталась так, что Киндла затошнило.

Включив первую передачу и нажав на газ, он снова затянул «Улицы Ларедо». Машина до жути резко рванула вперед, съехала с грунтовой дорожки перед хижиной и двинулась к лесовозной дороге.

Киндл включил свет. Тени придорожных сосен

зловеще нависали над машиной.

Он сидел боком, чуть ниже обычного. Вести машину левой рукой было непривычно, реакция была замедленной, но Киндлу удавалось удерживать «форд» примерно посередине дороги, между двумя призрачными колоннадами деревьев. Если бы навстречу ехал другой водитель, ему было бы несдобровать, но кто сунется сюда в такой час?

Отсюда до окраины Бьюкенена дорога шла под уклон, и Киндл заметил, что может не слишком часто нажимать на газ. Ему и без того было непросто притормаживать с помощью посоха, чтобы не позволить машине слишком разогнаться. До него вдруг дошло, что еще раз потерять сознание — значит навлечь на себя серьезные неприятности.

— Так не теряй сознание, — сказал он себе.

Киндл подумал, что в региональном госпитале для него будет приготовлено место — главное, не свести икающий пикап с улиц Ларедо.

Он проехал мимо еще двух хижин, хозяевами которых были такие же отшельники, как он, но не остановился. Вдруг дома никого не окажется? Перспектива заводить пикап второй раз Киндлу не улыбалась. Лучше доехать до Бьюкенена или хотя бы подобраться как можно ближе к городу,

до места, где есть уличное освещение.

А потом… тут Киндл неожиданно для себя испугался, вспомнив, что нынешний Бьюкенен может отличаться от прежнего.

Неделю назад в Бьюкенен пришли чудовища.

Удивительные ходячие губки, заразившие людям кровь.

Это случилось на самом деле или после травмы у него начались галлюцинации? Киндл подумал, что по крайней мере эти воспоминания кажутся реальными.

Тем не менее… чудовища?

Если это правда…

Он старался не представлять их себе, но картинки все равно всплыли в голове: чудовища из комиксов, существа со щупальцами на головах, вылезающие из летающих тарелок, люди-евнухи с пустыми глазами, как во множестве фильмов, рабы инопланетных властелинов, голодные зомби-каннибалы. Они приготовят ему место на всеобщем барбекю.

Киндл помотал головой, не зная, веселит его это или пугает. Может, разумнее просто затормозить и умереть здесь, под темной горой.

(Он действительно затормозил — пикап успел набрать изрядную скорость.)

«Нет, — твердо сказал себе Киндл. — Умирать непозволительно. Ищи помощь. Следуй плану».

Если придется, иди хоть к чудовищам.

И пикап погромыхал дальше.

Он пересек границу города ровно в тот момент, когда его боль и усталость сошлись воедино. Пикап покатился под откос и замер, уставившись фарами на созвездие Ориона.

От толчка Киндл ударился о руль; раздался сигнал, после чего Том в полубессознательном состоянии откатился на сиденье. Мотор продолжал ворчать.

Сигнал и шум мотора разбудили тридцатилетнего страхового следователя Бадди Уинклера, который недавно стал бессмертным, но не отказался от привычки хорошо поспать. Бадди подошел к окну своего нового типового дома и сквозь сон с удивлением увидел в канаве у соседнего пустого участка застывший в полувертикальном положении «форд». Он позвонил по номеру 911, схватил одеяло и поспешил на место аварии, где быстро понял, что помочь пострадавшему водителю не может. Раненый смертный мужчина орал от боли и бешено вращал глазами при виде Бадди.

«Чудовища», — думал Киндл, когда был в состо-

янии думать.

На него зловеще смотрели чудовища.

Он кричал, пока не потерял голос.

Выйдя из тьмы, он сообразил, что находится в больничном коридоре и лежит на каталке, а вокруг суетится медицинский персонал.

Напротив него возникло хмурое лицо; Киндл собрал последние силы и схватил незнакомца за воротник.

— Приведите мне, — прохрипел он, — врача-человека.

— Успокойтесь, — ответило существо, — я человек.

— Не прикидывайся, что не понимаешь, говно инопланетное! Приведи мне человека, чудовище!

Задыхаясь, Киндл упал на каталку.

Мужчина отвернулся от него:

— Дайте обезболивающее! У пациента истерика. Да, и позовите Мэтта Уилера.

Киндл подумал, что теперь он, наверное, в безопасности, и погрузился в сон, который продлился двое суток.

Непостоянное головокружение и туман. Киндл снова пришел в себя.

Он лежал на больничной койке. Нога была перевязана и находилась на вытяжке. Было чуть-чуть больно. Киндл решил, что почти не чувствует ничего из-за обезболивающего.

Он ощущал себя оторванным от реальности. Все было как в тумане. Оторви ему руку и отколошмать ею его — и Том, наверное, все равно ничего не ощутил бы. Хорошее успокоительное у них в капельнице.

Главное, что он добрался до больницы. Том этим отчасти гордился. Воспоминания были путаными, но он помнил, что путь оказался долгим и тернистым.

Подошел мужчина в белом халате. Киндл наблюдал за ним отстраненно, апатично.

— Вы, должно быть, доктор, — выдавил он.

— Так точно, мистер Киндл.

— Я просил человека.

— Вы его и получили. Меня зовут Мэтт Уилер.

Мэттью Уилер был обычным человеком с печальным лицом.

«Такой молодой, — подумал Киндл, — а морщин уже навалом».

— Доктор Уилер, вы человек?

— Такой же, как вы, мистер Киндл.

— Не один из *этих*?

— Нет. Но они могут помочь вам не хуже меня. Не беспокойтесь.

— Может быть, — сказал Киндл. — Город сильно изменился? Я был в горах с… с…

Как это называется? Контакт?

— Не слишком. — Казалось, доктору Уилеру неловко об этом говорить. — Пока что.

— Как моя нога?

— Должна успешно срастись. Но потребуется время. Могу я спросить, как вы умудрились ее сломать?

— Пошел прогуляться. Поскользнулся в грязи.

— А до города как добрались?

— Дотащил свою задницу до пикапа. — В голове Киндла начало проясняться. — И поехал. — Он пожал плечами.

— Удивительно. Вы совершили настоящий подвиг.

Киндл уже достаточно пришел в себя, чтобы оценить комплимент.

— Меня так просто не убьешь, а?

— Похоже на то. Мне сказали, что вас привезли на «скорой», в скверном состоянии. Нога заживет, мистер Киндл, но придется полежать в больнице. — Врач сделал пометку на планшете. — Мне понятна ваша позиция относительно… людей. Но

я не могу находиться с вами в палате круглосуточно. Придется потерпеть других врачей. Ради меня. Готовы?

— Но вы будете меня навещать?

— Обязательно. Возьму за правило.

Киндл согласно кивнул.

— Думаю, вам не помешает еще поспать. — Врач повернулся, собираясь выйти из палаты.

— Доктор Уилер? — Киндл закрыл глаза, потом снова открыл.

— Да, мистер Киндл?

— Сколько нас здесь? Я имею в виду… в городе еще есть такие, как мы?

Доктор поник еще больше:

— Несколько человек. Через пару недель я хочу созвать всех. Устроить что-то вроде городского собрания. Надеюсь, вы тоже сможете присутствовать. Если будете лежать спокойно и дадите ноге срастись.

Киндл рассеянно кивнул. Он успел забыть, о чем спрашивал, и снова погрузился в сон.

Глава 12. Бруксайд (II)

На мемориальную службу Мириам нарядилась, как в церковь, хотя не посещала ее уже много лет. Черное платье, шляпа, белые перчатки, неношеные ортопедические туфли.

Она в последний раз поправила шляпу у зеркала в прихожей и шагнула в туманное летнее утро.

С тех пор как ее коснулось Нечто, прошло больше двух недель.

Это было не Око Божье — надо же так ошибиться! Мириам по-прежнему считала, что без воли Божьей все равно не обошлось, — в конце концов, по воле Божьей может случиться даже нашествие саранчи, — но предложение полного отпущения грехов казалось ей чуждым, лукавым, сомнительным. Мириам полагала, что легко узнает Бога, окажись она с Ним лицом к лицу; Бог был Правосудием, и длань Его несла карающий меч. Нечто, напротив, обращалось к ней протяжным, вкрадчивым голосом любовника. Оно предлагало слишком много и недостаточно ее порицало.

Но с тех пор мир стал другим. За две недели Мириам уже заметила перемены.

Во-первых, в новостях. Новости не стоили бумаги, на которой их печатали, и эфирного времени на телевидении. За считаные дни «Бьюкенен обсервер» стал на несколько страниц тоньше. Остались малоинтересные рубрики — кулинария, садоводство, отдельные авторские колонки. Громкие события сопровождались мелкими заголовками: на Земле негласно прекратились все войны, президенты и премьер-министры перестали что-либо комментировать, в одиннадцать часов больше не показывали фильмов. Мириам подумала, что с тем же успехом можно было разместить единый заголовок для всех материалов: «НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ. ВСЕМ ПЛЕВАТЬ».

Ну хотя бы мемориальную службу никто не отменил. Тело ее отца предали земле за день до Контакта, но службу отложили, чтобы дядя Мириам, с которым она никогда не встречалась, успел прилететь из Норвегии, где работал. Разумеется, рейс отменили — в новостях мельком сообщили, что гражданские самолеты перенаправляют в Африку, развозить гуманитарную помощь голодающим. Но этим вечером служба должна была состояться — с участием дяди Эдварда или без него.

По крайней мере, Мириам на это надеялась. В

такие дни ни в чем нельзя быть уверенным.

Доктор Экройд был готов провести службу, несмотря на то что изменился. На прошлой неделе Саймон Экройд признался, что стал одним из *них*. Настоятель претерпевал те же изменения, что и множество людей по всему миру; Мириам не была уверена, что ей понравится результат его превращения, что она, в свою очередь, понравится ему и что к окончанию эволюции с ней все будет хорошо.

Она не причисляла себя к приверженцам епископальной церкви — в отличие от ее отца, хотя он редко посещал службы. Мириам подозревала, что он выбрал епископальную церковь, потому что ее приход был крупнейшим в городе наравне с католическим, но католиков папа считал сектой фанатиков вроде шиитов или коммунистов.

Епископальная церковь восседала на лужайке, напоминая серого каменного бульдога, глядящего вдаль, через крыши, на море. Мириам припарковала машину и поднялась в кабинет настоятеля. Здесь они с доктором Экройдом должны были встретиться, чтобы потом вместе поехать на кладбище Бруксайд.

Настоятель дожидался ее.

— Присядьте, Мириам, — сказал он. Его про-

стецкое лицо выглядело озабоченным.

Она послушала, как будет проходить служба, хотя они заранее все обговорили.

«Он принимает меня за слабоумную? — подумала Мириам. — Или по долгу службы часто общается с идиотами и теперь говорит так со всеми?»

Церемонию собирались провести на улице, у могилы. Простую и краткую. Мириам особенно уповала на краткость. Она терпеть не могла надмогильные речи и вообще не стала бы ничего проводить, если бы на этом не настаивал лицемерный дядя Эдвард.

— Я не слишком хорошо знал вашего отца, — признался настоятель, — но люди из прихода знали и рассказывали, что он был хорошим человеком. Такую утрату непросто пережить. Мириам, я понимаю, вам сейчас тяжело, и не только по этой причине. Помните: если захотите выговориться, я всегда к вашим услугам.

Предложение показалось Мириам одновременно странным и смешным.

— Лучше расскажите, как вы теперь будете выполнять свои обязанности, — не подумав, бросила она.

— Простите, что?

— После той ночи. Вы знаете, о чем я.

Он отпрянул:

— Это моя работа. Ничего не изменилось.

— Вас коснулось Нечто.

— Вы имеете в виду Контакт? — озадаченно уточнил он.

— Опять все неправильно это называют. Ладно, не важно. Настоятель, я христианка. Когда ко мне прикоснулось Нечто, я сразу поняла, что настоящий христианин не должен иметь с этим никакого дела, и ответила как подобает христианке. Для меня есть только одно бессмертие — рядом с Божьим престолом. Но вы-то. Вы пошли на сделку, я права? И как ни в чем не бывало сидите здесь, готовитесь читать отрывки из Писания над могилой моего отца. Как вы можете?

Доктор Экройд заметно расстроился и ответил после долгих раздумий:

— Мириам, пожалуй, вы правы. — Он взял паузу, чтобы собраться с мыслями. — Я не знаю, что значит быть настоящим христианином. После Контакта я много думал об этом. Мириам, чем пристальнее я приглядываюсь к христианству, тем сильнее оно испаряется перед моими глазами. Что есть христианство? Мартин Лютер или Иоганн Экк? Августин или Иоанн Златоуст?

Константин? Матфей, Марк и Лука? Евангелие, известное под их именами, в самом деле написано ими? Или христианство было закопано вместе с апокрифическими книгами в Наг-Хаммади?[17]

Пришел черед Мириам удивляться.

— Я не знаю, — повинился настоятель. — И наверное, никогда не знал. Думаю, в Артефакте не меньше интересного и неизведанного, чем во всех земных религиях, вместе взятых. Мириам, когда я говорил со Странниками, я спрашивал их об этом. Я получил представление об их духовности… и считаю, что она не противоречит нашей. Они не утверждают, что разгадали все тайны бытия. На самом деле они смиренно признают, что многое им неведомо. По их мнению, сознание особым образом связано с порядком Вселенной и живет даже после физической смерти. Не знаю, религия это или космология. Но они признают, что премудрости разума как-то соотносятся с устройством звезд и времени. Они не требовали у меня отречься от христианства. Мне лишь пришлось честно признаться себе в том, что я знаю и чего не знаю. Божественность Христа, перво-

[17] Примечания: 17

Так называемая *Библиотека Наг-Хаммади* — собрание раннехристианских и гностических папирусных кодексов, обнаруженное в 1945 г. при раскопках в районе египетского селения Наг-Хаммади.

начальность Бога… наверное, я никогда не был всецело уверен в этих вещах. Лишь хотел в них верить. Поэтому, Мириам, вы правы. Пожалуй, я не могу больше зваться христианином. Но я могу провести службу. Помочь вам попрощаться с отцом, отметить таинство смерти со всеми почестями — быть может, более искренне, чем когда-либо. Я буду рад провести для вас службу. Но если вам кажется, что я не гожусь, попробуем найти кого-то другого, может быть, даже в нашем городе.

Мириам была потрясена.

— Нет. — Она уставилась на настоятеля и мотнула головой. — Все в порядке. Проводите.

— Благодарю вас, Мириам.

— Это не значит, что я вам доверяю. Просто считаю, что не важно, кто произносит речь. Если рай существует, то мы над ним не властны, а если существует ад, то от него не спасут никакие молитвы. — Мириам посмотрела на часы. — Нам ведь пора? Час уже поздний.

Она отвезла настоятеля на кладбище Бруксайд, через ворота и дальше, по извилистой дороге, почти до могилы. Церемония на открытом воздухе — то, чего хотела Мириам. Она терпеть не могла часовен. В них пахло перенасыщенными духами,

увядшей лавандой.

Солнце ярко пылало в голубом небе, но в долине и над водой еще стоял туман. Гора Бьюкенен возвышалась над кладбищем, словно плечо покрытого зеленью гранитного колосса. Кладбище располагалось у подножия, ровные ряды надгробий, протянувшиеся от ворот вдоль дороги, радовали глаз.

Мириам написала о заупокойной службе нескольким отцовским друзьям, еще остававшимся в живых, — в основном бывшим коллегам из колледжа и членам клуба игроков в бридж, в чьей компании отец любил проводить время до инсульта. Ее удивили размеры толпы и количество молодых людей. Многие лица были ей незнакомы.

Вся парковка у часовни была занята машинами, и еще больше машин выстроилось вдоль дороги. Вереница доходила до развилки и скрывалась за ней.

Мириам была в замешательстве и отчасти напугана.

— Папа не знал всех этих людей, — обратилась она к настоятелю Экройду.

— О службе писали в «Обсервере».

Это она знала и даже сделала вырезку.

— Но почему они здесь? Зачем пришли?

— Чтобы отметить печальное событие. Мириам, ваш отец был последним, кто умер в Бьюкенене до Контакта. Понимаете, что это означает? Он был последним жителем города, умершим не по своей воле.

Мириам приняла это замечание в штыки, сама не понимая почему.

— Не хочу видеть здесь незнакомцев.

— Мне жаль, что вы так думаете. Но эти люди пришли не для того, чтобы насмехаться. Они скорбят, искренне, от всего сердца.

— Откуда вам знать?!

— Я знаю, — просто ответил настоятель.

Мириам не перестала хмуриться, но сдалась. От утренних событий она начала чувствовать себя как пьяная. Настоятель Экройд начал службу, но Мириам слушала вполуха, не в силах увязать церемонию со своим отцом. Он стал неосязаемым, ускользающим воспоминанием о прежних, лучших временах.

«Я здесь, чтобы оплакать его», — напомнила она себе. А другие зачем?

Кладбище было полно людей. Все, включая тех, кто был слишком далеко, чтобы слышать речь пастора, стояли тихо и смирно.

Мириам решила, что здесь собралась половина Бьюкенена.

Может, они тоже скорбели.

Не по ее отцу. По тому, что потеряли или от чего отказались. По прежнему укладу жизни.

По городу, стране… по всей планете. Так думала Мириам.

Глава 13. Споры и выводы

Когда Лиллиан, несмотря на все его уговоры, доводы и плохо скрываемый гнев, отказалась прийти на осмотр, Мэтт решил, что с него хватит. Одно дело — увлекаться внеземным мистицизмом, другое — ставить под угрозу собственное здоровье и здоровье неродившегося ребенка.

Он договорился пообедать с Джимом и попробовать решить проблему другим путем.

Несколько недель назад для совместного обеда, скорее всего, не нашлось бы времени. Теперь его было хоть отбавляй. Поток пациентов превратился в тоненький ручеек. Почти все время Мэтт проводил в больнице, подменяя отсутствующих, и львиную долю этого времени уговаривал Тома Киндла пройти курс физиотерапии. Новых пациентов, за исключением горстки тех, что сохранили ему верность, он не видел со дня Контакта.

Несмотря на то что они оба работали в одной больнице, Джима Бикса он тоже почти не видел. Джим, как Лиллиан, как Энни Гейтс и многие другие, купился на обещание бессмертия той августовской ночью.

Мэтт до сих пор не нашел подхода к этим людям.

Джим был его лучшим другом. После Контакта он стал чужим.

Они встретились в кафетерии для персонала, который располагался в подвальном помещении размером с баскетбольную площадку. Народу было мало. Вентиляторы мычали, как медитирующие монахи, пахло капустой.

Джим сидел за столиком в углу. На тарелках были салат и плов. Мэтт придвинул стул и внимательно присмотрелся к другу.

«Все тот же некрасивый старый сукин сын», — подумал он.

Разговор, как старый автомобиль морозным днем, заводился с трудом и периодически глох.

— Видок у тебя такой, будто ты ночами не спишь, — заметил Джим.

Так оно и было. Мэтт многое обдумывал. Многое из того, что ему не хотелось обдумывать. Дни были пустыми, сюрреалистичными, а ночами его нередко мучила бессонница. Рассказывать об этом не хотелось.

— Я не жаловаться пришел. Хотел поговорить о Лиллиан. Ты в курсе, что она отказалась от осмотра? Не думаю, что ее беременность чревата

осложнениями, но звоночек тревожный.

Джим внимательно его выслушал. Затем вытер подбородок салфеткой и развел руками:

— Раз она не видит причин приходить и проблем нет, не стоит на нее давить.

— Проблем нет. Пока. Но ей уже сорок лет, беременность в таком возрасте — большой риск. Сам знаешь. Джим, если она хочет поменять врача, уж не знаю почему, — ладно. Пускай. Найдем специалиста. Но наблюдаться необходимо.

— Думаешь?

— Джим, черт тебя побери!

Возглас эхом разлетелся по пустому залу.

— Мэтт, дело в том, что она теперь лучше понимает свое состояние. Звучит странно, но это так. Она знает такое, чего ты и представить не можешь.

— Слабо верится.

— На твоем месте я бы тоже не поверил. Как еще тебя убедить? Но могу твердо заявить, что я в этом уверен.

— Уверен в чем? Что Лиллиан не нужно посещать врача?

— Что она сама знает, нужно ей это или нет. Если почувствует, что нужно, придет к тебе. — Джим сложил салфетку. — Мы по тебе скучаем.

Заходи как-нибудь. Поговори с ней. Она обрадуется.

— А она может сделать себе УЗИ? Опознать внематочную беременность?

— Полагаю, что может.

— Господи!

— Мэтт, успокойся! Я все объясню, только не бесись.

Мэтт подумал, не уйти ли. Но Джим был его другом — вопрос был в том, оставался ли он им, — и поэтому Мэтт решил, что обязан его выслушать.

— Кажется, сто лет прошло с тех пор, как мы это обсуждали. Помнишь, вечером, у тебя дома? Меньше месяца назад. Перед Контактом. Когда мы напились?

— Ты рассказывал про наномашины в крови.

— Неоциты.

— Вы теперь так их называете?

— Исследователи сошлись на этом термине.

Мэтт не стал спорить.

— Штука в том, — продолжил Джим, — что они никуда не делись. У тебя их нет, ты отправил их лесом. Твоя кровь — самая обыкновенная. Думаю, ты и сам это знаешь, иначе сидел бы в лаборатории и изучал ее.

И правда. Странники, как называла их Энни,

сказали Мэтту, что оставят его тело. Он им поверил и даже не стал проверять.

— У остальных неоциты по-прежнему в организме, и они чем-то заняты. Пока не очень понятно чем. Но возьмем Лиллиан. Если бы у нее была внематочная беременность, повышенное давление, проблемы с почками или еще что, неоциты исправили бы это. По крайней мере, подали бы сигнал, что нужно что-то исправлять. Я не утверждаю, что Лиллиан не нужны осмотры. Лишь хочу сказать, что она под постоянным наблюдением. Такого наблюдения не можем дать ни ты, ни я. Оно круглосуточное.

— И тебя… — Мэтт не смог сдержать отвращения, — тебя это не беспокоит?

— Мэтт, это доброкачественный процесс. Все в порядке.

— Господи. Господи. А что с плодом? Это же твой ребенок. Над ним они тоже работают? Он тоже полон… неоцитов?

— Да.

Мэтт резко вскочил. Стол пошатнулся; пустой стакан упал на пол и разбился.

Джим принялся подбирать осколки. Положил два острых куска на стол, от греха подальше.

— Я не хотел тебя расстраивать, — сказал он.

— У тебя кровь, — предупредил Мэтт.

Джим порезался. Его кровь была густой, цвета тростниковой патоки.

Вечером Мэтт зашел к Тому Киндлу.

Дежурная медсестра называла Киндла «сущим наказанием» — то есть пациентом, который доставляет уйму проблем, но без злого умысла. Киндл, много лет проживший один на склоне горы Бьюкенен, довольно быстро привыкал к новым реалиям: травме, Контакту. Мэтту казалось, что в этом его преимущество — Том не стал вдруг чужаком для всех. Он уже давно им был.

Когда Мэтт вошел, Киндл смотрел телевизор. Заметив Мэтта, он выключил звук, нажав кнопку на пульте.

— Утром притащили. Я сказал, что не хочу платить за телевидение. Ответили, что мне и не придется. Телевизор больше никто не смотрит. Я тоже несколько лет толком не смотрел. — Киндл покачал головой. — А тут включил, и ничего интересного. Одни новости.

— Когда я включал телевизор последний раз, — ответил Мэтт, — там даже новостей не показывали. По крайней мере, таких, к каким я привык. Все армии распущены, магазины никто не грабит.

— Вполне себе новости, — возразил Киндл.

— Похоже, в мире стало спокойнее.

— Срал я на это спокойствие. На кладбище успокоимся. — Киндл кивнул в сторону экрана. — А это видели?

Мэтт посмотрел на изображение. Октаэдр из нью-йоркского Центрального парка. В левом нижнем углу экрана виднелся логотип Си-эн-эн.

— Видел. — Мэтт вспомнил, как прошлой весной эти октаэдры падали с неба, черные и зловещие, и как Рэйчел с навязчивым остервенением пересматривала запись. Октаэдры напугали всех. Насколько Мэтт мог понять, они служили чем-то вроде монументов. В худшем случае — отвлекали внимание, пока шла реальная, стремительная микроскопическая война. Зачем вторгаться на Землю, когда можно вторгнуться прямо людям в кровь? Вопрос масштабов.

— Я видел эту херню уже десяток раз, — сказал Киндл. — Дело не в этом. Смотрите!

Мэтт неохотно уставился на экран. Это была запись, но совсем свежая.

Киндл сказал, что пересматривал ее весь день.

Мэтт смотрел на октаэдр, ничего не понимая. Гигантская черная фигура высотой с десятиэтажный дом каким-то образом раскрывалась.

Движение было сложно заметить даже в замедленном повторе. Нечто вроде раскручивающейся спирали, только движение было многомерным и невероятно быстрым.

Это не предвещало ничего хорошего. Сразу вспоминалось что-то быстродействующее и смертоносное: капкан, пушка, гремучая змея.

Мэтт смотрел на экран, разинув рот.

— Занятно, а? — усмехнулся Киндл.

Нет. Это было страшно. Мэтта затошнило.

Октаэдр разложился на множество мелких фигур. Камера приблизилась, и Мэтт понял, что все фигуры — одинаковые луковицы с основанием в виде усеченных конусов, размером приблизительно с человека, но точно сказать он не мог. Было непонятно, стоят они на земле или парят над ней.

— Их тысячи, — сказал Киндл. — Даже больше.

Они тронулись с места, удаляясь от исходной точки, двигаясь сквозь заросли деревьев, вдоль велосипедных дорожек. Очень напоминало необычную туристическую группу.

«Высыпали, как муравьи из муравейника», — подумал Мэтт.

— И так в каждом городе Северной Америки.

— Откуда вы знаете?

— Ведущий новостей сказал. А откуда он знает — другой вопрос.

— Что это за штуки?

— Говорят, какие-то помощники. — Киндл пожал плечами.

— Помощники?

— Так их назвали на Си-эн-эн. Я тут ни при чем, Мэттью, за что купил — за то и продаю.

Мэтт снова посмотрел на экран. Теперь «помощника» показывали крупным планом. Матово-черный объект без каких-либо отличительных черт, на вид полезный ровно настолько же, насколько дубина, двуручный меч или баллистическая ракета.

— Мэттью, присядьте, — ласково сказал Киндл. — По-моему, вам дурно.

Позже, когда шок миновал, Мэтт пересказал Киндлу слова Джима Бикса о неоцитах и возможных физиологических изменениях в человеческом теле.

Киндл задумчиво впитал информацию.

— Мэттью, вы когда-нибудь слышали термин «бревно-кормушка»?

Мэтт не слышал.

— В восьмидесятых я какое-то время работал в Канаде. Валил лес на западном берегу острова

Ванкувер. Я хорошо узнал тамошние леса — их называют климаксовыми; это значит, что они уже много лет не горели. Много веков. Некоторым кедрам по восемьсот лет. Удивительные деревья. Полгода там льет не переставая, то есть местами лес умеренно дождевой. Очень густой, очень влажный. Поэтому постоянно что-то гниет. Когда падает гигантская канадская ель, кедр или, например, пихта, то не просто лежит мертвым деревом, а становится кормом. Отсюда «бревно-кормушка». Оно кормит новые деревья среди всего прочего. При гниении в стволе заводится больше организмов, чем людей на Земле. Жизнь так кипит, что бревно нагревается, становится на пять-шесть градусов теплее воздуха.

— Это очень познавательно, — перебил Мэтт, — однако…

— Дайте договорить. И почему все доктора, чтоб вас, такие нетерпеливые? Я хочу сказать, что Земля, возможно, тоже своего рода бревно-кормушка. Все кругом говорят о загрязнении воздуха, глобальном потеплении и так далее. Причитают, мол, мы убиваем Землю! Как по мне, мы уже убили ее. Она мертва. Как бревно-кормушка. В ней уже копошатся падальщики. Может, и человечество уже разлагается. Плесневеет изнутри. И

вот появляются насекомые, питающиеся гнилой древесиной, потом птицы едят насекомых…

— Какая гадость, — вставил Мэтт.

— Есть немного. Но так устроена природа. Почему с планетой должно быть иначе? Эта штука в космосе, Артефакт или как там ее, октаэдры, «помощники»… — Киндл пожал плечами. — Они просто почуяли гнилое бревно, вот и все.

Рассуждения Тома не вдохновили Мэтта, и он вышел из палаты расстроенный и недовольный. На часах было уже около шести вечера — почти все послеобеденное время он потратил на просмотр ужасов по телевизору Тома Киндла. Пора возвращаться домой.

Ужин с Рэйчел. Очередное испытание.

Теперь это время суток его пугало.

Всю дорогу до дома его преследовали аналогии Киндла. Может, Земля и в самом деле была бревном-кормушкой; может, старый отшельник был прав.

Мэтт вспомнил застывшую улыбку Джима Бикса и его кровь цвета машинного масла. Может, все еще хуже.

Может, бревном-кормушкой был Джим.

Что-то новое росло внутри его пустой оболочки.

Возможно, бревном-кормушкой была и Лиллиан.

Все они.

Глава 14. Кража со взломом

Бет Портер уже привыкла видеть по ночам Артефакт и почти перестала обращать на него внимание. Он встал в один ряд с повседневными темами, которые обсуждали по телевидению, вроде войн и экономики. Сделался настолько же несущественным. В Бьюкенене никто не воевал, экономика сводилась к числу нанятых или уволенных работников целлюлозно-бумажной фабрики, а Артефакт был источником света в небе, безобидным, как уличный фонарь.

По крайней мере, так было.

Теперь Бет пришлось признать, что все менялось. Начались… страшные дела.

Она провела вечер пятницы у Джоуи Коммонера, а потом они решили устроить кражу со взломом.

Джоуи жил с отцом, разведенным строительным подрядчиком. В июле отец Джоуи на два месяца уехал по работе в Сиэтл, прихватив с собой подружку — наборщицу родом из Канады, которая работала секретаршей в фирме по изготовлению гипсокартона. Дом на все лето оказался

в полном распоряжении Джоуи.

Прошел День труда, но Джоуи до сих пор не знал, когда вернется отец. После Контакта его старик звонил трижды, но Джоуи не рассказывал, о чем они говорили. Бет знала: Джоуи тоже немного боится того, что началось после той лихорадочной пятничной ночи.

Они сидели в подвале, где у Джоуи была своя комната с ванной и даже небольшой кухней, смотрели взятый напрокат фильм и курили травку.

Джоуи был умеренным курильщиком. К наркотикам он относился с необъяснимой опаской и дымил только раз в неделю, обычно по пятницам. Поэтому он и приезжал в «Севен-Илевен» за пирогами и мороженым. Марихуана, разогретые в микроволновке вишневые пироги и ванильное мороженое — такими были пагубные пристрастия Джоуи. После знакомства с Бет он пригласил ее разделить все это с ним. Она согласилась, когда перевелась в дневную смену.

Сама Бет тоже осторожничала с наркотиками. Несмотря на заработанную в старшей школе репутацию, она не слишком стремилась преступать закон… по крайней мере, тогда. Но вскоре она поняла, что пятничное курево — не худшая

привычка Джоуи. И наименее страшная. Накурившись, Джоуи Коммонер становился более понятным, в чем-то более человечным. Он расслаблялся, смеялся над кинокомедиями, они вместе лопали вишневые пироги с мороженым, пока не краснели губы, и в конце концов занимались любовью. Когда Джоуи накуривался, то занимался с ней любовью. В другое время они просто трахались.

Поэтому Бет с нетерпением ждала пятницы и наверняка получила бы удовольствие и в этот раз, если бы не новости по телевидению.

Фильм закончился, и, пока Джоуи перематывал кассету обратно, включился обычный канал. Там показывали, как где-то в Европе раскрывается октаэдр.

Бет отложила свой вишневый пирог, а Джоуи едва не выронил свою винтажную курительную трубку из голубой пластмассы, которую отжал у кого-то из двоюродных братьев. Разинув рты, они вместе уставились на экран.

— Срань господня, — вырвалось у Джоуи одновременно с трепетом и ужасом.

Бет успела хорошенько накуриться, и крупный план «помощника», как называл его диктор, весьма впечатлил ее. В выпускном классе школы

они рассматривали через микроскоп хлебную плесень, и теперь, словно наркотическое откровение, в голове всплыло слово «спорангиофоры», которое она никак не могла вспомнить на экзамене. Так назывались черные веретенообразные штуковины в плесени, именно на них были похожи эти самые «помощники». Толпа спорангиофор заполонила весь экран. «Скоро они придут и к вам», — говорил диктор.

Это было уже чересчур. Джоуи выключил телевизор и отвернулся от него.

Джоуи предпочитал не верить в то, что происходило вокруг. Взять хотя бы его хобби — электротехнику. Он сам мастерил звуковую аппаратуру, радиоприемники и все в таком духе. Поначалу Бет это изумило, ведь она, как и большинство окружающих, считала Джоуи туповатым. Оказалось, что схемы и диаграммы он понимает лучше, чем английский язык. В углу его подвальной комнаты всегда валялись провода и детали, частенько пахло припоем. Но потом Бет поняла, что Джоуи — не просто умелый мастер. Для него хобби было стеной, крепостным рвом, навесом, за которым можно укрыться от всего, что его пугало. Даже от Бет.

Теперь, испугавшись увиденного по телевизо-

ру, он засуетился. Бет почувствовала: ему хочется, чтобы она ушла. Тогда бы он смог замочить очередную плату в сульфате алюминия или сделать еще что-нибудь.

«Нет, на хрен, только не сегодня», — подумала Бет.

В этот день она не хотела оставаться одна.

Тут ей пришла в голову мысль куда-нибудь вломиться.

Она решила, что так сможет удержать его внимание. Раньше Бет относилась более или менее равнодушно к вниманию Джоуи. А теперь вдруг почувствовала, что жаждет его и ничего не может с этим поделать. Соперниц у нее не было; Джоуи не проявлял особого интереса к другим девушкам, если не считать ту проститутку из Такомы. Ей приходилось соперничать с темным лесом в голове Джоуи, где тот любил блуждать и куда Бет не могла войти.

Вандализм на кладбище в прошлом месяце ему понравился — почему бы не устроить нечто подобное, только еще более отчаянное? Кражу со взломом?

Она предложила. Джоуи задумался.

— А к кому вломимся? — спросил он.

— К Ньюкомбам, — внезапно придумала Бет. —

Знаешь дом на Вью-ридж, с двумя фигурками жокеев снаружи? Боб Ньюкомб был начальником моего отца на фабрике. В августе свалил с семьей отдыхать в Мексику. Отец говорит, нужно быть идиотом, чтобы ездить в Мексику в августе.

— Долгий у них отпуск, — заметил Джоуи.

— Может, они там и останутся.

Из-за Контакта. Но вслух Бет этого не сказала.

— Два жокея и сад с солнечными часами? — уточнил Джоуи.

— Он самый.

— Бет, я в жизни не видел более дурацкого дома.

— У них наверняка есть что-нибудь ценное.

— А что нам надо?

— Хрен его знает!

— Все сбыть не получится. Ты знаешь, как сбывать краденое?

Бет не знала.

— Можем просто перевернуть там все вверх дном. Взять, что понравится. Магнитофон, например. Или фотоаппараты. — Джоуи постепенно проникался идеей. — Или даже видеокамеру, если есть. Хотя раз они путешествуют, то наверняка взяли с собой.

Он загорелся. Включился, как лампочка.

Внутри Джоуи бил неиссякаемый родник беспокойного буйства, и Бет нашла способ черпать из него… это было странное умение, настраивать Джоуи Коммонера на мелкие преступления, и Бет далеко не всегда гордилась им.

Конь, шпоры.

Бет, это опасно.

Ей в самом деле этого хотелось? Может, идея выглядела удачной исключительно из-за наркотика, была эфемерным колечком дыма без начала и конца? Тупым мимолетным позывом?

Но давать задний ход было поздно. Джоуи уже натягивал мотоциклетную куртку.

Он повел мотоцикл сквозь мокрый туман на север, вдоль берега.

Ночь вдруг стала прохладной. Мотоцикл продирался сквозь туман. Бет опустила забрало шлема, и все вокруг стало синим. Уличные фонари казались тусклыми, разделительную полосу было почти не разглядеть.

Машин на дороге не было. После Контакта люди почти перестали куда-либо ездить. Сидели по домам, а в плохую погоду — и подавно.

Крохотные организмы в их мозгах сделали их осторожными — кроткими, по мнению Бет. А ведь именно кротким было предназначено уна-

следовать Землю?[18] Вот, час настал.

Джоуи был далек от кротости. Рев мотоцикла разносился по промокшим холмам, как весть об Армагеддоне. Он мчался до безрассудства быстро.

Бет крепко обхватила его талию и сжала бедрами седло. Лицо и волосы намокли от дождя, кожаная куртка Джоуи тоже была мокрой и скользкой.

Доехав до конца Вью-ридж, он остановился и заглушил мотор. Бет, по-прежнему находясь в наркотическом дурмане, вдруг оценила вид: к западу от склона тучи наползали друг на дружку над туманным океаном. Все кругом, кроме слабо гудящих янтарных фонарей, было ночных оттенков, серым или синим. На ближайшем телеграфном столбе виднелось сырое объявление о собрании «обычных» людей вечером в среду, в больнице. Председательствовал доктор Мэттью Уилер, и Бет уже отметила дату в своем календаре. Она собиралась прийти и, возможно, привести с собой Джоуи — посмотреть, кто еще остался. Но это был дневной план для дневного мира.

Джоуи тихо, молча покатил мотоцикл по мокро-

---

[18] Примечания: 18
«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5: 5).

му тротуару. Бет чувствовала себя то незаметной, то, наоборот, привлекающей внимание; параноидальной и смутно возбужденной. Кажется, никто их не видел. Свет горел лишь в паре больших загородных домов. Теперь это были не простые дома; в них жили не простые люди. Что, если они могли видеть их каким-нибудь третьим глазом? А может, им не надо было даже смотреть.

Джоуи довез «ямаху» до подъездной дорожки Ньюкомбов и поставил в укрытие за гаражом. В доме горел свет — условный огонек, который люди оставляют при отъезде, чтобы отпугнуть грабителей. Как будто те настолько тупы! Бет последовала за Джоуи на задний двор. Там стоял сумрак, трава под ногами была мокрой. Пахло косьбой, глинистой почвой и дождем.

Паранойя Бет достигла предела. Когда куришь травку, есть одна проблема: иногда ты начинаешь видеть все с ужасающей четкостью, как через открытое окно. В такой четкости нет ничего хорошего. Бет не всегда нравилось то, что она видела в такие моменты.

В этот день она увидела себя одну. Одну на этой темной лужайке, одну на планете, одну, как никогда.

Ей было знакомо одиночество. Еще с четыр-

надцатого дня рождения, когда мать отправила ее в портлендскую клинику, чтобы обезвредить маленькую бомбу с часовым механизмом, оставленную в ее матке Мартином Блэром, тогдашним парнем Бет. Мартину было пятнадцать, и статус его семьи, владельцев агентства недвижимости, позволил ему избежать порицания. Мартин даже хвастался друзьям, что девчонка залетела от него… Она была одна на больничном столе, одна, когда вернулась в школу, — самая юная шлюха Бьюкенена, согласно заявлению Мартина. Она сидела одна за столом школьного кафетерия. Одна, но под пристальным взглядом множества глаз. Над ней посмеивались в коридорах, к ней подкатывали парни, которым обычно не хватало смелости познакомиться. Она осталась одна, настолько опозоренная, что чуть погодя потеряла способность краснеть от стыда.

Но то было одно одиночество, а это было другое.

Во всех этих домах не осталось семей, не осталось людей. Теперь в них жило нечто иное, те, кто лишь выглядел людьми.

Джоуи разбил стекло задней двери дома Ньюкомбов и сунул руку внутрь. Лязгнул замок. Звук — как показалось Бет, похожий на звон музыкаль-

ной тарелки, — оглушительно оповестивший об их присутствии.

Ей внезапно расхотелось делать то, что они делали. Напрочь.

Может, начать нормальную жизнь, выбрать нормальные занятия… Бет никогда не позволяла себе думать об этом. Но это лучше, чем дождливой ночью вламываться в пустой дом. Лучше, чем гонять с Джоуи Коммонером на мотоцикле по темным шоссе. Лучше, чем что угодно в будущем, где мир захватили монстры.

В доме стоял незнакомый, чужой запах. Пахло ковролином, освежителем воздуха, кухней. Бет ощущала себя незваной гостьей, преступницей.

А вот Джоуи нравилось. Его взгляд был настороженным, шаги — аккуратными и проворными. Не погашенный Ньюкомбами свет испускала лампа в спальне на первом этаже; от нее до самого коридора тянулись длинные тени. Джоуи первым делом зашел в эту комнату и распотрошил ящики комода, но не нашел ничего интересного, кроме двадцатидолларовой бумажки — наверное, заначки миссис Ньюкомб — и брелка с эмблемой «Вольво», без ключей. Бет молчала, словно парализованная чувством вины от нахождения в чужой спальне. Глаза отмечали

мелкие детали, которые ей сразу хотелось забыть: японскую гравюру над кроватью — птицы на тонких чернильных деревьях; дубовый комод, с краю прожженный сигаретами; и, наконец, самое неприятное — ночные рубашки миссис Ньюкомб и жокейские штаны ее мужа, сваленные в кучу и пропитанные духами, вылившимися из флакона. Созерцание всего этого было настоящим воровством.

— Так странно, — сказала она. — Неприятно.

— Ты же сама предложила.

— Знаю, но…

Не важно, что она там думала: Джоуи не слушал. Он успел скрыться в сумраке снаружи спальни, и Бет поспешила за ним, чтобы не остаться наедине с угрызениями совести.

Но худшее было впереди.

Пока Джоуи обыскивал дом, она потеряла счет времени. Он не включал свет, ориентируясь инстинктивно, каким-то звериным зрением. Он не столько грабил дом, сколько присваивал его, совершая надругательство. Трахал его. Насиловал. Джоуи везде оставлял свой след: переворачивал столы, распахивал двери, опустошал шкафы. Бет шла за ним как в трансе, не разговаривая даже мысленно, сама с собой, ожидая, когда Джоуи

закончит и они смогут уехать.

Наконец, в шкафу в коридоре Джоуи нашел свой трофей — видеокамеру размером с ладонь, настолько маленькую, что она легко помещалась в карман куртки. И когда только он заинтересовался видеосъемкой? Джоуи застегнул карман.

«Забирай, — подумала Бет. — Забирай, господи, и сматываемся!»

Она развернулась и увидела сквозь тени и дождевые капли красный свет, который то появлялся, то исчезал, то появлялся вновь…

Ужас охватил ее прежде, чем она смогла определить, чего испугалась. Она дернула Джоуи за руку, едва не повалив его.

— Джоуи, полиция… полицейская машина…

Он схватил ее за запястье и оттащил от окна. Все завертелось слишком быстро, на раздумья не оставалось времени. Бет выскочила следом за Джоуи через заднюю дверь, на мокрый двор. Джоуи прокрался вдоль стены к углу гаража. Бет не отпускала его куртку.

«Нас арестуют, — думала Бет. — Отдадут под суд. Отправят в тюрьму. Или… Или нас ждет что-нибудь похуже. Что-нибудь новое».

Уж лучше тюрьма. Все лучше жучков в голове, или что там еще придумают инопланетяне.

У Бет сбилось дыхание, она почувствовала, что вот-вот расплачется. Но Джоуи продолжал тянуть ее за руку, и ей стало не до слез.

Он вскочил на мотоцикл и завел мотор, пока Бет устраивалась сзади.

Отсюда, от гаража, укрытая от фонарей и, возможно, чужих глаз, Бет прекрасно видела полицейскую машину. Та была припаркована под углом, не перегораживая подъездную дорожку. Черно-белая машина управления шерифа Бьюкенена. Она не издавала ни звука, лишь фонарь на крыше непрерывно мигал, освещая улицу. Красный свет мелькал под отливными карнизами, красный свет карабкался по стволам деревьев, скрываясь в листве. Никто не вышел. Соседи не спешили поглазеть на происходящее с крылец и лужаек. Может быть, они и так все знали. Может быть, им не нужно было смотреть.

Двигатель «ямахи» взревел; Бет отчаянно вцепилась в Джоуи и седло. Они помчались по дорожке Ньюкомбов. Теперь Бет увидела полицейского — по крайней мере, часть его лица, когда он повернулся, заметив движение. Машина стояла тихо, даже не на холостом ходу. Бет ожидала, что завоет сирена, зарычит мотор, взвизгнут шины, начнется погоня, особенно опасная на

крутых мокрых улицах…

Но полицейская машина осталась на месте. Джоуи свернул с подъездной дорожки, затормозил и опустил ногу на асфальт.

«Что он творит? Гони!» — подумала Бет.

Но тут она поняла. Джоуи играл с полицейским.

Бет видела полицейского за стеклом машины и по его угрюмому, но спокойному лицу понимала, что ничего не будет: ни погони, ни суда, ни тюрьмы.

Только этот сумрачный взгляд… это наблюдение.

«Мы вас знаем. Мы знаем, что вы натворили».

По коже Бет пробежали мурашки.

«Арестуй нас! — послала она мысль в направлении полицейской машины. — Погрози нам пистолетом! Закричи!»

Но там, позади, где затухал звук работающего вхолостую мотоциклетного мотора, была лишь пугающая тишина.

Затем Джоуи дал газу, и «ямаха» с ревом помчалась вниз по склону. Преступление и наказание нового мира.

Глава 15. Собрание

Войдя в пустой конференц-зал больницы, Мэтт увидел Тома Киндла. Изрядно похудевший, тот терпеливо сидел в кресле-коляске у окна.

— Рано вы, — заметил Киндл.

— И вы тоже.

— Медсестра привезла меня сюда перед окончанием смены. Мэттью, вы заметили, что в больнице почти не осталось сотрудников?

— Заметил.

— В эти часы больница напоминает город-призрак. После заката становится страшновато. Даже не представляю, чем они занимаются в свободное время. Пересматривают сериал «Даллас» и грызут попкорн?

Мэтту было не до шуток. Он достал из чемоданчика блокнот, положил на кафедру и открыл на странице, где в последний месяц расписывал все вероятные трудности и чрезвычайные ситуации (а их было немало), которые он только мог представить. Взглянул на часы: семь тридцать. Собрание было назначено на восемь вечера.

— Скоро начнем, — заметил Киндл его взгляд. — Если, конечно, хоть кто-нибудь придет.

— Мы пришли, — ответил Мэтт.

— Ага. Знаете, я ведь спросил сестру Джефферсон, сколько народу… ну, приняли то же решение, что и она. Она ответила: «Почти все». Я спросил: «А кто отказался?» Она ответила: «Примерно один на десять тысяч».

— Правда? Откуда сестре Джефферсон знать?

— Мэттью, черт побери, а откуда все эти знают то, о чем говорят? Думаю, они подключены к одной библиотеке. С помощью экстрасенсорики или чего-то похожего. Но я человек и могу только гадать. Вчера вечером я задал тот же вопрос уборщику. Сколько людей отказались от заманчивого предложения вечной жизни? Он облокотился на пылесос и сказал: «Да вроде один из десяти тысяч».

— Том, на вашем этаже убирает Эдди Лавджой. Он немой и почти глухой.

— Гм? Значит, больше не немой.

Они переглянулись.

— Какого результата вы хотите сегодня достичь? — спросил Киндл. — Один на десять тысяч… Придут человек пять, если вообще придут. Может, шесть-семь, если считать жителей Кус-бей и Пистол-ривер. Короче говоря, жалкая горстка. Какой смысл в этом собрании?

— Смысл в том, — ответил Мэтт, — чтобы спасти Бьюкенен.

— Мэттью, наш мир захватили. — Скривившись, Киндл поерзал в кресле. — Весь мир, мать его. С оглядкой на это, как вы предлагаете спасти один жалкий городишко?

— Не знаю. Но я твердо намерен это сделать.

Прогноз Киндла оказался пессимистичным, но не слишком. К восьми пятнадцати собралось восемь человек: шесть из Бьюкенена, двое с окрестных ферм.

Один на десять тысяч? В самом деле?

Мэтт решил, что это возможно. Он припомнил, что такое соотношение было у страдавших боковым амиотрофическим склерозом, также известным как болезнь Лу Герига. Во всем округе Морган, включавшем Бьюкенен и три городка поменьше, было двое больных с этим диагнозом.

Если цифры были верны, получалось, что появление восьми человек стало наградой Мэтту за труды. Он поместил объявления в «Обсервер», расклеил листовки, даже выкупил несколько минут эфира в новостях на местном радио. С радио возникло больше всего проблем: никто не мог подобрать вежливых определений, чтобы различать людей и тех, кто недавно стал бес-

смертным.

— Черт побери, доктор Уилер, мы все люди, — настаивал директор радиостанции.

Может, так оно и было. Так или иначе, даже в местных новостях о Контакте почти не упоминали. Либо это событие было слишком неожиданным и влекло за собой последствия, которые невозможно было объяснить, либо бессмертные коллективно все поняли. С помощью экстрасенсорики, как говорил Киндл.

В итоге новостной отдел остановился на громоздком и витиеватом объявлении: «Те, кого не убедило предложение, полученное всеми в последнюю пятницу августа, приглашаются на собрание, которое состоится вечером двадцать восьмого сентября в кабинете сто шесть Региональной больницы Бьюкенена. За подробностями обращайтесь к доктору Мэттью Уилеру».

За этим следовали его домашний и рабочий телефоны и шесть секунд тишины, после которых начался прогноз погоды.

Мэтт был признателен за то, что его объявление пустили в эфир, но уже начал подозревать, какие сложные, полные недопонимания переговоры его ждут. Он надеялся предугадать любые неурядицы и по возможности предотвратить их.

Ради Бьюкенена. Ради себя, Тома Киндла и остальных восьми смятенных душ, замерших в ожидании его речи.

Он откашлялся и представился. На кафедре он ощущал себя не в своей тарелке. Мэтту приходилось часто посещать собрания — экзамены, заседания врачебного совета, совещания персонала. Ему это не нравилось. По мнению Мэтта, собрания были лишним поводом выпить кофе, повысить свою репутацию и увильнуть от работы. Но теперь выбора не было. Он даже притащил из кафетерия громадную серебристую кофеварку, которой уже воспользовался Том Киндл. Том поглядывал на Мэтта терпеливо, с предвкушением — мол, давай, Дон Кихот, вперед!

Мэтт поблагодарил всех за то, что они пришли.

— Сегодня нам предстоит поговорить о будущем, — начал он. — Я думаю, что у нас схожие интересы и схожие проблемы. Собравшись сейчас, мы, возможно, сообразим, что делать дальше. Но нас совсем немного, и, наверное, стоит сперва познакомиться. Если вы не против, давайте начнем с первого ряда.

Когда произносилось новое имя, Мэтт записывал его в блокноте.

Мириам Флетт. Слева в первом ряду. Лет

шестьдесят пять, еще не дряхлая, но худая как соломинка. В волосах — серебряная заколка в виде креста; представилась она так, будто ожидала, что с ней сразу начнут спорить. После этого без дальнейших слов села и сложила руки на груди.

Боб Ганиш. Через два кресла от Мириам. Продавец салона «Форд» на Пятом шоссе. Круглый мужичок средних лет, одетый так, будто только что вернулся с игры в гольф. Кто-нибудь еще играл в гольф или всем стало наплевать, если ты расхаживал в полиэстеровых слаксах и потертых шиповках?

— Доктор Уилер, я согласен, что у нас много проблем, но не знаю, как мы можем их решить. Однако приятно видеть, что остались люди, придерживающиеся традиционных взглядов, — сказал Ганиш и сел.

— Я Бет Портер, а это Джоуи Коммонер.

Этих можно было не записывать. Бет нарядилась как на праздник, надев рубашку с длинными рукавами, чтобы прикрыть татуировку. Джоуи, который за последние пятнадцать лет частенько появлялся на приеме у Мэтта, а теперь, после того как Бет притащила его в кабинет, принимал прописанные ему антибиотики, сидел хмуро, сложив руки на черной футболке.

По часовой стрелке от Бет и Джоуи: *Чак Мейкпис*, действительный член городского совета. Мэтт решил, что он может принести пользу. Тридцать с небольшим, костюм-тройка, залысины, элегантные маленькие очки в тонкой металлической оправе.

— Доктор Уилер, возможно, я забегаю вперед, но, если мы будем собираться и дальше, нужно выбрать председателя и составить протокол.

— Отличное предложение, — согласился Мэтт. — Но сперва послушаем остальных.

Тим Беланже, ровесник Джоуи, белобрысый задорный юнец.

— Я тоже работаю в городском совете. Учетчик в отделе водо- и энергоснабжения. Точнее, был им. Теперь на работу почти никто не приходит.

Эбигейл Кушман, приехала с фермы мужа в Суррей-Хайтс.

— Целый час тряслась в нашем старом грузовике. Бадди разрешил взять. Он теперь, уж простите, срать хотел на то, чем я занимаюсь.

Дешевое платье, свитер, толстые очки в мужской оправе — одна дужка замотана изолентой. Мэтт решил, что ей лет пятьдесят, а может, и больше.

— Бадди присматривает за детьми. Точнее,

внуками. Наша дочь и ее муж погибли в прошлом году, и мы взяли ребятишек к себе. Они дома. Не захотели приезжать. Только я… то есть они не… — Эбигейл не могла подобрать слов. Она умолкла и растерянно огляделась вокруг, словно забыв, зачем находится здесь.

Боб Ганиш откашлялся в кулак.

— Ладно, — сдалась она. — Зовите меня Эбби.

Эбби села на свое место.

Пол Джакопетти, шестидесятипятилетний здоровяк с широченным торсом и обожженной солнцем кожей. Бывший управляющий магазином инструментов в Корваллисе, теперь на пенсии. Держит небольшую ферму у Лейк-Роудс.

— Не знаю, к чему это собрание, — признался он откровенно. — Можем сколько угодно болтать, но, как по мне, мы пришли к шапочному разбору.

Том Киндл представился, не поднимаясь с кресла, затем повернулся к кафедре.

— Мэттью, мистер Джакопетти сделал весьма здравое замечание. Здорово, что мы здесь собрались, но зачем? Чтобы получить психологическую помощь или чтобы обсудить план действий?

— План, — ответил Мэтт. — Хотя помощь тоже

не помешает. — Кое-кто нервно улыбнулся. Мэтт перелистнул страницу в блокноте. — Главная проблема на будущее — то, что экономика страны неминуемо рухнет, если никто не будет работать. Пока все как будто в порядке. Магазины открыты, грузовики привозят еду, вода в домах есть, электричество тоже. Хорошо. Но все заметили перемены. Мистер Беланже сказал, что члены городского совета не выходят на работу. В таком случае никто не должен возражать, если мы перестанем платить налоги. — Двое или трое снова улыбнулись. Другие, вроде миссис Кушман, явно еще не заглядывали так далеко. — Но есть жизненно необходимые услуги, и, если перестать их оказывать, у нас будут неприятности. Взять хотя бы больницу. У врачей теперь почти нет работы, но тем не менее я один не могу дежурить круглосуточно. Пока я не единственный дежурный врач, но их с каждым днем все меньше. Администрация уверяет, что больницу не закроют… до поры до времени. Это «до поры до времени» меня беспокоит. Я часто слышу эти слова. Люди говорят о будущем обтекаемо, — наверное, вы и сами заметили. Мне кажется, они не лучше нас знают, что будет дальше, но чего-то ожидают. Каких-то масштабных, стремительных перемен.

— Не нужно быть гением, чтобы это понять, — перебил Джакопетти. — Все как я говорил: дорога ложка к обеду.

— Я не согласна, — возразила Эбби Кушман. — Может случиться пожар. Наводнение, землетрясение. Мы не знаем, чего ждать… вы это хотите сказать, доктор Уилер?

— Верно. Надо составить хотя бы общий план. Чтобы сохранять качество жизни в Бьюкенене на привычном уровне. Чтобы справиться, например, с отключением телефонной связи или перебоями в поставках продовольствия.

— Почему ответственность ложится на нас? — нахмурившись, спросил советник Мейкпис. — Не понимаю. Если эти… другие люди… не смогут обеспечивать простейшее обслуживание, разве они не пострадают так же, как мы?

Том Киндл поднял руку:

— Мистер… Мейкпис, верно? Включите воображение. Их не обратили в другую религию, хотя, может быть, и это тоже. Люди за стенами этого зала изменились на физическом уровне. В них поселились чужеродные организмы. Кто знает, к чему это приведет? Может, через год они все превратятся в камень или начнут питаться воздухом и солнечным светом. А может, вообще

переедут в Канаду.

— Не забывайте про эти штуковины, — добавила Мириам Флетт. Мэтт подумал, что у ее голоса есть звонкий металлический призвук, как у скрипичной струны, заставляющий всех прислушаться. — Те, что на телевидении называют «помощниками». По-моему, они больше похожи на роботов-убийц. Один из них наверняка направится в Бьюкенен.

— Господи, не напоминайте, — сказала Эбби Кушман. — Меня от одной мысли об этом передергивает. Мне тут звонил кузен Клиффорд из Нью-Йорка, говорит, видел одного на дороге в Ютику. Гнал со скоростью миль сорок в час. Парил в футе над дорогой, точно восьмифутовый пиковый туз, а машины расступались перед ним, как море перед Моисеем.

— Том прав, — сказал Мэтт, пытаясь вернуть разговор в нужное русло. — Может случиться что угодно, и я считаю, что мы должны быть готовы к нештатным ситуациям. Вот кое-что из того, о чем я беспокоюсь.

В зале была зеленая доска. Мэтт мелом написал на ней слова, обозначавшие четыре сферы деятельности:

Продовольствие.
Медицинские услуги.
Водоснабжение.
Коммуникации.

Все молча уставились на доску.

— Господь всемогущий… Доктор Уилер, всем этим придется заниматься *нам*? — нарушила тишину Эбби Кушман.

— Это безумие. — Джакопетти фыркнул. — Доктор Уилер, нас здесь десять человек. Двоим уже за шестьдесят. Трое — подростки или чуть старше. Никто ничем подобным не занимался, только вы — врач. Если мы лишимся всего этого, нам кранты. Возить еду из Портленда не получится, если она там вообще будет, в чем я не уверен, управлять электростанцией, гнать воду из водохранилища — тоже.

А вот Киндлу перспектива казалась заманчивой.

— Небольшое число может стать преимуществом. Десять человек не могут обеспечивать город, зато прекрасно могут обеспечить себя. Перед нами стоит вопрос выживания. Если не будет электричества со станции, используем генераторы, пока хватит топлива — а топлива

хватит надолго, если у нас будет доступ ко всем заправкам по дороге на Портленд. С водой то же самое. Не нужно, чтобы она лилась изо всех кранов в городе. Хватит одного-двух.

— Не уверен насчет десяти, — подал голос Боб Ганиш. — У меня родня в Сиэтле. Наверное, они тоже могли… измениться. Но я подумываю о том, чтобы съездить к ним. Раз ситуация бедственная, зачем оставаться здесь?

— А зачем уезжать? — сильно нахмурившись, возразил Тим Беланже, учетчик из городского совета. — Везде будут те же проблемы.

— Вероятно, — ответил Мэтт. — Есть еще кое-что. В Бьюкенене останемся только мы, но нельзя забывать обо всем северо-западе. Если у нас будет рабочий план, можно привлечь беженцев из Портленда, Астории и более отдаленных городов. Маленьким городом легче управлять, чем большим. Бьюкенен превратится в своего рода убежище.

— У нас и так места мало, — буркнул Джакопетти.

— Если остальное население никуда не денется. А оно, вероятно, денется. Впрочем, это лишь один из вариантов развития событий.

— Коммуникации, — произнес Киндл. — Если

будем принимать беженцев, нужно как-то их оповещать.

— Без телефона, — задумался Мейкпис, — без почты, без газет… трудно представить. Есть радиостанция, но вряд ли мы сумеем ее использовать.

— Любительское радио, — ответил Киндл. — Черт, да у любого радиолюбителя, не сдавшегося врагу, сейчас радости полные штаны. Их хлебом не корми, устрой какую-нибудь чрезвычайную, простите за выражение, херню. Вот только никто их не слушает.

— Этим нужно заняться как можно скорее, — согласился Мэтт. — Есть среди нас радиолюбители?

Никто не ответил.

— Ладно. Я знаю, что мы еще не выбрали председателя, но никто не будет возражать, если я назначу Тома Киндла ответственным за радиосвязь?

Возражений не последовало.

— Том, к концу месяца вы начнете ходить. Подберите толковую аппаратуру — если не ошибаюсь, в гавани есть магазин электроники. А пока я раздобуду для вас нужные книги и учебники.

— Ладно, Мэтт… но у меня нет лицензии.

— Думаете, комиссию по связи это теперь волнует?

— Вряд ли, — ухмыльнулся Киндл.

— Доктор Уилер… — подняла руку Мириам Флетт. — Нам придется платить за эту радиочепуху?

— Нам нужно учредить казну. Но радио я готов профинансировать из своего кармана.

Мейкпис и Ганиш предложили скинуться; Мэтт принял предложение, но попросил подождать до следующей недели. До этого деньги были не нужны.

— Нужно добавить пятый пункт, — сказал Джакопетти. — Вы забыли кое-что важное.

— Что, мистер Джакопетти? — Мэтт взглянул на доску.

— Оборону.

По аудитории пробежал холодок. Джоуи Коммонер слабо саркастически усмехнулся.

— Мистер Джакопетти, мы это понимаем, — ответил Том Киндл. — Но, как вы сами заметили, нас здесь маловато. Если нам светит второе Ала-

мо[19], проще сдаться без боя.

— Согласен. — Джакопетти сложил руки на животе. — Думаю, это весьма вероятно. Мы не вписываемся в их новый мир. Когда они с нами наиграются, то избавятся от нас.

— Мои дети так не поступят, — тихо возразила Эбби Кушман. — Мои внуки… они меня не обидят.

— Я бы на это не рассчитывал. — Джакопетти холодно посмотрел на нее. — Нужно быть готовыми ко всему — разве не для этого мы здесь, доктор Уилер?

— Мистер Джакопетти, думаю, к такому не подготовишься. И я тоже сомневаюсь, что до этого дойдет. Пока нам никто не угрожал.

— И не станет.

Новый голос. Все повернули головы к выходу. Ребенок. Синди Ри.

«А ведь, по идее, она должна быть мертва», — невольно подумал Мэтт.

Он вспомнил, как Эллен Ри вытирала слюни

---

[19] Примечания: 19

Аламо — бывшая католическая миссия, где держали оборону техасские повстанцы во время Войны за независимость Техаса в 1836 г. После штурма мексиканскими войсками из бойцов гарнизона выжили только двое, остальные, за исключением женщин и детей, были убиты или казнены.

Синди, как глаза девочки бездумно, бесцельно бегали.

Это было до вмешательства чудесных целительных неоцитов. Теперь Синди Ри могла ходить, пусть и неуверенно, и говорить, хотя ее слова звучали чересчур импозантно и надуманно.

— Она — одна из них, — заявила Мириам Флетт. — Ей здесь не место!

Двенадцатилетняя девочка уставилась на Мириам, пока Мэтт соображал, что ответить.

— Мисс Флетт, если хотите, я уйду. Но я пришла в качестве нашего представителя. — Общее, всеобъемлющее «наш». Синди обратилась к Мэтту: — Доктор Уилер, то, что вы делаете, разумно. Но мистер Джакопетти не прав. Вам не нужно нас бояться.

— Синди, — ответил Мэтт, — ты говоришь от имени всех? Всех контактеров?

— Да. — Ее маленькая фигурка оставалась в дверном проеме.

— Как это возможно?

Синди пожала плечами.

— Синди, если тебе известно, что случится в ближайшее время — через месяц, через год, — прошу, расскажи.

— Не могу, доктор Уилер. Это еще не решено.

Пол Джакопетти так покраснел, что Мэтт забеспокоился, не подскочило ли у него давление.

— Что это за девчонка? Откуда она знает мое имя? Ты что, под дверью подслушивала? — обратился он к Синди.

— Она моя пациентка, — ответил Мэтт. — Она…

— Они все знают! — перебила Мириам Флетт. — До вас еще не дошло? От них ничего не утаишь.

— Голосую за то, чтобы она ушла. — Джакопетти встал. — Это явно шпионка.

— Я уйду, — сказала Синди Ри.

— Постой, — остановил ее Мэтт. Не имея под рукой судейского молотка, он громко захлопнул блокнот. — Я собирался устроить перерыв на кофе. Синди, останься, пока мы не возобновим заседание. Двадцать минут.

Мэтт посадил Синди в кресло, а сам подтащил еще одно и сел напротив. Он чувствовал, что должен воспользоваться возможностью и внимательно осмотреть девочку, но не знал, что им движет — жалость, любопытство, страх? Он достал из кармана медицинский фонарик и посветил ей в глаза.

Остальные собрались у кофеварки, шепотом переговариваясь и время от времени поглядывая

на Мэтта и Синди. Мэтт надеялся, что решение поговорить с девочкой не подорвет его авторитет.

Том Киндл задумчиво сидел в коляске, поодаль от всех.

Зрачки Синди сокращались медленно, но их реакция была достаточной и вполне нормальной. Она следила за фонариком, когда тот двигался вправо-влево и вверх-вниз.

Мэтт потрогал ее лоб; кожа была прохладной.

— Доктор Уилер, спасибо за заботу. Со мной все хорошо.

— Я рад, Синди. Приятно видеть, что ты ходишь.

— Но вам это кажется странным.

— Я действительно рад. Но ты права, это кажется странным.

Более того. Он не мог понять, что за чудо произошло. Гадал, что сейчас происходит в ее черепной коробке. Восстановился ли ее мозг, или там нечто иное, питаемое кровью, похожей на темную патоку?

Кажется, Синди уловила его мысли:

— Доктор Уилер, им пришлось потрудиться надо мной до Контакта, потому что я тяжело болела. Поэтому процесс у меня зашел дальше, чем у большинства людей.

— Поэтому прислали тебя?

— Отчасти. А отчасти потому, что двенадцатилетняя девочка не должна была слишком напугать мистера Джакопетти. — Синди не сдержала улыбку. Улыбалась она искренне. Так, как в прошлом году, пока нейробластома не стерла улыбку с ее лица. — Мы вам не враги. Поймите это. Вы правы, будущее может быть трудным. Но нас вам бояться не стоит.

Она по-прежнему была ужасно худой.

— Ты хочешь помочь, — сказал Мэтт. — Я это ценю. Но лучше тебе не задерживаться.

— Понимаю. Спасибо, что осмотрели меня.

Она встала и собралась уходить, но вдруг помрачнела и дернула Мэтта за рукав:

— Доктор Уилер…

— Что?

— Ваша дочь…

— Рэйчел? — Внутри у Мэтта все заледенело. — Что с ней?

— Поговорите с ней. Вы толком не общались после Контакта. Она по вам скучает.

— Откуда ты знаешь?

Это был главный безответный вопрос. Синди лишь грустно пожала плечами:

— Поговорите с Рэйчел, доктор Уилер.

После перерыва долго не засиживались. Чак Мейкпис сказал, что им нужно достать несколько экземпляров «Правил регламента Роберта»[20] и на следующем заседании избрать председателя. Мэтт согласился. Тим Беланже вызвался вести протокол. Эбби Кушман предложила выбрать название для их организации.

— Нельзя быть безымянными, — сказала она и предложила вариант «Комитет последних настоящих людей».

— Слишком враждебно, — не согласился Мейкпис. — Мы не должны настраивать никого против себя.

Джакопетти поднял руку:

— Комитет чокнутых оптимистов. Совет пропащих.

Мэтт сказал, что рассматривал такой временный вариант: «Комитет по чрезвычайному положению». Многие согласно закивали. Только Эбби Кушман заметно расстроилась.

Перевалило за десять вечера, и люди собрались расходиться. Мэтт попросил всех записать свои имена, адреса и телефоны, чтобы распечатать

---

[20] Примечания: 20

«*Правила регламента Роберта*» — первый в США свод правил для проведения организационных собраний, составленный в 1876 г. Генри Мартином Робертом.

и раздать на следующем собрании. Собрание закончилось. Первыми ушли Бет и Джоуи Коммонер, последней — Мириам Флетт. Мэтт провожал взглядом отъезжающие с парковки машины.

— Дотолкаете меня до лифта? — Том Киндл подъехал к двери. — Черт, ненавижу эту долбаную коляску!

— Ничего, скоро встанете на ноги. — Мэтт вытолкнул коляску в сумрачный коридор. Стены были выкрашены в зеленоватый оттенок, который считался успокаивающим, но в свете люминесцентных ламп казался внеземным. Киндл не ночевал один в здании-лабиринте; здесь были еще двое-трое из ночной смены, но в каком-то смысле он все равно оставался в полном одиночестве, и Мэтту стало его жалко.

— Ну что, — сказал Киндл, — последуете совету девочки?

— Вы слышали?

— Немножко. Не мое, конечно, дело. Я даже не знал, что у вас есть дочь.

— Была. — Мэтт вызвал лифт и сделал усилие, чтобы в его голосе не прозвучала горечь. — Теперь не знаю.

Глава 16. Битва за США 1995 года

По мнению Джона Тайлера, главная проблема состояла в том, что армии были распущены, фабрики закрылись, а комитеты конгресса перестали собираться. Где теперь было его место?

С краю. В хвосте. Но не вовне.

Тайлер жил один в двухэтажном георгианском доме в Арлингтоне, Виргиния. В лишней спальне он устроил прекрасный тренажерный зал и после непродуктивного диалога с главнокомандующим провел несколько дней в непрерывных тренировках.

Через месяц Тайлеру исполнялось пятьдесят два; по гражданским меркам он пребывал в отличной форме, но ему хотелось большего — привести себя в боевую готовность. В его возрасте это было непросто. Но возможно. Это стоило огромных усилий и боли. Во-первых, боли, которая возникала после тяжелых упражнений. Он позволял ей достичь определенного предела, затем отдыхал. Во-вторых, коварная боль, настигавшая его по ночам, — ноющие связки, возмущенный позвоночник, прочие унизительные неудобства, из-за которых ему приходилось

покупать в аптеке обезболивающие мази, парацетамол и тому подобное, чтобы уснуть и с утра быть способным пошевелиться.

Но настал момент, когда он перестал кривиться, глядя на себя в ростовое зеркало. Подтянутая грудь, плоский живот, уходящий под шорты, крепкие ноги. Седой ежик волос на голове и пушок на груди, руках и ногах. Тайлеру казалось, что он сделал нечто хорошее, то, чем можно гордиться. Внешний вид всегда много значил для Тайлера.

А главное — теперь он был готов исполнять свой долг.

Настолько, насколько можно быть готовым к исполнению такого долга.

Во второй понедельник октября он достал из нафталина свой старый армейский мундир, с удовольствием отметил, как хорошо тот смотрится поверх накрахмаленной белой рубашки и брюк, сел в машину и поехал на базу морской пехоты в Куантико.

Виргинская природа играла теплыми осенними красками. Голубое небо, лес, пестрый от разноцветной листвы. На шоссе было почти пусто, как и везде в эти дни.

Тайлер много думал о кризисе, который пере-

живала страна, и за рулем заново прокрутил в голове все доводы. Главная проблема, говорил он себе, — это роспуск армии, а как воевать без армии?

Если противник намного сильнее, видимо, следует начать партизанскую войну… но для этого все равно нужны пехотинцы, ополченцы, база. «Революционер должен чувствовать себя в народе как рыба в воде». Слова Мао Цзэдуна. Но «народ» перетянули на сторону врага. Рыба выброшена на берег. Тайлер видел записи, как африканские, центральноамериканские, азиатские, европейские и даже израильские и американские солдаты, и салаги, и опытные бойцы, складывают оружие, бросают танки, вылезают из окопов и траншей, словно в мечтах укуренных хиппи из шестидесятых. От Эфиопии до Ливана, от Туркестана до Латинской Америки все без исключения прекращали воевать.

Однако Тайлеру казалось, что это поражение можно обернуть себе на пользу. Ржавеющее в поле оружие не наставят на повстанца. Он мог чувствовать себя среди усмиренного народа не просто как рыба в воде, а как акула среди мелких рыбешек, как кит среди планктона.

Но действовать в одиночку было нельзя. Одного

можно взять числом. Нельзя идти в бой одному.

«Один из десяти тысяч», если верить президенту.

Тайлер не знал, насколько достоверна эта статистика, но она его не вдохновляла. Однако численность армии до Контакта была велика, и даже в этой прискорбной ситуации Тайлер надеялся найти пару достойных бойцов.

Возможно, он слишком долго выжидал. Возможно, его план не сработает… но поживем — увидим.

Куантико произвел на него удручающее впечатление.

Еще месяц назад морская база напоминала гудящий улей. В местных новостях показывали бесконечную на вид вереницу «Геркулесов», которые отправляли зерно в страдающие от голода районы мира и возвращались обратно.

Но гуманитарная операция подошла к концу, и гигантский комплекс в Куантико почти опустел. Тайлер ехал среди кирпичных зданий по заросшим травой плацам и сигналил, пока не устал слышать в ответ лишь эхо.

Он доехал до центральных ворот, остановил машину и открыл багажник. Солнце согревало ему шею, заливало светом огромный монумент в

честь поднятия флага на Иводзиме. Тайлер достал из багажника десятиярдовый кусок оранжевой нейлоновой ткани и развернул его. На нем было написано черной водоустойчивой краской:

Всем оставшимся на посту представителям вооруженных сил.
Позвоните полковнику Джону Тайлеру (202) 212-55-55
или явитесь в Арлингтон, Портидж-стрит, 731.
Срочно!
Боже, храни США.

В нескольких местах он продел сквозь ткань нейлоновые шнуры и привязал их к стойкам ограждения, натянув плакат поверх ворот.

Ткань немного обвисла, но сообщение было хорошо заметно.

За полторы недели Тайлер соорудил множество таких транспарантов и развесил в менее значительных военных учреждениях, от Балтимора до Ричмонда. По вечерам он проверял автоответчик. Пока не поступило ни одного сообщения.

Во время поездок Тайлер наблюдал за эволюцией нового мира. На первый взгляд мало что

менялось. Движение на дорогах, особенно на шоссе, было редким. А вот пешеходов стало больше, чем обычно. Все меньше людей выходили на работу. Множество небольших заведений — автомастерские, парикмахерские, книжные магазины — было закрыто или брошено. Продуктовые магазины и супермаркеты еще работали, но Тайлер сомневался, что это надолго. Его также интересовало, как тысячи военных и государственных служащих выживают без зарплаты.

Эта мысль настолько заняла Тайлера, что он решился на эксперимент. Поехал в пригородный продуктовый магазин, подальше от своего района, и набрал полную тележку консервов и бутилированной воды.

— У меня нет денег. Я работал в министерстве жилищного строительства и городского развития, — сказал он кассиру.

Он ожидал, что к нему тут же подскочит охранник. Вместо этого кассирша — пухленькая рыжая девушка с именем Салли на бейдже — улыбнулась и позволила ему пройти.

Так почему люди продолжали платить? Тайлер задержался у выхода и присмотрелся к другим покупателям. Вышло примерно половина на половину. Половина платила, половина — нет.

Те, кто платил, делали это, видимо, по привычке. Тайлер предположил, что необходимость платить за любые услуги глубоко укоренилась в сознании американцев и избавиться от этой привычки было непросто. Все равно что отменить плей-офф Высшей бейсбольной лиги. Но Тайлер видел, что страна заметно продвинулась в сторону безденежной экономики.

Идеальный коммунизм для идеальных роботов.

«Вокруг тебя чудовища», — произнес голос внутри него.

Голос Сисси. Сисси была старым грустным призраком. Тайлер встрепенулся и проигнорировал ее. Сисси рассказывала ему про чудовищ с самого его рождения.

С прошествием лет все его воспоминания о Сисси сложились в одну-единственную картинку. Сисси появлялась в его снах такой: женщина средних лет в ворохе холщовых и синтетических юбок, двух свитерах, застегнутых поверх больших мягких грудей, по-цыгански яркая, краснолицая, волочащая по тротуару тележку старых газет.

Мешочница, сказали бы сейчас. Она была его матерью.

Его отец работал в компании, продававшей

пластиковые кружки, на которых можно было золотыми буквами напечатать название фирмы. Первые семь лет своей жизни Тайлер пил из кружки с надписью «Чучела Флетчера, Цинциннати, Пятая Восточная улица, 33». Когда он выучился читать — в четыре года, самостоятельно, — то понял, что в слове «Восточная» допущена опечатка. От этого он, сам не зная почему, расплакался. К тому времени отец уже ушел из семьи.

Его мать (она сама требовала от него звать ее «Сисси») жила в старом трехэтажном доме на крутой улице, в районе, который постепенно становился трущобным. Дом был целиком в ее собственности. В молодости Сисси унаследовала внушительную сумму денег от тетки из Питтсбурга. Сисси была молода, бездетна и, скорее всего, подозревала, что ей грозит помешательство. Она сразу же купила этот дом, а остальные деньги доверила трастовой компании и каждый месяц получала чек.

Отец Тайлера появился в ее жизни и исчез, не получив доступа даже к малой толике этих денег. Сисси по натуре была осторожной и осталась прижимистой, хоть и не воспринимала теперь адекватно окружающий мир.

Тайлер не помнил, в какой момент он догадал-

ся, что Сисси сумасшедшая. Наверное, тогда, когда об этом любезно сообщили другие дети. «Эй, Тайлер, твоя мать одевается как Тунеядец Фредди![21] Эй, Тайлер, у вас дома воняет дерьмом!»

Он быстро сообразил, что лучший ответ — короткое и ясное «иди в жопу». За это его часто били. Но в конце концов отставали. Ценный урок: людей можно бояться или ненавидеть, выбор за тобой. Все остальное — опасный соблазн, за который можно дорого заплатить.

Тайлер ненавидел и боялся Сисси, но в то же время она была исключением из правила. Несмотря на безумие, она оставалась его матерью. Она кормила его — время от времени. Одевала — экстравагантно. Должна была заботиться о нем, но при этом зачастую ранила его своим безразличием.

Чужое безразличие он мог терпеть. Безразличие Сисси — нет.

Поэтому, когда он впервые пошел в школу — на пять дней позже остальных и в сопровождении инспектора по делам несовершеннолетних, — насмешки над рваными штанами и заляпанной

---

[21] Примечания: 21

Тунеядец Фредди — персонаж известного американского комика Реда Скелтона, появлявшийся в его телевизионных программах с 1952 до 1980-х гг.

рубашкой довели его до слез.

Нет, его не волновало, что о нем думали. Это Сисси глубоко ранила его чувства, отправив учиться в такой плохой одежде.

Почему, Сисси?

Разве она сама не понимала?

Очевидно, нет. Сисси переселилась в мир, где вместо разума и общепринятых правил поведения были лишь яркие вспышки невидимых молний, жуткие откровения, о которых нельзя рассказывать. Став взрослым, Тайлер понял, что Сисси страдала шизофренией. Она защищала свой дом, притаскивая туда мусор и обноски. Чудо, что она вообще одевала сына.

Сисси давно уже умерла. Но продолжала навещать Тайлера и не стеснялась выражать свое мнение по самым разным вопросам.

Звонок раздался, когда он смотрел телевизор. Тайлер установил на крыше спутниковую антенну, а в гостиной — нелегальный дескремблер, маленькое устройство для восстановления структуры сигнала, сконструированное на основе КМОП-чипа и осциллятора на 3,58 мегагерца. Он ловил все, включая кабельные каналы, Эйч-би-оу и военные программы, — впрочем, теперь все это в эфир уже не выходило.

С середины октября телевидение работало часа два в день. На Си-эн-эн малыми силами выпускали новости, в основном о мировом разоружении и непрекращающемся раскрытии октаэдров.

Тайлера интересовало как раз последнее. В этот день — снова стояло ясное осеннее утро — он распахнул окна, впустив в дом легкий бриз, налил себе диетической колы и уселся смотреть запись одинокого «помощника», скользившего над пустым шоссе неподалеку от Атланты.

Вид неизвестного механизма завораживал. Семь футов бесформенной черной опасности. «Помощник», черта с два. С тем же успехом можно было называть Сталина Дядей Джо.

Эти причудливые устройства одно за другим стартовали со своих октаэдрических баз в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе и рассредоточивались по стране и миру, формируя целую сеть, преследуя свои неясные цели. Можно было сколько угодно звать их «помощниками», но Тайлер видел в них оккупационные войска.

Как вывести из строя такой дредноут? «Надо прикинуть», — подумал Тайлер, и тут, словно в ответ, зазвонил телефон. Он вскочил со стула; сердце бешено заколотилось. Господи! Как давно он в последний раз слышал этот звук?

Он уже почти перестал ждать.

Заглушив звук телевизора, он схватил трубку:

— Алло?

«Наверняка ошиблись номером, — решил он. — Какой-нибудь контактер нажал пятерку вместо шестерки. Хотя… разве они все еще совершали человеческие ошибки?»

— Полковник Тайлер? — спросил мужской голос.

— На связи, — выдавил полковник.

— Сэр, я увидел ваш плакат в Куантико. — Пауза. — Одна веревка развязалась, но я завязал снова.

— Спасибо, — ответил Тайлер. — Вы морпех?

Оказалось, что это так. Почти новобранец. Специалист по вооружению, двадцать один год.

— Сержант А. У. Мердок.

— Что значит «А»?

— Альфонс, как ни прискорбно.

— Сочувствую. Не буду спрашивать, что значит «У». Надо понимать, вы смогли отказаться от предложения вечной жизни?

— Так точно, сэр.

— Значит, нам нужно держаться вместе.

— Согласен. Гм, полковник Тайлер… полагаю, вы собираетесь оказать сопротивление? Без обид,

мне не нужна компания ради компании. По вашему плакату я подумал, что вы хотите надрать пару задниц?

«Молодой да ранний, — подумал Тайлер. — Что ж, я тоже. Хотя бы отчасти».

— Ваше предположение справедливо. Когда мы сможем встретиться?

— Прямо сейчас. Я под вашим окном, сэр.

Тайлер подошел к окну. Посмотрел со второго этажа на солнечную улицу. Там…

…на тихой, обсаженной деревьями Арлингтон-авеню…

…стоял коричнево-камуфляжный «M998-Хаммер», почти двухтонная машина, пришедшая на смену «джипам» Тайлеровой молодости, прочная, многоцелевая…

…на крыше которой была противотанковая ракетная установка, напоминавшая лазерную пушку из старого фантастического фильма…

…или ответ на все мольбы Тайлера…

…а из кабины улыбался долговязый белобрысый парень, волосы которого успели отрасти и растрепаться, но форма оставалась чистой. В правой руке он держал, кажется, сотовый телефон.

«Тот еще умник, — подумал Тайлер, — но умник с подарками».

— Похоже, нам предстоит многое обсудить, — сказал он.

— Сейчас поднимусь, сэр.

— Не надо. Я спущусь.

Тайлер умел выбирать нужный тон в мужских разговорах, устанавливать иерархию. В армии действовали строгие правила поведения. С повседневными разговорами было сложнее, и следовало как можно быстрее показать, кто здесь главный. Во время встречи с президентом, воспоминания о которой все еще терзали Тайлера, его больше всего разозлила неспособность того взять ответственность в свои руки. Тайлер оказался в невыгодном положении; вероятно, ему не следовало подчиняться минутному порыву и приносить в Белый дом пистолет. Это было необдуманным решением.

Сейчас же ситуация складывалась в пользу Тайлера.

А. У. Мердок был действительным сержантом морской пехоты. Джон Тайлер — отставным офицером, фактически гражданским, и считался старшим по званию лишь формально. Но «сэр» в устах Мердока давало надежду.

«Начало хорошее, — думал Тайлер, — а дальше все сложится».

Они уселись перед «хаммером» и обменялись своими впечатлениями о вторжении, прежде чем приступить к серьезному разговору.

Мердок был родом из Калифорнии — типичный юноша-бездельник, которыми славился этот штат. Только в армии он нашел себе занятия по душе: поддержание оружия в боевой готовности и соответствующий инструктаж для новобранцев. Кроме оружия, Мердока не интересовало ничего. Когда база Куантико опустела после Контакта, он был потрясен. Раз в несколько дней он возвращался на базу, как муравей в брошенный муравейник.

Внезапно он увидел плакат Джона Тайлера и понял, что для него не все потеряно.

В ответ Тайлер поделился своей недавней биографией. Рассказывать о работе на гражданке было трудно, она затрагивала множество сфер — конгресс, оборонную промышленность, банковское дело. Его обязанностью было узнавать людей, но не слишком близко, говорить, но не слишком откровенно. А вообще, эта жизнь уже вспоминалась смутно: дела давно минувших дней. Ее хитросплетения, некогда интригующие и манящие, теперь казались чересчур мудреными, словно брачные игры вымерших животных…

Мердоку он этого не сказал. Упомянул вскользь о восстании, которое так и не состоялось по вине Контакта. Мердок слушал как завороженный: он знал, что той августовской ночью войска привели в состояние боевой готовности.

— Было захватывающе, — сказал он. — Как будто мы перенеслись в годы Гражданской войны и готовились брать Форт-Самтер. Этот старый пердун из Белого дома мне никогда не нравился.

Вдохновленный этим заявлением, полковник поведал о своей последней встрече с главнокомандующим, сгладив некоторые углы.

— Вы всерьез наставили на него пистолет?! — восхищенно вытаращился Мердок.

— Да, — ответил Тайлер.

— Хотели убить?

Тайлер кивнул.

— А почему не убили?

— Не помогло бы. Только привлек бы лишнее внимание. Да и слишком он был… уступчивым. Покорным. Понимаете, мистер Мердок?

— Понимаю. Я встречаюсь с людьми. Со своими знакомыми. Все теперь такие любезные. Чересчур любезные. Это страшно, но нельзя же ненавидеть их за это. Тем более стрелять. Все равно что забить кролика гаечным ключом.

Тайлер кивнул.

В машине у Мердока был переносной холодильник, и он достал из него две банки пива «Курс». Тайлер щелкнул ключом, послушал, как шипит пенное.

— Нет, — произнес Мердок, — они нам не враги. А вот эти штуки на дорогах…

— «Помощники», — подсказал Тайлер.

— Ага. Вот у них есть все признаки врага.

— Я согласен.

— Вы уже думали, что с ними делать?

— Конечно. Но спервa хотел бы услышать ваши соображения.

— Ну… в нашем распоряжении куча технологий, но в одиночку или вдвоем с ними не справиться. Было бы весело взять «Эй-десять»[22] и промчаться на бреющем полете над деревьями, расстреливая их снарядами с обедненным ураном, но я ни хрена не пилот. А вы, сэр?

— Налетал часов сто на учебном самолете.

— Мы даже не подготовим «Эй-десять» к полету. Остается переносное наземное вооружение. Танк не годится, гаубица тоже — слишком громоздкая. К тому же мы толком не знаем, что нам противо-

---

[22] Примечания: 22

«Фэйрчайлд рипаблик А-10 „Тандерболт“ II» — американский штурмовик, оснащенный противотанковым и бронебойным вооружением.

стоит. Нужно что-нибудь попроще. «Дрэгон» или «Эй-Ти-четыре»[23]. Этого добра у нас навалом. Теперь весь мир — наш арсенал. Бери не хочу! Но на первый раз я бы взял что-нибудь мощное и мобильное. Подходящее для кратковременного огня со сменой огневой позиции.

— То есть этот «хаммер», — догадался Тайлер.

— «Хаммер», а точнее, ракетную установку на крыше. Я представляю ситуацию так: встречаем на дороге «помощника», валим его и сматываемся до прибытия их подкреплений.

Тайлер хлебнул пива, притворившись, что обдумывает идею.

— Мистер Мердок, нам неизвестны их оборонительные возможности.

— Думаю, единственный способ выяснить — выстрелить по ним.

— Это может быть опасно.

Но Мердок услышал в голосе Тайлера хулиганскую нотку, которую тот не смог подавить.

— Возможно, сэр, — улыбнулся он. — Но погода прямо-таки приглашает пострелять, согласны?

— Не бегите впереди паровоза. Сначала по-

---

[23] Примечания: 23

M47 «Дрэгон» — американский переносной противотанковый ракетный комплекс. AT4 — шведский противотанковый реактивный гранатомет.

кажите, как стрелять из этого ПТРК. — Тайлер посмотрел в пастельно-голубое небо. — Я бы сказал, что погода в первую очередь приглашает устроить учебно-боевые стрельбы.

Мердок заметно расстроился:

— Я надеялся пострелять сам… ну, когда подвернется возможность.

— Привилегии старшего по званию, мистер Мердок. Я рассчитываю, что возможность пострелять предоставится нам обоим.

— Так точно, сэр.

За первую неделю знакомства они неплохо узнали друг друга. На стрельбище в Куантико Мердок показывал Тайлеру, как пользоваться ПТРК и противотанковыми орудиями поменьше. Тайлер мог сказать, что они подружились; необычная ситуация, в которой они оказались, способствовала падению барьера, воздвигнутого разницей в званиях. Тайлер по-дружески делился своими секретами. Но были секреты, делиться которыми он не мог ни с кем, — в первую очередь его безумие.

«Безумие» — слишком громко сказано, но Тайлер пользовался этим словом, напоминая себе, что его состояние вызвано не просто несчастьем и жалостью к себе. Это было более мрачное и

могущественное явление, и время от времени он оказывался в его власти.

С тех пор, как умерла Сисси.

Воспоминания возвращались по ночам.

Главные события в двенадцатом классе: он окончил его со средней оценкой «хорошо», набрал гораздо больше баллов по тесту интеллекта Стэнфорда — Бине, чем полагалось обычному школьнику, и дважды падал в обморок: один раз в спортзале, другой — в классе. Школьная медсестра расспрашивала, что он ел на завтрак и обед, и оба раза он ответил: овсяные хлопья «Фростед флейкс». Ему нравился тигр на коробке. За продуктами он в основном ходил сам. Овощи не покупал, не зная, что с ними делать. Самому класть в пакет, самому взвешивать… он путался и переживал, что потратит больше тех трех-четырех долларов, которые Сисси давала ему на покупки.

Однажды он попробовал консервированные овощи. Зеленый горошек в банке оказался более бледным и морщинистым, чем на этикетке. Сисси сравнила его вкус с крысиным ядом. Видел ли он когда-нибудь умирающую от яда крысу? Сисси видела. Сисси в красках описала это.

— Хочешь, чтобы и со мной такое случилось?

Тайлер решил, что с «Фростед флейкс» уж точно не промахнется.

Медсестра посовещалась с классным руководителем, после чего к Тайлеру нагрянул социальный инспектор и Тайлера отдали в приют, а Сисси силой упекли в белое кирпичное здание за городом, где она умерла полгода спустя «в результате несчастного случая в ванной». Тайлер видел охранников этого заведения: здоровые, тупые и неизменно злые. Сисси плевалась в них. Поэтому Тайлер сомневался насчет «несчастного случая». Но Сисси умерла, и это было навсегда.

Он так и не узнал, что случилось с их старым домом и вложениями Сисси. Ему не нужно было ни то ни другое. Он был счастлив, что ее больше нет. Без Сисси жизнь стала лучше.

Однако, услышав то же самое от соцработницы — что без Сисси ему лучше, — Тайлер попытался заколоть ее острым концом шариковой ручки.

Удалось лишь поцарапать ей лицо, хотя в глубине души он надеялся, что чернила проникнут в рану и останутся под кожей: несводимая татуировка, напоминание о том, что не ей делать такие выводы.

За это его выкинули из приюта и перевели в мрачное заведение (вероятно, вроде того, за-

нимавшего белое кирпичное здание, где Сисси умерла, плюясь в своих тюремщиков), где Тайлера пинали, избивали, унижали, иногда калечили, в лучшем случае игнорировали. Из этого порочного круга он был спасен, когда в процессе изучения вкладов Сисси обнаружился живой родственник, согласившийся стать опекуном мальчика.

Тайлер так ни разу и не встретился с ним. Насколько он знал, родственник был юристом на пенсии и предпочитал держать дистанцию; однако он оплатил Тайлеру обучение в достаточно престижном военном училище. Мальчик был сообразительным, это признавали все. Немного замкнутым. Склонным фантазировать. Нелюдимым. Но чертовски смышленым.

Армия сулила ему хорошие перспективы; он получил звание лейтенанта, выучился на бакалавра за счет государства и глядел в светлое будущее глазами кадрового офицера.

В его послужном списке были и темные страницы. В ходе боевой подготовки он едва не убил сослуживца и до сих пор об этом переживал. Им овладел некий порыв — иначе не сказать. Они тренировали броски в рукопашном бою, и вдруг он принялся душить своего партнера. Без повода. Это был дылда по фамилии Дельгадо, можно ска-

зать, его друг. Но последнее не имело значения. Имела значение лишь внезапная, непреодолимая жажда причинить вред, вырезать свое имя на жизни другого человека, как другие люди вырезали свои имена на жизни Тайлера. Вдобавок у него от этого случилась эрекция.

Чтобы стащить его с Дельгадо, понадобились усилия трех человек. Дельгадо кашлял, его тошнило. До серьезных повреждений не дошло, и, принимая во внимание до этого безупречную репутацию Тайлера, все списали на случайность. Фраза «в свете заслуживающих похвалы действий этого солдата» украсила ящик с жалобами на Тайлера. Его никогда не наказывали за неподчинение — этого он себе не позволял. Зато в списке были пьянство, драки, неряшливый внешний вид и даже гонка с военной полицией в Сайгоне. Но все это случалось редко — когда в его жизни случались черные полосы и в голове чересчур часто раздавался голос Сисси, то есть в периоды безумия.

Эта история замедлила его продвижение по службе. Тайлер понял, что в определенный момент твоя личная жизнь начинает значить очень много. Тебя замечают на вечеринках с сотрудниками посольства, пусть ты играешь только

декоративную роль, танцуешь с посольскими женами и дочерями дипломатов, общаешься с людьми, которые хотят, чтобы ты был их уменьшенной копией, американским центурионом с миловидной женушкой и трехлетним веснушчатым сыном, живущим где-нибудь в военном городке. Они не желают, чтобы ты пользовался услугами азиатских проституток, особенно если это не держится в строжайшей тайне, и уж тем более скривятся, узнав, что тебя видели в квартале красных фонарей другого сорта, с азиатскими мальчиками.

Но только юность пробуждала в нем страсть. Его манила андрогинная красота, критерии которой он не мог толком определить. Он посещал азиатских мальчиков, азиатских девочек, убеждая себя, что это просто потребность, которую следует удовлетворить, и уходил с чувством ненависти к их грации, их игривости, их невинной покорности.

Он научился быть крайне осмотрительным. Осмотрительность спасала его много лет, до перевода в Западную Германию, где его военная карьера закончилась. Он нашел публичный дом в Штутгарте — прелестный домик рядом с уютной пивной, в районе, куда редко захаживали

американцы. Там он выбрал девочку-турчанку, утверждавшую, что ей тринадцать, — судя по ее внешности, это вполне могло быть правдой. Поднялся с ней наверх, раздел ее и сунул ей в рот свой член. Не выпуская его изо рта, она с трудом повторяла «битте, битте», пока он держал у ее головы табельный револьвер, ласково поглаживая спусковой крючок — но даже близко не думая стрелять. Тут в дверь с криком ворвалась хозяйка борделя.

Как оказалось, у хозяйки была привычка подглядывать за работницами через маленькие дырки в стене; она увидела, как Тайлер наставил на девочку револьвер, и решила, что он собирается ее убить. Неужели так трудно было понять, что это всего лишь игра?

Неожиданное появление женщины заставило Тайлера обернуться, и он случайно выстрелил. Прострелил девчонке левую руку. Это стало роковой ошибкой.

Приехали «скорая» и полиция, его арестовали.

— Это вам не Дикий Запад! Здесь нельзя трахаться и стрелять! — кричал на него краснолицый офицер во время допроса.

Обвинений ему не предъявили, однако продержали в камере три дня и доложили о проис-

шествии начальству. Началось расследование; кое-кто попытался раздуть скандал. Люди стали косо смотреть на Тайлера. Пережить это было труднее всего. Люди знали. Они смотрели на него так… ну, как на Сисси.

Тайлер сам подал в отставку. У него хватало друзей, готовых облегчить ему переход на гражданку, но все равно было непросто. Штутгартское происшествие преследовало его, словно вонючая бродячая псина.

«Все забывается, — говорила Сисси. — Стирается из памяти. Люди обо всем забудут. Так положено».

Но ночи были длинными. Некоторые — чересчур длинными. В такие ночи он брал свою вторую машину, неприметный коричневый седан, и ехал по темным улицам в какой-нибудь дешевый отель, где в номерах пахло потом и средством от клопов, чтобы снять юную девочку — обычно негритянку или латиноамериканку — и, несмотря на Штутгарт, поиграть с ней, держа револьвер.

Он возвращался домой до рассвета и продолжал играть один; брал револьвер в руки, откладывал его, приставлял к виску. Оружейная сталь за много лет стала для Тайлера родной, маслянистый

запах успокаивал. Сисси всегда отговаривала Тайлера спускать курок. Сисси в его голове. Печальный призрак. «Не убивай себя, не следуй моему примеру».

Со временем его жизнь стала терпимой. Ему доверяли, он был осмотрителен — кому, как не ему, знать все об осмотрительности — и умен. Среди военных, подрядчиков министерства обороны и конгрессменов он чувствовал себя как рыба в воде. Его обязанностью было говорить прямо о том, на что работодатели лишь намекали, и намекать на то, что работодатели публично отрицали.

Но безумие все равно накатывало на него, как волна на берег, всегда непредсказуемое, непреодолимое. Шли годы.

Встреча с А. У. Мердоком и усердные тренировки на стрельбище позволили отложить новый приступ. Но Тайлер понимал, что рано или поздно он случится. И не один. Так было всегда.

Освоив начатки стрельбы из ракетной установки, Тайлер отправился с Мердоком на пустой участок шоссе № 95. Они припарковались на аварийной полосе в тени деревьев.

Вчера Мердок прочесал эту дорогу в реквизированном спортивном автомобиле, отмечая позиции «помощников». Уже несколько недель

инопланетные машины непрерывной вереницей двигались по этому шоссе через Балтимор, держа сорок миль в час, соблюдая одну и ту же дистанцию до других автомобилей. Одни сворачивали на запад, на шоссе № 75, другие останавливались в придорожных городках вроде Коламбии или Уитона, третьи продолжали двигаться по Девяносто пятому на юг. Один занял позицию прямо на лужайке перед Белым домом.

Тайлер пока не видел ни одного своими глазами, только по телевизору. Мердок говорил, что в реальности они гораздо хуже.

— Они не просто черные. Не крашеные, не оксидированные. На солнце не блестят. Чернее собственной тени. Когда движутся, не вибрируют и не подпрыгивают. Просто скользят. Сэр, вы когда-нибудь играли в компьютерные игры? Представляете, как объекты движутся на экране монитора? Чистая математика. Движение этих штуковин — само совершенство.

Мердок также признался, что план по уничтожению «помощника», хоть и заманчивый, немного пугает его.

— Но вы же справитесь?

— Да, черт побери, конечно. Сэр, мне не терпится покончить с этим.

И вот они припарковались на солнечной дороге на краю пастбища, где жевали травку голштинские, а может, гернзейские коровы. Тайлер не разбирался в породах, знал только, что эти — молочные. В высокой траве стрекотали цикады, на горизонте маячили облачка. Воздух был прохладным. До ноября оставался один день.

— Появится с минуты на минуту, сэр, — поделился своими расчетами Мердок.

Тайлер пристально вглядывался в точку несколькими тысячами ярдов севернее, где шоссе переваливало через невысокий холм. «Помощник» должен был появиться из-за холма. В зоне досягаемости. Но сейчас там не двигалось ничего, даже машин не было. Дорогами в эти дни почти никто не пользовался.

Мердок открыл банку «Доктора Пеппера», отчего Тайлер едва не подскочил.

— Господи Иисусе!

— Простите, сэр.

У Тайлера пересохло во рту. Он завидовал Мердоку, который мог попивать свежую газировку из холодильника. А от него требовалась готовность к стрельбе. Мердок, решил Тайлер, мстит за то, что у него отняли первый выстрел по «помощнику».

«Вот незадача, — подумал Тайлер. — Но гази-

ровка подождет».

— Сэр, кажется, я вижу цель.

Тайлер встал на платформу для стрельбы и приготовился.

Ракетная установка производилась компанией «Хьюз», с которой Тайлер вел дела. Орудие было достойно всяческих похвал. Ракеты направлялись с помощью сигналов, передаваемых по тонким проводам. Сложно до умопомрачения, но вполне надежно. Установка предназначалась для пробивания тяжелой брони и могла вывести из строя, а проще говоря, взорвать, к чертям, даже самый защищенный танк.

Через оптический прицел с тринадцатикратным увеличением Тайлер впервые как следует рассмотрел «помощника».

«Помощник» напоминал непроницаемо черный шарик на конусе. Инопланетяне, похоже, любили евклидовы формы. Он поднимался по пологому холму, развивая скорость гораздо ниже разрешенной. Горячие испарения асфальта несколько искажали картину.

Коровы забеспокоились и повернули головы, будто почувствовали его приближение.

Тайлер вдруг занервничал, словно оказался в боевых условиях, но не позволил нервам на-

рушить отработанный порядок действий. Он держал «помощника» под прицелом, пока тот переваливал через холм. Полковнику было нужно, чтобы между ним и целью не обнаружилось никаких помех.

— Сэр, — обеспокоенно заметил Мердок, — мы здесь уязвимы для ответного огня.

— Успокойтесь, мистер Мердок.

— Сэр? — окликнул тот после долгой паузы.

Тайлер нажал на пуск.

В мгновение ока установка выполнила множество сложных задач. Нажатие пусковой кнопки запустило двигатель ракеты, который вытолкнул ее из пускового контейнера. Все топливо было израсходовано прежде, чем ракета покинула пусковую трубу, что защитило Тайлера, Мердока и машину от обратного пламени. Звук был оглушительным. Мердок сравнил его с грохотом гладильного пресса Сатаны.

Когда ракета оказалась в воздухе, включился маршевый двигатель, раскрылись четыре крыла. Ракета развила скорость девятьсот футов в секунду.

Тайлер не сводил глаз с «помощника». За ракетой тянулись два тонких провода, соединенные с пусковой установкой. Чтобы направлять ее,

Тайлер использовал прицел и джойстик. Очень похоже на компьютерную игру, что поражало его. Он направил ракету по траектории, казавшейся неимоверно длинной, хотя это было не так. «Помощник» постоянно находился в перекрестье прицела. Все как по учебнику.

Ракета вошла в зону видимости цели на скорости двести с лишним миль в час.

В ее головной части располагался дистанционный контактный датчик, настроенный на срабатывание в пятнадцати дюймах от цели.

Спустя долю секунды боевая часть ракеты взорвалась. Взрыв был невероятным. У Тайлера зазвенело в ушах.

— Срань господня! — воскликнул Мердок.

Коровы и цикады умолкли.

Когда-то Тайлер видел фильм «Война миров», вольную трактовку одноименной книги Уэллса.

Марсиане высадились в Калифорнии и начали строить чудовищные убийственные машины.

Привычное оружие против них не действовало. Отчаявшись, военно-воздушные силы сбросили атомную бомбу.

Взрыв. Грибовидное облако. Взволнованные наблюдатели ждут, пока прояснится видимость. Огненная буря стихает, оседает пыль… марсиан-

ская машина стоит как ни в чем не бывало.

Тайлер прислонился к горячему корпусу пусковой установки, глядя туда, где взорвалась ракета.

Восточный ветер лениво разгонял клубы дыма… От машины не осталось ничего.

Инстинкт подсказывал Тайлеру, что нужно поскорее убираться, но Мердок не удержался и подъехал к месту взрыва.

Он остановился в нескольких футах от опаленного дорожного полотна.

От «помощника» осталась лишь мелкая, похожая на сажу черная пыль, густым слоем усеявшая шоссе.

— Отличный выстрел, — сказал Мердок.

— Спасибо.

— Полковник, пожалуй, вы правы. Пора сматываться.

— Сматываемся, — ответил Тайлер.

Это было только начало. Маленький шаг. Однако, по мнению Тайлера, человечество одержало первую победу после длительного унижения. Он сидел с закрытыми глазами, пока Мердок гнал «хаммер» сквозь прохладный октябрьский воздух.

«Какая чудесная осень, — думал Тайлер. — Прекрасная пора».

Вскоре цикады застрекотали вновь.

Глава 17. Два орла

Типичная для северо-запада осенняя погода пришла с моря третьего октября и, как довольный гость, устроилась на побережье Орегона. Небо потемнело, установилась туманная морось, сумерки начинались уже после обеда, а к ужину наступала ночь.

Мэтт опасался, что вся зима будет такой и они не увидят солнца до самого апреля. Он обрадовался, когда вышло иначе. За пять дней до Хеллоуина тучи разошлись. Последний пузырь теплого воздуха примчался через океан с Гавайев и задержался над Бьюкененом. На сосновых иголках высохла роса, трава задумалась, не начать ли расти вновь.

За завтраком Мэтт вспомнил, что ему сказала Синди Ри.

«Поговорите с дочерью».

Конечно, она была права.

После Контакта он почти не общался с Рэйчел. Почти все время был занят — то в больнице, в одиночку управляясь с палатой реанимации, то в Комитете.

Но даже когда они оставались наедине этими

долгими вечерами, когда солнце меркло, уступая место бледному сиянию Артефакта, когда дождь нашептывал что-то крыше… даже тогда он не находил слов.

Не мог заговорить о главном.

Он слишком хорошо видел происходящие с ней перемены. Работу неоцитов в ее голове.

Они ее переделывали. Отнимали у него.

Заговорить об этом означало впустить в свою жизнь еще больше горя, а этого Мэтт позволить не мог. Он и так достаточно горевал. Хватит. Он устал горевать.

Но, пожалуй, время пришло.

Рэйчел сидела за кухонным столом, ела овсянку и читала библиотечную книгу. Она подперла книгу коробкой от овсяных хлопьев и придерживала ее левой рукой. «Идиот» Достоевского. Мэтту показалось, что Рэйчел слишком быстро листает страницы, но он решил об этом не задумываться. На ней была синяя ночная рубашка, волосы растрепались. Когда Мэтт вошел на кухню, Рэйчел посмотрела на него одновременно с надеждой и опаской.

Он подошел к столу и начал готовить кофе. Его руки почти не дрожали.

— Рэйч, ты сегодня свободна?

— Да, — ответила она.

— Хочешь прокатиться? В парк Олд-Куорри или еще куда-нибудь? Пока погода хорошая.

— Давно там не были, — заметила Рэйчел.

— Есть настроение съездить?

Она кивнула.

Рэйчел догадалась, что отец хочет поговорить, понять, что произошло на самом деле, и знала, что для него это тяжело. Она хотела помочь, но не знала как.

Они поехали в парк Олд-Куорри. Дорога поднималась по склону горы Бьюкенен, и Рэйчел видела внизу город — сверкающий, отшлифованный дождем, как драгоценный камень. Целлюлозно-бумажная фабрика Дансмьюира больше не дымила. Перестала дымить пару недель назад.

Машина свернула на проселочную дорогу вдоль водохранилища, и Рэйчел вдруг поняла, куда они едут.

— Старый дом!

Отец кивнул.

Они всегда называли это место просто Старым домом. В этом доме вырос ее папа. Давным-давно, еще до смерти мамы, они регулярно ездили туда… пару раз в год, когда у папы было настроение. Проезжали мимо Старого дома, и папа рассказывал

о том, каким Бьюкенен был в прошлом. Рэйчел представляла его десятилетним ребенком. Вот он в джинсах и замусоленной футболке срезает путь до школы через площадку энергетической компании. Вот он идет гулять к скалам в теплую, как в этот день, субботу, запасшись бутербродами с арахисовой пастой. Как непривычно было представлять его таким!

Улица, на которой он вырос, называлась Флорал-драйв. Громкое название для построенных десяти домов-коробок в глухом тупике пятидесятых годов постройки, из задних окон которых с трудом можно было разглядеть залив. Папа притормозил, и Рэйчел узнала Старый дом. Он был ничем не примечателен. Дранка на крыше, алюминиевый сайдинг, выкрашенный коричневой краской. К воротному столбу были прибиты вычурные латунные цифры, указывавшие номер: 612. Папа не знал, кто теперь здесь жил. Чужие люди. Сам он покинул этот дом еще двадцать лет назад.

Других машин на дороге не было. Он притормозил и оставил свою на холостом ходу.

— Здесь умер мой дедушка, — сказал Мэтт, глядя на дом, а не на Рэйчел. — Мне было десять. Он жил с нами последние три недели своей жизни.

Умер от рака костей перед самым Рождеством. Он любил поболтать и до последнего сохранял здравый рассудок. Я сидел с ним, чтобы ему было с кем поговорить. Подумать только, он родился за год до наступления нового века. В девятьсот девятнадцатом, когда Сиэтл сотрясали рабочие волнения, ему было двадцать лет. Он часто рассказывал о тех временах. Сиэтл был индустриальной столицей северо-запада, но в Бьюкенене тоже начались проблемы с работой. Тогда здесь занимались исключительно лесозаготовкой. Были два-три бара, гостиница, городская ратуша, порт… по выходным лесорубы напивались, а с понедельника продолжали работу. На фабрике Дансмьюира собирались уоббли[24]. В девятьсот девятнадцатом они устроили массовую забастовку в Сиэтле. Рабочие Бьюкенена тоже выступили в знак солидарности. Как и в Сиэтле, здешнюю демонстрацию полиция разогнала дубинками. Твой прадед Уилли Херст работал у Дансмьюира и участвовал в демонстрации. Двести человек вышли на ратушную площадь с красными флагами. Тогдашний мэр Билл Гандерсон был под каблуком у семейства Дансмьюир; он вызвал

[24] Примечания: 24

Уоббли — сленговое наименование членов международной организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ).

военных, и те двинулись на демонстрантов, примкнув штыки. Трое рабочих погибли, остальные вернулись домой, израненные и избитые. Уилли рассказывал, что главная драка была за флаг ИРМ. Все кричали: «Защищайте флаг!» Двое пострадали, один лишился глаза, флаг сбросили, но Уилли с приятелем подхватили его, притащили на холм за ратушей и повесили в Публичных садах. Там он пробыл десять минут, потом солдаты пробились сквозь толпу и снова сорвали его. — Мэтт повернулся к Рэйчел. — Это была его личная победа. Этот чертов флаг. Десять минут. Он хотел, чтобы я узнал об этой истории, прежде чем он умрет. Хотел, чтобы я знал, что он не просто больной старикан. Он — Уилли Херст, защитник флага.

— Ты мне не рассказывал, — заметила Рэйчел.

— В тот день я осознал, что у этого городка тоже есть история… что она есть у его жителей. Рэйчел, город — живой организм. У него есть память.

— Согласна, — ответила она.

— Я не могу это бросить прежде, чем попытаюсь спасти.

— Понимаю, — грустно кивнула Рэйчел.

— Вот такие у меня причины. — Он переключил передачу и поехал дальше к парку Олд-Куорри, оставив Старый дом позади. Утреннее солнце

припекало сквозь стекло. — Теперь твоя очередь. Расскажи о своих.

Парк Олд-Куорри представлял собой поросший деревьями гребень, спускавшийся к морю по северному склону горы Бьюкенен, в миле к юго-западу от заброшенной каменоломни. Среди высоких прибрежных пихт петляли туристические тропы, а в центре еще в семидесятых построили сцену, бейсбольное поле для детской лиги и игровую площадку. С тех пор как Рэйчел исполнилось три, родители каждое лето по выходным возили ее сюда поиграть.

Однажды летним субботним днем она упала и поранила голову о бортик карусели. Мэтт продезинфицировал и перевязал рану. Она запомнила его большие теплые руки. Руки врача. Их уверенное прикосновение.

В последнее время эти воспоминания все чаще возвращались к ней. Таким был эффект изменений.

Они прошли рука об руку через лес, от стоянки до площадки для пикников. Отец накладывался на воспоминания о нем, на старую версию себя. Казалось, за последние недели он состарился на несколько лет.

Они сели за деревянный столик в западном

конце площадки, где сквозь деревья был виден океан. Солнце ярко светило в вышине. Среди деревьев о чем-то спорили сойки, а вот пчел, нередко донимавших людей летом, в парке уже не было.

«Расскажи о своих». Рэйчел чувствовала, что ее долг как дочери — дать ему ответ. Но это было непросто.

— Папа, ты помнишь, каким был Контакт, хотя ты и ответил «нет». Чувство, как будто открываются двери… за которыми прячется нечто удивительное. Обещание сделать тебя тем, что не живет в ожидании смерти, а продолжает жить, постоянно изменяясь, но не останавливаясь в развитии.

— Помню, — ответил он. Его бледное лицо осунулось и ничего не выражало. — Ты не напугалась?

— Сначала немного. Потом я поняла, что все это значит. Сперва трудно было ощущать себя такой… прозрачной. Они говорят с тобой, но обращаются к тому, что у тебя внутри. К твоей душе, что ли. А душа отвечает. Вот это было страшно. Ты ничего не можешь скрыть. Но потом понимаешь, что они не осуждают тебя. Они — не святой Петр у райских врат. Тебе не предлагают отпущения

грехов — это не их дело. Их дело — понять тебя. И тогда до тебя начинает доходить, какие же они грандиозные. Как они выросли, чему научились за столько веков. Это как красивая ракушка: чем дольше ее разглядываешь, тем ярче она кажется, тем сложнее выглядит узор. В каждой полости есть полость поменьше, а с другой стороны — большая алебастровая полость с эхом…

Она закрыла глаза и вдруг поняла, что разглагольствует чересчур напыщенно. Воспоминание о Контакте было слишком сильным. Она не привыкла о нем говорить, и отец, наверное, пугался.

Рэйчел посмотрела на него. Он сидел, поджав губы.

— Я не могла сказать «нет», — неловко закончила она.

— Даже понимая, как много теряешь?

— А что я теряю?

— Жизнь. Нормальную жизнь. Семью. Уклад, принятый у людей с тех пор, как они спустились с деревьев.

— Но я ничего этого не теряю. Говорят же, что браки заключаются на небесах. Там, конечно, не небеса, но думаю, браки есть. Папа, люди есть люди. Все уникальны и все хотят друг от друга разного. Находят себе пару. Влюбляются.

Может, теперь они не будут венчаться в Первой баптистской церкви, но и чудовищами, которым неведома любовь, не станут.

— Мне трудно это понять.

— Не знаю, как еще тебя убедить.

— Меня беспокоит то, как меняется твой мозг. Физически меняется. Рэйчел, любовь находится там. Преданность, доверие, даже наше восприятие истины. Я убеждаю себя, что все это добровольно, что тебя не обманули. Но я знаю хирургов, способных довести человека до полнейшего блаженства прикосновением электрода к мозговой коре.

— По-твоему, я изменилась?

— Да. Ты говоришь иначе. Сама не замечаешь?

— Это я знаю. Я говорю о себе. Обо всем, что делает меня Рэйчел. Вот это изменилось?

Он надолго умолк. Затем отвел взгляд, полный невыносимой боли взгляд.

— Не знаю, Рэйч. Правда не знаю.

Она готова была расплакаться. Ей не нужно было, чтобы ее понимали.

Ей нужно было, чтобы ее обняли. Чтобы папа обхватил ее руками, сказал, что все хорошо, что он по-прежнему любит ее.

— Я не другая, — смогла выдавить она дрожа-

щим от возмущения голосом.

Не другая внутри. Там, где это важно.

В четвертый день рождения Рэйчел Мэтт поймал ее за рисованием на стене гостиной. Она пустила в ход полученные в подарок мелки и расписала стену размашистыми зелеными завитушками. Видимо, выкрашенная две недели назад стена казалась Рэйчел большим листом бумаги.

Мэтт оплатил покраску на той же неделе, когда нужно было продлевать страховку на машину. Дома почти закончились деньги; вместо стейка Селеста теперь готовила макароны с сыром. А покупка для Рэйчел трехколесного велосипеда, к которому она не подходила с утра, почти исчерпала лимит на их кредитной карточке.

Увидев роспись на стене, он взбесился.

— Это плохо! — воскликнул он, вырвав мелок из кулачка дочери и оттолкнув ее. — Плохо, Рэйчел, плохо, плохо!

У нее подкосились ноги. Она шлепнулась на пол и мгновенно насупилась.

В тот же миг у Мэтта начались угрызения совести.

— Я… не… плохая! — захлебываясь слезами, повторяла Рэйчел.

Аргумент был весьма убедительным, и Мэтту захотелось застрелиться.

— Правильно, Рэйчел. — Он поднял дочь с пола и взял на руки. — Ты не плохая. Но поступила плохо. Даже хорошие люди иногда поступают плохо. Вот что я хотел сказать. Рисовать на стенах — плохо. Но ты не плохая.

В точно таких же словах она возразила ему в парке Олд-Куорри, и Мэтт убедился, что у него по-прежнему есть дочь — до поры до времени.

«Я не другая».

Он почувствовал, как на глаза навернулись отцовские слезы.

— Ох, Рэйч, — произнес он. — Как же это все… запутанно.

Она обогнула стол и подошла к нему. Мэтт поднялся и ударился коленом о сосновую столешницу. Ему пришлось изобразить неуклюжее па, но объятие было долгим.

Потом Рэйчел попросила покатать ее на качелях. «Ностальгия по старым добрым временам», — подумал Мэтт. Наверное, ей было радостно вновь почувствовать себя десятилетней на несколько минут. Наверное, и для него тоже.

Он толкал ее, она смеялась, небо было голубым.

Затем они отправились в лес по короткой тропинке, но после дождя почву размыло.

— Нужно было взять что-нибудь поесть, — спохватилась Рэйчел, когда они вновь вышли на свет.

— Есть предложение получше. Поедим в «Дос агилас».

— Правда?

— Угощаю. Если они работают, — добавил он.

— Думаю, работают, — ответила Рэйчел… и он задумался, откуда ей это известно.

Мексиканский ресторан «Дос агилас» стоял на самом берегу. Мэтт вспомнил, что Селеста определяла его как «ресторан со скатертями», в отличие от фуд-кортов торговых центров с их пластмассовыми столиками. Здесь был свой повар, а не автомат по выдаче.

Хозяин, Артуро, унаследовал ресторан от отца. Заведение существовало с 1963 года. Своего рода достопримечательность. И он до сих пор работал. Посетителей не было, но он работал.

Артуро пригласил их внутрь. Мэтт кивнул в ответ, но по тому, как переглянулись Артуро и Рэйчел, понял, что они теперь были одного рода и племени, а Мэтт — чужаком.

Он выбрал столик у окна, с видом на причал и

озаренную солнцем воду.

— Это значит «Два орла».

— Что? — Рэйчел открыла меню.

— «Дос агилас». Два орла. Рассказывали, что здесь неподалеку гнездились два орла. Иногда за ужином можно было видеть, как они кружат над рыбацкими лодками и ныряют за рыбой.

— Правда? — Рэйчел посмотрела на воду. — А ты их видел?

— Нет. И никто из моих знакомых тоже. Этой байке уже полвека, но люди до сих пор надеются их увидеть.

Рэйчел с улыбкой кивнула.

Подошел Артуро. Принял заказ и отправился на кухню сквозь заросли декораций: сомбреро, револьверные ремни, керамические фигурки.

— Ты знала, что будет открыто, — заметил Мэтт. Рэйчел кивнула. — Ты все знаешь. Не только ты, но и другие люди тоже. — Он повторил официальную статистику, которую узнал от Тома Киндла: один на десять тысяч. — Рэйчел, как это удалось подсчитать?

— Приблизительно так и есть, — задумавшись, ответила дочь.

— Ладно. Но как это выяснили?

— А, я просто… переключаю передачи.

— Что-что?

— Ну, я это так называю. Это нужно, чтобы подсоединиться. — Рэйчел замешкалась. — Пап, ты правда хочешь знать подробности?

— Да.

— Странно.

— Рэйч, я уже смирился с этим.

Ее взгляд как бы сказал: «Ну ладно… раз ты настаиваешь».

— Дело в неоцитах, — сказала она. — Они служат также чем-то вроде передатчика. Проводят невидимые линии между людьми, между людьми и Артефактом.

— Что-то вроде телепатии?

— Вроде того. Но не совсем. Это информационные линии. Странники считают, что для познания не должно быть преград. Личная жизнь каждого человека остается неприкосновенной, а вот информацией нужно делиться.

— Какого рода информацией?

— Вообще-то, любой.

— Например?

— Ну… предположим, я хочу уехать отсюда в Чикаго. Раньше мне пришлось бы воспользоваться картой, чтобы узнать дорогу. Теперь я просто знаю, как туда добраться.

— Но ты же никогда там не была.

— Нет, но я знаю это не по своим воспоминаниям, а по воспоминаниям другого человека. Того, кто изучал карту. Это не мои собственные познания, но я могу получить к ним доступ в случае необходимости.

— Значит, достаточно просто вспомнить?

— Не только, но по ощущению — именно так. Наверное, это сродни обмену данными с помощью компьютеров. Но кажется, будто мы просто вспоминаем. Тебе действительно нужно приложить умственное усилие, хорошенько подумать. Переключить передачу. И потом ты… вспоминаешь.

— А если нужно вспомнить нечто сложное? Квантовую теорию? Или то, как проводить нейрохирургическую операцию?

Рэйчел нахмурила лоб, и Мэтт решил, что она снова «переключает передачи».

— Можно, — ответила она, — но все должно быть организованно. В мире Странников информация общедоступна, но функционально структурирована. Нужно все делать по порядку. Что толку знать, как, например, вывести классическую амплитуду вероятности из квадрата модуля комплексного числа, если ты не знаешь

физических понятий «модуль» и «амплитуда»? Знания доступны, но, если хочешь что-то выяснить, жуй по кусочку. Как этот салат. Спасибо, Артуро.

— Пожалуйста. Будете что-нибудь пить?

— Колу, — ответила Рэйчел.

— А вы, сэр?

— Что угодно.

У Мэтта пересохло во рту.

— Не хотела тебя пугать, — сказала Рэйчел.

— Ты и не напугала. Скорее удивила.

— Я и сама нередко себе удивляюсь.

Ужин прошел в неловкой тишине. Мэтт замечал, что Рэйчел поглядывает на воду — ищет орлов. Стоит начать, и уже не остановишься.

— Ты все равно кажешься грустным, — сказала она, когда Артуро принес ему кофе.

— Правда?

— Ты ненадолго повеселел. Когда мы поговорили. Но совсем чуть-чуть. Из-за того, что происходит?

— Потому что тебя у меня крадут. Ты права, я рад, что мы поговорили. Но это ведь ничего не меняет? Скоро ты отправишься туда, куда мне дороги нет.

— А разве было бы иначе? Если бы я уехала в

колледж, или…

— Это не то же самое. Я понимаю, что ты не осталась бы навсегда подростком. Поступила бы в колледж, может быть, вышла замуж, начала работать… Разумеется, твоя жизнь изменилась бы. Но, господи, это ведь совсем другое. Если бы ты училась в колледже, я все равно мог бы тебе звонить. А теперь… где гарантия, что через год мы с тобой сможем общаться?

Рэйчел отвела глаза.

— Сколько у нас осталось? — спросил Мэтт. — Несколько месяцев?

Она задумалась. Ее взгляд метнулся к окну, к спокойной воде гавани.

— Может, несколько месяцев. Может, меньше.

— Ты меня покинешь?

— Да.

— Полностью?

— Да.

— Куда ты отправишься? Когда?

— Это… еще не совсем ясно.

Мэтт смял салфетку и бросил на тарелку.

— Папа, я ведь чувствую то же самое. Ты сделал свой выбор. Я тоже могу укорять тебя за это.

— Что?

— Когда-нибудь ты умрешь. А я — нет. Но все

могло быть иначе.

Обратно они ехали вдоль залива.

— Ты знаешь, что я хочу спасти этот город, — сказал Мэтт дочери.

— Слышала.

— Думаешь, не получится?

— Не… уверена.

— Рэйчел, послушай. Если тебе что-нибудь известно о будущем, о том, что может случиться с городом, со всей нашей планетой, то скажи. Я не смогу подготовиться к тому, чего не могу даже представить.

Она надолго замолчала.

— Пока все будет идти своим путем, — ответила она наконец. — Может, до зимы. Потом… люди начнут исчезать.

— Исчезать?

— Покидать физические оболочки. Папа, да, я понимаю, звучит ужасно! Но на самом деле это не так. Совсем не так.

— Хорошо, Рэйчел. Что случится с этими людьми?

— Они переместятся на Артефакт. По крайней мере, временно.

— Почему временно?

— Потому что вскоре у нас появится отдельное

место проживания.

— То есть… людской Артефакт?

— Да, нечто подобное.

— А зачем? Чтобы покинуть планету?

— Может быть. Папа, это еще не решено. Но о судьбе планеты нужно серьезно задуматься. Мы ей сильно навредили. Странники уже приступили к уборке. Избавились от кое-каких наших «новшеств». Почистили воздух от углекислого газа…

— Они это умеют?

— Да.

— Значит, люди исчезнут, — произнес Мэтт. — Бьюкенен опустеет.

— Исчезнут не все. По крайней мере, не все сразу. В краткосрочной перспективе… слушай, как называются такие дни? Бабье лето? Последний погожий денек в году. Последняя возможность попасть на бейсбольный матч или погулять в парке. Вот я думаю, что ближайшие четыре-пять месяцев будут для нас своего рода бабьим летом. Последней возможностью погулять по Земле в собственной шкуре.

— Последней возможностью перед долгой зимой.

— Последней возможностью перед чем-то

лучшим. Но даже если ты переселяешься из бревенчатой хижины в Тадж-Махал, тебе все равно хочется прогуляться по родным местам, прежде чем навсегда запереть дверь. — Взгляд Рэйчел блуждал, голос ослаб. — Эта планета — колыбель человечества. Покидать колыбель нелегко.

Мэтт задумался, почему в такой солнечный день ему вдруг стало настолько холодно.

После ужина Рэйчел устроилась в мягком кресле с Достоевским на коленях.

— Тебе еще нужно читать? — спросил Мэтт. — Ты не можешь просто взять и вспомнить весь сюжет?

— Я еще не настолько разобралась в том, как это делается.

— То есть библиотека еще не закрылась?

— Нет.

— Но закроется.

— Да. — Рэйчел подняла глаза. К вечеру похолодало, и Мэтт надел куртку. — Уходишь?

— Проедусь немножко.

— Компания нужна?

— Спасибо, Рэйч, но не в этот раз.

Он доехал до парковки, от которой летний паром возил туристов на Крабовый остров —

национальный парк посреди залива. Парковка располагалась прямо у кромки воды; Мэтт оставил машину передом к западу, где небо еще было рыжим от закатного солнца, хотя свет уже таял.

Он приезжал сюда в тяжелые дни после смерти Селесты. Когда ты живешь с дочерью, в поисках уединения приходится искать такие места. Здесь, на стоянке, ты мог посидеть в машине, никем не потревоженный. Люди полагали, что ты кого-то ждешь. Не приглядывались к тебе. Ты мог остаться наедине со своим горем… даже поплакать, но осторожно, не всхлипывая и не привлекая внимания прохожих.

Плакать ему не хотелось. Только побыть наедине с собой.

В этот час, когда включаются уличные фонари, все вокруг кажется пустым и плоским. Тебя все чаще посещают мрачные мысли, которые непросто отгонять.

Мэтт задумался о том, что он так рьяно хочет защитить.

Что ему не хотелось терять в этом новом мире? Войны закончились. Болезни тоже канули в прошлое. Никто не голодал. Врать стало бесполезно.

Он никогда не любил войну, болезни, голод и обман.

Так в чем же дело?

Что он любил так сильно, что отказался ради этого от вечной жизни?

Нечто эфемерное. Нечто хрупкое.

Семья. Детство Рэйчел. Селеста. Возможности, открывающиеся для человека в будущем.

Все это было иллюзорно. Как флаг Уилли, старая тряпка, прославленная его вызывающей упертостью. Как орлы «Дос агилас», красивая ложь.

Небо над заливом было пустым.

Но орлы летали. Они летали, когда мы в них верили. Уилли летал эти десять минут на холме.

«Я спасу этот город, — думал Мэтт. — Вот увидите. А если не получится… если так… клянусь Богом, я спасу хотя бы его часть».

Кого-нибудь.

Глава 18. Энни и Бобби

В день, когда Мэтт возил дочь в парк Олд-Куорри, Энни Гейтс поехала на юг по прибрежному шоссе. Эту часовую поездку она предпринимала раз в две недели, иногда по субботам, иногда по воскресеньям, вот уже десять лет.

Она никогда не рассказывала об этом даже Мэтту.

Она навещала Бобби.

Бобби жил в восточном крыле длинного низкого здания, стоявшего в сосновой роще, у моря. Окно его комнаты выходило на широкую зеленую лужайку и край парковки, где Энни оставляла машину. Конечно, Бобби редко смотрел в окно. Но теперь все могло измениться. Может, он стал любоваться видом. Энни на это надеялась.

Знак на входной двери гласил:

> ДОМ ИНВАЛИДОВ «ВЕЛЛБОРН»
> Здесь никто не равнодушен

За неравнодушие приходилось дорого платить. С тех пор как Бобби поместили сюда, Энни еже-

месячно выплачивала «Веллборну» столько же, сколько вносила за аренду своей квартиры на Парк-авеню. Ей приходилось экономить. Мебель в квартире не менялась пятнадцать лет. Ее диета состояла из одного салата с тунцом не потому, что она беспокоилась о фигуре. Но труднее всего было отказаться от покупки книг в твердом переплете.

Зато она знала, что за Бобби хорошо ухаживают.

Она отметилась у администратора — штат «Веллборна» все еще был полностью укомплектован, потому что эффект Контакта у пациентов проявлялся медленно, — и прошла по восточному коридору к комнате 114.

Еще в прошлый раз она заметила улучшения. Обычно при ее появлении Бобби сворачивался клубком. В прошлый раз он сидел прямо и смотрел на нее с печальным видом… причину, впрочем, Энни разгадать не смогла. Сам Бобби тоже не мог ничего объяснить. Он не разговаривал с ней. Иногда он обращался к сотрудникам, чтобы попросить еды или отвести его в туалет. Но к Энни — никогда.

А в этот день у нее затеплилась надежда.

Скрестив пальцы, она помолилась про себя,

постучала и открыла дверь.

— Энни! — воскликнул Бобби.

От удивления ее сердце сбилось с ритма. Сколько времени прошло с тех пор, как она слышала его голос?

Почти тридцать лет. Она отчетливо — слишком отчетливо — помнила последние слова Бобби. «Энни, прекрати».

Ему было девять лет, ей — десять. «Энни, — сказал он, — прошу, прекрати».

В этот день он выглядел хорошо. На нем были чистые синие джинсы и белая хлопчатобумажная футболка с надписью «Я ЛЮБЛЮ „ВЕЛЛБОРН“», в которой слово «люблю» обозначалось сердечком. Он все еще выглядел тощим. Последние года два Бобби часто отказывался есть. Перед Контактом он весил всего сто два фунта. Врач уже собирался перевести его на внутривенное питание.

Теперь он стал нормально питаться, и, хотя ребра еще проступали сквозь футболку, он явно набрал вес.

Его лицо было очень худым. Улыбка — как у скелета. Но сама по себе улыбка была чудом. Ввалившиеся глаза сверкали.

— Привет, Бобби, — выдавила Энни, несмотря на ком в горле.

Бобби слез с кровати, где сидел по-турецки и смотрел по телевизору бейсбол.

— Энни, мне разрешили сегодня погулять! Пойдешь со мной?

— Конечно, Бобби.

Спускаясь по ступенькам на лужайку, он выглядел болезненно хрупким, но Энни решила, что ему полезно пройтись. Врачи в «Веллборне» знали свое дело. К тому же после Контакта Бобби стал бессмертным, как и все. Но она до сих пор не могла в это поверить.

Он ступал по-стариковски, хотя ему было всего тридцать четыре. Разговаривал он как девятилетний ребенок — в этом возрасте с ним случилось несчастье.

Энни вышла с ним на солнечную лужайку.

— Бобби, тебе здесь нравится? — спросила она.

— Тут неплохо, — ответил он. — Еда нормальная.

— Хочешь остаться?

Он пожал плечами. Фирменный жест, означавший: «Не знаю. Не хочу об этом говорить».

— Погода сегодня хорошая, — от безысходности заметила Энни. После стольких лет молчания обсуждать погоду!

Бобби только улыбнулся.

— Чем занимался? — спросила она.

— Телик смотрел. Вспоминал.

— Вспоминал?

— Я много чего вспомнил с тех пор, как они пришли. — Он дотронулся до головы с той стороны, что была несимметричной, и указал на небо: Странники. — Энни… знаешь, что я вспомнил? — Представив, что именно он мог вспомнить, она чуть не сгорела со стыда. — Я вспомнил, как мы играли в догонялки!

Он хлопнул ее по плечу и поковылял прочь.

Улыбаясь про себя, она притворилась, что гонится за ним. Тем летом они каждый вечер играли в догонялки. Папа был городским врачом в Брюсе, крошечном канадском городке посреди прерии, где выращивали зерно и где была всего одна улица. Из всех домовых лужаек в Брюсе лужайка Гейтсов была самой большой.

Маршрут никогда не менялся: вдоль живой изгороди из бирючины, под раскидистой ивой, не забегая на проезжую часть, вокруг дома, мимо собачьей будки. Энни была на год старше и при желании легко могла догнать Бобби. Но ей нравилось, как он смеялся, уворачиваясь от ее руки. Иногда она салила его раз-другой, потом не позволяла себя догнать, но в конце концов все

равно давала ему выиграть. Иногда она давала ему выиграть сразу.

Теперь… ей с трудом верилось, что он снова может бегать. Солнце ярко освещало просторную лужайку «Веллборна», воздух был мягким и прохладным. Бобби ковылял, подскакивая; джинсы едва не падали с его костлявых бедер. Легко догнать при желании.

Она сделала вид, что гонится за ним. Бобби обернулся и громко рассмеялся. Энни с упоением слушала этот звук.

Но временами Бобби ее бесил.

Когда случился Контакт, тяжелее всего было вспоминать это. Но вспомнить было необходимо. Энни почти готова была ответить Странникам «да», но это воспоминание грызло ее, оно говорило: «Энни недостойна жить».

Ей было десять. Всего десять. Еще ребенок, импульсивный, как и все дети.

Жарким летним днем Бобби и Энни играли на крыше дома.

Забраться на крышу было легко. Снимаешь со старой двухэтажной кровати лестницу, выходишь на маленький балкон в комнате Энни, забираешься по лестнице на крутой горячий скат драночной кровли. Там можно лежать, глядя на

водонапорную башню, на шоссе, на амбары с зерном, на желтые стога сена и горизонт.

Бобби боялся лазить на крышу. Энни всегда помогала ему подниматься и спускаться, но порой его страх доставлял ей стыдливое удовольствие. Бобби, будучи младшим ребенком, зачастую получал больше внимания, чем заслуживал. С ним сюсюкались. Энни заставляли мыть посуду, а его — нет.

В тот день было очень жарко. Летом в прерии легко обгореть на солнце. Бобби жаловался на жару, и Энни решила забраться на крышу одна, надеясь, что он за ней не полезет.

А он, конечно, полез.

Перемахнул через кровельный желоб, вскарабкался по черепице за ее спиной и схватил ее за ногу, чтобы спокойно улечься рядом. Дурень, просто не дергайся, и не соскользнешь. Но вслух Энни сказала другое.

— Когда боишься, — сказала она, — руки начинают потеть.

Бобби нахмурился.

— А когда у тебя потные руки… легко соскользнуть.

Он испуганно посмотрел на нее. Их разделяли пластина кедровой дранки и карман горячего

воздуха.

— Энни, прекрати.

— Бобби, падать о-о-ой как далеко!

Он запаниковал и вцепился в ее левую ногу обеими руками.

— Эй, не валяй дурака! Отпусти!

Но он вцепился еще крепче. Энни была в шортах и босиком. На жаре пальцы Бобби были липкими, как смола… от его прикосновений нога невыносимо чесалась.

— Бобби, отпусти меня!

Она брыкнулась, чтобы стряхнуть его.

— Энни, — воскликнул он, — перестань!

Теперь ей стало страшно. Она отвела взгляд от синих глубин неба, ферм, зернохранилищ, домов и улиц и направила его вниз, к сточной канаве и мощеному тротуару внизу. Мама уже вынесла мусор. От жары мусорные баки были подернуты легкой рябью.

Энни представила, как Бобби скатывается вниз, увлекая ее за собой.

Она снова брыкнулась, на этот раз сильнее.

Бобби разжал одну руку; его пальцы заскребли по дранке. Она тряхнула ногой еще раз.

— Энни, прекрати.

Его голос был таким спокойным, что она вко-

нец взбесилась.

Энни пнула Бобби и почувствовала, что другая его рука отпустила ее лодыжку. Повернув голову, она на миг успела заметить его удивленное лицо, когда он исчезал за краем крыши.

Подползя к лестнице, она посмотрела вниз и увидела Бобби на мостовой, у мусорных баков. Она смотрела долго, не понимая толком, что случилось. Его голова раскололась, мозг торчал наружу.

Когда Бобби выписали из больницы, ему снова пришлось пользоваться подгузниками, а маме — постоянно их менять.

Однажды она ткнула грязным подгузником в лицо Энни:

— Это ты виновата.

Голова Бобби причудливо сплющилась с одной стороны. Он перестал разговаривать, но при виде Энни всегда отворачивался и зажмуривал глаза.

Через два года мама умерла.

Энни надеялась вернуть расположение отца, выучившись на врача, но он тоже умер, пока она была в колледже.

Она все равно закончила учебу. Бобби отправился в дом инвалидов; чтобы оплачивать

его пребывание там, на первых порах хватало отцовского наследства, но эти деньги были не бесконечными. Энни требовался хороший, стабильный доход — как у врача, — чтобы обеспечить Бобби должный присмотр.

Практика далась ей с большим трудом. При виде пациентов с черепно-мозговыми травмами у нее кружилась голова.

Когда она познакомилась с Мэттом Уилером, тот часто рассказывал о своей покойной жене Селесте. Энни ни разу не обмолвилась о Бобби. Бобби был ее тайной. Это мешало им сблизиться, но Энни казалось, что так лучше: пусть их связывает нечто большее, чем дружба, но меньшее, чем любовь. Мэтт испытывал угрызения совести из-за того, что после Селесты полюбил другую. А Энни… Энни сомневалась, что заслуживает любви.

Странники вновь разворошили эти воспоминания, но предложили кое-что взамен: объективность, холодную и очищающую, как горная вода. Способность простить саму себя.

Энни простила Энни спустя полвека.

Но ей нужно было получить еще одно прощение.

Игра в догонялки утомила Бобби, и они решили присесть на тенистой террасе «Веллборна». Энни

принесла из кафетерия два стакана лимонада — отличного, терпкого. Они пили его прямо на ступеньках.

— Мы скоро отправимся в путешествие, — сказал Бобби.

Энни решила, что он имеет в виду пациентов «Веллборна».

— Здорово, — сказала она. — К морю?

— Нет. Я говорю о всех нас. Мы все отправляемся в путешествие.

— А. Это путешествие. Да.

— Энни, ты рада?

— Время не пришло. Бобби, придется подождать еще несколько месяцев.

— Пока строится корабль.

— Да.

— Мне надо быстро повзрослеть. — Он качнул головой.

— Зачем спешить?

— Я чувствую себя немного… отсталым.

Энни хотелось сказать «прости!», но голос изменил ей.

— Я набираюсь сил, — похвастался Бобби. — Энни, смотри, что я могу!

Терраса была огорожена деревянными перилами. Не успела Энни открыть рот, как Бобби

схватился за перила и забрался на них с руками и ногами… затем распрямился, балансируя, как канатоходец.

Его кости выпирали из свободных джинсов. Раскинутые для равновесия руки напоминали тонкие веточки.

Любой ветерок мог сдуть его.

— Бобби, не надо! — испуганно воскликнула Энни.

— Нет, Энни, смотри!

Бобби сделал два осторожных шага. Он гордо балансировал, радуясь своей новой жизни.

— Бобби, ты поранишься!

— Нет, я…

Но она без раздумий подскочила к нему, обхватила его болезненно тонкую талию и спустила вниз. Бобби оказался легче, чем она ожидала. Как девятилетний мальчишка.

— Энни! Энни, все хорошо!

Бобби обнял ее тонкими руками и прижался изуродованной головой к ее щеке.

— Я знаю, почему ты плачешь, — прошептал он.

Господи, он знал!

— Это было давным-давно, — сказал Бобби. — Мы были детьми. Теперь это уже не важно.

И Энни разрыдалась в объятиях брата. Внутри нее как будто открылось слезохранилище, колодец, в котором пряталось горе — давнее, жаждущее вырваться на свет.

Часть третья. Бабье лето

Глава 19. Всем станциям

Том Киндл решил остаться в Бьюкенене до окончания Мировой серии бейсбольной лиги. Затем… ну, в эти дождливые осенние дни горизонт выглядел особенно манящим.

Мэтту Уилеру идея, похоже, не нравилась.

Киндл шел с ним по пустым коридорам региональной больницы. Несколько люминесцентных ламп перегорели, некоторые мигали, как свечи на ветру. По мнению Киндла, в здании стало жутковато. Кроме Мэтта, никто больше сюда не приходил.

— Буду рад, если вы останетесь, — прямо сказал Мэтт.

Киндл не ответил. Он наслаждался вновь обретенной возможностью передвижения. В рот те ноги, как же здорово избавиться от коляски! Ходить без посторонней помощи.

Было чертовски больно, но все равно приятно.

В понедельник получилось дойти до родильного корпуса и обратно; сегодня он прошел еще дальше, до пресловутых коридоров физиотерапевтического отделения, где в тусклых зеленоватых комнатах, словно причудливые

идолы, поблескивали пустые поясные ванны.

Он запнулся.

— Не перетрудитесь. — Мэтт поймал его за руку.

— Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

— Перелом был серьезный. Вы уже в том возрасте, когда восстановление идет медленнее, чем прежде.

— Ну спасибо, доктор Килдэр[25].

— Хотите, чтобы я вас обманывал?

— Иногда было бы неплохо.

Повисла тишина.

— Вы всерьез намереваетесь покинуть Бьюкенен? — спросил Мэтт.

— Да. — Киндл стиснул зубы и зажмурился. — Так, давайте-ка развернемся.

Они медленно протопали обратно, вдыхая застарелый аромат эфира и антисептика. На Киндле были старые джинсы и хлопчатобумажная рубаха. На докторе — примерно то же самое плюс врачебный халат. «Мы не такие уж разные», — подумал Киндл. Он заметил их отражение в залитом дождем окне. Не врач с пациентом. Просто два мужика, которым неплохо бы побриться.

---

[25] Примечания: 25

Доктор Килдэр — главный герой одноименного американского телесериала 1960-х гг.

Два мужика с похожими морщинами. Но с разной болью.

— Куда будете держать путь? — спросил Мэтт.

— Страна большая… всю я пока не обошел.

Вообще-то, он подумывал о хребте Уинд-Ривер, о Титонах и их окрестностях. Он не бывал в Вайоминге уже почти четверть века.

— А как же Комитет?

— Я не подписывался возрождать Бьюкенен. Можно сказать, я и не жил здесь до Контакта. Без меня справитесь.

— Вы обещали наладить радио.

— Да, да. Налажу. Я ведь еще никуда не уезжаю.

— В конце недели собрание.

— Да, я приду.

— Поговорите со мной перед тем, как соберетесь отправляться. Может, я смогу вас переубедить.

Киндл пообещал, хотя это шло вразрез с его желаниями. Черт побери, он не хотел ни к кому привязываться. Захочет — уйдет. Руководствуясь велением сердца.

Так он жил всю жизнь. Зачем что-то менять?

Мэтт оставил его в палате. Киндл включил телевизор, но там была только рябь. Теперь эфир ограничивался новостями — пара часов в день

— и трансляциями плей-офф Высшей бейсбольной лиги.

Первое ноябрьское собрание Комитета оказалось коротким и прошло в угрюмой атмосфере. Кроме Киндла и Мэтта Уилера, присутствовали пятеро. Джоуи Коммонер и Бет Портер. Рассеянная фермерша Эбби Кушман не явилась. Пол Джакопетти, к несчастью, явился. Пессимистичный экс-продавец инструментов, как обычно, стращал всех, заявив, помимо прочего, что недавно прибывший к городской ратуше «помощник» убьет их всех, пока они спят. Скорее всего, ядовитым газом. Мэтт слишком устал, чтобы опровергать его параноидальные утверждения, а Киндл слушал их с нескрываемым отвращением.

Наконец они провели первые выборы. Председательствовал Мэтт. Его единственным противником, конечно, оказался все тот же Джакопетти, решивший, что на выборах должна быть конкуренция, «несмотря на бессмысленность этой затеи». Голосовали поднятием рук, и Мэтт победил — шесть голосов против одного («Как я и думал», — прокомментировал Джакопетти).

Вернулись к обсуждению прежних вопросов. Киндл пообещал на следующий день съездить в магазин электроники Косгроува и попробовать

добыть любительскую радиостанцию.

— Большинство магазинов уже не работают, — напомнил Мэтт. — Сперва позвоните. Может, даже хозяину, чтобы он вас впустил.

— Можно просто взломать дверь.

Мэтт неодобрительно посмотрел на него.

— Вряд ли до этого дойдет, — ответил Киндл, а про себя подумал: «Может, не дойдет. А может, и дойдет».

Но он последовал совету Мэтта: набрал номер магазина, не дождался ответа, после чего принялся звонить всем Косгроувам из телефонной книги. Третий оказался владельцем.

— Вы правы, мистер Киндл, магазин закрыт. Я сам запер входную дверь. По привычке. Но можно зайти с черного хода. Там открыто.

— Встретите меня?

— Зачем?

— Чтобы я мог с вами расплатиться. Конечно, я могу выписать чек…

— Даже не думайте. Заходите и берите, что нужно.

— Что, извините?

— У нас остался довольно широкий ассортимент. Можете поискать в кладовой или на витринах. Если найдете, что ищете, забирайте.

— Простите. Вы сказали «забирайте»?

— Да, сэр.

— Просто так?

— Да.

— Бесплатно?

— Да. Я рад, что мои товары кому-нибудь пригодятся. Думал, им суждено превратиться в никому не нужный металлолом. Берите все, что хотите. Спасибо, что позвонили, мистер Киндл.

Косгроув повесил трубку. Киндл еще некоторое время в недоумении стоял у телефона.

Первой его машиной после выписки стал не старый пикап, который то ли отбуксировали на штрафстоянку, то ли отправили на металлолом, а маленький японский автомобильчик синего цвета, оставленный Мэттом Уилером. Для Киндла с его длинными ногами влезть в эту штуковину было сродни попытке забраться в почтовый ящик. Колени задевали руль, пока Том не сообразил, как отодвинуть кресло. Все было цифровым. Приборная панель напоминала самолетную.

Все же это было какое-никакое, но средство передвижения. Может, когда пройдет нога, Том сходит в автосалон. Может, после Контакта цены на новые автомобили упали. Может, даже до нуля. Он представил, каково будет управлять од-

ним из новых, похожих на пулю микроавтобусов, которые он иногда встречал на дорогах. Хорошо бы в таком хранить свои пожитки от дождя.

Утром во вторник дороги были мокрыми и пустыми. Дождь моросил среди тумана; лобовое стекло запотевало, пока Киндл не нашел, где включается обогреватель.

Из больницы он поехал на запад. Тишина в городе впечатлила его. На Бьюкенен как будто опустилась неизбежная апатия. Он пересчитал встречные машины. Всего восемь. Их фонари оставляли на влажном асфальте следы, похожие на хвосты комет. Ни одного пешехода. Почти во всех витринах было темно.

«Город-призрак, — подумал Киндл, — который при этом не покинул ни один житель».

Чем же все занимались?

Он остановился под знаком, запрещающим парковку. Анархисты-правонарушители всех стран, объединяйтесь. Выбрался из машины и застонал, когда больное колено ударилось о рычаг переключения передач.

Косгроув не солгал: входная дверь магазина была заперта, а задняя, выходившая к служебному подъезду, открылась простым поворотом ручки.

Войдя внутрь, Киндл включил свет. Оказавшись

в тускло освещенном торговом зале, он понял, что с покупками будет сложнее, чем он ожидал. Витрины были заставлены черными ящиками, похожими как две капли воды, с бесконечными и непонятными номерными обозначениями. Здесь имелись и морские радиостанции, и портативные любительские, и вообще непонятно что.

— Надо было лучше подготовиться, — произнес Киндл вслух.

— Достаточно знать, что вам нужно.

Голос напугал Тома, и он машинально повернулся на левой ноге, которую пронзила резкая боль.

— Твою мать! — Он схватился за стальной стеллаж, чтобы сохранить равновесие. — Кто здесь?

Это оказался Джоуи Коммонер.

Джоуи появился из сумрака за прилавком кассира. По мнению Киндла, он выглядел как бандит, но опасности не представлял. Белый парень с окраины, одевающийся как наркоторговец, но на деле не знакомый ни с одним из них. Его руки были в карманах кожаной куртки, выражение лица было трудно истолковать.

— Знал, что вы появитесь, — сказал Джоуи.

— Ты меня ждал?

— Я послушал вас вчера на собрании…

— И что?

— Подумал, что вы сами не разберетесь.

Киндл бросил взгляд на бесконечные стеллажи. Парень попал в точку.

— Хочешь помочь или будешь просто глазеть?

— Вам нужен приемопередатчик, — сказал Джоуи.

— Покажешь?

Джоуи отошел от прилавка и неторопливо прошелся вдоль витрины. Больше черных ящиков. Некоторые были оснащены микрофонами.

— Какой у вас бюджет? — спросил Джоуи.

— Ты видишь здесь продавца?

— Мы что, просто обнесем магазин?

— Не совсем. Я говорил с хозяином. Он разрешил брать все, что понадобится.

— Чего?! Бесплатно?!

— Без залога и рассрочки.

— Ни хрена себе. Чудеса какие-то. Я сразу понял, что эти ребята — не люди. — Он снова переключился на товары. — Значит, берем самое лучшее. — Он положил руку на громадное устройство с эмблемой японской фирмы, кучей ручек и куда бóльшим количеством технической информации, чем хотелось Киндлу. — Трехсотваттный приемопередатчик. Бывают и мощнее,

но нам хватит.

— Ты шаришь в радиотехнике? А чего на собрании не сказал? Избавил бы меня от лишних забот.

— Не то чтобы шарю. Теорию знаю. Основные принципы работы радио. Но лицензии или чего-нибудь подобного у меня нет.

— Все равно лучше меня.

— Ага. Учебник радиолюбителя, наверное, тоже пригодится…

— Который?

— Видите вон ту книжку на витрине? На вид вроде телефонного справочника?

Киндл оценил состояние своей ноги. Ноющая боль, которая никогда не прекращалась, грозила превратиться в резкую.

— Знаешь что… я возьму книгу, если ты понесешь эту махину.

— Приемопередатчик. Или попросту станцию.

— Ладно, господи, пусть будет приемопередатчик. Донесешь этот долбаный приемопередатчик?

— Надо было вам коляску захватить, — улыбнулся Джоуи.

— Умник.

Джоуи нашел в кладовой такой же передатчик

с инструкцией, только в упаковке, и погрузил его в багажник машины Киндла.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Том.

— Еще не все.

— А что еще?

— Подумайте. Вам нужно радио, а это не просто коробка. Нужна еще…

— Антенна. — Киндл почувствовал себя идиотом. Не вспомнил о такой очевидной вещи. — Вот ведь хрен. — Он покосился на парня. — А в антеннах ты разбираешься?

— Попробую.

— Они тоже здесь хранятся?

Джоуи кивнул:

— Но без грузовика не обойтись. Надо взять большую лучевую антенну. Чтобы выжать максимум из трехсотваттного приемопередатчика, нужны большая антенна и вышка.

— Может, я домой поеду, а ты тут сам разберешься?

— Я не вызывался. — Джоуи шагнул назад.

— Нет, я не то имел в виду…

— Если хотите, чтобы я делал работу за вас, — идите в жопу.

— Да нет же…

— Я просто хотел помочь.

— Так помогай. — Киндл захлопнул багажник. — Хватит мокнуть под дождем, чтоб его. Давай вернемся с грузовиком. Только завтра, идет? У меня нога болит.

— Сломали? — Джоуи пристально посмотрел на него.

— Ага.

— Как?

— С горы упал.

— Ну-ну. В вашем-то возрасте по горам лазить…

Киндл лишь вздохнул и достал из кармана рубашки ручку и блокнот.

— Запиши свой телефон. Я позвоню насчет антенны.

— Я же сказал, что не буду делать за вас работу.

— А работать и не придется. Покажешь нужную, и все.

— Мне просто нравится электроника.

Но номер Джоуи записал.

Вечером по телевидению показывали бейсбол. Сразу после Контакта чемпионат прервали, а потом возобновили. Мировая серия затянулась до холодов, но Киндл решил, что на закрытых стадионах проблем с погодой не возникнет.

Он смотрел все матчи. Другие программы после Контакта стали странными и отчасти жуткими, даже репортажи о достойных событиях вроде гуманитарной помощи странам третьего мира. Хорошо, что снаряжали самолеты с продовольствием. Проблема была в той пугающей монотонности, с которой совершались рейсы. Вид летящих ровным клином военных самолетов, набитых зерном, вызывал у Киндла тревогу.

Теперь полеты прекратились, предположительно по причине того, что беженцы всего мира нашли новые способы выживания… или покинули свои «физические оболочки». Гуманитарная помощь была временной мерой, мостиком к великой, невыразимой, таинственной эре, которая надвигалась на Киндла, словно локомотив с отказавшими тормозами.

Но бейсбол продолжался. В Национальной баскетбольной ассоциации решили не начинать новый сезон, американский футбол закончился, однако некий телепатический конгресс, вероятно, решил сыграть Мировую серию во что бы то ни стало.

Возможно, в Испании то же самое происходило с футболом, в России — с хоккеем, шахматами, или что им нравилось. Игра еще не потеряла

смысл. Мэтт говорил, что даже в Бьюкенене пока что проводили матчи детской бейсбольной лиги, а на стадионе старшей школы изредка собирались желающие сыграть в американский футбол. Во что бы ни превращались люди, им по-прежнему нравилось погонять мяч.

Киндл не следил за бейсболом после Мировой серии 1978 года — последнего года, когда у него был телевизор. Насколько он помнил, «Янкис» тогда одолели «Доджерс». Теперь многое изменилось. Киндл не знал никого из игроков по фамилии. Все выглядели очень молодо. Но он все равно следил за ходом сезона по больничному «сони» и твердо намеревался досмотреть до конца.

Сегодня играли команды Американской лиги, «Нью-Йорк» принимал «Детройт». Том считал «Детройт» фаворитом. Он предполагал, что в финале они сойдутся с «Чикаго», и в этой паре тоже ставил на «Детройт».

«Тайгерс» побьют «Кабс», и тогда Киндл соберет вещи и отправится в путь.

Ночь он провел в больнице, хотя чувствовал себя достаточно хорошо и не собирался задерживаться там надолго. Больница была неприглядным местом — мягко говоря. Впрочем,

возвращаться в хижину тоже не было большого смысла. Теперь уединиться можно было и поближе к городу.

Утром он позвонил в местное агентство недвижимости. Никто не ответил, но Киндл был к этому готов. Он знал одного парня по имени Айра, который там работал. Летом он частенько нанимал лодку Киндла, чтобы ездить на рыбалку. Том позвонил ему домой. Айра казался отстраненным и озадаченным, как и все контактеры. Киндл представился и перешел сразу к делу.

— Айра, у меня к тебе вопрос как к специалисту по недвижимости: есть у нас свободные дома?

— Что ты имеешь в виду? Хочешь купить дом?

— Нет. Хочу получить его бесплатно. Вчера я захотел радиостанцию, и мне отдали ее просто так. Можно провернуть то же самое с домом?

Айра задумался.

— Ну… — Он задумался еще. — Я знаю несколько пустующих домов. Если поселишься, вряд ли кто-нибудь станет жаловаться.

— Охренеть! — не сдержался Киндл.

— Что-что?

— Господи, ты серьезно? Я могу просто взять и въехать в любой, мать его, дом?

— В пустой — да.

— Хочу дом на холме. — Он вспомнил замечание Джоуи Коммонера насчет антенны. — И вид ничто не должно загораживать.

— Вид на океан?

— Не важно.

— Записывай адреса…

Киндл потянулся за ручкой.

Весь день он осматривал дома и к вечеру выбрал один из них: каркасный, с двумя спальнями, в достаточно престижном районе Дельмар, с видом на Бьюкенен и северную оконечность залива. Дом пустовал, не было даже мебели.

Он сразу отвез туда свою единственную собственность — еще не распакованный приемопередатчик — и поставил прямо посреди гостиной.

Дом даже пах как нежилой. Киндл решил, что полы тщательно отмыли, прежде чем выставлять его на продажу. Стены, кажется, тоже покрасили. Он вдохнул и выдохнул.

Прежде он никогда не жил в таких домах и не слишком-то хотел… но месяц-другой можно было потерпеть. Однако пока что он мог сидеть только на полу.

Киндл навестил мебельный магазин в ближайшем торговом центре. Двери были нараспашку, несмотря на отсутствие кассира. Что дальше?

Он осознал с некоторым изумлением, что может обставить жилище любой мебелью на свой вкус, независимо от цены. Например, ему всегда нравились диваны с обивкой из кожзаменителя. Здесь, в пустом магазине, стоял такой диван, и Том присел на него. Как на чучеле ящерицы. Выглядит роскошно, но в жару наверняка станет липким и неудобным.

Но все это были фантазии. У него не имелось возможности — по крайней мере, прямо сейчас — перевезти всю эту мебель в новый дом, не раздолбав больную ногу. Тяжело вздохнув, Киндл направился в отдел уличной мебели. Там он нашел два складных стула и шезлонг по размеру, подхватил их под мышку и отнес в машину.

Затем он вернулся за свежей одеждой, взял джинсы и охапку футболок и трусов.

Он был на ногах с самого утра и начал уставать, однако заехал в супермаркет «Эй-энд-Пи», где набрал консервов, замороженных продуктов и хлеба. В его новом доме были холодильник и плита… но работало ли там электричество? Ему и в голову не пришло проверить. Наверное, можно было позвонить в энергетическую компанию. Если телефон работал. Если он там вообще был. Так, придется вернуться в торговый центр за

кнопочным телефоном.

Когда он вернулся домой, почти стемнело.

Выяснилось, что с электричеством проблем нет. Холодильник бодро гудел. Киндл включил на кухне свет и принялся раскладывать еду.

Он заметил, что полки в холодильнике были едва прохладными. Нахмурился и проверил морозилку. Ни следа ледяного налета. Насколько это важно? Может, здесь не образовывалась наледь; Киндл слышал о таких моделях, но никогда не видел.

Но холодильник гудел на удивление громко. Когда он приехал сюда впервые… он что, не обратил внимания на этот звук?

Может, и нет.

А может, днем электричества не было. Киндл подключил телефон и позвонил Айре.

— Айра, я нашел дом.

— Знаю, — беззаботно ответил Айра. — В Дельмаре. Это, кстати, мой объект. Вид отличный. Надеюсь, тебе будет хорошо.

— Айра, извини, но как, мать твою, ты узнал, где я поселился?

Повисла пауза.

— Соседи видели, как ты что-то привез. Мы решили, что ты переезжаешь.

— Ты успел поговорить с соседями?

— Ну… в некотором роде.

То есть по волшебному телеграфу.

— Скажи-ка тогда… в энергетическую компанию тоже соседи позвонили?

— Знаешь, Том, все в некоторой степени говорят друг с другом.

— Слушай, Айра, а тебя это не пугает?

— Нет. Прости, если мы напугали тебя.

— Не бери в голову. — Киндл поспешил повесить трубку, разложил стул и сел на него.

Он забыл взять телевизор. Были сегодня игры? Он не помнил.

Киндл сходил на кухню, где свет был ярче, и распаковал приемопередатчик. Несуразная штуковина. Попробовал почитать инструкцию, но английский перевод лишь с натяжкой можно было назвать таковым. «Не позволяйте контакт с влагой или тяжело мокрым». Хороший совет.

Он решил, что Джоуи Коммонер как-нибудь разберется.

Ноябрь выдался дождливым, и Киндл не спешил устанавливать антенну. Ноющая боль в ноге понемногу проходила. Он начал запасаться продовольствием, подозревая, что опасения Мэтта обоснованны. Товары массового потребления

еще привозили в магазины, а вот более дорогие начали исчезать с полок. Кое-что ценное ему удалось добыть. Это напоминало список трофеев: последняя пачка печенья «Орео», последняя банка натурального попкорна без консервантов. Добыто в Бьюкенене, штат Орегон.

Из хижины он перевез инструменты и книги. «История упадка и разрушения Римской империи» осталась лежать там же, где он оставил ее в августе, и слегка заплесневела — Киндл оставил окна открытыми, — но вполне еще годилась для чтения. В прохладную дождливую погоду можно было помучиться с Гиббоном, а потом перейти к «Госпоже Бовари».

В конце месяца «Детройт тайгерс» победили в финале Американской лиги.

Когда на пару дней установилась ясная погода, Киндл позвонил Джоуи.

— Я все ждал, когда вы позвоните, — обиженно сказал Джоуи. — Мне удалось добыть в «Рэдио-Шэк»[26] кучу запчастей для радиовышки. Антенну из магазина Косгроува я тоже привез. Я искал вас в больнице, но не нашел.

Киндл продиктовал ему свой новый адрес.

---

[26] Примечания: 26

«*Рэдио-Шэк*» — одна из крупнейших в Северной Америке сетей магазинов электроники.

— Сможешь сам все привезти?
— Я взял фургон в фордовском салоне.
«Мне тоже надо», — подумал Киндл.
— Придется попотеть?
— Немножко, — ответил Джоуи.
— Тогда захвати пива.
— Заметано.

В шестидесятые Киндлу довелось поработать монтажником телевизионных вышек, и он помнил достаточно, чтобы охлаждать пыл Джоуи. Ему пришлось поработать отбойным молотком, чтобы пробить бетонную плиту на стоянке перед домом. Там они начали закреплять антенну. По мере того как вышка росла, Киндл устанавливал подкосы, чтобы Джоуи не свалился. Мэтту Уилеру вряд ли хотелось лечить еще одну сломанную ногу. Еще меньше ему хотелось потерять одного из десяти тысяч, даже если бы это был Джоуи Коммонер.

К заходу солнца они собрали вышку и установили антенну. Все высотные работы взял на себя Джоуи — из сочувствия то ли к больной ноге Киндла, что было весьма любезно, то ли к его возрасту, что было оскорбительно. Том благоразумно решил не спрашивать.

Наконец Джоуи закончил.

— Это должно дать надежный доступ к двадцатиметровому диапазону. В нынешних обстоятельствах его должны использовать больше всего, хотя кто знает.

— Точно не я.

Перед установкой последнего подкоса Джоуи снял футболку. Когда они входили в дом, Киндлу бросилась в глаза татуировка на его правом плече. Аккуратные синие буквы.

«БЕСПОЛЕЗНЫЙ», — гласили они.

— Ты всерьез так думаешь? — спросил Киндл, кивая на татуировку.

Джоуи натянул футболку обратно и начал что-то делать с задней частью приемопередатчика. В ожидании ответа Киндл открыл банку пива. Неплохо было бы еще и пиццу заказать, но ее теперь никто не доставлял. Тому стало любопытно, кто в Бьюкенене съел последнюю пиццу из доставки.

— Мне кажется странным писать такое на себе, — не отставал он.

— С каких пор это вас заботит? — Джоуи выглянул из-за приемопередатчика.

— Не злись. — Киндл решил, что пора заняться ужином. — Может, я пожарю нам гамбургеров? Надо проверить, как работает плита.

— Жарьте что хотите. Твою мать! — Джоуи слу-

чайно ткнул себе в ладонь отверткой и добавил еще несколько совсем нецензурных слов.

— Надо было написать не «бесполезный», — сказал Киндл, — а «мелкий злобный сукин сын».

— Отвалите, — огрызнулся Джоуи.

— А мне казалось, тебе нравится электроника.

Джоуи выпрямился. Что там у него на футболке? Череп? Череп с розами?

— Слишком много букв.

— А?

— «Мелкий злобный сукин сын» — слишком много букв. Я бы столько не вытерпел.

— А у тебя есть чувство юмора, — заметил Киндл.

Он приготовил гамбургеры на свой вкус, подмешав в фарш огромное количество чили. Не каждому понравится, но Джоуи просто жахнул кетчупа и принялся уплетать котлету.

— Когда выйдем в эфир?

— Как поедим.

— А если ничего не услышим?

Джоуи пожал плечами. Киндл подумал, что этот жест у него отточен до совершенства. Можно составить целый словарь пожатий плечами.

— Если таких, как мы, один на десять тысяч, есть ли шанс, что найдутся радиолюбители или

те, кто в силах собрать радио? Я видел статистику в одной библиотечной книжке. Лицензия есть примерно у одного из шестисот взрослых американцев. Сколько, получается, останется после Контакта? Пятьдесят человек на все Соединенные Штаты?

— Откуда мне знать?

— Ну, знать мы не знаем, но предположить можем. Интересно, сколько человек в эфире?

— Чем ближе к ночи, тем больше, — ответил Джоуи. — Ночью сигнал лучше.

— Тем более. А если исключить тех, кто вне зоны охвата, у кого антенна не под тем углом или еще что… Кто-нибудь мог попросту бросить это занятие. Вдруг мы вообще ничего не услышим?

— Возможно.

— Тебя это не беспокоит?

Джоуи, кажется, задумался.

— Мне хочется возиться со станцией, — сказал он наконец. — Для болтовни найдите кого-нибудь другого.

— То есть ты этим занимаешься не ради спасения мира?

— А вы ради этого?

— Нет, — признал Киндл. — Вот Мэтт Уилер — другое дело.

— Это глупо.

— Думаешь?

— Никого уже не вернуть. Они вроде как еще здесь, но на самом деле ушли. А нас бросили. С этим ничего не поделать.

— А помочь самим себе?

— Были б мы такими умными, отправились бы в рай с остальными. Мы остались не просто так. Все важные люди ушли, а мы здесь, потому что мы…

— Что?

— Бесполезные, — улыбнулся Джоуи.

Джоуи включил радио, но в двадцатиметровом диапазоне никто не вещал. Шум помех казался Киндлу немного зловещим. Тихое потрескивание непонятно чего — межзвездной радиации, космического шума? — как смутное воспоминание, как стук дождя по крыше. Словно мир беспокойно спит, а ты прислушиваешься.

Странные дела творились не только в Бьюкенене, но и на всей планете. Ты мог это знать, как уже несколько месяцев знал Киндл, но не ощущать. Теперь, слушая шепот радио, похожий на шелест волны на пустом пляже, он ощутил это.

Молчали Детройт и Чикаго, молчал Вашингтон, молчали Цейлон, Багдад, Пекин и Лондон.

«А ведь мы, наверное, самый разговорчивый народ на много световых миль вокруг», — подумал Киндл. Но в эту ночь на Земле было тихо, как в пустой церкви.

Сквозь статику ему почудились голоса, но, когда Джоуи настроился на волну, они ничего не услышали.

— Попробуй сам вызвать кого-нибудь, — предложил Киндл.

Джоуи взял микрофон и откашлялся.

— Всем станциям, — начал он, но тут же прикрыл микрофон рукой. — Чувствую себя как дурак!

— Думаю, в первый раз так со всеми. Продолжай.

— Всем станциям. Это… — Он снова прикрыл микрофон. — У нас нет позывных.

— Господи Иисусе, просто назови свое имя! Скажи, что мы в Орегоне.

— Всем станциям. Это Джозеф Коммонер из Бьюкенена, Орегон. Вызываю все станции.

Джозеф?

— Всем станциям. Меня кто-нибудь слышит? Вызываю все станции.

Киндл посидел рядом с Джоуи пару часов, затем сообщил, что пойдет спать.

— Если устанешь, можешь вздремнуть в шезлонге.

Но Джоуи, кажется, совершенно не хотел спать и с одержимым взглядом продолжал патрулировать двадцатиметровый диапазон.

Киндл почистил зубы, растянулся на привезенном из торгового центра матрасе, закрыл глаза и прислушался, как Джоуи в соседней комнате вызывает все станции.

Он подумал про антенну, про то, как волны радиостанции Джоуи плывут во мраке ночи. Я иду искать. Я иду искать.

От одной мысли об этом по телу пробежали мурашки одиночества.

Киндл проснулся на рассвете. Джоуи проспал в шезлонге до полудня. Когда проснулся, вошел на кухню с гордым видом.

— Ну как? Нашел кого-нибудь? — спросил Киндл.

— Поговорил с парой человек, — ответил Джоуи, исподтишка оценивая реакцию Киндла.

— Не шутишь?! — изумился Киндл. — С кем?

— С одним радиолюбителем из Торонто. Это ведь в Канаде?

— Когда я последний раз сверялся с картой, было там. Как дела в Торонто?

— Примерно как тут. Договорились сегодня вечером еще поболтать. Можете сами спросить. А другой мужик выходил на связь из Джорджии.

— Хм, южанин?

— Он колесит по стране, — ответил Джоуи. — Военный, полковник по фамилии Тайлер.

Через несколько дней Киндл по цветному телевизору посмотрел финальную игру Мировой серии.

В финал, как он и предсказывал, вышли «Тайгерс» и «Кабс». Матч транслировали без комментария, из-за чего атмосфера на стадионе казалась жутковатой. Единственными звуками были удары биты и шепот (а не рев) редких зрителей.

Каждая игра серии проходила в упорной борьбе. Все решали питчеры. Игроки действовали как по учебнику, почти не совершали ошибок, а когда совершали, это дорого им обходилось. Если крученый мяч шел высоко в страйк-зону, очко было гарантировано.

«Детройт» победил 2: 1 в одиннадцатом иннинге и стал чемпионом.

Последний подход к бите для летних ребят.

На экран вывели финальный счет… и картинка тут же сменилась рябью.

«Сегодня вечером больше ничего не покажут, —

подумал Киндл. — По вечерам больше ничего не будут показывать».

Он позвонил Мэтту Уилеру и сказал, что останется до Рождества.

Глава 20. Рождество

С наступлением зимы Мэтт Уилер все реже видел свою дочь Рэйчел. Ее почти никогда не было дома. Она редко рассказывала о том, куда ходила и где спала. Мэтт почти никогда не спрашивал.

Они общались от случая к случаю. Мэтт ценил то, что Рэйчел старается с ним говорить, но их как будто разделяла невидимая стена, становившаяся с каждым разом все непроницаемее.

— Папа, — сказала она как-то, — тебе надо поговорить с «помощником».

Чего? Поговорить? С этой… статуей?

«Помощник» уже несколько недель стоял на ратушной площади — мрачная абстрактная скульптура. Он не шевелился и не разговаривал.

— Если с ним заговорить, — сказала Рэйчел, — он ответит.

— Как-то… с трудом верится.

— Обязательно поговори с ним, — настаивала дочь. — Он может рассказать то, чего не знаю я. И он останется, когда я уйду. Он для этого и существует.

Дождь почти не прекращался. Второго декабря

Мэтт закрыл больницу и повесил на дверях дежурного входа табличку в водонепроницаемом пластиковом футляре. На ней красными буквами были написаны его имя и телефон, по которому можно было дозвониться либо домой, либо в машину, — по крайней мере, пока работали телефон и местная сотовая связь. Возможно, стоило переделать карету «скорой помощи» в передвижной медицинский пункт или разыскать где-нибудь больничную машину для выездов в сельскую местность, брошенную после Контакта. Но большой нужды в этом не было. Если понадобится, он может пользоваться больничным оборудованием… пока в городе не закончатся медикаменты, стерильные шприцы или даже врачи.

По дороге домой он обдумал слова Рэйчел и зашел на ратушную площадь.

Посреди дорожного кольца был разбит сквер с фонтаном и мемориальной доской в память основания города. Основные события битвы Уилли за флаг происходили внутри этого круглого участка солончаковой земли.

«Помощник» стоял там. Он прибыл в город по прибрежному шоссе, повернул на перекрестке с Марин-стрит, проплыл мимо офиса Мэтта в Маршалл-билдинг, над железнодорожным мостом, и

устроился на лужайке в сквере.

Мэтт подошел к нему. Холодный дождь не прекращался, и Мэтт ежился, кутаясь в мокрое пальто.

Он остановился на почтительном расстоянии от «помощника». Его пугали как размеры инопланетной штуковины — добрые семь футов в высоту, — так и черная матовая поверхность, на которой дождь не оставлял следов.

Эту штуковину называли «помощником». Нелепое название, но, как казалось Мэтту, подходящее. Оно вобрало в себя всю суть тупого тоталитарного великодушия, олицетворяло символический жест бесчувственного тирана.

Поговорить с ним?

Еще чего.

Он постоял в сквере, прислушиваясь к падению дождевых капель в траву и наблюдая, как тучи ползут по склону горы Бьюкенен. Затем развернулся и побрел к машине.

— Грядут тяжелые времена, — предупредила Рэйчел спустя несколько дней. — Странники кое-что делают с нашей планетой.

Глубоко внутри Мэтта встрепенулся страх. Дело было не только в словах Рэйчел, хотя они, безусловно, пугали, но и в ее интонации. Она про-

говорила это спокойно, чуть ли не с радостью.

Они сидели в гостиной, глядя мимо выключенного телевизора в окно, на далекие заросли мокрых пихт в темно-зеленых зимних шубах. Еще одно дождливое декабрьское утро.

Откашлявшись, Мэтт попросил уточнить, что именно они делают.

— Чинят, — ответила Рэйчел. — Восстанавливают планету, убирают следы нашего вмешательства. За последние сто лет мы — люди — запустили процессы, которые не можем контролировать. Например, глобальное потепление. Странники перекачивают углекислый газ из атмосферы в океан. — Она повернулась к Мэтту. — Все хуже, чем мы предполагали. Если бы Странники не прилетели… в ближайшие сто-двести лет для нас всех настал бы сущий ад.

— Их волнует, что будет с Землей?

— Волнует, потому что это волнует нас.

— Даже несмотря на то, что вы улетите?

— Мы здесь родились, — ответила Рэйчел. — Это наша планета. И она не опустеет.

— Баланс восстановится, — кивнул Мэтт. — Звучит не так уж плохо.

— Нет. Но в ближайшей перспективе… Папа, я не могу объяснить все, что они делают, но в

ближайшей перспективе погода может стать непредсказуемой. Могут начаться бури. Сильные.

Он кивнул в благодарность за эту, пусть и удручающую, информацию.

— Когда?

— Не знаю. Наверное, уже скоро. В конце зимы, в начале весны.

— Нас хотя бы предупредят?

— Разумеется. Для этого и нужны «помощники». Не только для этого, конечно. — Она больше не была спокойной и смотрела на него с отчаянным недовольством. — Папа, обязательно поговори с «помощником».

На ноябрьском собрании Комитета было решено отпраздновать Рождество в новом доме Тома Киндла. Гости, особенно родственники, приветствовались — даже если были контактерами. Мэтт позвал Рэйчел, но та отказалась.

Он ехал на вечеринку под холодным проливным дождем, который с минуты на минуту грозил смениться градом. На дорогах появлялось все больше зимних ям. Вдруг он окажется единственным сумасшедшим, который рискнул выйти в такую погоду? Отличная выйдет вечеринка. Но у дома уже стояло несколько машин. Киндл

пригласил Мэтта внутрь, взял у него пальто и сообщил, что все десять членов Комитета в сборе, но никто, кроме них, не явился.

— Только люди. Может, это и к лучшему. Входи, Мэтт. Все приехали раньше тебя — должно быть, из-за погоды. Эбби здесь уже с двух часов дня, чертовы украшения развешивает. Вон, даже елку искусственную приволокла. Заставила меня наряжать.

— Симпатичная елка.

— Как в долбаном супермаркете. Но с Эбби спорить бесполезно.

Мэтт вспомнил, как Бьюкенен наряжался к Рождеству. Над улицами натягивали гирлянды, на фонарях развешивали сосновые ветки.

— Вон там пунш, — показал Киндл, — но не увлекайся, в программе еще индейка и несколько звонков с востока. Не хочу, чтобы кого-нибудь стошнило прямо на микрофон.

Ужин был по-настоящему праздничным. Даже Пол Джакопетти смягчился по такому случаю. Мэтт сидел между Чаком Мейкписом, без устали твердившим, что после Нового года нужно снарядить экспедицию на водоочистное предприятие и электростанцию, и Эбби Кушман, которая взяла на себя большую часть забот по приготовлению

еды и постоянно сновала между столом и кухней.

Мэтт обратил внимание, что она особенно усердно ухаживает за Томом Киндлом: кладет ему порции побольше, спрашивает, нравится ли подливка, заправка, сливовый пирог. («На мой вкус, все отлично, — отвечал Киндл. — Очень вкусно, Эбби».) Мэтт вспомнил, что она замужем и воспитывает внуков, но потеряла родных после Контакта, как он потерял Рэйчел. Немудрено, что Эбби втянулась в деятельность Комитета — и увлеклась Томом Киндлом.

Ненадолго вспомнил Энни Гейтс. Они не общались несколько месяцев. Ему не хотелось говорить банальные вещи вроде «Прощай, всего хорошего, я тебя любил, пусть и в своей дурацкой манере, но теперь ты больше не человек». Лучше было молчать.

Эбби заставила Пола Джакопетти, Боба Ганиша и Бет Портер (не слишком довольную этим) помочь с мытьем посуды. Остальные собрались в гостиной; Джоуи Коммонер принялся настраивать радиостанцию, искать залетные голоса до назначенного на восемь вечера радиомоста между востоком и западом.

Киндл отвел Мэтта в сторонку:

— Ох уж эта Эбби… настоящая заноза в заднице. Уже три раза за неделю приезжала ко мне. Поболтать! А я болтать не умею. Привозит мне еду. Даже печет, Мэттью!

— Она весьма милая.

— Да, черт бы ее побрал, милая. Иначе не было бы проблемы. Она рассказывает о своей семье — они теперь почти не видятся. Ей тяжело, нужна поддержка, опора. А я простой человек. Давно не знал женского общества, если не считать редких субботних вылазок в город — да и тем после Контакта пришел конец. Поэтому вот… Эбби милая, но я не могу так с ней обойтись.

— Как?

— Я уйду. Единственный плюс старости — ты начинаешь понимать себя. Я был однажды женат, на девчушке из канадских индейцев. Продержались мы полгода. Потом она вернулась в резервацию, а я двинулся обратно через границу. Рекорд терпеливости Тома Киндла. Может, я не уеду в этом месяце или даже в следующем, но когда-нибудь — обязательно. А Эбби уже перенесла слишком много расставаний.

— Может, сказать ей об этом?

— Отличный совет. А лучше сразу дать ей палкой по темечку. Чтобы не мучилась.

— У тебя есть и другой вариант. Просто не уходи.

— Ну-ну.

— Штука в том, что без тебя нам туго придется.

— С чего бы? От меня пользы как от половины костыля. К слову, о костылях — я до сих пор прихрамываю. Это нормально?

— Будешь прихрамывать еще какое-то время. Но не прибедняйся. Ты один из главных участников наших собраний. Радиостанция тоже всех воодушевила.

— За это надо благодарить Джоуи.

— И его тоже. Он становится похож на человека. Ты относишься к нему с уважением, для него это в новинку.

— Видел татуировку у него на плече?

Мэтт кивнул.

— «Бесполезный». Думаешь, он вправду так считает? — спросил Киндл.

Мэтт об этом задумывался. Он не слишком хорошо знал Джоуи Коммонера. Джоуи вытатуировал это слово у себя на коже в восемнадцать лет: то, чего ждешь от типичного восемнадцатилетнего бунтаря. Может, никакого смысла в этом и не было.

Но если Мэтту предлагали высказать свое мне-

ние…

— Да, думаю, это так.

Киндл покачал головой.

— Вот дерьмо, — сказал он наконец. — Я не подписывался быть ничьим мужем… и уж тем более чертовым отцом.

В восемь вечера Джоуи связался с общиной выживших из Торонто. Из-за плохой погоды сигнал был слабым и голоса казались призрачными. Но разговор на таком расстоянии всех приободрил. Они собрались у микрофона и хором исполнили заранее отрепетированный «Adeste fideles». В ответ канадцы сквозь помехи спели «Тихую ночь»[27]. Канадский радист сказал, что у них снега по колено, но муниципальные уборочные машины больше не выезжают. Они отмечали Рождество в отеле в центре города.

— Много комнат, дополнительный генератор в подвале. Уютно.

Канадский хор был гораздо больше бьюкененского; почти восемьдесят человек, чуть меньше, чем в бостонском сообществе, с которым Джоуи связался несколько дней назад. Это означало, что

---

[27] Примечания: 27

«Adeste fideles» (*лат.* «Придите, верные») и «Тихая ночь» — рождественские гимны.

были и другие группы — просто не все из них освоили радиосвязь.

Пожелав счастливого Рождества, Торонто отключился. Джоуи попробовал связаться с Бостоном и третьим радистом-любителем из Дулута, но погода не шла ему навстречу.

— Не ловит, — сказал Джоуи.

— Может, просто позвоним? — предложил Киндл. — Парень из Бостона оставил свой номер.

Но междугородняя связь стала ненадежной, да и говорить по телефону было не так интересно, как по радио. Поздравления с Рождеством могли подождать до завтра.

— Телефония зиму не переживет, — предсказал Джакопетти. — Провода изнашиваются, релейные станции тоже. Вряд ли их станут чинить.

Джоуи решил поискать дальние сигналы. Киндл рассказал, что Джоуи дважды удавалось на короткое время установить связь с другими континентами — один раз он поймал сигнал из Коста-Рики[28], в другой же раз, удивительно ясной ночью, услышал русскую речь — а может, польскую или украинскую. Сигнал пропал прежде, чем он успел ответить.

---

[28] Примечания: 28

Ошибка персонажа или автора. Коста-Рика, как и США, находится в Северной Америке.

К удивлению Мэтта, Бет Портер принесла из магазина на Оушен-авеню видеомагнитофон и две кассеты: «Светлое Рождество» и «Эта прекрасная жизнь».

— Я эти фильмы каждый год смотрю. Решила, что будет здорово посмотреть вместе.

Джоуи отвлекся от радио, чтобы подключить видеомагнитофон. Киндл подлил свежего пунша, а Мириам Флетт удивила всех, предложив приготовить попкорн.

В перерыве между Бингом Кросби и Джимми Стюартом[29] Мэтт подумал: «Господи, нас всего десять человек. Но мы справимся. Несмотря ни на что, у нас есть шансы. Мы можем сохранить город».

После полуночи дождь сменился мокрым снегом, дороги начали покрываться ледяной коркой. «Эта прекрасная жизнь» закончилась, и Пол Джакопетти вдруг зарыдал. Его грузное тело сотрясалось от всхлипов, как будто в эпилептическом припадке. Бет вытащила кассету.

— Господи, простите, надо было выбрать другой фильм.

---

[29] Примечания: 29

Гарри «Бинг» Кросби (1903–1977) и *Джеймс Стюарт* (1908–1997) — исполнители главных ролей в двух вышеуказанных фильмах.

— Не переживай, — успокоил ее Мэтт. — Все в порядке.

Но вечеринка на этом закончилась. Киндл предложил спальные мешки тем, кому захочется остаться. Тим Беланже пил исключительно диетическую пепси-колу и вызвался развезти по домам всех, кто не хотел оставаться. Он уехал с Бобом Ганишем и Полом Джакопетти, который так и не перестал плакать.

Джоуи никак не мог оторваться от радиостанции. Бет дважды сказала ему, что устала и хочет домой; вдобавок на дорогах становилось опасно от гололедицы.

— Подожди, — отмахивался Джоуи, остервенело, почти маниакально крутя ручку настройки.

Киндл предложил Бет одну из свободных комнат, если она не против поспать на полу, но Бет покачала головой.

— Я хочу домой, — ответила она, поджав губы.

— Давай подброшу, — сказал Мэтт. — Если Джоуи не против.

Джоуи даже не повернулся; просто пожал плечами.

— Слышу тебя, Джозеф, — сквозь помехи раздалось из динамика. — Сигнал слабый…

— Полковник Тайлер, — объяснил Киндл. — Се-

рьезно, этот сукин сын никогда не спит.

— Тайлер. — Мэтт задумался. — Тот парень с юга?

— Он нигде надолго не задерживается. Одиночка. — Киндл проводил Мэтта к выходу и остановился так, чтобы Джоуи не слышал. — Тебе бы поболтать с ним, когда сигнал будет получше. Джоуи от него буквально фанатеет.

— А ты нет?

— Ну… дареному коню в зубы не смотрят, конечно. Но у этого Тайлера свои идеи. Как он считает, нам нужно что-то вроде комитета по обороне. Говорит, что сталкивался в пути с настоящим беспределом. По его словам, от предложения инопланетян отказалось много интересных личностей. Он слышал, что в Колорадо идет большая стройка… что инопланетяне строят новый космический корабль. Мэтт, это возможно?

— Ничего нельзя исключать. Прошедший август научил меня не делать скоропалительных выводов. Ты ему не веришь?

— Нет, почему же, верю. — Киндл потер подбородок. — Вполне верю. Но почему-то не доверяю.

— Он никак не может нам навредить.

— Пока не может, — заметил Киндл.

Бет забралась на пассажирское сиденье. Мэтт

попросил ее пристегнуться. Дороги были скользкими ото льда, и его небольшая заграничная машинка легко могла улететь в кювет.

Бет пристегнулась и уставилась в окно на темные дома пригорода.

У гавани Мэтт включил левый поворотник и собрался проехать через город, но Бет тронула его за руку:

— Дальше… я там больше не живу.

Он нахмурился, но миновал перекресток.

— Живешь отдельно от семьи?

— Доктор Уилер, какая это семья — одно название. Только папа, а он… сами знаете. Изменился.

— Тяжело с ним говорить?

— Раньше было тяжело. Теперь он вдруг стал разговорчивым, но от этого только хуже. Мне кажется, одно из условий сделки по вечной жизни — понять, каким дерьмом ты был. Он решил, что слишком меня шпынял, и теперь не знает, что делать. Хочет извиниться или исправиться.

— А ты этого не приемлешь?

Она резко помотала головой:

— Я к этому не готова. Господи, совершенно не готова. С тех пор как он изменился, даже рядом с ним быть — сущая пытка. Он и выглядит иначе. Помните, каким он был здоровяком? Теперь

— кожа да кости. У него подходящей одежды не осталось. Он как будто… — Бет долго подбирала слово. — Опустел. — Правым указательным пальцем она начертила овал на запотевшем стекле. Нарисовала глаза, ресницы, поджатые губы. Автопортрет. — Я решила поселиться в мотеле «Корона». У набережной, за паромной переправой.

На следующем перекрестке Мэтт повернул направо, в туманно-дождливую пустоту.

— Можно найти что-нибудь получше мотеля. Вон как Том Киндл.

— Номера там вместительные. Мини-кухня есть, так что я сама готовлю. Справляюсь.

Дождь снова стал ледяным и застучал по крыше машины. Мэтт сбавил скорость у знака с надписью «Мотель „Корона“», и автомобиль слегка повело на льду. Он сообразил, что за всю дорогу от дома Тома Киндла не встретил ни одной машины.

В номере Бет горел свет. Она не выключала его, чтобы находить дорогу ночью.

— На этой громадной парковке чувствуешь себя одиноко. — Она наклонила голову. — Заглянете?

— Бет, дороги с каждой минутой все хуже.

— Хотя бы до двери проводите.

Он согласился… хотя покидать сухой салон автомобиля было в какой-то мере безответственным.

Бет заняла номер на первом этаже с табличкой «112». Дверь была не заперта. Внутри их встретил желтый свет лампы.

— Зайдите, — настаивала Бет. — Скажите, что здесь мило. Господи, как хочется услышать это хоть от кого-нибудь.

Он вошел. Внутри было жарко из-за обогревателя. Бет украсила неброский номер дешевыми репродукциями картин в пастельных тонах, изображениями котят и уютных фермерских домиков. На кровати было расстелено сшитое вручную одеяло. Бет проследила за взглядом Мэтта:

— Единственное, что я забрала из дома. Спала под ним с самого детства. Его связала моя бабушка. — Она села на кровать и погладила одеяло. — Можно не обращаться к вам «доктор Уилер»? На вечеринке все звали вас просто Мэттом.

— Ладно, давай на «ты».

— Мэтт… если хочешь, можешь остаться на ночь.

Он отчасти ожидал такого предложения, но в то же время был удивлен, если не ошарашен.

— Куда тебе ехать в такую погоду? Там просто

ужасно. — Бет начала расстегивать рубашку. — В последнее время я почти не вижусь с Джоуи. Он днями и ночами сидит у Киндла, возится с этим долбаным радио. Было бы не так тяжело… я знаю, Джоуи не подарок, но… только он говорил мне, что я красивая. — Она помолчала, чтобы посмотреть, как отреагирует Мэтт. — Больше никто.

Бет выскользнула из рубашки. Ее кожа была идеальной, розовой, без единого прыщика. Груди маленькие, соски почти как у ребенка. На ключице — веснушки. Почему он не нашел что сказать? Рот как будто отсоединился от тела. Он потерял дар речи.

«БЕСПОЛЕЗНАЯ», — гласили маленькие синие буквы на ее плече.

— Мне двадцать, — сказала Бет. — Думаю, ты видел меня голой начиная лет с десяти. Но никогда не говорил, что я красивая. Наверное, врачам не положено. Мэтт. Мэттью. Мэтт… я красивая?

— Бет, я не могу остаться.

Она расстегнула джинсы, сняла их и села обратно на кровать. Нахмурилась. Затем в неожиданном приступе стыдливости сложила руки на коленях.

— Вот дерьмо, зачем я это делаю? — Она умоляюще посмотрела на Мэтта. — Тяжело все время

быть одной. Город опустел. Дело не в том, что все по домам сидят. Мне кажется, люди в самом деле начали пропадать. Не знаю, что с ними происходит. Валяюсь здесь, думаю об этом и боюсь, мать его. Это грустно и страшно. Я не люблю быть одна. Ты точно не останешься?

— Извини.

— Вот так просто?

— Это не просто.

Действительно, ничего простого: ей на двадцать лет меньше, чем Мэтту, она — уже не ребенок, он — еще не старик. Один вид ее приводил в возбуждение. Мэтт ни с кем не делил постель с августа, когда в последний раз переспал с Энни Гейтс. Бет была права насчет города. Он опустел, стал пугать, и прикосновение другого человека могло бы совершить настоящее чудо в стылую зимнюю ночь.

Но Бет была ранимой и чересчур навязчивой, что грозило непредсказуемыми последствиями.

Бет смущенно улыбнулась.

— По правде говоря, — она окинула его взглядом, возможно заметив, как выпятились его джинсы, — я тебе верю. Тебе хочется остаться, но ты считаешь, что это может быть… опасно? Подходящее слово?

Он кивнул.

— Да, — сказала она. — Я опасная. — Она растянулась на кровати, с жеманным и одновременно усталым видом. — Может, не стоило столько пить…

— Думаю, мы все слегка перебрали.

— А может, я просто негодная мелкая засранка, как говаривал папаша.

Мэтт ехал домой по льду и сквозь лед, в ледяной темной ночи.

Дома тоже было темно. Поскрипывали и пощелкивали обогреватели. Рэйчел не было.

Мэтт понадеялся, что в этот Рождественский сочельник она спит в теплом месте.

Но сочельник прошел; Мэтт сообразил, что в полночь, еще до того, как он уехал с вечеринки, началось 25 декабря. Уже настало рождественское утро.

К полудню лед на улицах почти растаял. Мэтт поехал к ратушной площади и во второй раз подошел к «помощнику».

На нем было зимнее пальто и шарф, связанный еще Селестой в незапамятные, допотопные времена. Под ногами хрустела промерзшая трава.

Мэтт встал рядом с «помощником», на рассто-

янии вытянутой руки. Рэйчел утверждала, что инопланетное устройство могло говорить, но где был его рот? А как насчет глаз? Могло оно видеть Мэтта? Знало ли, что он рядом?

Вероятно, знало.

Сначала Мэтт обругал его. Назвал гребаным захватчиком, чудовищем, долбаной бессердечной каменюкой, памятником неуместной жестокости, которой была подвергнута Земля.

Он едва удержался, чтобы не ударить «помощника», — почувствовал, что тот неуязвим и он, Мэтт, разобьет в кровь руки о неподатливую поверхность.

Мэтт ругался, пока не закончились слова, способные выразить его гнев.

Ответное молчание поразило его.

Он совсем охрип. Пришлось подождать, пока не вернется голос.

— Скажи, — прошептал Мэтт. — Скажи, что тебе известно. Скажи, что нам делать, чтобы выжить.

«Помощник» открыл глаза — или некое подобие глаз, два глянцевых черных пятна на черной круглой голове, чрезвычайно подвижных, как нефтяные пятна, — и Мэтт удивленно отпрянул.

Аппарат заговорил низким, звучным голосом, искусственным и совершенно устрашающим.

— Здесь больше не безопасно, — сказал он.

Глава 21. Кожа

Вначале колесить по южным городкам Виргинии, Северной Каролины, Кентукки и Теннесси было интересно.

Все были похожи друг на друга: церковь, центральная школа, торговый центр у шоссе. Имелся в каждом городке и свой «помощник», который стоял в центре, словно вгрызшийся в яблоко червяк.

Несколько этих устройств Джон Тайлер уничтожил лично. С остальными разобрался его приятель А. У. Мердок. Тайлеру не нравилось это признавать, но ракеты Мердок наводил точнее. «У каждого свои таланты», — утешал он себя. Мердок был отменным стрелком.

Сперва они проявляли предельную осторожность. Тайлер считал, что «хаммер» с ракетной установкой на крыше слишком заметен, и поэтому они стали прятать его в прицепе краденой фуры.

Мердок полагал, что такая маскировка слишком примитивна и никого не обманет. Артефакт наверняка мог следить за ними не хуже стандартного военного спутника, да и контактеры

были для него неограниченным источником информации.

— Сэр, — сказал Мердок, — если они захотят нас убрать, то уберут. Стоит надеяться лишь на то, что они — пацифисты.

Его аргументы убедили Тайлера. Через неделю они бросили фуру и стали ездить на «хаммере» в открытую, по шоссе и проселочным дорогам, обычно пустым. Тайлер выстраивал маршрут так, чтобы их передвижения выглядели случайными, но при этом они оказывались все южнее. Он не был предупрежден о грядущих изменениях погоды, но сам обратил внимание на чрезмерно затяжные дожди и ветра и решил, что в теплых краях будет безопаснее.

Это — плюс дружба с Мердоком — позволяло ему не впадать в отчаяние. По крайней мере, пока.

Первый звоночек прозвенел в Джорджии, в городке под названием Лофтус.

Они побывали в десятках таких городков. Чем дальше, тем более пустыми они казались. Жители почти не показывались на глаза: то ли прятались, то ли уже покинули свои жилища. По ночам лишь в редких домах горел свет. Это тревожило, а если вдуматься, даже пугало, но в

то же время облегчало передвижение. Они ночевали в заброшенных мотелях, а днем ни от кого не скрывались.

В Лофтус они приехали к полудню. Городские здания — трехэтажная гостиница с рестораном, обклеенная рекламой кондиционера для волос парикмахерская, — видимо, ничуть не изменились со времен Корейской войны. Разумеется, в городе был «помощник». Он стоял на островке безопасности посреди шоссе, между магазином хозтоваров и супермаркетом из желтого кирпича. Мердок пустил в него ракету; Тайлер насладился привычным фейерверком. Взрыв выбил окна во всех соседних домах, дорогу усыпало битым стеклом и черной пылью.

Мердок ехал по Лофтусу молча и хмуро. Он хмурился с тех пор, как они покинули Вашингтон, но откровенничать насчет причин этого не хотел. Тайлер напомнил, что им надо раздобыть еще ракет: привезенные из Виргинии были на исходе.

— Не знаю, есть ли смысл, — ответил Мердок. — По-моему, мы пытаемся нассать в океан.

Тайлер смерил его жестким взглядом. Форма Мердока истрепалась, местами порвалась и покрылась масляными пятнами от постоянной возни с «хаммером». Поверх нее он надел укра-

денную из пустого магазина куртку. Его волосы отросли и свалялись.

— Этих «помощников» больше, чем мы в состоянии перестрелять, — добавил Мердок, — и я не вижу результата. Черт побери, полковник, может, все идет так, как должно идти.

— Объясните.

— А вы сами не чувствуете? Уверены? После Контакта я решил, что все превратятся в зомби, как в фильме ужасов вроде «Вторжения похитителей тел»… Мне просто хотелось надрать кому-нибудь задницу. Показать, что человеческая раса не лыком шита. Понимаете?

— Безусловно.

— Но все вышло не так. Черт, да я с самого начала понимал, что все выйдет не так. — Держась одной рукой за руль, Мердок другой отвинтил крышку с термоса. — Просто не хотел этого признавать. — Он сделал большой глоток кофе. — Может, им не так уж и плохо, этим зомби. Вечная жизнь. Нормальная сделка.

— Господи, Мердок, — ответил Тайлер. — Не говорите, что вы в это верите после всего, что мы сделали.

— А вы? В глубине души? Когда они пришли той ночью, у вас не было мысли согласиться?

Даже сказав «нет», вы потом не думали: «Черт, я ведь не хочу умереть, так и не поняв, к чему все это»? Нет?

— Глупый вопрос.

— Серьезно. — Мердок резко дал по тормозам, заставив Тайлера вздрогнуть, и остановил машину на разделительной полосе загородной дороги. — Без обиняков.

Тайлер просто смотрел на него.

— Как думаете, что мы обнаружим, — не унимался Мердок, — если развернемся и снова навестим этот задрипанный городишко?

— Доказательства нашей способности причинить урон врагу. Вы что, уснули, пока стреляли?

— Хорошо, подбили мы одну из их уточек. Уж простите, полковник, невелико достижение. Как скоро они пришлют нового «помощника»? Через пару дней? Или часов? У них все отлажено. Чем больше я об этом думаю, тем бессмысленнее кажется наша затея. Они нас не трогают, потому что им плевать на наши усилия. Мы как блохи на слоне. Даже чесаться из-за нас не стоит.

Он развернул «хаммер».

— Вы всерьез собираетесь вернуться? — спросил Тайлер.

— Нам нужны припасы. Надо было остановить-

ся еще до того, как пускать ракету. К тому же я действительно хочу выяснить, сколько времени нужно, чтобы возместить нанесенный нами ущерб. Считайте, что я собираюсь лучше изучить противника. — Мердок пристально посмотрел на Тайлера. — Если, конечно, вы не против.

Разумеется, Тайлер был против, но вслух не возразил. Оставаться на месте нападения могло быть опасно, но перечить Мердоку, настроенному враждебно, было еще опаснее.

После Контакта во всем установился баланс. Вещи уравновешивались. То, что было на плаву, могло утонуть, а то, что было на дне, — всплыть.

По настоянию Тайлера они припарковали «хаммер» подальше, в служебном гараже заправки «Эксон». Мердок намеревался заночевать в этом городке, и они заняли два смежных номера в кирпичной гостинице, с видом на останки «помощника». В гостинице было пусто. К вечеру сгустились тучи, и по коридорам разносилось эхо далекой грозы.

Мердок отправился на поиски еды. Тайлер остался в номере, раздумывая, как разрешить сомнения молодого солдата.

Наверное, этого следовало ожидать. Прежде Мердок был инспектором по вооружению и хра-

нил верность оружию в большей степени, чем абстрактным понятиям — «страна», «армия», «национальная оборона». За такую соломинку нельзя держаться долго, и в последнее время Мердок терял свой пыл. Это происходило постепенно, но было заметно.

Наверное, удивляться не стоило. «Стандарты снизились», — думал Тайлер. Никого не заботили порядочность и приличия. Нормы стали расплывчатыми.

Такие мысли пугали его. Тайлер всю жизнь балансировал на грани между здравым смыслом и импульсивными желаниями, назубок заучив то, о чем в своем безумии забыла Сисси: «Встречают по одежке». Когда дело касалось рассудка, можно было притворяться. Нужно было притворяться. Притворялись все. Человек доказывает свою вменяемость, прикидываясь вменяемым. Безумие — это неспособность или нежелание притворяться.

Но теперь… все на Земле стало шатким, будто отказала гравитация. Кто будет тебя судить, если мир опустел? Где границы, отделяющие одну мысль от другой? Какие импульсы могут незаметно проявиться? Как отличить свет от тьмы?

«Нам нечем прикрыться, — думал Тайлер, —

упаси нас Господь».

Он ненадолго задремал на гостиничной кровати и проснулся с острой головной болью.

Мердок вернулся с пакетами консервов и бутылками воды, сложил все на комод и взял из ванной полотенце — он промок до нитки, с волос струилась вода. Снаружи начался ливень.

— Забавно, — сказал Мердок. — Во всех городах, которые мы проезжали, встречалась хотя бы пара человек. А здесь пусто, зуб даю. Ни одной живой души. Правда, мне показалось, что я слышал музыку. Но по такой погоде не понять, откуда идет звук.

Мердок активно вытер волосы. Окно было приоткрыто, и в комнату потянуло влагой и прохладой.

— Кстати, полковник… — Мердок искоса, осторожно посмотрел на Тайлера. — Вы видели «помощника»?

— Что с ним? — насторожился Тайлер.

— Он чем-то занят, — ответил Мердок.

— Мы же его уничтожили! Чем он может быть занят?

— Ну, сэр… он вроде как восстанавливается.

А. У. Мердок вышел вслед за Тайлером в холл. Полковник застыл у разбитого окна, как статуя,

глядя на дорогу и останки «помощника»… на черную сажу, которая зашевелилась, словно под дуновением ветра, и начала собираться в неровную влажную кучку на том месте, где раньше стоял «помощник».

Мердок не слишком удивился, увидев, что «помощник» восстанавливается. Судя по всему, в основе всех технологий Странников лежали детали, которые могли существовать самостоятельно, но входили в состав тех или иных устройств — октаэдры, являвшиеся частями Артефакта, «помощники», являвшиеся, в свою очередь, частями октаэдров. И так далее. Оставшаяся после взрыва пыль, как полагал Мердок, представляла собой мелкие частицы «помощника», подвижные и достаточно разумные, чтобы вновь принять изначальную форму.

Если подумать, заразившие всех инопланетные микробы наверняка работали по тому же принципу. Мердок подозревал, что эти машины тоже были разумными. Вероятно, можно было разрушить «помощника» так, чтобы тот не восстановился, — но не обычной ракетой.

Все равно что бить кулаком речной ил.

«Нам следовало догадаться», — подумал Мердок.

Но Тайлер такого даже не предполагал и был в ужасе. Он стоял у окна и отчаянно тряс головой.

— Полковник? — осторожно окликнул его Мердок.

— Мы в опасности? — спросил Тайлер. — Он будет мстить? Может, пора сваливать?

— Сомневаюсь. Похоже, мы его вообще не повредили. Даже не разозлили. Если бы эти штуковины замышляли месть, то уже давно разделались бы с нами. — Он чувствовал себя немного виноватым, высказывая это Тайлеру в столь резкой форме, и хотел загладить вину. — Сэр, пойдемте наверх. Вы промокнете. Я приготовлю еду. Дернем пивка.

Когда Тайлер решил уехать из Вашингтона, они собрали походный набор из переносной плитки, котелков, сковородок и пластиковых приборов. Поднявшись наверх, Мердок включил плитку и начал жарить яичницу. В номере запахло горячим маслом.

Тайлер открыл банку пива и уставился в окно. Мердок заметил, что полковник ведет себя как одержимый.

Он уже давно решил, что у Тайлера шарики за ролики заскакивают, но не придавал этому значения. Кто может поручиться, что он абсолютно нормален? Может, все нормальные люди приня-

ли августовское предложение; осталась только пара психов, разъезжающая по стране, чтобы пострелять по инопланетным машинам — как дети, разрисовывающие окна мылом на Хеллоуин.

Мердок понимал, что Тайлер жил в мире, где беспрекословно уважались приказы и правила, соблюдались границы. Этот мир был хрупок, как скорлупа того яйца, которое Мердок только что разбил. Склеить его вновь было почти невозможно. Разумеется, Тайлеру было тяжело смириться с новой действительностью.

— За всю жизнь мой отец дал мне только один совет. «Какие карты тебе сдали, теми и играй». Кажется, он услышал это в какой-то песне. Или вычитал в «Дорогой Эбби»[30]. И ведь не поспоришь, правда? Полковник, карты у нас ужасные. Но хоронить нас еще рано.

Тайлер отвернулся от окна.

— Мистер Мердок, вы почти не говорили о своем отце.

— О нем особо нечего сказать.

— Чем он занимался?

---

[30] Примечания: 30

«*Дорогая Эбби*» — колонка полезных советов, с 1956 г. публиковавшаяся более чем в тысяче американских газет и журналов. Похожая цитата про карты также приписывается индийскому политическому деятелю Джавахарлалу Неру.

— Выращивал синсемилью в округе Мендосино. То бишь марихуану, — добавил Мердок в ответ на непонимающий взгляд Тайлера.

— Господи. Серьезно?

— Богом клянусь.

— Он был наркоторговцем?

— Скорее контрабандистом. Что-то в этом духе.

Тайлеру понадобилось время, чтобы впитать информацию.

— Вряд ли он был рад, когда вы пошли в морпехи?

— Не могу сказать, что ему это понравилось. Но он сказал, что я волен прожить свою жизнь, как мне хочется, и совершать свои ошибки. Когда я садился в автобус в Юкайе, он крикнул: «Постарайся не стрелять в людей!»

«И я не стрелял, — подумал Мердок. — если не считать „помощников“».

Но и им, как выяснилось, он не причинил большого вреда.

— Удивительно. — Тайлер покачал головой. — Каких только семей не бывает.

— Вы о своей семье тоже не рассказываете.

— Нет, — ответил Тайлер. — Не рассказываю.

Мердок решил не настаивать.

Он разложил яичницу по тарелкам, но Тайлер

отодвинул свою.

— Сэр, скажите честно, с вами все в порядке?

Полковник, сутуло сидевший у окна, выпрямился, почти вытянув руки по швам, и вздернул подбородок.

— Конечно, — ответил он, нахмурившись, словно вопрос показался ему оскорбительным.

Они поели молча, слушая шорох дождя за окном.

Мердок предложил остаться в Лофтусе, пока не пройдет ледяной дождь, и, к его удивлению, Тайлер согласился. Мердоку показалось, что полковник в последнее время становился все более недовольным и одновременно податливым.

Вслух Мердок этого не говорил, но городок показался ему любопытным. Пока они ехали со стрельбой по Югу, у него родился ряд вопросов, ответы на которые он рассчитывал найти здесь.

Во-первых, что именно происходило с жителями придорожных городков? Куда они подевались? Уж точно никуда не уехали: шоссе были пустынными. Но и города — все чаще — тоже.

Тайлеру эти вопросы не нравились, он отказывался их обсуждать, но любопытство Мердока никуда не исчезало.

Утром он оставил приунывшего полковника и

отправился на прогулку.

Дождь немного стих, но небо по-прежнему было темным и покрытым тучами. Пока они спали, «помощник» успел собраться в расплывчатое подобие самого себя. Крошечные черные пылинки клубились на его поверхности, словно рой мошкары. Мердок никогда прежде не видел ничего столь необычного, но за последнее время он привык к чудесам. Поглазев немного, он пожал плечами и пошел прочь от разбитых окон.

Вчера он слышал музыку — когда набирал еду в продуктовом магазине, в паре кварталов от гостиницы. Звуки доходили с трудом сквозь шум дождя, и Мердок решил, что ему почудилось, что одиночество и незнакомое место сыграли с ним шутку. Но это точно была музыка, тихая, но отчетливая.

Он встал неподвижно и прислушался.

Вдали лаяла собака. Шумел ветер. Хрустел под ногами гравий, когда он покачивался взад-вперед. Никакой музыки. Жутковато.

На следующем перекрестке он свернул с центральной улицы, решив, что в этот день обязательно кого-нибудь найдет: человека, контактера — не важно. Мердоку хотелось увидеть новое лицо, задать несколько вопросов. Если верить

ржавому указателю, он шел по улице Вязов. Во всех подобных городках была улица Вязов или Дубов, а в Джорджии встречались улицы Персиков и Магнолий. Чтобы выяснить, куда все подевались, лучше места не найти. Все жили на улице Вязов. Он решил постучать в дверь ближайшего дома.

Первый дом по улице Вязов представлял собой небольшое бунгало с крошечным двориком. Деревянное крыльцо, на балюстраде — пять керамических горшков с увядшими цветами. Мердок шагнул на просевшее от сырости крыльцо, отодвинул ногой красный игрушечный фургончик, позвонил в звонок и прислушался.

Внутри стояла тишина.

Он откинул дверную занавеску и постучал. Стук только усилил тишину.

— Эй! — крикнул он. — Есть кто дома?

То, что он делал, вдруг показалось ему странным. Он представил себя со стороны — одинокий худой парень в рваной военной форме, длинноволосый, небритый. «Господи, настоящее пугало», — подумал он. Что, если ему откроют? От одного его вида любой бросится наутек.

Но ему не открыли.

Он подергал ручку. Заперто.

Мердок окинул взглядом улицу. Он никогда

прежде не вламывался в чужие дома.

«Была не была, — сказал он себе. — Берегитесь, призраки, я иду!»

Он приложился плечом к двери и толкнул. Дверь была старой, рама подгнивала. Защелка с треском и хрустом отошла. Мердок заглянул во тьму.

Кто жил здесь? Судя по игрушечной машинке, семья с детьми. Водянистый дневной свет слабо озарил комнату — пыльную, но прибранную. У стены стоял кирпично-красный диван. Над ним висела картина, изображавшая закат в лесу. Телевизор, магнитофон, пустой аквариум. На полу валялось несколько детских игрушек.

А рядом лежала…

Мердок долго таращился, прежде чем понял, что это такое: человеческая кожа.

Когда его закончило рвать, Мердок подобрал с соседской лужайки длинную ивовую ветку. Ощущение тяжелого дерева в руке придало ему уверенности, ведь у него не было оружия. Но в кого тут стрелять?

На залитой дождем улице не виднелось ни души.

Сжав палку, Мердок заставил себя подняться на крыльцо, подойти к двери, открыть ее и снова

войти в устрашающую тьму.

Кожа осталась лежать на полу. Она не шевелилась.

Но это, безусловно, была кожа. Хрупкая, пустая, почти прозрачная оболочка. Определенно человеческая. Бесформенная. Местами она смялась, как гармошка, но одна рука торчала, как тончайший белый папирус; ладонь напоминала пустую перчатку с пятью бледными, тонкими пальцами.

Она напомнила Мердоку сброшенную паучью шкурку, однажды найденную им в пустом шкафу: почти настоящий паук, но невесомый, способный улететь от малейшего дуновения.

Он опустил ветку, едва не коснувшись кожи, и сразу отдернул. Отвращение взяло верх над любопытством.

Мердок перешагнул через зловещий предмет и направился внутрь дома.

Комнат было немного: гостиная, кухня, две спальни, ванная. Мердок осмотрел все, включая электричество там, куда не доставал уличный свет.

Он нашел еще две кожи: одну на кухне, другую, маленькую, из-за чего она казалась еще ужаснее, — в детской.

Выходя из комнаты, он почувствовал, как кру-

жится голова и вдруг понял, что машинально задержал дыхание, будто мог чем-то заразиться. Будто что-то могло высосать из него плоть, опустошить, как этих людей.

Он поспешил к выходу, но вдруг остановился.

Развернулся. Покрепче ухватился за палку и наставил узкий конец на первую из найденных кож.

Мердока охватило желание ткнуть ее, не менее сильное, чем желание сбежать. Было в этом что-то детское. Он представил себя ребенком, тычущим палкой в сброшенную шкуру гремучей змеи. Страшно… но интересно. Рассыплется она? Или сомнется? Если рассыплется, то со звуком или без него? Будет ли шелестеть, как пергамент, или шуршать, как высохший на солнце целлофан?

Он дотронулся до кожи палкой.

Когда он перевернул ее, раздался лишь слабый звук… шепот мембраны, как шелест осенней листвы или страниц старой книги.

Мердок почувствовал, что его снова тошнит. Он повернулся и бросился на крыльцо.

Тут он увидел девушку.

— Ну и видок у тебя, — заметила она.

С Мердока было достаточно неожиданностей. Еще одно такое потрясение, и его желудок разо-

рвется. Он оторвался от перил и в бессильном ужасе повернул голову на звук.

Но это оказалась всего лишь девушка. Она стояла на тротуаре и обеспокоенно смотрела на Мердока.

Местная, судя по акценту. В желтой футболке и громадной мужской штормовке. На ногах — синие обтягивающие джинсы и кроссовки. Лет восемнадцать, плюс-минус. Чуть наклонив голову, девушка сочувственно осматривала его.

— Нашел в доме кожу? В первый раз?

Несмотря на растрепанные волосы, она была симпатичной. С лица правильной овальной формы смотрели умные глаза.

Мердок собрал в себе остатки мужественности.

— В первый раз, — признался он. — Господи! А ты уже видела?

— Угу.

— Страшно до чертиков.

Девушка пожала плечами.

Тошнота отступила. Мердок выпрямился и отпустил перила.

— А ты, гм, живешь здесь?

— Нет. Не в этом доме. Тут Богены жили. А я жила через два дома отсюда. — Она показала рукой. — Но съехала. Угадай куда.

Мердоку хотелось сказать: «Девочка, в этом доме три трупа, от которых осталась одна упаковка». В таких обстоятельствах играть в угадайку казалось дурным тоном.

Но перед ним был новый человек, которого он так мечтал встретить, Мердоку не хотелось ее спугнуть.

— Понятия не имею.

— В «Рокси».

«Рокси»? Кинотеатр? Он здесь был? Впрочем, сложно было назвать захолустный город без кинотеатра «Рокси».

— Я переделала кабинет заведующего в квартиру, — похвасталась девушка, — и научилась ставить фильмы.

— А вчера ты что-нибудь смотрела? Вечером, во время дождя?

— Откуда ты знаешь? — обрадованно спросила девушка.

— Слышал музыку.

— Я смотрела «Сорок вторую улицу». Перед Контактом у нас проходил фестиваль старого кино, и я нашла только пленки от него. «Сорок вторая улица», «Охотницы за деньгами», «Мальтийский сокол». Я их нечасто смотрю. Одной справляться непросто. И какой смысл делать это каждый

день? Только холодными вечерами…

— Понимаю, — ответил Мердок.

— А эту песню из «Сорок второй улицы» я даже во сне спеть могу.

— Ага. Слушай, а зовут-то тебя как?

— Су. Всего две буквы, но это не сокращение. Су Константин.

— А я — А. У. Мердок.

— Что значит «А»?

— Авель, — солгал он.

— Гм… уж лучше А. У.

— Мне тоже так кажется. Скажи, а есть тут еще эти… ну, эти…

— Кожи?

— Есть тут еще кожи?

— Почти в каждом доме, — ответила девушка. — Только поискать надо. Надеюсь, в твои планы это не входит.

— Нет, просто… черт, я такого не ожидал. И что, это случилось со всеми в городе?

— Почти. Кроме меня.

— А что именно случилось? Ты знаешь?

— Они ушли, А. У., — безучастно сказала она. — Ушли. А кожа осталась. Люди израсходовали свои тела и бросили кожу.

— Неплохо бы раздобыть радио, — сказал пол-

ковник Тайлер.

— Радио, сэр? — Готовивший ужин на плитке Мердок задумался, что это значит.

— Чтобы связаться с другими людьми. Нормальными людьми.

Тайлер сидел в том же гостиничном кресле, в котором Мердок оставил его утром. Он не побрился: серьезное отступление от правил. Мердок считал Тайлера человеком, который не забудет о бритье даже посреди урагана и набьет штормовое убежище флаконами с лосьоном для бритья.

— Вы согласны, мистер Мердок, что нам нужна связь?

— Сэр, сколько «Курсов» вы уже прошли сегодня?

Тайлер посмотрел на пивную банку в руке и отставил ее.

— На что вы намекаете?

— Ни на что.

— Я не пьян.

— Вижу, сэр.

— Думаю, вам тоже не помешало бы выпить.

— Позже, сэр. Спасибо за предложение. — Мердок положил в миски две равные порции жареной тушенки с овощами. Тайлер любил тушенку, а Мердоку она напоминала собачий

корм. По крайней мере, на вид. — Погода опять скверная, сэр.

Дождь вернулся и полил с удвоенной силой, изредка сверкали молнии, приглушенно, но непрерывно грохотал гром.

— Без общества мы ничто, мистер Мердок, — сказал Тайлер, поставив миску себе на колени.

— Это верно, сэр.

— Общество определяет рамки поведения точно так же, как границы определяют рамки страны.

— Угу. — Мердок настолько проголодался, что готов был с жадностью есть и собачий корм. Он сидел напротив полковника и смотрел мимо него в окно. Наступила ночь. В эти дни она наступала рано.

— Значит, кожи?

— Да, сэр.

Мердок рассказал полковнику о кожах, но о Су Константин не упомянул. Он сам толком не понимал, с чего вдруг стал таким скрытным, но ему казалось, что так лучше. Су была новой, особенной находкой. Его собственной.

— Только их брошенные… пустые…

— Кожи, сэр. Все так.

— Это ужасно.

Мердок кивнул.

— Мистер Мердок, а что, по-вашему, случилось с их внутренностями?

— Я думаю… — Су ему рассказала. Следовало соблюдать осторожность. — Возможно, они просто рассеялись. Исчезли. Сэр, вы помните, как нам говорили во время Контакта? Что мы сможем оставить свои тела?

— Я не думал, что это… нечто вроде линьки у ящериц. Ожидал чего угодно, но не столь отвратительного. — Полковник рассеянно подцепил ложкой тушенку. — А как там «помощник»?

— Почти полностью восстановился.

— Мистер Мердок, я предпочел бы не задерживаться в этом городе.

— Сэр, но погода…

— До приезда в Лофтус вы не боялись дождя.

— Этот дождь ледяной и грязный. Горные дороги наверняка размыло.

— Ничего, справимся.

— Да, сэр. Но мне бы не хотелось никуда ехать в разгар грозы.

— Вас что-то привлекает в этом городе? — Тайлер бросил на него недобрый взгляд.

— Черт, сэр, да вы что.

Мердок почувствовал, что вспотел.

— Общество, — произнес Тайлер. — Человеческая близость.

— Сэр?

Сукин сын умел читать мысли?

— Мистер Мердок, нам нужно радио, в интересах общества. Сообща мы сможем действовать эффективнее, чем поодиночке. Скажу откровенно, между нами: у нас все плохо с дисциплиной. Мы произносим нужные слова, но рефлекторно. Вы не уважаете меня как старшего по званию.

Мердок опешил.

— Это не…

— Это не ваша вина. В дороге мы — двое мужчин, и только. Никакой структуры. Мне стоило это понять, когда я беседовал с президентом. Мистер Мердок, он гулял по Лафайет-парку в расстегнутой рубашке. Как сказал поэт, «основа расшаталась»[31]. В мир пришла анархия. У анархии нет структуры, она течет, как вода. Мистер Мердок, вам не кажется, что мы полностью утратили структуру? Неужели все настолько запущено?

— Я… не знаю.

— Нас должно быть больше.

---

[31] Примечания: 31

Уильям Батлер Йейтс. Второе пришествие. Перевод Г. Кружкова.

— Да, сэр.

— Можно сказать, мы тоже сбросили кожу. Только в нашем случае кожа — это нормы поведения. Нормы приличия. Теперь мы — голое мясо, с нервами наружу. Мы раздеты. Мы готовы сказать и сделать что угодно, был бы повод.

— Да, сэр, — повторил Мердок, чувствуя, что его дружба с полковником тоже сползает, как кожа, обнажая то, что под ней: тошнотворный обоюдный страх.

После ужина он оставил полковника и поспешил на улицу. Он договорился встретиться с Су в «Рокси» и, если верить его электронным часам, уже опаздывал. После Контакта Мердок носил двое часов: одни на руке, другие — в кармане. Если останавливались одни, он менял батарейку и устанавливал время по другим.

Найти «Рокси» оказалось легко. Это был типичный облупленный кинотеатр; с невзрачного навеса стеной лилась дождевая вода. Мердок быстро проскочил мимо пустой кассы в фойе, где Су зажгла свет.

Она ждала его у входа в зал. На ней была все та же желтая футболка; одна рука упиралась в бедро. От одного взгляда на нее Мердок обмяк.

Возможно, это было лишь следствием долгого

пребывания в чисто мужской компании, но он вдруг почувствовал жгучую подростковую похоть, от которой подгибались коленки. Она была стройной, фигуристой, улыбчивой, хотелось подхватить ее на руки и почувствовать ее тяжесть.

«Су», — произнес он мысленно. Странные имена у этих южан. Он дважды повторил его про себя. «Господи, — подумал Мердок, — смилуйся над солдатом».

— Ты побрился, — заметила она.

Он кивнул и покраснел.

— Сладостей на прилавке не осталось, — сказала Су, — но в холодильнике есть кола. Я поставила пленку с «Сорок второй улицей». Готова запускать. Можем посмотреть прямо в проекторной. Идем. А. У.!

Он молча последовал за ней наверх.

Во время смены пленок она рассказывала о себе. Мердок слушал, изнывая от гормональной лихорадки.

Он следил за ее губами, за тем, как слова срываются с языка.

— Я родилась не здесь. В двух округах к востоку. В городе Тукум-Уош. Его и городом-то трудно назвать, одна заправка да почта. В школу приходилось ездить за тридцать пять миль на автобусе.

Терпеть не могла ту дыру. Впрочем, ничего нового. Не знаю человека, который любил бы свой родной город, особенно если это жопа мира вроде Тукум-Уош. Поэтому я переехала, как только окончила школу. Ради работы. Да, не улыбайся, в Лофтус. Большой город, яркие огни, все дела. Ты, наверное, где только не бывал. Но мне, кроме Лофтуса, ничего не надо, честно. Здесь неплохо. Я работала кассиром в «Кей-марте» и дважды в неделю по вечерам подрабатывала в кафе «Сэндвич-касл» в торговом центре. Нормально жилось. Питалась на скорую руку, зато хватало времени на веселье. У меня был парень. Его звали Дин Эрл. Не хмурься, он ушел. Я не питала к нему особых чувств, но мне нравилось, что по пятницам и иногда по субботам мы ходим в кино, сюда, в «Рокси». Обожаю кино. Смотреть дома не люблю, это все равно что разглядывать коллекцию почтовых марок. И запах не тот. Понимаешь, о чем я? Знаешь, как пахнет кинотеатр? Большинство скажут, что попкорном, но это не так. Летом, когда работают кондиционеры и воздух дует тебе в спину, он пахнет холодным железом и людским потом. Люди заходят, набросив на плечи куртки, вытирают лица платками и ждут, пока по спине не побежит холодок. А потом, когда все охладятся,

гаснет свет и начинается фильм. У меня так сделать, конечно, не получится. Но когда люди стали уходить — понимаешь, совсем уходить, — я сразу подумала: как здорово заполучить «Рокси» в свое личное пользование. И заполучила. Наверное, ты думаешь, что я тронутая. Но тут здорово. Не так, как раньше, но атмосфера осталась. Наверное, я в самом деле тронулась. А. У., не мешай мне ставить фильм! У тебя руки холодные. Еще после дождя не просох? Дрожишь, как щенок. Хочешь переодеться? Знаешь, я подумала о том, что ты промокнешь, и после нашей утренней встречи захватила одежду из «Кей-марта». Размер вроде подходящий. Я подумала, что тебе дождь не помеха. Что ты из тех, кто не прочь погулять под дождем. Снимай рубашку. Свою! Ну, мою тоже можешь снять, если хочется.

Позже Мердок решил, что обязан рассказать ей о себе.

Они лежали на матрасе на полу бывшего кабинета заведующего. Горел слабый свет; не одеваясь, Су уселась по-турецки и закуталась в шерстяные покрывала. Мердок молча любовался ею. Еще пять минут назад они сливались в бурной страсти, Мердоку казалось, что вот-вот — и они прорвут кожу друг друга и поменяются

телами. Теперь она сидела в сторонке, немного отстранившись, но улыбаясь, в ореоле тусклого света от пыльного, залитого дождем окна. Судя по наручным часам Мердока, было уже за полночь. Он почувствовал, что обязан дать разъяснения.

Он рассказал о своем детстве в Юкайе, о том, как пошел в армию и обнаружил в себе технические способности. Как изучил особенности поведения оружия, правила ухода за ним, его слабые и сильные стороны. Оружие — сложное устройство, и малейшее действие, например нажатие на спусковой крючок, может привести к серьезным последствиям: выстрелу, гибели человека, победе или поражению в войне. Но только если все сбалансировано: если с оружием правильно обращаются, если оно не изношено, вычищено, смазано. Оружие захватило его воображение. Мердок зачастую находил окружающий мир запутанным, но отыскал карту, которая помогала не сбиться с пути.

Су внимательно слушала, но понемногу начала хмуриться, и он поспешил сменить тему.

— Потом случился Контакт, я познакомился с полковником Тайлером, и мы занялись стрельбой по индейкам.

— Индейкам?

— Ну, ты видела, что стало с «помощником»?

— Ага. Честно говоря, вы устроили бардак. Взрывом выбило окно в магазине уцененных товаров, из-за чего стойку с журналами залило дождем. И часто вы этим занимаетесь?

Мердок не знал, хвастаться ему или раскаиваться.

— С октября — раз двадцать, в двадцати разных городах.

— Это не опасно?

— «Помощники» не сопротивляются.

«Им незачем», — подумал Мердок.

— Я спрашиваю, не опасно ли это для обычных людей. Гражданских.

— Пока никто не пострадал.

— А. У., без обид, но, по-моему, вы впустую тратите время. — Су принялась грызть ноготь на большом пальце. — «Помощники» довольно быстро восстанавливаются.

— Мы совсем недавно поняли это. А что касается траты времени… не знаю, Су. Полковник Тайлер так не считает.

Мердок до сих пор ощущал во рту вкус ее кожи, ее губ.

«Мы пахнем друг другом», — подумал он.

— Будете продолжать?

— Стрелять? — Он пожал плечами. — Мне уже не хочется. А вот за полковника Тайлера не скажу. Порой мне кажется…

— Что?

— Что он не самый уравновешенный человек в мире.

— Утром и ты выглядел не слишком уравновешенным, — озорно улыбнулась Су.

Вспомнив утро, Мердок потряс головой:

— Господи… эти кожи!

— Да ладно. Что в них такого ужасного?

— Говоришь, — Мердок посмотрел на нее искоса, — эти люди просто растворились в воздухе?

— Вроде того. А. У., они сами этого захотели. Это было их решение. Может, в других городах люди решили остаться во плоти. А здесь… прозвучит глупо, но заняться здесь особенно нечем. Помнишь Контакт? Странники сказали, что со временем людям может надоесть их плоть. Вот. Миссис Корваллис, хозяйка парикмахерской, у которой я снимала комнату, исчезла почти на моих глазах. Мы дружили. Я часто к ней заходила. В конце концов она… не знаю, как объяснить… стала очень бледной. Понятно было, что она уходит. Как фарфор. Очень тонкий фарфор. Легкая, как перина, и почти блестящая. Странники до конца

поддерживали ее. А. У., ты знаешь о неоцитах?

Он кивнул. Это слово произнес медик в Куантико вскоре после Контакта.

— Вот, неоциты не давали ей рассыпаться. Пока она почти полностью не переместилась на другую сторону. Как-то утром я постучала к ней, но она не ответила. Я вошла и увидела пустую кожу. Ничего страшного. Миссис Корваллис была очень рада.

Мердок не смог сдержать дрожь:

— Ты правда думаешь, что это был ее осознанный выбор?

— Я точно знаю.

— Это ужасно, — произнес Мердок.

— А что с другими вариантами? Когда ты умираешь, после тебя тоже остается кожа… и значительно больше. Твои останки хоронят, они гниют. Так чище… к тому же это не смерть. — Су по-прежнему улыбалась, но слабо, почти рассеянно. — А как прошел Контакт у тебя?

— Как у всех, — буркнул он тихо. Ужасное подозрение закралось ему в голову, и он не сразу отогнал его.

— Нет, — сказала Су. — У тебя. Мне интересно.

— Странники пришли ко мне той августовской ночью с предложением. Что тут еще рассказы-

вать?

— Ты отказался.

— Разумеется.

— По какой причине?

— Думаю… нет, глупости какие!

— Расскажи мне, А. У. — Она пристально посмотрела на него своими большими глазами.

— Когда мы переехали из Лос-Анджелеса в Мендосино, отец водил меня гулять в лес. Густой тихоокеанский лес. Мне было лет девять или десять, и лес меня пугал. Секвойи, гирокарпусы… все было такое гигантское. Однажды я заблудился. Всего на полчаса. Папаня нашел меня под деревом. Я думал о лесах, на много миль тянущихся к морю, огромному, способному затопить все города, в которых я жил и бывал, а над этим морем я представлял небо, накрывающее море целиком. Черт. Ты понимаешь, о чем я?

Су с серьезным видом кивнула.

Мердок смутился, но вопреки всему продолжил:

— С тех пор я не доверял ничему, что нельзя подержать в руках или разобрать. Контакт — это вроде как было круто. Мне не стыдно это признавать. Но я как будто снова очутился в том лесу. Все было такое… — Подходящего слова,

чтобы описать свои чувства, Мердок не нашел. — Огромное.

— И ты отказался.

Мердок кивнул.

— Ты хоть раз об этом жалел?

— Ты имеешь в виду, ответил бы я так же, если бы мне предложили еще раз? Не знаю. — Он опять подумал о кожах. — Честно говоря, мне до чертиков страшно.

— А если бы рядом кто-нибудь был?

— Но это невозможно. — Он пристально посмотрел на Су сквозь полумрак.

— Думаю, возможно.

— Но они… Странники сказали, что неоцитов во мне уже нет.

— А. У., если тебе нужен второй шанс, это можно устроить.

Он отшатнулся:

— С чего ты взяла? То есть откуда ты знаешь?

Ее взгляд был глубоко озабоченным.

— Думаешь, можно влюбиться в человека за один день? Мне кажется, можно. Похоже, я влюбилась. Вот дура. — Она вздохнула. — Да, в тебе их нет. Но если захочешь, их можно вернуть. Простого прикосновения недостаточно. А вот поцелуя хватит. Если ты хочешь, еще не поздно.

У Мердока в голове все смешалось. Он схватил брюки, натянул их, отпрянул к стене и уставился на Су.

— Я думал, ты человек! — выдавил он.

— О господи! Я человек! Мне просто захотелось подольше остаться в своем теле. А. У., это правда мой выбор. Мне нравится моя кожа. Но в новой жизни будет новая. Там не просто ангелы по небу парят… но мне хотелось подольше остаться в своей земной коже и в Лофтусе. — Она поникла. У нее был кающийся вид, как у маленькой девочки, которую застукали за воровством печенья. — Нужно было сразу тебе сказать!

Он вспомнил, что видел утром: сухой пергамент в форме руки, кисть, пальцы. Он посмотрел на Су. На кожу, к которой только что прикасался. Представил ее пустой, опадающей на землю, как желатин, или улетающей по ветру над улицей.

«Боже всемогущий, — подумал Мердок, — я же обнимал ее! И все это время…

…все это время она была одной из них…

…внутри, под кожей, одной из них…»

— Прошу тебя, А. У., не уходи! — взмолилась она. — Умоляю! Я все объясню!

Чудовище хотело объясниться.

Мердок тряхнул головой и бросился к выходу,

забыв форму. Он не хотел снова ее надевать. У него была другая одежда. А сейчас ему хотелось, чтобы дождь умыл его. Отмыл начисто.

Джон Тайлер положил табельный револьвер на стол напротив кровати, так чтобы держать его на виду. Созерцание оружия придавало уверенности. Револьвер был осязаем и весóм. Своего рода инвестиция, которая в будущем принесет дивиденды.

Он задумался о верности.

По мнению Тайлера, верность была краеугольным камнем всего сущего. Основой нормальности. Верность не оставляла пространства для маневра. Верность была точной величиной.

Он начал сомневаться в верности Мердока.

Тайлер сидел у залитого дождем окна и наблюдал за темной центральной улицей Лофтуса, когда Мердок ввалился в номер.

Выглядел он нелепо: голый по пояс, босой, в мелких порезах от ночного хождения по битому стеклу.

Над ним можно было бы посмеяться, если бы не выводы, которые напрашивались. Выводы о том, что Мердок говорил и что держал в тайне… об этом городе и верности Мердока Тайлеру.

Когда Мердок скрылся в соседней комнате,

Тайлер поднес ухо к стене. Слушать было нечего. Сначала долго лилась вода в душе, затем все стихло.

Тайлер развалился в кресле.

Он уже двое суток не спал и не выходил из комнаты с тех пор, как Мердок показал ему восстанавливающегося «помощника». К нему возвращалось безумие, но Тайлер успел забыть, что с безумием приходила и ясность ума. Безумие позволяло видеть вещи в истинном свете, принимать решения, на которые он иначе не отважился бы.

Он готов был признать, что это безумие — наследственное, то же, что было у Сисси. Сисси слышала голоса. В этот день Тайлер слышал целый хор голосов, еле внятных. Лишь прислушавшись, он разбирал слова — те же самые, что, должно быть, пугали и возбуждали его мать. Но голоса Тайлера не волновали. Они были тем, что врачи называют эпифеноменом, придаточным симптомом вроде причудливой стерильности желтого света от электрических ламп в номере или кисловатого запаха табака, которым пропиталась мебель. Может, Сисси это и сбивало с толку. Но Тайлер был другим.

Его завораживала ясность и скорость собствен-

ных мыслей. В паутине смыслов он видел важные нити, связывавшие события между собой.

Это было и ужасно, и прекрасно.

Полковник Тайлер тщательно изучил эти нити, мысленно потянул их туда-сюда. Близился рассвет. Дождь не прекращался уже двое суток.

Ранним утром Мердок постучал в его дверь.

Тайлер поднялся и открыл дверь ровно в тот момент, когда Мердок собрался постучать снова.

— Сэр, — начал Мердок, — я передумал. Вы правы. Нужно уезжать отсюда.

Тайлер осмотрел молодого солдата с головы до ног.

— Дерьмово выглядите, мистер Мердок. Похоже, вы не спали.

Мердок удивленно моргнул:

— Не сочтите за дерзость, сэр, но вы и сами не розами пахнете.

— Дождь продолжается, — с удовольствием отметил Тайлер.

— Да, сэр, но…

— Вчера вы весьма убедительно объяснили, почему по горным дорогам нельзя ездить в такую погоду.

— Да, сэр, но, как вы сами сказали, не нужно бояться какого-то дождя. Думаю…

— Нет. Я принял вашу точку зрения. Нужно соблюдать осторожность. Если нас смоет селем, мы не сможем вызвать на помощь службу девять-один-один. Таковы новые реалии, мистер Мердок.

— Все верно, сэр, — расстроенно произнес Мердок. — Но…

— Мы можем позволить себе задержаться еще на день.

— Так точно, сэр. — Кажется, Мердок сдался и понурил голову.

— Или дольше.

— Сэр?

— В зависимости от погоды.

Эта маленькая победа воодушевила Тайлера, и вечером он почувствовал, что готов бросить вызов дождю. Он проскочил через улицу к магазину одежды, нашел желтый дождевик и отправился исследовать ближайшие окрестности.

В маленьком городке могло не найтись того, что он искал, но вдруг?

Он шел по умытым дождем улицам Лофтуса, внимательно разглядывая каждую крышу. Он искал антенну.

На некоторых домах стояли древние телевизионные антенны, на лужайках других гигант-

скими грибами высились спутниковые тарелки. Большинство, как предполагал Тайлер, были подключены к кабельному телевидению. Но ему нужна была не телевизионная антенна. Тайлер продолжал поиски — причудливая фигура в желтом, единственное цветное пятно посреди серых пустых улиц.

К пяти вечера почти стемнело. Тайлер приготовился возвращаться, но вдруг на востоке на узенькой улочке заметил радиовышку с антенной на фоне иссиня-черного неба.

Улыбнувшись, Тайлер поспешил к нужному дому и выбил ногой входную дверь. Щелчок выключателя — и вот он, свет. Было удивительно, более чем удивительно, что электричество еще работало. В каждом из этих захолустных городов через розетку можно было получить стодвадцативольтовый ток, как обычно. Даже лучше, чем обычно, без перебоев и отключений. Но решение этой загадки Тайлер отложил на потом.

В доме он нашел две кожи, о которых знал по рассказам Мердока. Он рассмотрел их со слабым отвращением, потыкал носком ботинка. Кожи были сухими, похожими на змеиные, и Тайлер понял, почему они так напугали Мердока.

Но в то же время они были мертвыми, неспособ-

ными причинить вреда, и Тайлер решил просто не обращать на них внимания.

Искомое нашлось в подвале. Там была маленькая комната, украшенная старыми кодами и карточками-квитанциями, подтверждавшими проведение сеансов связи между радиолюбителями. На корявом сосновом столе стоял достаточно новый приемопередатчик «Кенвуд».

Тайлер сразу включил его, желая убедиться, что все в порядке. Панель зажглась, в колонке затрещали помехи.

Кого можно было там найти? Чьи голоса даже сейчас прятались за этим трескучим шепотом?

Может, ничьи. А может, голоса целой кучи выживших. Один американец из десяти тысяч — достаточно много. И никто из них наверняка не знал о нем, полковнике Тайлере. О Штутгарте и других его залетах. Никто не знал, что он едва не застрелил президента. Среди этих людей у него не будет прошлого. Он станет новым человеком, таким, каким видел себя в зеркале.

Он осторожно принялся настраивать радио. Тишина разочаровывала, но он не сдавался и спустя несколько часов, далеко за полночь, услышал слабый голос Джоуи Коммонера, вызывавшего Бостон, Массачусетс.

Анализируя последующие события, Тайлер пришел к следующему выводу: «Не стоило играть с пистолетом». Это пистолет все испортил.

Вернувшись в гостиницу, он застал Мердока за жаркой гамбургеров. Тайлер не был голоден, вдобавок его головная боль усилилась. После ужина Мердок принес в комнату ящик пива. Тайлер пил бутылку за бутылкой, не отставая от него. Учитывая обстоятельства, это было неблагоразумно. Алкоголь мешал здраво мыслить.

Он долго и несвязно рассуждал о своих великих идеях, о верности и рассудке.

— В конце концов, — говорил он Мердоку, — все сводится к послушанию. Послушание и рассудок — одно и то же. Вы согласны, мистер Мердок?

Мердок, которого обильный прием «Курса» сделал еще более нервным, устало посмотрел на Тайлера:

— По правде говоря, сэр, я понятия не имею, о чем вы.

— Ни хрена себе признание.

— Вот как? И что вы хотите этим сказать? — Мердок разъярился. — Хотите меня оскорбить? Господи! Клянусь, я не понимаю, что вы несете. То строите из себя бравого ветерана, то мямлите, как университетский профессор. Я даже не понимаю,

зачем мы пытаемся поддерживать армейские порядки. Все эти «есть, сэр», «полковник, сэр». Только потому, что у вас шомпол в жопе застрял. «Я такой крутой, отдавайте мне честь». К чертям собачьим это все. Джон, это не просто тупо, это отдает безумием.

Такая резкость задела Тайлера.

— Эпиктет, — произнес он.

— Что? — сердито переспросил Мердок.

— «Беседы». Эпиктет писал: «Что же ты расхаживаешь перед нами так, словно вертел проглотил?»[32] Вертел, шомпол — почти одно и то же. Эпиктет был стоиком. Римским рабом, получившим образование. Зря вы меня оскорбляете, мистер Мердок.

— Я только хотел…

Но взгляд Тайлера уже устремился к лежавшему на столике револьверу. Спонтанно, одним движением руки полковник схватил оружие.

Мердок вытаращил глаза.

Револьвер был старомодным. Тайлер показал Мердоку пустой барабан.

— Пусто, — сказал он. Затем взял один патрон, показал его, зажав большим и указательным

---

[32] Примечания: 32
Перевод Г. Тароняна.

пальцем, и сунул в барабан.

Или притворился, что сунул. На самом деле он спрятал патрон в рукаве, но так, чтобы Мердок не видел.

— Один патрон, — сказал Тайлер и не глядя крутанул барабан.

Он приставил револьвер к виску. Жест был привычным, но он еще ни разу не демонстрировал его в присутствии другого человека. От этого ему стало не по себе, голова закружилась, он будто потерял связь с Мердоком, комнатой и всем окружающим миром.

Глядя прямо на Мердока, он спустил курок. Щелк!

И снова крутанул барабан.

— Вот почему я выше тебя, убогий щенок. Я способен на такое.

Мердок, специалист по оружию, наверняка представлял в голове внутренний механизм револьвера, ударник, находящий лишь воздух — или нет. Щелк!

— Я могу сделать это, не поведя бровью. А ты?

Мердок отшатнулся от револьверного дула, словно вогнанный в кресло невидимым ветром. Кадык дергался, и Тайлер с удовольствием наблюдал за этим. Казалось, из Мердока рвется наружу

нечто более весомое, чем простые слова.

— Господи, — сдавленно произнес Мердок, — прошу вас, господи Иисусе, прекратите!

— Вот почему ты обращаешься ко мне «сэр». Ясно?

— Да! Да, сэр!

— Не верю.

Щелк!

— Господи боже, положите пистолет! Не издевайтесь надо мной!

Объятый ужасом Мердок вцепился в подлокотники. В стерильном свете гостиничных ламп отчетливо виднелся циферблат его наручных часов. Тайлер проследил за мигающими цифрами, отсчитал тридцать секунд, положил револьвер.

— Утром уезжаем, — с улыбкой сказал он Мердоку.

Мердок раскрыл рот, но не смог издать ни звука. Он поднялся, пошатываясь, ошалело посмотрел на Тайлера и вышел, закрыв за собой дверь.

Голова Тайлера раскалывалась.

Позднее он стал искать пулю, которую спрятал, но не нашел ее ни в рукаве, ни в кармане, ни на полу. Тогда он открыл револьвер и увидел ее в барабане — там, где она должна была быть, согласно представлению Мердока. Это несколько озадачи-

ло его. Нельзя допускать такую оплошность.

Мердок не спал весь остаток ночи, заперев дверь своей комнаты и закрыв ее на цепочку. Он не мог даже сомкнуть глаз — каждый раз, делая это, он видел наставленный на него табельный револьвер Тайлера.

Или бледную, обнаженную Су Константин в темной комнате.

Или пустую человеческую кожу, валявшуюся в старом доме.

«Господь всемогущий, — думал он, — а если бы Тайлер меня застрелил?» Он не превратился бы в кожу. Стал бы обычным трупом. Грязным, как выразилась бы Су.

Она рассказывала о пропавших людях так, будто те куда-то уехали, и больше ничего. Неужели это правда? Да, Странники именно это и обещали. Мердок уже плохо помнил Контакт, словно сон, подробности которого теряются с пробуждением. Но ему совершенно точно обещали новую жизнь, одновременно во плоти и вне ее… учитывая глубину Контакта, это не казалось удивительным.

«Еще не поздно», — сказала Су.

Почему он запомнил эти слова?

Его в самом деле соблазняло это предложение? Возможно ли такое?

«Нет, это ужасно, — думал Мердок. — Не хочу становиться пустой кожей на пустой улице вроде брошенной кем-то бутылки».

Они сами сделали выбор. Нет. Вранье. Но Су не была похожа на лгунью.

Он представил, как путешествует дальше с Тайлером, как тот окончательно слетает с катушек, палит ракетами во все подряд и, чтобы не потерять связь с миром, разрушает все, что от того осталось.

«Господи, — в сердцах повторял Мердок, — я ведь даже не знаю, где нахожусь! Где этот Лофтус? Его даже на карте не найти!».

«Я потерялся», — думал Мердок.

В окно колотил дождь.

Поворочавшись, он успел поспать один час до рассвета.

Когда Тайлер проснулся, то с сожалением вспомнил вчерашний инцидент и постарался вести себя так, будто ничего не произошло. Он постучал в дверь Мердока и попросил, чтобы тот помог загрузить «хаммер». Мердок кивнул и принялся складывать кухонную утварь. Тайлер подумал, что с утра, протрезвев, оба они чувствуют себя сконфуженными.

Они собрали личные вещи и отнесли к заправ-

ке «Эксон», где был надежно укрыт «хаммер». Тайлер сложил багаж сзади и убедился, что все надежно пристегнуто. Мердок тоскливо и рассеянно наблюдал со стороны.

Тайлер сел на пассажирское сиденье, дожидаясь, пока Мердок не займет место за рулем. Дать Мердоку вести машину было своего рода извинением за вчерашнее, благородным жестом.

Но Мердок не шевелился.

— Сэр, — произнес он. — Кажется, я забыл кое-что в номере.

— Что, сержант? — Тайлер достал из нагрудного кармана солнцезащитные очки и принялся протирать их платком.

— Компас, — буркнул Мердок.

— Разве вы не положили его вместе с посудой? Мне казалось, я его там видел.

— Сомневаюсь, сэр. — Мердок даже не подумал подойти и проверить.

Воздух в гараже был тяжелым. Пахло бензином и растворителем.

«Мрачное место, — подумал Тайлер. — Мрачное, гнетущее место».

— Это дешевый компас, — сказал он. — Такой можно найти где угодно.

— Проще мне сбегать обратно, сэр.

— В гостиницу?

— Так точно, сэр.

Тайлер раскусил обман и понял его значение. Ему стало очень грустно от этого неуклюжего предательства.

— Ладно, — сказал он. — Только живо, сержант.

— Слушаюсь, сэр, — с нескрываемым облегчением ответил Мердок.

— Я вас жду.

— Да, сэр.

Полковник Тайлер внимательно смотрел, как его молодой светловолосый друг выходит из гаража. Дождь прекратился, и утренний свет на миг окружил голову Мердока подобием нимба. Затем Мердок свернул в тень высокого здания и скрылся.

Он нашел Су в кабинете управляющего «Рокси». Девушка только что проснулась; из одежды на ней была только серая кофта, почти до колен. Когда вошел Мердок, она подняла голову.

Утром комната выглядела совершенно иначе. Сквозь маленькое окно под самым потолком лился солнечный свет. Старый деревянный паркет блестел. На матрасе были беспорядочно свалены одеяла, как будто девушка тоже не спала.

— Су… — начал он.

— Не оправдывайся, А. У. Я все понимаю. — Она встала. — Знаю, зачем ты пришел. Все хорошо.

Он испугался как никогда. Сильнее, чем под дулом револьвера Тайлера. Порыв, которому он поддался, теперь казался глупым, безрассудным.

Она приблизилась.

— Не знаю, — промямлил он. — До сих пор не уверен, что…

— Это не больно.

«Про уколы так же говорят, — подумал Мердок. — И про лечение зубов».

— Это просто жизнь. — Су дотронулась до него. Положила руки на плечи и наклонила голову. — Только новая.

Мердок закрыл глаза и поцеловал ее.

Видимо, в этот момент неоциты проникли в его тело. Он этого не почувствовал. Не случилось ничего страшнее прикосновения ее губ. Мердок понял, что она по-прежнему пахнет как Су, имеет тот же вкус. Страх покидал его.

— Теперь мы можем быть вместе, А. У. — Она шагнула назад и улыбнулась. — Сколько захотим.

Не успел он ответить, как почти одновременно случилось три события.

Дверь распахнулась, ударив Мердока в грудь и отбросив в сторону.

Джон Тайлер ворвался в комнату с револьвером.

Раздался звук, похожий на треск сломавшегося толстого сука, — револьвер выстрелил, и от головы Су Константин остались кровавые ошметки.

Тайлер еще трижды выстрелил в распростертое тело девушки. Бах, бах, бах! Приятно было ощущать отдачу в руке и плече.

Он сделал очевидные выводы из молчания Мердока, его ночных вылазок, истерик, внезапного желания уехать, а затем остаться. Теперь ему хотелось сказать: «Смотри, их все-таки можно убивать. Она умерла, как обычный человек».

Ее кровь была темной, густой, необычной. Вид тела на несколько секунд заворожил его.

Затем он спохватился и вспомнил о Мердоке, но тот уже выскочил в открытую дверь.

Плохо.

Тайлер поспешил в фойе, потом на улицу.

Мердок пробежал уже целый квартал, лихорадочно дергая дверцы стоящих машин. Мердок променял его на девчонку. Может, Мердок и сам уже заражен; симптомы были налицо, да еще эти слова, которые Тайлер услышал через дверь:

«Теперь мы можем быть вместе».

Тайлер прицелился. Солнце отражалось от бамперов и стекол припаркованных машин, и Тайлеру пришлось сдвинуться в тень.

Мердок заметил его и метнулся в укрытие. Револьвер дрогнул, и пуля прошла мимо; Тайлер видел, как она выбила облачко кирпичной пыли из стены автомастерской. Мердок пригнулся и торопливо двинулся к следующему автомобилю, старому «форду». Тайлер быстро, но спокойно вышел на проезжую часть и встал в стрелковую стойку.

Он начал нажимать на спусковой крючок ровно в тот момент, когда дверь «форда» распахнулась и Мердок вскочил внутрь.

Тайлер выругался, но сделал поправку на движение. Револьвер снова взбрыкнул в его руке.

Он заметил, как Мердок дернулся при попадании пули. Из левой ноги брызнула кровь: ранение в бедро или чуть ниже. Дверь машины захлопнулась, мотор дважды буркнул, едва не заглохнув, но потом зарычал. Мердок дал газу, и «форд» с визгом скрылся за поворотом. Тайлеру оставалось лишь проводить его взглядом. Автомобиль ушел в занос, как будто за рулем был пьяный, задним бампером чиркнул по фонарному столбу

на левой стороне улицы, но быстро выровнялся и помчался на запад.

Тайлер развернулся и побежал к «хаммеру»… но до заправочной станции было три квартала. Драгоценное время упущено.

Он ехал по шоссе на запад целый час, но не заметил «форда». Должно быть, Мердок свернул на одну из множества проселочных дорог или спрятал машину в каком-нибудь сарае, за рекламным щитом или даже в закоулках Лофтуса.

«Но я его ранил», — не без удовольствия подумал Тайлер. Врачей поблизости нет, и, возможно, без медицинской помощи ему все равно придет конец.

Это было делом принципа. Мердок отверг свою человечность. Без него Тайлеру будет лучше. Мердок много времени наблюдал за его чудачествами. Мердок видел, как он застрелил девчонку. Такой багаж лучше не брать с собой.

Он съехал на обочину далеко за границей Лофтуса, остановился на освещенном ноябрьским солнцем клочке земли и прислушался к тишине. Эта тишина была ему в новинку; она олицетворяла его одиночество в мире, который продолжал пустеть. Мердока больше не было рядом. Рядом больше не было второго голоса, второй лично-

сти. Остался только Тайлер; Тайлер наедине с Тайлером и другими голосами, голосами Сисси, шептавшими с деревьев, из земли, из воздуха.

Ранение Мердока было серьезнее, чем думал полковник.

Пуля вошла в бедро, раздробила кость и вышла наружу, оставив круглую открытую рану. Сиденье «форда» моментально пропиталось кровью. Боль ослепляла, но Мердоку не давала отключиться память о мертвом теле Су Константин и наставленном на нее револьвере Тайлера.

Он промчался на полной скорости два квартала, свернул направо и заехал в первый попавшийся на глаза пустой гараж.

Спрятать машину там было нельзя, но в сумраке Тайлер вряд ли разглядел бы ее. Выбора у Мердока не было. Либо остановиться здесь, либо потерять сознание посреди улицы. Вынужденный жать на газ и тормоз одной правой ногой, он чересчур разогнался, и «форд» влетел в гараж, врезавшись в сосновые стеллажи. В капот вонзились садовые ножницы, а банка растворителя едва не пробила лобовое стекло.

Мердок успел выключить двигатель, после чего погрузился в забытье посреди горячего соленого запаха собственной крови.

«Помощник» оперативно отреагировал на сигнал тревоги, посланный находившейся в подвешенном состоянии душой. Изменение организма только началось, но неоциты в теле Мердока передавали плохие новости: организм ждала неизбежная смерть.

В то время как Тайлер ехал на запад по шоссе М-998, подскакивая на выбоинах и тщетно ища «форд» Мердока, восстановившийся «помощник» покинул свой пост в центре Лофтуса и заплыл в гараж, где умирал Мердок.

Он быстро приблизился к машине со стороны водителя и остановился. Стояло безмолвие, лишь из разбитого радиатора тихо капал антифриз.

У «помощника» было много сознаний, в том числе человеческие. Одно принадлежало Су Константин, недавно убитой полковником Тайлером. Ее тревога была тревогой «помощника».

Он смотрел на истекавшее кровью тело Мердока с грустью и жалостью.

Если Мердок умрет — а он был уже при смерти, — то навсегда. Времени организовать переход, вырастить другого Мердока для переселения его сущности, не оставалось. Был только один хрупкий плазматический Мердок, в котором жила жалкая горстка неоцитов. Они успели размно-

житься лишь несколько сотен раз и не составили картограмму тела Мердока, не изменили его существенным образом.

Но Мердок сделал свой выбор. Его смерть не была добровольной. Странникам это претило.

«Помощник» материализовал руку и сунул в окно машины. Стекло рассыпалось мелким серым порошком. Рука протянулась дальше, в салон, и дотронулась до поврежденного тела Мердока.

Из «помощника» изверглась масса пропорционально уменьшенных частиц. Миллионы его подэлементов рьяно принялись за новую работу: запечатывали порванные кровеносные сосуды, оберегали и заново разжигали искры плазматической жизни.

Вскоре Мердока окутал гладкий черный кокон.

Кокон был неподвижным, как и завернутый в него Мердок. Внутри кипела активность, но заметить ее невооруженным глазом было нельзя. Внешне ничего не менялось.

Проходили дни и ночи. Небо над гаражом затянуло тучами.

На протяжении всего декабря то и дело случались грозы.

Мердок очнулся в январе.

Он был один в машине; «помощник» вернулся

на прежнее место. Мердок открыл дверь и выбрался на свет.

Серое, хмурое небо. Той зимой повсюду стояла мрачная, опасная погода. Стоило ожидать бурь.

Неоциты по-прежнему трудились у него внутри. Мердок мог бы сразу переместиться в новую, виртуальную жизнь, но он не закончил с плотской… ему помешал выстрел Тайлера.

Он хотел кое на что взглянуть.

Он не мог точно сказать, на что именно, в прямом смысле не мог: ни себе, ни кому-нибудь еще. После ранения он оказался на грани смерти, кровь слишком долго не поступала в мозг. Неоциты восстанавливали погибшие ткани, но их работа была непростой и медленной. Они буквально собирали сущность Мердока из разрозненных частей. Он оставался собой, но не мог говорить и тем более водить машину. Значительная часть нейромышечной памяти еще не восстановилась.

Немой, он взял курс на закат.

Он брел несколько недель. Ноги стали невероятно сильными, а его выносливость, казалось, не знала границ. Погода почти не беспокоила Мердока, а безмолвная связь с Артефактом позволяла избегать наиболее сильных ураганов и гроз. Он укрывался в заброшенных зданиях, штормовых

убежищах, оврагах.

Иногда он спал прямо под дождем. Его тело претерпело внутренние изменения, и его не тревожили ни жара, ни мороз. Он перестал нуждаться в пище и ел редко, зато вдоволь напивался, когда натыкался на источник воды.

Он перешел Миссисипи у Кейро и углубился в прерию, где бури были особенно сильными. Как-то ночью, свернувшись калачиком в трубе у недостроенной эстакады, он наблюдал за тем, как на западе горизонт закрывает ровная белоснежная стена. Ветер гремел так, будто по небу один за другим шли товарные поезда. После полуночи, когда снег почти завалил оба конца трубы, к нему заползла жалкая, насквозь промокшая дикая лисица. Лисица боялась Мердока, но еще больше — снежной бури. Мердок напряг свою оболочку и позволил лисе слегка пожевать палец, без всяких последствий, пока животное не устало и не перестало бояться. Тогда он взял лису под бок и стал согревать ее. Наконец оба уснули.

Наутро лисы уже не было, но Мердок с радостью и удивлением вспомнил название животного. Лисица. Это животное — лисица.

— Лисица! — произнес он вслух.

Одно-единственное слово едва не порвало ему

глотку. Но ему было все равно. Вновь обретенная способность говорить привела его в восторг.

— Лисица!

Он двинулся на северо-запад по покрытой мерцающим голубовато-белым снегом дороге.

— Лисица! — восклицал он время от времени, и это слово разносилось над пустыми зимними полями. — Лисица! Лисица! Лисица!

В конце зимы Мердок пересек Канзас и границу Колорадо, где и увидел то, за чем шел: Дом, о котором слышал от Странников.

Вот что манило его. Вот почему он цеплялся за свою плоть. Самая упрямая частичка А. У. Мердока хотела своими глазами увидеть это чудо.

Издалека Дом выглядел как гора, скрытая дымкой бело-голубая выпуклость на горизонте.

Мердоку повезло, что на восточных склонах Скалистых гор небо прояснилось. Если повезет, такая погода продержится, пока он не подойдет ближе. Но было сложно прикинуть расстояние. Сколько еще миль шагать? Сколько до горизонта и сколько — после него?

Он шел день и ночь, и еще один день и одну ночь.

С каждым днем нервные клетки восстанавливались, и к нему возвращались слова. Эффект был

отчасти комическим: порой Мердок внезапно останавливался посреди дороги, поднимал указательный палец и объявлял безучастному воздуху о новом слове:

— Окно! — А позже: — Забор!

Имена собственные представляли большую сложность. Он с трудом мог произнести даже собственное имя.

— Мердок, — неуклюже, коряво выговаривал он.

Он не мог вспомнить, как звали девушку, встреченную им в Лофтусе, хотя отчетливо помнил ее и часто ощущал ее незримое присутствие. Имя вертелось на языке, сводя его с ума, но упорно отказывалось срываться с языка.

— С… с… с… — старался он день за днем, пока не уставала челюсть.

Дом стоял на горизонте, становясь все ближе. Невозможно было оторвать взгляд от этой чудесной голубой жемчужины под белой шапкой. Снежной шапкой. Дом, как горная вершина, возвышался на пятьдесят тысяч футов, уходя высоко в разреженный воздух, где всегда было темно и никогда не таял снег.

Странники беззвучно, но в ярких красках описали Мердоку процесс создания Дома. Несколько

месяцев назад, в ночь Контакта, одинокий микроскопический неоцит — своего рода семя — упал на засушливую равнину на границе Колорадо и Вайоминга. Организм Странников мгновенно начал множиться. Из одного неоцита получилось два, из двух — четыре, четыре стали восемью, менее чем за час их число достигло миллиона, затем двух, четырех миллионов. Организмы создавали себя из почвы, песка, воды, воздуха и света. Когда их стало достаточно много — несчетное количество, — они сложились в машины, в устройства размером с города.

Для строительства Дома требовались тонны сырья. Строительные машины рыли землю, так что на месте прерии постепенно образовался кратер и стадам антилоп пришлось уйти. Но это был лишь первый шаг, довольно скромный. По мере приближения Мердок чувствовал ритмичные толчки и понял, что под немыслимой массой Дома открылся канал, что вел прямиком в земную магму.

Погода оставалась ясной, но с запада постоянно дул холодный ветер. Чем дальше Мердок забредал, тем больше он слабел.

Он почувствовал, что не сможет подойти к Дому настолько близко, насколько хотел. Условия

были неподходящими. Ветер вихрился вокруг сферы диаметром более тридцати миль, создавая зоны турбулентности, где его могло просто сдуть. От магмы поднимались смертоносные испарения, а жар на дне кратера был нестерпимым для человека.

Но все-таки он мог подобраться чуть ближе.

— С… — выдавливал он. — С… с…

Этого было недостаточно.

Ночью снова пошел снег.

Крупный, зернистый, сквозь который было тяжело идти. Мердок поспал в заброшенном мотеле «Бест вестерн», в коридоре, подальше от разбитых ураганом окон, а наутро продолжил путь. Компас, прикарманенный в Лофтусе, и карта не давали сбиться с пути.

Но погода скрыла от него Дом.

Плохая погода установилась прочно и не собиралась никуда уходить. Три дня Мердок шел наобум, пока его не остановили мощный подземный толчок и едкий горячий ветер, от которого на земле таял снег.

Мердок чувствовал, как его тело с каждым днем становится все легче. Когда он достигнет цели, можно будет отпустить плоть; он это понимал. Но его беспокоило, что процесс идет слишком

быстро: до улучшения погоды не успеть.

Он свернулся клубком под брезентом на заправке, то проваливаясь в сон, то пробуждаясь, слушая, как тяжелый снег сыплется на крышу, бензоколонки и пустую дорогу.

Прошло сколько-то времени. Он не знал, какой сейчас день и месяц. Лишь когда прекратился снегопад, он понял, что уже за полночь.

Его окружала тишина. Мердок неуклюже поднялся и выскочил на улицу.

Тучи разошлись. На небе виднелись звезды, яркие, как всегда в прерии, и легкие следы перистых облаков.

И Дом.

У Мердока захватило дух.

В небе возвышалась стена. С его точки обзора она казалась усеченной; купол будто грозил обрушиться и раздавить его. Звездный свет отражался от снежного полумесяца на его вершине, но почти всю эту часть сферы заслонял ближайший склон. Нижняя часть Дома не была монолитной, напоминая сетку из белоснежных балок и перекладин, на вид тонкую, как паутина. Но Мердок понимал, что на самом деле каждая балка должна быть шириной с город и длиной с шоссе.

Изнутри Дом был подсвечен пыланием магмы

и причудливым перламутровым сиянием ядовитых газов.

Время от времени по балкам и перекладинам пробегали голубые шарообразные молнии. Вдали раздавались монотонные раскаты грома. Прежде приглушенные снегом, они отчетливо разносились в холодном ночном воздухе прерии.

Резко подул ветер, и Мердоку пришлось ухватиться за опоры бензоколонки.

Перед ним была самая удивительная и прекрасная вещь из всех, что он видел в жизни. Он чувствовал себя хрупким, но в то же время испытывал благодарность и воодушевление, оказавшись во власти стихии, оставшись один на один с этим зрелищем. Его форма износилась до дыр. Он чувствовал, как внутри нее теплится его сущность. Ради этого момента он так долго держался.

Мердок открыл рот, чтобы воскликнуть, чтобы выразить свой человеческий восторг. Но с языка сорвалось:

— С… с… Су!

Он почувствовал ее присутствие.

Он почувствовал ее так сильно, что закрутил головой по сторонам. Конечно, он был один. Она была с ним, но не здесь, а в новой жизни. Он

поднимался в воздух. Становился легче воздуха.

Мердок смотрел, как Дом вырастает из прерии, дивился его невероятным размерам, восхищался игрой света внутри и отражению Дома на снежной равнине.

— Су, — слабо, но гордо повторил он. И она потянулась к нему.

Ветер подхватил то, что осталось от Мердока, лохмотья формы и кожу, и унес далеко за снежные равнины Колорадо, далеко за горные вершины.

Глава 22. Плоть

Ветреным январским утром Том Киндл обнаружил во дворе, на голом кусте азалии, человеческую кожу.

Кожу принесло ветром — рваную, утратившую кое-какие куски, выцветшую так, что она стала почти бесцветной. Киндл даже подумал, что к его порогу принесло призрака.

Осмотрев диковинку, Киндл вернулся в теплый дом и позвонил Мэтту Уилеру.

Мэтт бросил на пассажирское сиденье свою врачебную сумку и быстро приехал в Дельмар. Однако, если он правильно понял Тома Киндла, работы для врача там не было; разве что для патологоанатома.

Он внимательно, но без эмоций осмотрел кожу, зацепившуюся за ветки азалии.

— У тебя есть щипцы? — спросил он Киндла.

— Что-что?

— Кухонные щипцы, для барбекю.

— Ну… вроде бы Эбби приносила такие. Подожди.

Он скрылся в доме и вскоре вернулся со щипца-

ми. Рукоятки были из яркой синей пластмассы, рабочая поверхность — из нержавеющей стали. Мэтт приподнял с их помощью кожу, отцепил от куста и отнес в гараж, подальше от ветра.

Аккуратно положив кожу на покрытый пятнами от бензина пол, он принялся методично разворачивать ее, пока она не стала похожа на полупрозрачное изодранное трико. Одна нога была оборвана ниже колена. Одной руки не хватало целиком. От головы тоже мало что осталось.

— И кого это нам принесло, черт побери? — задался вопросом Киндл, не подходя слишком близко. — Я хочу сказать, это ведь человек? Труп? Или просто чья-то… часть?

Мэтт склонился над кожей. Его она не пугала, не вызывала отвращения. В интернатуре случалось видеть кое-что похуже. Но из предосторожности он не стал прикасаться к ней голыми руками.

— Впервые это вижу.

— Впервые? — удивился Киндл. — А кто-то уже видел?

— Тебя не было на воскресном собрании. Боб Ганиш нашел пару таких в соседском доме. Пол Джакопетти говорит, что в его округе все фермы опустели. Остались только такие вот кожи.

— Господи, Мэттью! Пустые кожи?

Он кивнул.

— А с людьми что?

— Ушли.

— Куда?

Мэтт пожал плечами.

— И что, — спросил Киндл, — всех ждет такая участь?

— Скорее всего. Рано или поздно. Кроме нас, разумеется. Эбби волнуется за мужа и внуков. Говорит, они… худеют. Бледнеют.

— Господи, — повторил Киндл. — А как же…

Он остановился. Но вопрос был очевиден: «А как же Рэйчел?»

Мэтт не решался сформулировать ответ, даже про себя.

Киндл оглядел хрупкий конверт на полу гаража.

— Мэттью, что… что мне с этим делать?

— Отнеси обратно на улицу. Пускай летит. Долго не сохранится; после нескольких дней на солнце обратится в прах.

— Небогатое наследие, — заметил Киндл.

— А где есть богатое?

Мэтт вернулся домой к Рэйчел.

Она пришла утром и намекнула, что это, вероятно, ее последний визит. Мэтту не пришлось

долго размышлять, чтобы связать это с появлением кож по всему Бьюкенену. Но догадка была столь пугающей, что он старался об этом не думать. Ему не хотелось даже представлять пустую оболочку Рэйчел, его дочери, брошенную на произвол ветра и холодного дождя. Боже милосердный, только не это.

Он рассказал ей, зачем звонил Том Киндл. Описал кожу во всех медицинских подробностях, сделавшись справочной машиной: то был его последний и единственный аргумент. Окончив рассказ, он покачал головой, шокированный своей же историей.

— Рэйчел, это нечеловечно. Знаю, что ты скажешь. Но… это не то, что должны делать люди.

Он ожидал возражений. Но дочь лишь кивнула:

— Может, ты и прав.

Она была бледной, почти бесплотной. В ее движениях появилась невиданная легкость, но этого Мэтт тоже старался не замечать и не обдумывать.

— Может, изменилось слишком многое. Может, слово «человек» к нам уже неприменимо, — печально сказала Рэйчел. — Я не чувствую себя как-то по-другому. По большей части я прежняя

Рэйчел Уилер. Но теперь я стала как бы многослойной. Вижу вещи с новых ракурсов. Если я оставлю это… — Она обвела рукой себя, свое тело. — Рэйчел ли я? Человек ли я? Не знаю.

Она как будто признавалась в страшной смертельной болезни.

И кажется, уловила мысли Мэтта. В последнее время она стала способна читать малейшие нюансы выражения его лица, хотя он изо всех сил скрывал свою печаль.

— Папа, мне не жаль. Ничего. Ты врач и должен понимать, скольких людей спасли таким образом. Сколько пациентов с тяжелой формой рака удалось вылечить в нашей больнице? И сколько — с болезнями сердца? А если взять весь мир, где царят голод и недоедание, где рушатся жизни… Господи!

Но Мэтт никак не мог забыть принесенную ветром кожу, жалкое, но неопровержимое доказательство печального факта, висящее на голом кусте азалии у дома Тома Киндла.

— Рэйчел, а так лучше?

— Да, — твердо ответила она. — Так не могло продолжаться. Планета нас не выдержит. Мы уничтожаем ее, и скоро она уже не сможет восстанавливаться. Нужно было что-то менять. Людям

нужно было что-то менять. Кто, по-твоему, ответил «да» во время Контакта? Кто согласился на вечную жизнь? Да почти все. Все, включая диктаторов, воров, педофилов, убийц… люди, которые убивали других за часы, за кроссовки. Люди, которые издевались над детьми на глазах у их родителей. Но у бессмертия была цена. Они должны были осознать, что это значит — причинять боль другим. Если они не понимали по-простому, если смотрели на людские страдания и ничего не чувствовали или, хуже того, получали удовольствие, значит в них был изъян. Они сломаны, неполноценны. Надо их починить.

— То есть теперь они не вправе совершить преступление?

— Все вправе делать то, что им хочется. Но только если осознают, что и зачем делают.

— Звучит как принуждение.

— Папа, ты с детства внушал мне, что не существует веских причин для войны, драки и любого другого столкновения.

Да, такое он говорил. И если бы на него надавили, признался бы, что и сам начал в это верить. Но, как писал Фрэнсис Скотт Фицджеральд — если Мэтт хорошо помнил курс американской литературы, — «краеугольное качество доб-

ропорядочности распределяется между нами, рождающимися на свет, не поровну»[33].

— Для этого нет оправданий. Но люди, похоже, не понимают.

— Теперь понимают.

— Рэйчел, человеческую природу нельзя изменить, не отнимая того, что делает людей людьми.

— Значит, мы не люди. В некотором смысле это подразумевалось изначально. Человечество достигло пределов развития. Перед нами стоят проблемы, которые невозможно решить привычными для нас способами. Проблемы глобального, планетарного масштаба. И кто стал главной жертвой нашего бессилия? Наши дети. В Африке они умирают миллионами, а мы слишком человечны, чтобы сделать с этим что-нибудь!

Мэтт поник. Все так. Контактеры справлялись лучше. По крайней мере, в краткосрочной перспективе.

— Но зачем спасать их, не спасая при этом все человечество?

— А оно не погибло. Просто изжило себя. Знаешь, что мы строим? Тебе кто-нибудь говорил?

---

[33] Примечания: 33

Ф. С. Фицджеральд. Великий Гэтсби. Перевод С. Ильина.

Космический корабль. Свой Артефакт. Человеческий. Папа, знаешь, что у него внутри? Земля. Не в прямом смысле, разумеется. Ее модель. Полноценная, до последнего листочка на дереве, до последней горной вершины…

Этот образ наложился на его воспоминания о Контакте.

— Ты хочешь сказать, симуляция. Как в компьютерной программе.

Или как в пресс-папье. Земля в заполненном водой шаре с искусственными снежинками.

— Больше, чем просто симуляция. Реальное место, как наш дом, только оно не занимает физического пространства. И живет по вполне реальным законам. Там дует ветер, сменяются времена года. В нас осталось достаточно человеческого, чтобы испытывать эту потребность. Нам нужно не просто бессмертие, а уютное место для жизни.

— Даже если оно иллюзорно?

— Думаешь? Мысль или гипотеза — иллюзия? А разве значение числа пи — галлюцинация лишь потому, что число нельзя потрогать?

— Рэйчел, но это не настоящая Земля.

— Мы и не пытаемся выдать ее за настоящую. С какой стороны ни посмотри, мы это понимаем.

Всегда есть дверь, не в физическом смысле, а вроде указателя направления, и за этой дверью лежит более обширный мир, состоящий из всего нашего знания и знания, унаследованного нами от Странников. Так называемая эпистема — мир познания.

— Может, мы бы и сами до этого дошли, — предположил Мэтт. — Со временем. Если бы нам удалось пару веков не уничтожать себя, не отравлять планету, мы бы переселились в космос. Может, это и примитивное сравнение, но человек прошел по Луне без чужой помощи. Возможно, в будущем мы бы смогли встретиться со Странниками на равных.

— Даже думать об этом страшно! — Рэйчел вытаращила глаза.

— Почему?

— Папа. — Она нахмурилась. — Сейчас я знаю больше об истории человечества, чем раньше. Малоприятная штука. Детоубийство, кровавые войны, человеческие жертвоприношения — все это было нормой. А не исключением из правила. Современная история не лучше. В школе мы изучали Древний Рим и делали вид, что нас пугают тогдашние порядки. Ты знаешь, что римляне бросали нежеланных детей умирать в канавах? Это

ужасно. Ужасно… но в сравнении с чем? Со столетием Освенцима, Хиросимы и красных кхмеров? Освоение космоса не сделало бы нас цивилизованными. Мы бы построили роботов, чтобы потрошить мусульман на Марсе. Сам знаешь.

— Таким видели наше будущее Странники?

— Да. И ужаснулись. Власть и знания не должны быть привилегией избранных. Со временем, если бы нам удалось выжить, мы могли бы остановить и их… даже уничтожить их до того, как они вступили бы с нами в Контакт.

— Так вот зачем это все? Они не оказывают нам услугу. Это банальная самооборона.

— Отчасти. Но они могли бы не заниматься этим. У них есть возможности, чтобы уничтожить нас. Так было бы гораздо проще.

Холодный тон Рэйчел испугал Мэтта и одновременно заставил его устыдиться.

Он пристально посмотрел на Рэйчел, которая когда-то была его дочерью, была человеком.

— Рэйчел, история — это не только жестокость. У каждого человека была своя жизнь. Пусть короткая, но не бессмысленная. Порой люди помогали друг другу. Любили друг друга. В мире была красота. А иногда и порядочность.

Она смягчилась:

— Папа, я знаю. Они тоже знают. Странники все о нас знают. — Она взяла паузу. — Поэтому они и решили нас не уничтожать.

— Только переделать.

— Да. Только переделать.

В комнате повисла тишина.

Рэйчел покинула дом незадолго до полуночи, когда отец уснул на диване.

Она хотела, чтобы их прощание вышло более теплым, но так и не сумела выразить все, что хотела. Не подобрала слов, чтобы описать свою скорбь и страх.

Она безгранично любила отца, ей было жаль бросать его на пустой планете… оставлять на смерть.

Начался холодный дождь, ветер стал резким и порывистым. Рэйчел отрегулировала свой организм с поправкой на неприятную погоду. Немного постояла одна среди темных домов, прислушиваясь к шепоту зимних деревьев.

Ее волосы колыхались на ветру, как скорбный флаг. Над головой, гораздо выше уличных фонарей, сталкивались и проливались дождем полночные тучи.

Ночь выдалась штормовой, но худшее было впереди. Несмотря на то что в Северном полушарии

стояла зима, температура воды в тропических морях существенно повысилась; изменилось направление воздушных потоков в верхних слоях атмосферы. К северо-востоку от Гавайев сформировалась область низкого давления, над бурным океаном раскрутился своего рода мощный погодный двигатель, породив тайфун, невиданный в это время года. Но теперь все было по-новому.

Ее отец начал разговаривать с «помощником», а значит, вскоре узнает о тайфуне.

«Однако, — думала Рэйчел, — он все равно так хрупок…»

Она не знала, почему он отказался от бессмертия. Почему вообще кто-то отказался. Но Рейчел не задавала этот вопрос Большему Миру, хотя он мог дать ей ответ. Ей не хотелось думать о таких вещах в этот день.

Ее время в колыбели-Земле истекало, и Рэйчел хотела с пользой провести оставшиеся часы.

Не все цеплялись за свою плоть. Многие уже отказались от нее, порой — жители целых городов размером с Бьюкенен. Сам Бьюкенен тоже заметно опустел, и к рассвету жителей в нем должно было остаться еще меньше. Но некоторые держались… и в отдельных случаях устраивали самим себе странные проводы. Взять, например, сорок

человек, укрывшихся в школьном подвале и решивших поделиться друг с другом всеми своими воспоминаниями. Они по-турецки сели в кружок на полу, сцепившись кончиками пальцев, готовясь в едином порыве отринуть свою плоть.

Другие — в основном молодежь, но не только — просто хотели еще немного повеселиться на Земле. Погулять допоздна, сделать то, что раньше считалось запретным.

Рэйчел плотно упаковала свою печаль и отложила в сторону. Теперь она внимала только этой январской ночи — каплям, жалящим открытую кожу, журчанию воды в сточных канавах, скрипу ветвей, завываниям ветра.

Она пробралась через лабиринт домов, усыпавших северный склон горы Бьюкенен. С откосов молчаливых зданий лилась вода; внутри лежали, обращаясь в пыль, брошенные человеческие оболочки. Рэйчел останавливалась в каждом закутке, откуда можно было полюбоваться видом. Дождь сильно мешал, но она все равно замечала в Бьюкенене редкие огоньки, одинокие и застланные туманом. Она не столько видела океан, сколько чувствовала его, ощущала все перипетии климатических изменений, вызванных вмешательством Странников.

Она промокла до нитки. Одежда пропиталась водой и отяжелела. Но Рэйчел это не беспокоило. Дождь был холодным, но его прикосновение успокаивало. В этом он не отличался от летнего дождя, приносящего прохладу после жары.

Рэйчел шла к парку Олд-Куорри, где другие неспящие негласно договорились провести ночь в утехах.

Идти было далеко — от отцовского дома почти два часа пешком, — но Рэйчел ничуть не устала. Она была легче и сильнее, чем прежде. Год назад дальний поход, да еще в такую погоду, утомил бы ее. В этот же день она вовсе не чувствовала усталости, лишь нарастающее возбуждение, первое робкое предчувствие радости.

Она направилась по подъездной дорожке в темно-зеленую глубину парка.

Но даже в январе, даже в дождь, даже в два часа ночи тьма не была кромешной. Сквозь низкие тучи пробивался слабый свет. Пихты медленно, задумчиво колыхались, напоминая мачты старинных парусных кораблей. Дождь заливал все вокруг, серебрился на губах и на коже.

В тусклом свете двигались фигуры.

«Не люди», — настаивал отец, и Рэйчел подумала, что здесь он как никогда прав. История

Бьюкенена прежде не знала таких сборищ в промозглую январскую ночь. До Контакта никто не ходил нюхать влажную зимнюю землю и гулять под покрытыми мхом зимними деревьями, никто не приходил сюда ради плотских ласк — по крайней мере, не в холод, не бесстрашно, не в открытую. Это было не по-людски.

Но Рэйчел, в последнее время изучавшая Странников, считала, что это вполне по-людски. Органическая форма Странников почти не поддавалась определению. Она видела ее в древних одолженных воспоминаниях: пористые рогатые существа наподобие подвижных губок, передвигавшиеся очень медленно в атмосфере своей холодной луны. Их тела имели клеточную структуру, как и у людей, но на этом сходство заканчивалось. Странники были мононуклеарными, их клетки содержали лишь один набор хромосом: ближе к водорослям, чем к животным. Взрослый Странник состоял из множества вспомогательных систем — как если бы человека собирали из специально выращенных сердец, легких, мозгов, печени. Части воспроизводились независимо от целого. Для Странников «секс» представлял собой серию продолжительных событий… кариогамия для них была делом давно

минувших дней, как для людей — события Средневековья.

Привычный для людей секс казался Странникам не менее чудны́м; абсурдно укороченным репродуктивным вихрем, сродни контролируемому религиозному трансу.

Но им были не чужды удовольствия. Рэйчел помнила некоторые их утехи — медленные, растянутые. Помнила долину кристаллических трубок, согретую бледным солнцем и полную вулканических гейзеров, куда древний Странник, именем которого была форма, приходил купаться и совокупляться. Помнила эротическое цветение гиф. Помнила, с каким наслаждением выбрасывались в прибрежный воздух блестящие облачка спор.

Рэйчел оставила мокрую одежду у входа в парк. Среди зелени двигались тела, одни прямо в траве, другие — робко, как трепетные лани, за деревьями. В изумрудном сиянии люди выглядели золотистыми и расплывчатыми.

Рэйчел заглянула в Больший Мир и увидела не просто оболочки, а жизни, формы жизни, сложные и многоцветные. Она жаждала их прикосновения.

Она нашла человека, чья форма жизни пока-

залась ей приятной, сложной, но без излишеств. Его звали Саймон Экройд; когда-то он был настоятелем епископальной церкви, но теперь стал иным, свежерожденным, как и Рэйчел, земным существом.

Неизмеримо легкая, готовая в любой миг выпорхнуть из собственной кожи, Рэйчел дотронулась до него и соединилась с его мокрой плотью в сени могучих деревьев, холодной январской ночью, на поверхности колыбели-Земли.

Дождь прекратился вскоре после рассвета. Мэтт очнулся от беспокойного сна на диване в гостиной и сразу обратил внимание на отсутствие дочери и тишину.

В полдень к дому подъехал «ниссан» Чака Мейкписа. Кроме самого Чака, приехал и Том Киндл. Дела Комитета не ждали. Втроем они отправились к муниципальному водохранилищу, северо-восточнее города.

У каменного борта водоема стояло белое здание — очистная станция, древняя, рузвельтовских времен. Стоявшая посреди широкого луга, она показалась Мэтту храмом какой-то мирной религии.

Трое мужчин разглядывали здание, не выходя из машины. Киндл жадными глотками пил колу

из банки. Втроем они составляли подкомитет гражданской инфраструктуры, в обязанности которого входила оценка водных и энергетических ресурсов округа. Начиная с водохранилища. Но ни один не спешил вылезать из машины.

Все трое были недавно напуганы. Киндл только вчера нашел человеческую кожу на кусте азалии. Мейкпис обнаружил такую же в соседском доме. А Мэтта до сих пор тревожил вечерний визит Рэйчел… он опасался, что больше не увидит ее, а если увидит, то уже не узнает.

Эти страхи были обыденными, и никто не заговаривал о них вслух.

После вчерашнего дождя погода оставалась прохладной и пасмурной. Очистная станция с белеными стальными дверями терпеливо дожидалась их посреди зелени.

— Вы смотрели «Машину времени»? – спросил Киндл.

— Нет, — ответил Мейкпис.

— В фильме машину прячут от Путешественника во времени внутри здания, кишащего морлоками. Уродливые, мерзкие твари. А здание — большое и старое.

— И что? — спросил Мейкпис.

— Оно почти как это. — Киндл хлебнул еще ко-

лы. — Архитектура старых общественных зданий меня всегда забавляла. Они словно говорят тебе: «Без тоги не входить».

— Ребята, вы совсем сбрендили, — заметил Мейкпис. — Надеюсь, вы сами понимаете.

Чак Мейкпис, бывший городской советник и младший сотрудник второй по престижности юридической конторы города, не изменял привычке и носил костюмы-тройки. Мэтту это казалось ненормальным — все равно что наряжаться перед посадкой в спасательную шлюпку, — но он держал свое мнение при себе.

— Я однажды был внутри, — сказал Мэтт. — Со школьной экскурсией. Лет двадцать пять назад.

— Во как, — произнес Киндл. — И что там внутри?

— Два ряда очистных резервуаров. Посередине проход. Помню, там были здоровенные трубы и вентили.

— Знаешь, как это все работает?

— Нет.

— Значит, наша вылазка не имеет смысла. — Мейкпис усмехнулся. — Мы даже не знаем, что искать, не говоря уже о том, что со всем этим делать.

— Не совсем так, — возразил Киндл. — Если мы

посмотрим и увидим, что все работает, то можем сказать остальным, чтобы те пока не беспокоились насчет воды в кранах. С другой стороны, если все будет залито водой из поврежденных труб, придется ставить на крышах ведра и призывать дождь.

— Тогда идем… если, конечно, ты допил газировку.

Киндл опустошил банку и бросил на заднее сиденье.

— Эй! — возмущенно воскликнул Мейкпис. — Не пачкай мою машину!

— Новую возьмешь, — отшутился Киндл.

Киндл захватил с собой большой железный лом: вдруг очистная станция заперта, а сотрудников и тем более ключей уже не найти. Но когда Мэтт подошел к стальным дверям без окон, то обнаружил, что они не заперты.

Внутри стояла тьма.

Никто не решался протянуть руку и распахнуть двери. Мэтт уж точно. Изнутри доносился приглушенный гул механизмов, похожий на сердцебиение великана.

— Там всегда такой звук? — спросил Киндл.

— Может быть, — ответил Мэтт. — Мне тогда было десять лет. Могло измениться все что

угодно.

Но про себя он подумал: «Нет, было не так. Было тихо». Водохранилище располагалось высоко, и цистерны представляли собой фильтры с естественным током воды.

— Морлоки издавали такой же звук, — заметил Киндл.

— Господи! — воскликнул Мейкпис. — Да откройте уже чертовы двери!

Мэтт толкнул их. Наружу хлынул влажный воздух.

Внутри не было ни окон, ни освещения. Раньше с потолка ровными рядами свисали лампы, но теперь они исчезли.

— В машине есть фонарик, — сказал Мейкпис.

— Сходи за ним, — ответил Киндл.

Мейкпис побежал к своему вишнево-красному «ниссану», а Мэтт с Киндлом осторожно шагнули внутрь. Пока Мейкпис не принес фонарик, они не проронили ни слова.

Луч шарил во тьме, то целенаправленно, то наобум.

Очистная станция была не похожа на ту, что Мэтт видел в пятом классе. Вместо медных труб — множество волокнистых трубок, толстых и спутанных, как корни мангровых деревьев.

Внутри было тепло, и с трубок капал конденсат. Почти все пространство пола занимал черный купол, вибрирующая полусфера, соединенная волокнистыми желудочками с нависавшими над ней черными очистными резервуарами.

Эта полусфера и была сердцем здания. Она издавала равномерный стук, похожий на отдаленные раскаты грома, но органического происхождения.

Кроме того, внутри стоял странный запах. Мэтт подумал, что это хуже всего. Не противный, но совершенно чуждый, въедливый, как аромат мускатного ореха, и насыщенный, как запах перегноя в саду.

Трое мужчин молча вернулись в январский холод.

В Бьюкенен возвращались по прибрежному шоссе. Чак Мейкпис вел машину молча, крепко сжимая руль. За зиму на дороге образовались ямы, и маленький «ниссан» то и дело подпрыгивал.

— Я одно хочу знать, — сказал Киндл. — Что эта штука там делает?

— Дай угадаю, — ответил Мэтт. — Фильтрует и качает воду. И все. Чтобы поддерживать в рабочем состоянии жизненно важные системы,

людей не хватает, и Странники вырастили для этого машину. Если съездим на электростанцию, наверняка найдем нечто подобное.

— Зачем им трястись над Бьюкененом?

— Думаю, мы не одни такие. Раз они обслуживают коммуникации в Бьюкенене, то и в других городах наверняка делают то же самое.

Дамба Гувера, дамба Гранд-Кули, все атомные электростанции и прочие чудеса инженерной мысли. Мэтт представил, как запутанные черные машины управляют гигантскими турбинами. Их не привезли туда; они просто выросли там, как сорняки.

— Мэттью, думаешь, вся наша вода проходит через эту штуку?

— Похоже на то.

— Господи, а я ведь ее пил!

— Сомневаюсь, что они хотят нас отравить. Если бы хотели, давно избавились бы от нас.

Уничтожили бы, как сказала Рэйчел.

— Значит, это инструмент контроля, — не унимался Киндл. — Это очевидно. Если им под силу отключить свет и воду, значит они могут нами управлять… теперь мы от них зависим.

— Да? Если хочешь, можешь выкопать колодец. Кто мешает?

— Можно и колодцы выкопать, и масло для ламп выжимать, но никто не станет этим заниматься, пока в кране есть вода, а свет зажигается по щелчку выключателя. По-твоему, зачем они это сделали? Из чувства гражданского долга?

— Возможно, — ответил Мэтт. — А может, просто потому, что могут. Ты же помнишь Контакт? Мне не нравится, что они здесь, не нравится, что они сделали, но я не верю, что они делают все это из ненависти к нам.

— Ты вправду так считаешь?

— Мне так кажется, — развел руками Мэтт.

— Хорошо, допустим. Но только неудачная ложь кажется ложью. В убедительную ложь веришь, как в слова Господа Бога. Вот в чем закавыка. В любом случае…

— Что? — Мэтт пристально посмотрел на Киндла.

— Даже если они как Иисус с Буддой, вместе взятые… кто сказал, что мне нужна их помощь? Как это вообще работает? Мы получаем воду только потому, что Странники решили подарить нам свой уродливый насос? А если случится засуха, придется призывать дождь с бубном? Если попляшем, нам его пошлют? — Он помотал головой. — Мэттью, я, вообще-то, не верю в Бога, но

если бы верил, то предпочел бы, чтобы Он творил свои чудеса втайне. Как говорится, на дождь надейся, а крем для загара держи под рукой. Это человечнее.

— Эти дожди нас еще достанут, хоть в суд на них подавай, — подал голос Чак Мейкпис, проезжая на красный свет через пустой перекресток Коммершл-стрит и Марин-стрит. — Я слышал, что на нас надвигается лютая, мать ее, буря.

— Откуда ты знаешь? — исподлобья глянул на него Киндл.

Оказалось, Чак Мейкпис узнал новости так же, как Мэтт: от «помощника».

После Рождества Мэтт еще дважды ходил к неподвижному черному великану и задавал вопросы: о Странниках, о преображении Рэйчел, о будущем Бьюкенена.

«Помощник» монотонным баритоном давал сжатые ответы. Определить его характер было невозможно. С Мэттом он общался на разговорном английском, но не было сомнений, что он мог ответить иранцу на фарси, а бразильцу — на португальском.

На грядущую непогоду Мэтту спервa намекнула Рэйчел, но «помощник» раскрыл подробности, описал новые жестокие бури, что зарождались

в изменившихся водах тропических морей. На последнем собрании Комитета Мэтт не стал делиться этой информацией — слишком много было новых дел, а угроза казалась еще далекой, — но в этот день собирался поставить вопрос на обсуждение.

Но оказалось, что Чак Мейкпис знает о погоде не меньше Мэтта… поскольку тоже разговаривал с «помощником».

В больничный зал для совещаний Мэтт пришел с пятиминутным опозданием. У него слегка кружилась голова; он забыл побриться и поужинать. Возможно, пообедать тоже. В последние дни он часто забывал о еде. Время летело быстро, часто не удавалось ни на чем сосредоточиться.

Он рассчитывал провести собрание спокойно и в конце, при обсуждении новых задач, сообщить об угрозе бури. На данный момент лучшим и простейшим выходом было обустроить убежище — больничный подвал вполне подходил — и запастись водой, продовольствием, переносными газовыми фонарями. Дело было важным, но не трудным и не затратным.

Но новости уже разлетелись. Про бурю знали Чак Мейкпис, Боб Ганиш и Эбби Кушман. Все трое поговорили с «помощником» по настоянию

своих близких. Все трое услышали одно и то же предупреждение: необычная и опасная погода надвигается на восток с дальних краев Тихого океана.

Об этом они растрезвонили остальным еще за день до собрания, а те, у кого не было телефона, услышали обо всем, столпившись перед кофеваркой, еще до того, как удар молотка возвестил о начале собрания. Мэтт успел услышать, как Том Киндл жалуется на то, что он, должно быть, единственный, кто не беседует с проклятым роботом на ратушной площади.

— Вовсе нет, — возразил Пол Джакопетти. — Я тоже с ним не разговаривал. Даже на спор не стану. Тут я всецело разделяю ваше мнение, мистер Киндл.

— Хоть какое-то утешение, — ответил Киндл.

Мэтт призвал собравшихся к порядку. Девять человек сели и обратили взгляды на него. Теперь откладывать не было смысла, поэтому Мэтт поменял повестку дня и спросил, есть ли у кого-то идеи насчет борьбы с погодными катаклизмами.

— Странники прикладывают серьезные усилия, чтобы помочь нам, — мистер Мейкпис рассказал, что они следят за водоснабжением и электросетью, — так зачем же они создали бурю, способную

нас убить? Не понимаю! — возмущенно высказалась Эбби Кушман.

— Не убьет, — ответил Киндл. — Если мы будем осторожны. А что касается логики… Эбби, как ни крути, они превосходят нас в развитии. По крайней мере, они более могущественны. Знавал я парня из Флориды, который держал лечебницу для раненых птиц. Была у него цапля со сломанным клювом. Он за ней тщательно ухаживал, перематывал клюв, кормил с руки, пока птица не поправилась. Тогда он окольцевал ее, как положено для учета, и отпустил на волю. А через три месяца ему пришло печальное письмо от управления гражданской авиации: дескать, птичку вашу засосало в турбину семьсот сорок седьмого «Боинга» компании «Алиталия».

— Все равно не понимаю. — Эбби еще сильнее помрачнела.

— Ну… цапля получила хороший уход. Но ей не стоило на основании этого делать далеко идущие выводы о том, как взаимодействовать с представителями других видов. Мы получаем бесплатное электричество, но, несмотря на это, самолеты, возможно, уже катят по взлетной полосе.

— Чудовищно. И страшно, — заявила Мириам Флетт.

— Мэм, вы не согласны? — спокойно спросил ее Киндл.

— Нет, — после непродолжительных раздумий ответила она.

Мэтт предложил обустроить убежище в подвале больницы и спросил, не желает ли кто-нибудь войти в группу по подготовке к буре. Затем предложил вернуться к обсуждению этого вопроса, когда они получат больше данных.

— У нас ведь есть и другие заботы.

Все, поворчав, согласились. Мэтт посмотрел на часы:

— Ладно… перейдем к еженедельному докладу подкомитета по радиосвязи.

Джоуи Коммонер поднялся с места.

— Радиосводка, — начал Джоуи.

Он откашлялся. Насколько Мэтт помнил, Джоуи впервые выступал перед Комитетом. По этому случаю он приоделся; вместо привычных мрачных футболок сегодня на нем была обычная тенниска с рекламой производителя.

— За прошедшую неделю мы приняли тринадцать вызовов. Большинство от Эйвери Прайса из бостонской группы и Гарднера Дойча из Торонто. Еще несколько от полковника Джона Тайлера и по одному вызову от неизвестной женщины

из Огайо и мужчины из Коста-Рики, которого я не смог понять. Мистер Прайс сообщает, что бостонская группа эвакуируется, выезжает колонна машин. Группа из Торонто также покидает город завтра утром, чтобы встретиться с бостонцами в Пенсильвании и путешествовать вместе. Он также сообщает…

Мэтт стукнул молотком:

— Джоуи, повтори-ка. Бостонцы уходят из Бостона?

Черт побери, это могло быть важно.

— У меня все записано. — Джоуи бросил на него резкий взгляд. — Я бы предпочел дочитать до конца.

— Ладно, продолжай. Вопросы оставим на потом.

Джоуи снова откашлялся.

— Люди из Бостона и Торонто планируют остановиться на сороковой параллели, скорее всего в Огайо, где, по словам их «помощников», будут защищены от ураганов. Хотят основать там город и установить радиоточку для привлечения новых переселенцев. Они приглашают всех жителей континента, включая нас, как можно скорее присоединиться к ним. В Северной Америке еще достаточно людей, чтобы заселить

среднего размера город. У них есть переносные радиостанции, и они хотят, чтобы мы как можно скорее сообщили о нашем решении. Кроме того, полковник Тайлер направляется на северо-запад и через пару месяцев будет в Бьюкенене. Если же мы решим присоединиться к группе Бостон-Торонто, он готов встретиться с нами по дороге. Конец сводки.

В зале началось настоящее светопреставление.

Одни хотели отправляться немедленно.

— Мы можем опередить чертову бурю и перейти через горы прежде, чем она настигнет нас, — заявил бывший автодилер Боб Ганиш. — Без обид, ребята, но мне хотелось бы увидеть новые лица.

— Многим из нас не хочется бросать то, что им дорого, — подняла руку Эбби, — но, может, лучше бросить. Проголосуем?

Мэтт возразил, что надо оставаться в Бьюкенене, хотя бы до тех пор, пока бостонцы не разработают более солидный план. Он хотел, чтобы с ними поговорил кто-нибудь, помимо Джоуи. Переждать бурю, затем подумать о переезде. Нельзя принимать такие решения поспешно.

На самом деле мысль об отъезде ужасала его. Он не хотел оставлять Бьюкенен. Господи, только

не сейчас!

На Бьюкенене рано было ставить крест. В городе все было цело, все работало, пусть и слегка поизносилось.

«Надежда есть, — хотел сказать он. — Мы что-нибудь придумаем. Это еще не конец».

Киндл высказался за то, чтобы отложить дебаты до выяснения подробностей.

— Я сам впервые об этом слышу, хоть и составляю половину подкомитета по радиосвязи. — Он искоса посмотрел на Джоуи Коммонера.

Его предложение было принято пятью голосами против двух.

Мэтт рассеянно выслушал еще три доклада и в полночь объявил об окончании собрания.

Ему хотелось лечь и хорошенько выспаться, отложив на несколько часов все свои внутренние дебаты.

Но когда он свернул к дому, то увидел на подъездной дорожке Энни Гейтс.

«Она пришла пешком», — подумал Мэтт.

Ее машины нигде не было видно. Никто из контактеров не садился за руль. Иногда он видел их на улицах, идущих легкой, нечеловеческой, как признала бы Рэйчел, походкой.

От вида Энни его объял страх.

Он избегал ее месяцами, ведь она была одним из неизвестных в уравнении, которое он не мог решить… и потом, он спал с ней, когда она была человеком, любил ее, когда она была человеком. Но поправку на это он не делал.

Теперь она пугала его. Она дожидалась его у дверей, под фонарем, одетая легко, не по погоде, и смотрела на него с ужасающим сочувствием. Ужасающим, потому что оно было искренним, потому что ей хотелось выговориться.

— Рэйчел отправилась Домой, — сказала Энни. — Мэтт, она больше не здесь. Она попросила меня передать тебе… — Тон Энни был серьезным и печальным. — Говорит, что скучает по тебе. Любит тебя и сожалеет о том, что не попрощалась.

Энни не была человеком, но Мэтт свесил голову на ее бледное плечо и заплакал.

Глава 23. Вид с высоты

Той зимой в океанах расцвела удивительная жизнь.

Приняв во внимание термальный дисбаланс планеты и желание людей восстановить равновесие, Странники засеяли беспокойную гидросферу Земли новыми организмами.

Эти организмы размножались на мелководье. Как фитопланктон, они питались минеральными веществами, поднимавшимися на поверхность с глубины, солнечным светом и самой водой, собирая себя из атомов водорода и кислорода. Весь океан был их пищей, и организмы Странников ежеминутно тяжелели.

Размножившись, они покинули богатые кремневыми водорослями прибрежные воды. Их роль в изменении экологии океана была временной, и нужно было оставить достаточно настоящего фитопланктона для питания криля. Поэтому они продолжили размножаться вдали от берегов, где пищи было меньше.

За осень их стало столько, что они, словно радужная нефтяная пленка, покрыли сотни квадратных миль водной поверхности.

Тогда они принялись за основную работу: начали поглощать из атмосферы углекислый газ и удерживать в себе — как фитопланктон, только в разы более прожорливый.

Океаны выкачивали из воздуха углекислоту.

Население Земли уменьшалось с каждым днем.

В Большем Мире некоторые деяния оставались malum in se, но ни одно не было malum prohibitum[34]. Ограничения тысяч поколений были отменены Контактом. Последние адепты плоти восхваляли свои тела, даже когда те стали бледными и почти невесомыми.

Они танцевали под беззвучную музыку в заброшенных мечетях, занимались любовью, тысячью разных способов, в тени храмов. Смеялись, обнимались, отдавались друг другу в лучах арабских закатов, восточных полдней, африканских рассветов.

Каждый день кто-нибудь отбывал в Больший Мир, а их брошенные кожи — призрачное войско — летели по улицам Джакарты, Пекина, Рейкьявика, Кейптауна, пока не рассыпались в пыль,

[34] Примечания: 34

Malum in se — деяние, преступное по своему характеру; *Malum prohibitum* — деяние, запрещенное законом (*лат.*).

которую развеивали ветра.

Мэтт Уилер взял школьную тетрадь в канцелярском магазине Делайла — том самом, где Мириам Флетт покупала клеящие карандаши и ножи для бумаги, пока не закрылся «Обсервер» — и начал вести дневник.

Если верить Рэйчел, после Контакта жизнь для всех начиналась заново. Это не был Страшный суд; никого не карали за грехи. Это не был рай в иудеохристианском представлении. Скорее это напоминало древнегреческую идею о золотом веке, когда люди достигали такого просветления, что могли жить вместе с богами.

— Все прощено, — говорила Рэйчел, — но ничто не забыто.

Мне хочется в это верить. Звучит благородно. Но что это на самом деле значит? Трудно представить духовный союз ребят, привыкших носить часы «Картье», с крестьянами из стран третьего мира. Хуже того, даже люди, забивавшие до смерти собственных детей, получили шанс жить вечно. Нирвана для маньяков. Получается, что террористы переживут своих жертв на тысячу, а то и больше лет.

Если все они не изменились, это несправедливо.

А если они изменились столь радикально — это негуманно.

Рэйчел тоже это признавала. Люди нажили слишком много неприятных вещей, чтобы тащить их в новую жизнь.

Она утверждала: для этих людей осознание того, кем они были, и есть наказание.

Пожалуй, здесь есть логика, но осмыслить это все равно непросто. Однако ради Рэйчел я готов в это поверить.

Он погрыз карандаш и решил сразу записать главные вопросы. В столь поздний час немного откровенности не повредит.

Но что насчет тех, кто остался? Почему мы смогли и захотели отвергнуть бессмертие? Зачем мы здесь?

Ни в одном из нас на первый взгляд нет ничего особенного.

Что в нас есть?

И чего в нас нет?

Утром позвонила Бет Портер. Сказала, что хочет стать медсестрой, и попросила Мэтта научить ее.

Он попросил повторить. Ночью он почти не спал… да и вообще в последнее время плохо соображал от бессонницы и недоедания. С ноября

он похудел на пятнадцать фунтов. Отражение в зеркале вызывало удивление: кто этот тощий мужчина с ввалившимися глазами?

— Говорю, тебе стоит обучить меня сестринскому делу, — повторила Бет. — Я давно об этом думала. Кроме тебя, в городе врачей не осталось. Тебе пригодится помощник. По крайней мере, человек, знающий, что делать при несчастном случае. Например, когда придет буря. Люди могут пострадать. Я хочу знать, как накладывать повязки и останавливать кровь.

Мэтт зажмурился:

— Бет… твое желание похвально, но…

— Это не попытка к тебе клеиться. Господи, надеюсь, ты так не подумал. — Бет взяла паузу. — Я серьезно. Вдруг потом спасу кому-нибудь жизнь.

— Бет…

— Всяко полезнее, чем безвылазно сидеть одной в комнате.

Мэтт вздохнул:

— Искусственное дыхание делать умеешь?

— Видела обучающую программу по телевизору. Но сама не умею.

— Надо научиться.

Джоуи Коммонер снимал Бьюкенен на украденную у Ньюкомбов камеру.

Он запомнил, что говорили о погоде. Если это было хоть наполовину правдой, через месяц от Бьюкенена мало что останется. Он не питал теплых чувств к этому убогому приморскому городишке, но оценил идею сохранить его на пленке, пока он еще цел. Джоуи Коммонер, последний городской историк.

Он разъезжал по центральным улицам и заглядывал на окраины, одной рукой ведя мотоцикл, а другой держа камеру. Чтобы ничего не упустить, он ехал очень медленно.

Когда он просматривал записи на видеомагнитофоне в своем подвале, они казались странными и немного пугали его. Пустые улицы, подскакивающие, когда «ямаха» натыкалась на ямы в асфальте; пустые витрины, пустые тротуары, пустые ряды белых жилых домов, протянувшиеся к самой гавани и холодному зимнему морю. Пустое все.

От этого ему стало особенно одиноко. Джоуи думал, что так чувствует себя человек, запертый на ночь в большом торговом центре в компании манекенов и мышей.

Ему захотелось съездить к Тому Киндлу и покрутить радио, но он тут же отмел эту идею. С тех пор как начался исход из больших городов, Киндл

с Бобом Ганишем и этим засранцем Чаком Мейкписом не подпускали Джоуи к радиостанции. «Дай сюда микрофон, это важно». Ну и хрен с ним. Он уже устал от радио. Можно было найти дело поинтереснее, чем пытаться болтать с иностранцами, ни слова не знающими по-английски.

Он снимал важные для себя места. Свой подвал. Свою улицу. Улицу, где раньше жила Бет Портер. Мотель, куда она переехала.

Джоуи прятался за опорой дорожного моста, где Бет не могла его заметить. Он заснял, как она села в белый «фольксваген» и поехала на север.

У Бет не было прав. Она начала водить уже после Контакта, и наблюдать за этим было забавно. Она ездила рывками. Джоуи стало интересно, куда она поехала.

Куда она могла поехать?

Он проводил машину взглядом.

Может, за покупками? Одолеваемый праздным любопытством — по крайней мере, Джоуи убеждал себя в этом, — он выждал несколько минут и поехал следом на своей «ямахе». Он заглядывал на пустые парковки торговых центров, но машины Бет не видел.

Если в гости, то к кому?

В голову Джоуи закрались подозрения.

Его не слишком волновало, чем она занимается. В последнее время они почти не виделись. Он толком не знал, что для него значит или значила Бет. Несколько приятных пятничных вечеров.

Но он вспомнил, как она раздевалась перед ним, смущенно и в то же время смело. Вспомнил, как она стягивала в темноте старую футболку, расстегивала одной рукой джинсы, наблюдая за тем, как он наблюдает за ней. В животе образовался комок. Не от страсти. Скорее от страха.

Он проехал мимо дома Киндла, мимо убогого ранчо Боба Ганиша.

«Фольксвагена» не было.

Тогда он поехал вдоль холмов, к дому Мэтта Уилера. Машина Бет стояла на дорожке.

Джоуи оставил мотоцикл в гараже через несколько домов, подъехал вдоль изгороди к дому доктора и включил камеру с максимальным приближением. Но все окна оказались занавешены.

Он прождал почти два часа, пока Бет не вышла. Выглядела она разгоряченной.

Джоуи заснял, как она села в машину и с рывком выехала на дорогу.

«Вот сука», — подумал он.

Среди последних вещей, которые Том Киндл

перевез из горной хижины в новый дом, было старое, но надежное охотничье ружье «Ремингтон».

В последние годы он почти им не пользовался. От охоты в прибрежных лесах осталось одно название; в некогда дикие места нахлынули охотники-любители. Каждую осень леса кишели толстыми бухгалтерами в оранжевых куртках. По мнению Киндла, это было опасно. Ему совершенно не хотелось, чтобы его подстрелил тот, кто носил патроны в нейлоновой поясной сумке.

Но новости о буре и возможном переезде взволновали его. Поэтому он забрал ружье, раздобыл патронов и начал практиковаться в стрельбе по давно засохшему вязу на заднем дворе.

Эхо выстрелов долго разносилось в неподвижном воздухе; пули били в мертвое дерево с непривычным глухим звуком, словно киянка ударяла по деревянному столбу.

Несмотря на годы без практики, прицел у Киндла не сбился. Но отдача была сильнее, чем ему казалось раньше. Конечно, дело было не в ружье; просто он постарел. От этого было не скрыться. Он куда легче набивал синяки, раньше ложился спать и чаще ходил в туалет. Старость не радость.

Во время стрельбы он носил корректирующие

линзы, которые сделал на заказ пару лет назад. Он был немного близорук, это мешало стрелять, но Киндл не без удовольствия отметил, что за последнее время его зрение не ухудшилось. Где теперь искать окулистов? После Контакта все они отправились на небеса.

Он прицелился в кружок голой древесины, где осыпалась кора. Выстрелил и промахнулся на добрых полфута.

— Черт, — выругался он, потирая плечо.

Он подумал, не вернуться ли в дом, где Чак Мейкпис болтал по радио с Эйвери Прайсом, парнем из Бостона; но Киндлу не нравилась эта затея с Огайо. Туда, в эту землю обетованную, в подготовленное место направлялись все; хуже того, «помощники» хотели, чтобы все собрались там. У бостонцев и торонтцев были «помощники»-проводники, и у жителей малых городов вроде Бьюкенена, видимо, тоже.

Они называли это «сопровождением». А по его мнению, это больше походило на сгон стада. Все дикие люди в одном месте. Киндл полагал, что на других континентах дело обстояло так же. Создавались резервации, загоны. Сараи, стойла.

Ему это совершенно не нравилось.

Несомненно, все, что им обещали, исполнится.

Все получат защиту от стихии, плодородную землю и голубое небо над головой. О них будут заботиться.

Как о скотине.

За скотиной хорошо ухаживают. А потом забивают ее на мясо.

Он еще трижды пальнул в ствол дерева и остановился, опасаясь выбить плечо.

Высокое, слегка подернутое облаками синее небо сияло синевой. В воздухе пахло морской солью. Всю неделю по утрам стоял туман. Закаты были яркими и казались бескрайними.

Если по старым костям можно было предсказывать погоду, то Киндл не сомневался, что грядет нечто разрушительное. Последние дни он спал беспокойно. Этим утром он проснулся на рассвете в холодном поту. Все тело напряглось, словно готовилось к испытаниям.

Он повернулся и, прищурившись, посмотрел на залив. Вода была покрыта рябью, бриз гнал по морю белые барашки.

Океан.

Господи, что за безобразие там творилось?

Когда президент Соединенных Штатов собрался покинуть Белый дом, на Восточном побережье уже изрядно штормило.

В здании больше никого не было. Первая леди уже несколько недель назад выпорхнула из своей шкурки. Зачарованная Бо`льшим Миром, Элизабет стремилась как можно тщательнее исследовать его. Уильям понимал жену: она никогда не любила плохую погоду. Боялась ее.

Уильям, в свою очередь, обожал грозы и ураганы.

Нельзя было сказать, что он специально собирался вдоволь насладиться разрушительным буйством стихии. На Земле еще оставалось много смертных… и многих, несмотря на все усилия «помощников», ждала гибель. Но разум устроен так, что на него не влияют подобные вещи. В преддверии грозы кожу Уильяма покалывало, пульс учащался, независимо от обстоятельств.

По большому счету Уильям хотел посмотреть не на ураганы. Его интересовала страна, нация, которой он когда-то правил — если слово «правил» в данном случае подходило.

Поэтому он держался за плоть даже после того, как Элизабет отправилась Домой. (И потом, она не совсем бросила его, просто с ней стало сложнее связаться.)

Лишь малая часть контактеров оставалась в физических телах. Многие, как и Уильям, ради-

кально изменились или находились в процессе изменения.

В конце концов, неудобно скакать по пересеченной местности в неуклюжей стариковской оболочке.

Поэтому Уильям неделю провел в постели, а когда проснулся, неоциты успели перестроить некоторые генетические параметры и многократно ускорить деление клеток. Он буквально излучал жар и, проснувшись, стал на много фунтов легче. И моложе.

Посмотрев на себя в ростовое зеркало, он увидел лицо, которое не видел с того года, когда союзники вошли в Берлин.

Сколько можно было дать этому мальчику? Двенадцать? Тринадцать?

Перед сном Уильям предусмотрительно обзавелся подходящей одеждой: синие джинсы, футболка, новые кроссовки. Кроссовки оказались чуть велики — он не совсем угадал размер. Но как же здорово все это было!

Он чувствовал себя свежеотчеканенной монетой. Блестящим пенни.

Он испытывал нетерпение и голод. Белый дом вдруг показался громаднее и нелепее обычного, и Уильяму хотелось как можно скорее оставить его

удушливую роскошь и его прошлое. За порогом, подобно пустому пляжу, на много миль раскинулась Америка.

Уильям рассмеялся звонким детским голосом и сбежал вниз по ступенькам центрального портика.

Снаружи его встретило низкое, налитое тучами небо.

К январю альбедо планеты существенно выросло.

Созданный Странниками фитопланктон наполнил верхние слои тропических морей. Как кристаллы тонкого стекла, он отражал солнечный свет и посылал обратно в небо.

Над этими огромными океаническими зеркалами формировались пузыри влажного воздуха и выталкивались в тропосферу. Конвективные облака в форме сжатых кулаков поднимались и распадались на перисто-слоистые.

С орбиты тропики казались мозаичной картиной, скоплением больших и малых спиралей. Над морями повсюду кружили ураганы.

Отдельные области низкого давления начали отрываться и перемещаться по ветру, подобно парусным кораблям, сворачиваясь все туже по мере приближения к холодным широтам.

Одни отправились с муссонами в Индию и Азию. Другие двинулись с экваториальными течениями в Австралию и Африку. Третьи Гольфстрим унес в Мексиканский залив.

Некоторые понеслись вдоль течения Куросио, до Японии и дальше на восток, вновь набрали силу над подогретой фитопланктоном северной частью Тихого океана и в конце концов повернули, как медлительные великаны, к Северной Америке.

Глава 24. Проливной дождь

Буря, еще недавно казавшаяся весьма далекой угрозой, надвигалась с каждым днем.

Мэтт организовал рабочую группу; мужчины заколачивали фанерой окна на первом этаже больницы и клеили на стекла изоленту крест-накрест. Больница была построена относительно недавно, согласно строгим правилам для региональных центров экстренной помощи. Фактически она представляла собой трехэтажный укрепленный бункер, стоявший на возвышении, посреди домов для среднего класса и хвойных деревьев. В подвале размещались картотека, прачечная, котельная, водопроводные и отопительные трубы, кухня и столовая для персонала.

Мэтт решил оборудовать убежище в столовой. Это было унылое помещение из шлакобетона, выкрашенного в лососево-розовый цвет, но просторное и удаленное от внешних стен. Столики сдвинули в один ряд, чтобы освободить место для кроватей и матрасов. Согласно «помощнику», в первый четверг марта буря находилась еще в паре дней от города, но убежище было подготовлено, насколько возможно, и люди начали свозить

туда ценные вещи, фотографии, сувениры.

Руководила процессом Эбби Кушман, которая постоянно находилась на связи со всеми девятью членами Комитета по экстренному планированию и передавала им новости от «помощника». Посовещавшись по телефону с Мэттом, они решили, что сбор должен состояться в шесть вечера пятницы. В этот час будут закрыты двери, задраены все входы и выходы.

— Мэтт, я случайно услышала о Рэйчел, — сказала Эбби. — Мне очень жаль.

Мэтт принял ее соболезнования. Муж и двое внуков Эбби недавно отправились в место, которое Рэйчел называла Бóльшим Миром. На миг между Мэттом и Эбби возникло молчаливое понимание. Затем Мэтта позвал Боб Ганиш, у которого закончилась изолента.

— Завтра в шесть! — громко повторила Эбби Кушман. — И только посмейте опоздать!

Буре предшествовали странные порывы теплого ветра, сильные кратковременные ливни и пасмурная, с прояснениями погода.

Мэтт ожидал чего-то внезапного, резкого и бурного, как весенняя гроза. Том Киндл, провозя мимо него банки консервов для больничной кухни, сказал, что будет не так. Тайфун — именно

так следовало называть грядущую бурю, если только она не была чем-то еще более мощным, не имеющим названия, — не был локализованным явлением. Он представлял собой воздушный вихрь диаметром во много миль. По краю вихревые потоки были медленнее, но чем ближе к центру ты двигался — или чем ближе центр двигался к тебе, — тем стремительнее они кружились. Тайфун не накроет город разом, он подкрадется коварно, но очень быстро.

Вечером в пятницу Мэтт упаковал у себя дома все необходимое: семейный фотоальбом, которым так дорожила Рэйчел, письма Селесты, сменную одежду. Вещей было немного, но выбрать из них самые ценные оказалось мучительнее, чем Мэтт мог предположить. Когда он наконец захлопнул багажник и выехал на улицу, было уже без пяти минут пять.

Всю дорогу до больницы ветер игриво теребил машину. С океана набежали высокие тучи, побелевший от пены залив, казалось, кипел. Дороги уже засыпало ветками.

Мэтт припарковался у служебного входа и промок до нитки, прежде чем успел затащить внутрь две коробки со своим скарбом. Дождь был холодным, а ветер — настолько сильным, что

дверь пришлось толкать плечом.

В столовой, напротив, было тепло и шумно. Мэтт необъяснимо обрадовался, увидев других людей, услышав их болтовню. Установленный Эбби крайний срок наступал через пятнадцать минут. «Если все в сборе, — подумал Мэтт, — пора заколотить последнюю дверь и готовиться к ночевке». Он поискал взглядом Эбби Кушман, чтобы устроить перекличку и начать задраивать люки, но та говорила по телефону.

Через секунду он понял, что это значит.

— Это Мириам Флетт. — Эбби жестом подозвала Мэтта. — Она не хочет приезжать. Говорит, на дорогах слишком опасно. Думает, что будет в безопасности у себя дома.

— А если кто-нибудь за ней съездит? — Мэтт снова взглянул на часы. — Тогда она согласится?

— Мэтт, а у нас есть время? Погода с каждой секундой все хуже.

— Спроси ее.

Эбби сняла руку с трубки:

— Мириам? Мириам, а если мы пришлем кого-нибудь за тобой? Мы не уверены, что твой дом выдержит. Нет. Мириам, опасен не только ветер. Еще волны. Может затопить, да. Ты довольно близко к морю. Знаю, но… да, милая, но… может,

мы все-таки кого-нибудь отправим?

На «таймексе» Мэтта было уже четверть шестого.

Эбби снова прикрыла трубку:

— Она согласна, но хочет заранее знать, кто приедет.

— Я. Через десять минут.

— Мэттью, ты уверен?

— Я все равно промок. — Он пожал плечами.

— Ладно… только будь осторожен. Не хватало нам еще врача потерять.

— Скажи Мириам, чтобы была готова.

— Хорошо. Мы не станем баррикадироваться до вашего приезда.

— Ладно. Но если что — заколачивайте двери.

Дорога от больницы до бунгало Мириам на Беллфонтен-авеню обычно занимала пять минут. С учетом погоды Мэтт рассчитывал добраться за десять. Выйдя на улицу, он решил, что придется накинуть еще столько же.

Свернув на Коммершл-стрит, он едва не врезался в поваленную пихту, исполинское дерево, выросшее у стоянки бакалейного магазина. Теперь его ствол, как забор, перекрывал дорогу. Вынужденный объезд обещал быть недолгим: один квартал на юг и налево по шоссе. Мэтт сдал

назад, потея от волнения, несмотря на холод.

Упавшее дерево заставило его почувствовать реальную опасность тайфуна. Даже во время скромных летних гроз Мэтт эмоционально наэлектризовывался. Раньше ему нравилось наблюдать за сходящими с вершины горы Бьюкенен грозами, смотреть, как над склонами вспыхивают молнии. Как ни нелепо, он, возможно, не без удовольствия предвкушал и надвигающуюся бурю.

Но упавшая пихта вместе с дорогой перекрыла и поток его эйфории. Это был не простой ливень и не летняя гроза: нечто гораздо более мощное, настоящая машина из воздуха, громадная, как гора. Она была способна поднимать и передвигать предметы, ломать, кромсать, крушить. Могла подхватить его машину и закрутить, как волчок, если не сейчас, то через пару часов. Она уже повалила эту древнюю пихту, хотя полноценный тайфун еще не начался. Это был лишь пролог, прелюдия.

Включив дальний свет, он поехал к гавани. Уже не было видно дневного света; лишь уличные фонари слабо поблескивали в сумраке. Во всех домах было темно. Прежде чем уйти, контактеры погасили свет в едином порыве, столь же удивительном, как и их исход.

Двигаясь к шоссе по знакомой улице, Мэтт опешил, когда увидел дом, в окнах которого горел яркий свет… и почти остолбенел, поняв, что это дом, в котором уже десять лет жили Джим и Лиллиан Бикс.

Он взглянул на часы, помешкал секунду и остановился у поребрика.

Дом не был укреплен на случай бури. Окна не были заклеены или заколочены. Мэтт надеялся, что внутри просто никого нет, а свет остался гореть без повода, но вдруг увидел, как за шторами мелькнула тень.

Он вздохнул и вылез из машины. Мгновенно промок, еще сильнее, чем прежде. Капли дождя буквально сверлили его пальто. Он бросился на крыльцо, постучал, подождал и снова постучал.

Ему открыл Джим Бикс.

Друг сильно изменился, но Мэтт сразу узнал его.

Когда они виделись последний раз, то поспорили насчет беременности Лиллиан. Джим настаивал, что осмотры ей не нужны, что Странники защитят ее. А еще Джим порезал руку, и его кровь была вязкой, почти черной.

Теперь Джим стоял в дверях, полуодетый, высокий и некрасивый, как обычно… но вдобавок

худой и мертвенно-бледный. Его кожа не была похожа на кожу; скорее — на тонкую мембрану, прозрачный чехол, натянутый поверх тонких, как морские раковины, костей. Глаза во впалых белых глазницах напоминали тусклые мраморные шарики голубого цвета. Цвет радужки как будто вытек в белки. Зрачки, маленькие, устремленные в одну точку, были словно бездонные темные колодцы.

Мэтт вспомнил пустую кожу, найденную у дома Тома Киндла. Похоже, его старого друга вскоре ждала та же участь.

— Спасибо, что заглянул, — сказал Джим хриплым шепотом. — Но помощь нам не нужна. Все хорошо. Тебе бы в укрытие.

— Вам тоже, — едва выдавил Мэтт.

— Все в порядке. Правда.

— Лиллиан дома?

Джим замешкался с ответом и не спешил пропустить Мэтта.

— Лиллиан? — крикнул Мэтт. — Ты в порядке?

Ответа не было, а если и был, то его заглушили ветер и громкое журчание воды в переполненных стоках.

Лиллиан оставалось три месяца до родов.

— Ребенок, — догадался Мэтт. — Поэтому вы

еще здесь? Джим, ради бога, скажи, это из-за ребенка?

Существо, некогда бывшее Джимом Биксом, нахмурилось, но не ответило.

Рассерженный и напуганный Мэтт отпихнул его и вошел в дом.

Одного толчка хватило, чтобы едва не сбить Джима с ног. Мэтт почувствовал, насколько он легок, ужаснулся от отсутствия массы под его ребрами.

— Лиллиан?

— Мэтт, — сказал Джим. — Тебе лучше уйти. Пожалуйста.

— Я хочу ее увидеть.

— Ей не нужна медицинская помощь.

— Это ты так говоришь. Но я не осматривал ее с самого Контакта.

— Мэтт… — Его друг печально посмотрел на него. — Ты прав. Мы остались из-за ребенка. Лиллиан хотела родить. Но тайфун… задерживаться было бы глупо. Мэтт, это деликатный момент. Прошу, уходи.

— Что значит «родить»? Она что, уже рожает?

— Не совсем. Мы…

— Где она?!

— Мэтт, не лезь не в свое дело.

Входная дверь осталась нараспашку. Откуда-то с улицы донесся громкий звон разбитого стекла.

Мэтту во что бы то ни стало хотелось увидеть Лиллиан и поговорить с ней или хотя бы узнать, что с ней творится и в какой калейдоскоп преображений она попала. Может, он действительно лез не в свое дело. Но ему было плевать. Она была его пациенткой.

— Лиллиан? — Он вошел на кухню, но там никого не оказалось. — Лиллиан! — крикнул он в лестничном проеме.

Джим, слишком слабый, чтобы его остановить, отступил в сторону и лишь смотрел на Мэтта глубокими грустными глазами.

— Мэтт, — сказал он наконец. — Мэтт, прекрати. Она в спальне, дальше по коридору.

Мэтт бросился туда и распахнул дверь.

Лиллиан лежала на кровати, голая.

Ее ребра выступали сквозь истонченную плоть, глаза были такими же странными, как и у мужа, только карими. Она приподняла голову и, казалось, не удивилась появлению Мэтта.

Ее ноги были раздвинуты. Крови не было, но Мэтт с ужасом понял, что она рожает… нечто.

Нечто похожее на скукоженного гомункула или на эмбрион обезьяны вроде тех, что храни-

лись заспиртованными в средневековых аптеках. Сухое, неподвижное.

Ужас сменился непреодолимой мучительной грустью. Мэтт посмотрел на Лиллиан. На ее лице не было никаких эмоций. Она очень хотела ребенка.

— Лиллиан, — прошептал он. — Боже мой.

— Мэтт, — спокойно сказала она. — Ты не понимаешь. Это не ребенок. Это лишь побочный продукт. Настоящий ребенок с нами! Он с нами уже несколько месяцев. Это мальчик. Он живой. Мэтт, понимаешь?! — Она постучала по голове. — Он живет здесь. И там. — Она раскинула руки.

В Большем Мире.

— Мы назвали его Мэттью, — улыбнулась она тонкими бескровными губами.

Он подъехал к домику Мириам Флетт, благодарный буре за обезболивающий шум. Ветер ревел так, что думалось с трудом. Ну и хорошо. Он не хотел думать.

Мириам — маленькая, сгорбленная из-за остеопороза, средней тяжести женщина — встретила его у дверей.

— Вы задержались, — хмуро заметила она.

— Не обошлось без происшествий.

— Доктор Уилер, вы какой-то бледный. Не за-

болели?

— Все может быть, Мириам, но нам некогда об этом беспокоиться. Нужно отвезти вас в укрытие.

— Я сказала Эбби по телефону, что у меня есть укрытие.

Ей явно хотелось еще поспорить, но Мэтт не собирался подыгрывать.

— Это ваш багаж? — указал он на два бледно-серых чемодана.

— Да, — ответила Мириам, и Мэтт сразу поднял их. — Ну ладно. Только осторожно, они тяжелые.

Он отнес их к машине и положил в багажник, потом помог Мириам надеть ярко-желтый плащ. Взял ее под руку, но она вдруг засопротивлялась.

— Мои дневники!

— Что? — не расслышал он из-за рвущегося с воем в открытую дверь ветра.

— Мои дневники.

— Мириам, у нас нет времени!

— У нас было бы время, если бы вы не опоздали. — Она топнула ногой. — Я не поеду без своих дневников!

«Боже милостивый, — подумал Мэтт. — Сколько им ехать до больницы? И каковы шансы попасть в аварию?»

— Черт побери, мы не можем…

— Не богохульствуйте! — Мириам пришлось кричать, чтобы он услышал ее.

Мэтт устало закрыл глаза:

— Где они?

— Что?

— Дневники! Где они?

Она отвела его на кухню, где было чуточку тише, и указала на три полки, забитые альбомами с вырезками, толстыми, как буханки хлеба.

Мэтт набрал целую стопку.

— Стойте! — завопила Мириам. — Они же промокнут!

— Я могу донести их до машины. Но остановить дождь не могу.

— Не умничайте! Вот! — Она скинула плащ и набросила на дневники.

— Мириам, вы же промокнете до нитки.

— Потом высохну, — парировала она.

Он проводил ее до машины, помог сесть, вывалил альбомы к ее ногам. Чтобы на них не попало ни одной лишней капли, Мириам резко захлопнула дверцу, едва не прищемив Мэтту пальцы.

Он сел за руль и попросил Мириам пристегнуться. Двигатель завелся не сразу, — видимо, куда-то попала влага.

— Вы звонили Эбби? — спросил он, отъезжая от тротуара. — Она, наверное, волнуется.

Даже на максимальной скорости дворники не слишком улучшали видимость. Дорога превратилась в жидкое пятно.

— Я хотела ей позвонить, — ответила Мириам, — но телефон перестал работать двадцать минут назад. Доктор Уилер, могу я поинтересоваться, почему вы так задержались?

— Мириам, поверьте, лучше вам не знать.

Она внимательно посмотрела на него поверх очков и заключила:

— Пожалуй, вы правы.

Обратно Мэтт ехал другой дорогой, более длинной, но проходившей выше. Он опасался, что внизу, у гавани, начался потоп. Дорога шла вдоль подножия горы Бьюкенен, и Мэтт был вынужден медленно ехать по аварийной полосе, подальше от ветров, бушующих среди холмов. Во многих домах уже вылетели окна, и дорога была усыпана битым стеклом. Мимо постоянно проносился всякий хлам — урны, картонные коробки, ветки.

На вершине, там, где дорога начинала спускаться к больничному кварталу, молотящий дождь вдруг ослаб. Мэтт бросил взгляд на запад. Тучи, мчавшиеся с головокружительной скоростью,

ненадолго расступились. Он увидел, что воды залива затопили гавань и подошли почти к Коммершл-стрит. Днища перевернутых прогулочных лодок колыхались на уровне крыш пакгаузов и ресторанов. Сам залив напоминал кипящий котел, а море за ним бурлило еще сильнее. На каменный южный мыс Крабового острова обрушивались волны размером с дом. На западе — кажется, посреди самого тайфуна — блеснул последний солнечный луч, слабый, будто потусторонний.

Мэтт переключил внимание на дорогу как раз вовремя, чтобы увернуться от летевшего на них толстого сука. Из-за ветра управление стало непредсказуемым; казалось, что автомобиль едет сквозь густую патоку.

— Боже, — вдруг произнесла Мириам. — Только посмотрите на это.

Мэтт вновь с неохотой повернул голову в сторону запада.

В стене туч над водой начал образовываться кратер.

Черные облака обзавелись хвостами, закрученными в сторону моря.

Там, где они касались воды, дыбилась белая пена.

«Водяные смерчи», — подумал Мэтт. Он насчитал пять. Зрелище было поразительным, почти завораживающим. Они изгибались, как кошачьи хвосты, хлеща по воде тут и там, поднимаясь и опадая. Было в этом что-то жуткое. Они двигались в сумраке. Двигались к берегу.

Обзор вдруг перекрыла стена дождя.

— Думаю, вам стоит поддать газу, — заметила Мириам.

«Все было бы хорошо, — думала Эбби Кушман, — если бы не вентиляционные трубы».

Буря уже разбушевалась не на шутку и надвигалась быстрее ожидаемого, а Мэтт Уилер еще был снаружи и даже не успел доехать до Мириам Флетт, когда пропала телефонная связь… затем в подвальной столовой померкли лампы, и Том Киндл пошел в другое крыло здания, чтобы запустить генератор, оставив Эбби одну в темноте с шестью в разной степени напуганными людьми… но все это можно было стерпеть — чего нельзя было сказать о Проклятом Шуме.

Эбби не знала ничего о системе больничной вентиляции, но догадывалась, что несколько труб из прессованной жести идут над потолком и люминесцентными лампами и в них каким-то образом попадает ветер. Хуже того, ветер при-

нялся играть на них, как на орга́не. Не простом, а явно созданном для мастодонтов и синих китов, способном воспроизводить лишь основные тона, которые человек воспринимает не ухом, а животом, как страх.

Проклятый Шум начался после шести вечера. Поначалу безобидный, как шепот, он, по мере нарастания силы ветра, принялся тянуть одну пронзительную ноту — зловещую, но терпимую.

Затем шепот перерос в шум, похожий на тот, что издает включенный на полную мощность душ. В жестяные колонны закрались и другие звуки, в первую очередь — низкий стон, напоминавший Эбби плач ребенка. Время от времени что-то скрипело и щелкало, будто металл получал чрезмерную нагрузку.

Эбби терпела. Она подавала шестерым людям, калачиками свернувшимся на больничных матрасах, едва теплый кофе с печеньем «Орео», ощущая себя при этом нелепо. Как Поллианна[35] в брюках. Или, если на то пошло, как ослица.

Но затем Боб Ганиш начал жаловаться на клаустрофобию; дескать, здесь слишком тесно, лампы

---

[35] Примечания: 35

Поллианна — героиня написанного в 1913 г. одноименного романа американской писательницы Элинор Портер, девочка, которая в любой ситуации находит повод для радости и оптимизма.

не горят, карманные фонарики светят слишком тускло, воздух стал каким-то спертым. Эбби пришлось сесть рядом с ним, поделиться печеньем и отвлечь разговорами. Какой продажей за время работы в фордовском салоне он больше всего гордится? Что может назвать венцом своей карьеры? Нервно улыбаясь, Боб увлеченно рассказал, как однажды втюхал за баснословные деньги подержанный «пинто» 1990 года. Его монолог со всеми финансовыми подробностями длился двадцать минут. Все это время вентиляционные трубы выли, и паника Ганиша необъяснимым образом начала передаваться Эбби.

А еще доктор Уилер по-прежнему находился снаружи…

Тут ветер издал звук, какой в воображении Эбби мог издавать тираннозавр, помирая в раскаленном меловом иле…

(Ее внук Кори был без ума от динозавров.)

…и, чтобы окончательно добить ее, в этот момент у Пола Джакопетти случился чертов сердечный приступ.

Внезапный гомон напугал Эбби. Она резко отвернулась от Боба Ганиша, пролив кофе ему на ногу. («Черт, Эбби, ты чего?!»)

Джакопетти повалился на матрас, схватившись

за грудь. Он побледнел и тяжело пыхтел.

Все остальные застыли, ожидая от Эбби каких-нибудь действий.

Она подскочила к Джакопетти и склонилась над ним:

— Пол, что случилось?

— У меня чертов инфаркт, — выдохнул он. — На что еще это похоже?

Ее первым порывом, за который тут же стало стыдно, было влепить ему пощечину. Крикнуть: «Еще чего?! Нашел время и место, придурок! Не мог подождать?»

Но вместо этого она задала довольно глупый вопрос:

— Грудь болит?

— Да, черт побери, болит. Еще как. — Он зажмурился и скривился.

Эбби посмотрела вокруг. Все собрались в кружок и глядели — кто на Джакопетти, кто на нее. Вентиляционные трубы вопили. Эбби услышала, как где-то разбилось стекло — наверное, на втором этаже, — и этот терзающий душу звук, казалось, отозвался прямо в ее барабанных перепонках.

— Я не знаю, чем тут помочь, — сказала она отчасти самой себе. Затем, позабыв о сдержанности,

громко повторила: — Я не знаю, чем тут помочь! Хватит на меня пялиться!

Она почувствовала на плече руку. Бет Портер ласково отодвинула Эбби в сторону.

Закусив губу, Эбби отошла от матраса и ошарашенно уставилась на Бет. Та склонилась над Полом Джакопетти:

— Мистер Джакопетти? Мистер Джакопетти, вы меня слышите?

Он открыл глаза:

— Чего… чего тебе?

— Мистер Джакопетти, скажите, что с вами не так.

Возможно, боль усилилась, потому что Джакопетти вдруг стал сговорчивее.

— Грудь болит.

— Покажите где, — попросила Бет.

Джакопетти правой рукой очертил круг над грудиной.

— Здесь, посередине?

Он кивнул.

— А рука не болит?

— Нет.

— Дышать можете?

— С трудом.

Бет аккуратно опустила его голову, приподняв

подбородок.

— Мистер Джакопетти, извините за личный вопрос, но у вас вставные зубы?

— Протезы, — выдавил он. — При чем тут они?

— Можете снять? На тот случай, если уснете или еще что. Так безопаснее. Или, если позволите, я сама их вытащу.

Джакопетти вынул зубы. Эбби всегда немного боялась его — пузатого здоровяка с громким голосом, убежденного циника. Но без зубов Джакопетти вдруг потерял свой грозный вид. Его щеки впали, лицо сделалось хмурым и стариковским.

— Идите ф шопу. — Джакопетти обвел взглядом собравшихся. — Идите фы фсе ф шопу.

— Нужно больше света, — торопливо сказала Бет. — Вам всем лучше отойти.

Все послушались, только Эбби осталась стоять, злясь на себя за провал этой проверки. Если бы не шум…

— Мистер Джакопетти, — спросила Бет, — вас не тошнит?

Кивок.

— Чувствуете, что вот-вот вырвет?

— Вроде бы.

— Кто-нибудь, сбегайте за полотенцем!

Чак Мейкпис бросился в туалет.

— Мистер Джакопетти, скажите, у вас уже бывали такие боли?

— Не настолько сильные.

— Но бывали?

Кивок.

— К врачу обращались?

— Нет.

— Все проходило само?

Кивок.

— Ладно, — сказала Бет. — Хорошо. Думаю, инфаркта у вас нет. Скорее всего, тяжелый приступ стенокардии. Должно пройти, если полежите спокойно.

— А ты-то откуда знаешь? — напряженным тоном спросил прислонившийся к стене Джоуи Коммонер.

— Тише, — шикнула на него Эбби и в ответ получила хмурый взгляд.

Боб Ганиш позабыл о своей клаустрофобии заодно со здравым смыслом.

— Нужно отвезти его в больницу! — воскликнул он.

— А мы, по-тфоему, хде, дебил? — ответил Джакопетти.

Ганиш залился краской:

— Я имею в виду, показать нормальному врачу.

— Боб, ты прав, — Эбби отвела автодилера в сторонку, — но наш нормальный врач, похоже, пропал. Давай присядем?

Она посмотрела на часы. Семь сорок пять. Насколько еще ухудшится погода? Скорее всего, намного. Если верить «помощнику», глаз тайфуна должен пройти над Бьюкененом около полуночи. Но на этом буря не закончится.

— Выключил бы кто-нибудь этот проклятый шум, — прошептала она.

Мэтта словно затянуло во временну́ю петлю: чем больше он приближался к цели, тем медленнее приходилось двигаться.

Главным врагом был не столько ветер — хотя он был весьма неприятен — и не постоянные подсказки Мириам Флетт с заднего сиденья. Главным врагом была видимость. Точнее, отсутствие видимости.

Он совсем не видел дневного света. Дождь, непроницаемый, как туман, приносил с собой соль и кристаллическую пыль — возможно, какие-то морские существа. Из-за этого Мэтту пришлось поворачивать на Кэмпбелл-роуд, прямую дорогу к больнице, не будучи уверенным

в правильности поворота. Даже с включенным дальним светом уже в пяти-шести футах от автомобиля не было видно ни указателей, ни домов, ничего. Мэтт ехал по правому краю дороги, высматривая табличку с названием больницы, беспокоясь, что пропустил ее, — возможно, та была слишком далеко от дороги.

Небывало сильный порыв ветра тряхнул машину так, что левые колеса оторвались от асфальта.

— Нужно было оставаться дома! — выдохнула Мириам.

— Ваш дом, возможно, уже под водой, — ответил Мэтт. — Не волнуйтесь. Мы почти приехали. В больнице будет безопасно.

— Обещаете?

— Жизнью клянусь.

— Ну и шуточки у вас, доктор Уилер.

— Я не шучу.

Отчаявшись, он свернул на ближайшем правом повороте. Куст на углу был похож на тот, что рос у въезда на территорию больницы.

Похож, но не более того. По мере приближения Мэтт заметил незнакомого «лежачего полицейского» желтого цвета, парковку не с той стороны улицы и, наконец, разбитые окна местного «Севен-Илевен».

Мириам крепко сцепила пораженные артритом руки:

— За перекусом решили заскочить?

Это была не больница, но, по крайней мере, ориентир. Мэтт мысленно представил местоположение супермаркета по отношению к больнице. Все последние годы он ездил сюда не реже двух раз в неделю, но когда попытался вообразить карту… Супермаркет был до больницы? Точно. Близко к ней? Кажется. Да. Но насколько? Кажется, по дороге был еще какой-то магазин. Фотоателье? Он никогда здесь не останавливался и поэтому помнил их весьма смутно.

С черепашьей скоростью он вернулся на Кэмпбелл-роуд и пополз дальше.

Из мрака вылетела ветка в ярд длиной и ударила в левое боковое стекло. Мириам ахнула, но стекло выдержало. Мириам что-то невнятно пробормотала, Мэтт стиснул зубы и поехал дальше.

У очередного поворота направо он притормозил. Переглянулся с Мириам, затем повернул руль. Возможно, больница здесь. Скорее всего. Хорошо, если так.

Подъездная дорожка тянулась, казалось, целую вечность. Мэтт представил, что уехал от «Севен-Илевен» в неопределенность, где были только

дождь и ветер, и никаких опознавательных знаков. Он боролся с желанием каждые полминуты смотреть на часы, чтобы понять, насколько они продвинулись. И вдруг отчетливо ощутил спертую атмосферу салона; запах его пота смешался с более легким, кисловатым — Мириам — и духом сырости, исходившим от чехлов и одежды.

Его охватила радость, когда фары выхватили фрагмент кирпичной стены — восточной стены бьюкененской больницы.

Он едва не въехал прямо в служебный вход.

— Слава богу, — выдохнула Мириам.

Мэтт заглушил двигатель, но оставил включенными фары.

— Я открою вам дверь. Подождите. Пойдем вместе.

Он опасался, что ветер был настолько силен, что мог подхватить и унести прочь легкую Мириам, но вслух об этом не сказал.

Мириам кивнула.

Дверцу вырвало из рук, как только он ее открыл. При таком ветре любое действие, даже такое банальное, как открытие дверцы автомобиля, могло стать опасным. Дверь ударилась о стопор и отскочила обратно, ударив Мэтта по ноге. Он быстро отошел и захлопнул ее, но Мириам

все равно окатило соленой водой.

Мэтт обошел машину, держась руками за холодный капот. Еще немного, и ветер поднимет и его, Мэтта, — как минимум собьет с ног, если сделать неосторожный шаг. Ветер с дождем ослепляли. Зажмурившись, Мэтт, промокший до нитки, думал, что окружающий мир как бы сократился до элементарных составляющих: ветра, автомобиля, мокрого бетона под ногами. Части сложного уравнения.

Он на ощупь добрался до ручки дверцы Мириам, оперся на ноги, сделал глубокий, насколько позволял ветер, вдох и открыл дверь. Та мгновенно рванулась к стопору, но на этот раз Мэтт был к этому готов и прижал ее всем телом, не позволяя вновь захлопнуться.

Он протянул руку Мириам, но та отстранилась.

Мэтт засунул голову в салон — неважное убежище — и смутно разглядел Мириам в свете потолочных ламп.

— В чем дело?

— Мои дневники! — прошипела она.

«Мать моя женщина», — подумал про себя Мэтт.

— Доктор Уилер! Мы можем бросить то, что в

багажнике, но дневники мне нужны!

Дневники были свалены у нее в ногах, по-прежнему завернутые в желтый плащ-дождевик. Мэтт склонился над ней, почувствовав резкий запах мокрой шерстяной юбки — запах мокрой псины. Он связал рукава плаща, соорудив нечто вроде сумки — на это ушло столько времени, что он успел поразмыслить над нелепостью своего положения. Сейчас бы стоять, подставив задницу самому мощному тайфуну в истории Орегона со времен ледникового периода! Дождь заливал машину, Мириам насквозь промокла, но Мэтт перестал за нее переживать. Пусть мокнет, заслужила. Он не мог изгнать из памяти ползущие к берегу ветряные воронки, не мог отделаться от предчувствия, что одна из них подкрадется к нему и забросит в темные небеса.

Сложив дневники, он распрямился и предложил Мириам руку. На этот раз та взяла ее и, кряхтя, выбралась из машины. Как только она вылезла, Мэтт обхватил ее за талию правой рукой и потянул, отчасти приподняв, к дверям служебного входа. Лишь несколько ступенек. Раз, два, три.

Но больничная дверь не подалась, когда он дернул за ручку. Ветер? Нет, не только ветер.

Он постучал. Дверь была из стекла с проволочным каркасом, в четверть дюйма толщиной. Внутри виднелся тусклый свет, кажется, кто-то шевелился… но сквозь дождь трудно было что-либо разобрать.

Почувствовав панику, которая, как разбойник, подкралась сзади, Мэтт в третий раз дернул за ручку… и дверь распахнулась.

Он быстро втащил Мириам внутрь. Она споткнулась, но устояла и забрала у Мэтта сверток с дневниками.

— Спасибо, — почти беззвучно прошептала она, не глядя на него, и принялась отряхивать воду со свертка. — Это было… мучительно.

Том Киндл захлопнул за ними дверь.

В руке у Киндла был молоток. У стены стоял лист фанеры и две сосновые доски.

Мэтт уселся на пол, чтобы отдышаться. С него ручьями лилась вода.

— Ты собирался заколотить дверь, — сказал он Киндлу.

— Ага.

— А подождать не судьба?

— Это было бы не слишком разумно.

— Ну, спасибо за доверие.

— Я тоже рад тебя видеть, — улыбнулся Киндл.

У лестницы в подвал Мэтта встретила Эбби Кушман, которая вкратце рассказала о приступе Пола Джакопетти.

— Сейчас ему легче, но боль еще не ушла, — добавила она.

— Взгляну на него, когда переоденусь. Окажи любезность, проследи, чтобы Мириам тоже обсохла. Может, у тебя найдется для нее одежда по размеру.

— Хорошо. — Эбби замешкалась. — Мэтт, скажу честно, когда Полу стало плохо, я чуть с катушек не съехала. Даже стыдно стало. Очень.

— Эбби, ты отлично справилась. Без тебя нас бы здесь не было. Но не пытайся разобраться со всем в одиночку. Это никому не под силу.

— Я могла бы справиться еще лучше. Мэтт, я ведь не умею оказывать первую помощь! Дома я разве что смазывала внукам разбитые коленки. Может, ты как-нибудь проведешь для нас краткий курс?

— Обязательно. Нужно было раньше сообразить.

— Нам всем пришлось повозиться. Но, к слову о первой помощи, Бет такая умница! Нет, она не сделала ничего особенного, но убедила мистера Джакопетти вынуть вставные зубы и успокоила

его. Похоже, она знала, как себя вести. Будет первой ученицей в классе!

— Я показал ей, как делать искусственное дыхание, и дал учебник по первой помощи.

— Значит, схватила все на лету. Смышленая девушка.

— Может, когда захочет, — ответил Мэтт.

В чистых сухих джинсах Мэтт почувствовал себя на сто процентов лучше, даже несмотря на вой в вентиляционных трубах, о котором предупреждала Эбби.

По его опыту, в плохую погоду всегда становилось теснее. Просторная подвальная столовая сократилась до кружков света около переносных фонарей, перестала быть комнатой, превратившись скорее в пещеру, где людям было тесно.

Он поговорил с Полом Джакопетти, померил ему давление. Слегка повышенное, но не опасное.

— Док… — обратился к нему Джакопетти.

Мэтт расстегнул манжету тонометра и снял ее с бледной руки Джакопетти. Когда пациент зовет тебя «док», будет трудно.

— Что, мистер Джакопетти?

— Мофно мне фстафить фубы обратно?

— Конечно. Бет беспокоилась, что вы можете

потерять сознание, но сейчас я не вижу для этого повода.

Мэтт из вежливости отвернулся, пока Джакопетти вставлял протезы.

— Все говорят, у меня стенокардия, — сказал тот. — Не инфаркт, а стенокардия. Но чем это лучше? Ощущения-то как при инфаркте.

— Симптомы действительно схожи. При стенокардии сердце получает недостаточно крови через коронарные артерии и работает в усиленном режиме, чтобы это компенсировать. Из-за этого оно устает, как и любая мышца, если вы перетрудитесь. Так бывает при ишемической болезни, но ваше сердце более или менее в порядке. Я выпишу вам бета-блокаторы, которые помогут мышце расслабиться.

— И сколько мне их принимать? — Джакопетти хмуро впитывал информацию.

«Вероятно, до конца жизни, — подумал Мэтт. — Если найдем запас и придумаем, как сделать, чтобы таблетки не испортились». Вот одна из новых реалий, к которым он не успел привыкнуть. Отсутствие новых лекарств. Никаких подарочных фирменных кружек от фармацевтических компаний, производящих тофранил или прозак. Никакого тофранила. Никакого прозака. Раз уж на

то пошло, то никакого инсулина, пенициллина, никаких прививок от оспы… если только он не разыщет все запасы жизненно важных лекарств и не сохранит их в холодильнике, продлив срок годности.

«Надо бы сообщить бостонцам и торонтцам, — подумал Мэтт. — Давно надо было».

В последние месяцы он постоянно забывал о важном. Ему мешал страх за Рэйчел, он слишком сконцентрировался на ее медленной эволюции. Но теперь Рэйчел ушла. Поздно было подбирать растерянные фрагменты своей жизни, включая работу.

— Какое-то время, — ответил Мэтт, — но точнее сказать не могу, нужен более тщательный осмотр. Придется подождать, пока не пройдет буря.

— Если пройдет. А сейчас… мне по-прежнему больно.

— Схожу на склад и найду что-нибудь для вас. А вы пока лежите спокойно, не напрягайтесь.

— Какого хрена, танцевать-то я точно не пойду, — ответил Джакопетти.

Прежде чем идти наверх, Мэтт проверил, как себя чувствует Эбби.

С Джакопетти она не справилась, но в остальном проявила себя отличной воспитательницей.

Она помогла Мириам Флетт переодеться и выдала ей кофе с печеньем. Теперь Эбби подумывала, не состряпать ли горячий ужин для всех.

— Может, попозже, если Тому удастся запустить генератор и подключить микроволновку. Думаю, этому все обрадуются. Мне тяжело следить за каждым. Кое-кто хочет перебраться в коридор — там тише и ближе к туалету. Можно?

— Почему нет?

— Некоторые уже разбрелись кто куда. Не знаю, где Бет, да и Джоуи, раз уж на то пошло. В подвале везде безопасно?

— Должно быть, да. Но лучше держаться вместе. И не бегать наверх.

— Наверху опасно?

— Сейчас не слишком, но потом все возможно.

— А ты зачем туда?

— Эбби, я быстро.

— Мэтт, ты выглядишь смертельно уставшим. Тебе бы прилечь.

— Вот принесу таблетки для мистера Джакопетти и прилягу.

— Бедняга. Заболеть в такой день. Мэтт, мне в голову лезут всякие ужасы. — Эбби перешла на шепот. — Подумала, что он специально устроил себе приступ, чтобы меня разозлить. Серьезно, я

пару секунд так и думала! Стыдно.

— Эбби, на твоем месте я бы подумал то же самое.

— Правда? — Ее лицо прояснилось.

— Правда.

— Подойдешь, когда вернешься?

Он пообещал.

В тот же миг грянул гром.

Тайфун был сложным, необычным — целая серия тайфунов, наложенных друг на друга.

Лестница — из шлакобетона — находилась в юго-западном крыле больницы. Пожарный выход заколотили досками, но на окна второго и третьего этажей времени не оказалось. Одно разбилось. По лестнице к ногам Мэтта стекала струйка воды.

Новоявленный гром не прекращался. Мэтт даже не сразу сообразил, что это гром, а не надвигающийся с запада гигантский робот-разрушитель. С громом пришли молнии. Их вспышки озаряли лестницу красновато-фиолетовым светом, который мерцал, но не гас.

Мэтт подумал, что Эбби права. Он и вправду смертельно устал. Настолько, что уже не боялся новых фокусов бури. Это был уже не ураган, а нечто более мощное, не имевшее названия. Ка-

кова максимальная скорость урагана? Двести миль в час? Как-то так. А с какой скоростью это ветряное цунами било в Береговой хребет? Триста миль в час вокруг глаза? Больше? И с какой силой? Мэтт полагал, с достаточной, чтобы оно могло сровнять Бьюкенен с землей и затопить полгорода.

Поднимаясь из подвала на первый этаж, он прислушивался к порывам ветра на верхних этажах. Ветер хлопал дверьми, тряс каталки в пустых коридорах. Доносился и голос самого тайфуна — живой, органичный, настойчивый, как тремоло литавр.

Тайфун пожирал его родной город. Вырывал из земли и пожирал.

Мэтт подумал о Джиме и Лиллиан Бикс, полностью изменившихся, ставших совсем чужими, оставшимися в своих истонченных телах лишь ради какого-то процесса, который Мэтт не понимал и не желал понимать, ради перехода нерожденного ребенка Лиллиан в иное состояние и ничем не интересного появления на свет его брошенного каркаса. Наверное, Джим и Лиллиан уже сбросили кожу. Их кожи, как и множество других, летели, подхваченные тайфуном, в верхние слои атмосферы, где царило спокойствие и

не было дождя.

Мэтт отогнал эти тревожные мысли и сосредоточился на своей задаче.

Лекарства хранились в специальных кладовых, для удобства размещенных на каждом этаже больницы. Кладовые были заперты — там хранились, кроме прочего, наркотические средства, — но Мэтт обзавелся ключами еще в сентябре. Пройдя несколько шагов по коридору от лестницы, он выругал себя за то, что не взял фонарик. Киндлу удалось запустить в подвале бензиновый генератор, но тот питал лишь аварийные лампы накаливания, размещенные в десяти ярдах друг от друга.

В кладовой — тесной комнатушке, где между шкафами мог поместиться только один человек, — было темно, как ночью. Мэтт поморгал в расчете на то, что глаза привыкнут, а ящики и коробки покажутся ему в слабом свете лампы из коридора. Не сработало.

Он вернулся в коридор и задумался. Можно было вернуться за фонариком, но дело не терпело отлагательств. Мэтту не нравился все более сильный гром, свидетельствовавший о том, что буря нарастает.

Он побежал в сестринскую. На этом этаже сест-

рой-хозяйкой много лет была Хэйзел Кирквуд. У нее имелся отдельный рабочий стол, вдали от коридора. Мэтт вспомнил: сестра Кирквуд была известна тем, что каждый час на десять минут отлучалась на улицу или, в случае плохой погоды, на лестницу, чтобы покурить.

Он порылся в столе сестры Кирквуд. Нашел кучу шариковых ручек, скрепок, потертых розовых ластиков, степлер, карманный калькулятор, тампон в пластиковой упаковке… и, наконец, пачку «Кента» и спичечный коробок, аккуратно завернутые в целлофан.

Он взял коробок в кладовую. Одна спичка — на то, чтобы отыскать пропранолол для Пола Джакопетти. Другая поможет вытряхнуть содержимое из коробки со шпателями. Третья — набить эту коробку всевозможными лекарствами длительного хранения, не считая тех, которые он уже запихал в свою сумку: антибиотики, болеутоляющие, стерильная вата. Мэтт все время укорял себя за то, что не позаботился об этом до тайфуна.

Последняя спичка, чтобы проверить, все ли на месте. Затем Мэтт развернулся… и нос к носу столкнулся с Джоуи Коммонером.

Мэтт слишком устал, чтобы истолковать это, — он лишь удивился появлению Джоуи — но тут

увидел нож.

Нож был небольшим, но отчетливо видным в тусклом свете лампы. Лезвие блестело в дрожащей руке Джоуи.

— Держитесь от нее подальше, ясно? — пригрозил парень.

Его голос звучал визгливо и срывался, и Мэтту стало ясно: Джоуи, что бы его ни беспокоило, в первую очередь боится бури.

— Зачем ты сюда пришел? Здесь опасно.

— Не смейте даже подходить к ней, — произнес Джоуи.

— Может, обсудим это в другой раз? — Раскат грома заглушил весь прочий шум. — Пока на нас шкаф не упал.

— Годится, — ответил Джоуи. — Просто пообещайте, что не притронетесь к ней, и пойдем вниз.

Мэтт вдруг почувствовал, что устал от всего этого. От бури, Мириам, Джакопетти, Джоуи. Все слилось воедино, и все это было уж слишком. Он утомился. Выронив лекарства, он шагнул вперед.

Джоуи наобум полоснул ножом. Лезвие зацепило запястье Мэтта, разрезало рубашку и кожу под ней. Мэтт почувствовал внезапную резкую боль.

Он отшатнулся и уткнулся спиной в шкаф. В

кладовой было слишком тесно, не отмахнуться, а Джоуи перекрывал выход, словно кобра.

Но негодование Мэтта было столь сильным, что двинуло его вперед. Ситуация была по-детски глупой, недостойной того, чтобы так раздражаться. Не спуская глаз с ножа, Мэтт прикинул, как можно оказаться вне зоны его досягаемости и заодно вырубить Джоуи. Пространство для маневра было только в коридоре.

Он сделал еще один шаг вперед.

— Не заставляйте меня делать это! — завопил Джоуи, рубанув ножом по воздуху. Кончик едва не задел Мэтта. — Просто пообещайте не трогать ее! И все! И…

Закончить он не успел. За его спиной вдруг возник высокий силуэт Тома Киндла.

Киндл заломил Джоуи руку, заставив разжать ладонь. Джоуи жалобно взвизгнул.

Мэтт выскочил из кладовой и отошел подальше.

Киндл толкнул Джоуи в стену и отпустил. Тот развернулся. Киндл медленно отступил, раскинув руки. Затем наклонился и поднял нож.

— Швейцарский, — присвистнул он. — Крутая штука, Джоуи. Ты бы мог сначала его убить, а потом подстричь ему ногти.

— Да идите вы, — выругался Джоуи, потирая пострадавшую руку. — Я не собирался никого убивать.

Мэтт пощупал порез на запястье. Поверхностный, но крови много. Зеленый пол коридора успел покрыться кровавыми пятнами.

— В таком случае ты перестарался. — Киндл покачал головой. — Что за глупости? Размахался тут ножом! Джоуи, нас всего десять. Тебе и этого много?

Ответа не последовало.

— Зачем ты сюда притащился?

— Он трахал Бет.

Киндл оценивающе посмотрел на него и убрал нож в карман.

— Мэтт, это правда?

— Я показывал ей, как делать искусственное дыхание, — ответил Мэтт. — Она попросила обучить ее первой помощи.

— А я слышал другое, — возразил Джоуи.

— И что же ты слышал?

— Что доктор ее трахает.

— Кто тебе такое сказал?

— Бет сама сказала, — самодовольно заявил Джоуи.

На миг воцарилась тишина… если можно было

так назвать это, учитывая, как громко ветер молотил в стены.

— Джоуи, — начал Киндл, — женщины чего хочешь наговорят просто так. Особенно если им не хватает внимания. Женщина может подумать: что сильнее всего разозлит Джоуи? Что мне такого сказать, если я хочу вывести из себя этого мудака, который с самого Рождества словом со мной не обмолвился?

Джоуи всерьез задумался над этим. Мэтт решил, что в глубине души он, пожалуй, даже польщен таким предположением.

— Я просто хотел предупредить…

— О чем? Что ты убьешь его, если он станет увиваться за твоей бывшей девчонкой?

— Идите в жопу, — тихо ответил Джоуи.

— Я должен идти в жопу, потому что не хочу, чтобы единственного врача в городе зарезал ревнивый придурок? Джоуи, чтоб тебя, да какое тебе вообще дело до того, чем занимается Бет? Она тебе не жена, а если бы и была женой, измена — не преступление, за которое положена смертная казнь. Ты разозлился и захотел помахать ножом, исключительно чтобы потешить свое самолюбие. Но это глупо — а в нашей ситуации самоубийственно глупо. И это тем более удиви-

тельно, потому что ты далеко не настолько туп, как многие считают. — Джоуи внимательно поглядел на Киндла, подозревая ловушку и не зная, оскорбляют его или хвалят. Тот продолжил: — Я знаю, что говорят люди. Что говорили. Никто ни во что не ставил Джоуи Коммонера. Но может, ты и сам заметил, что все изменилось. Когда ты наладил радио…

— Чтобы его прибрал к рукам этот говнюк Мейкпис, — огрызнулся Джоуи. — Меня теперь и близко к нему не подпускают.

— Суть в том, что без тебя у нас бы не было никакого радио. Кто поймал сигнал из Бостона в двадцатиметровом диапазоне? Кто нашел Торонто? Черт побери, Джоуи, кроме тебя, никто в нашем городе не шарит в электросхемах. Ты сам это понимаешь. Так зачем заниматься ерундой? Махать красненьким ножичком только из-за того, что тебе девчонка яйца прищемила?

— Вы не понимаете, — буркнул Джоуи, но в его тоне прозвучала уступка, нотка сожаления.

— Может быть, — ответил Киндл. — Если доктор согласится — а решать ему, ведь он пострадавший, — то мы, пожалуй, скроем это недоразумение от остальных. Чтобы не порочить твое доброе имя.

Джоуи не ответил. Отведя взгляд, он выжидал.

— Я не возражаю, — сказал Мэтт.

Джоуи без эмоций посмотрел на него.

— Спускайся, — сказал Киндл. — И считай, что тебе повезло.

Мэтт посмотрел, как он ковыляет по коридору к лестнице. Дверь беззвучно открылась и закрылась. Ее звук потонул в реве тайфуна.

— Хочешь медицинский совет от дилетанта? — обратился Киндл к Мэтту. — Перевяжи рану.

Мэтт быстро ее перевязал и опустил рукав, чтобы скрыть.

— Раз уж ты здесь, поможешь дотащить медикаменты?

— Без проблем, — согласился Киндл. — Кстати, я принес фонарик. Эбби сказала, что ты забыл.

— Спасибо. И за то, что убедил Джоуи, тоже спасибо.

— Я его не убедил. Просто сбил с толку. Я подозревал, что он может выкинуть что-нибудь такое. Когда он бесится… то бесится по-настоящему. Понимаешь, о чем я?

— Он утверждал, что не собирался меня убивать. Но случайно мог.

— Дело не только в его темпераменте. У него как будто есть давняя обида. Кнопка, которую

нельзя нажимать.

— Но ты с ним хорошо справился.

— Да, до поры до времени. Но потом… — Киндл выглядел недовольным. — Мэттью, люди — такое дерьмо.

— Иногда бывают дерьмом.

— Джоуи точно бывает. Кстати, ты дрожишь.

— Вечер выдался тяжелым.

— Чертов шум, — выругался Киндл. Им приходилось переходить на крик, чтобы услышать друг друга, и он охрип. — Мэттью… позволь еще один дружеский совет? Следи за собой.

— Этот совет подойдет всем.

— Согласен. — Слегка смутившись, Киндл взял с полки коробку лекарств. — Как думаешь, дотянем мы до утра?

Рев тайфуна еще усилился. Теперь казалось, что это не просто ветер, а нечто более материальное — сталкивающиеся грузовики, сходящие с рельсов поезда.

— Должны, — ответил Мэтт. — Но нужно спуститься и больше не высовываться.

— К утру от города мало что останется, — заметил Киндл.

Мэтт выдал Эбби стерильной ваты, чтобы засунуть в уши.

— Помогает. Но разговаривать сложно. Впрочем, сейчас все помалкивают. Мэтт, ты руку поранил?

Сквозь повязку проступила кровь.

— Порезался стеклом. Ничего страшного.

— Отдохни, если получится.

Он пообещал. Дав таблетку Полу Джакопетти, он растянулся на свободном матрасе. Остальные перебрались в коридор, где было тише. Бет с Джоуи, разделенные тремя матрасами, время от времени переглядывались. Том Киндл раскладывал под дверью на лестницу полотенца. Там начала просачиваться вода. Остальные просто ждали.

Пока не окончится буря или пока не обвалится потолок, подумал Мэтт. Что раньше? Бурю невозможно было увидеть, поэтому был велик соблазн слушать ее… расшифровывать каждый шум, доходивший до подвала.

Спустя некоторое время Эбби посоветовалась с Томом Киндлом, и они подключили микроволновую печь. Еще чуть-чуть, и Эбби начала разносить подносы с горячим готовым ужином. Мэтт разделял ее мнение о целительной силе горячей пищи. Это был своего рода протест: пусть мы забились в нору, как крысы, но питаться, как

крысы, не будем.

Окончание ужина было отмечено ударом, который едва не выбил бетонный пол у них из-под ног.

— Господи, — вырвалось у Чака Мейкписа. — Кажется, рухнул кусок здания.

— Может быть, — ответил Киндл, собирая пустые подносы. — Но, скорее всего, нас что-то ударило. Например, большое дерево с парковки.

— Это же какая сила нужна, чтобы вырвать такое дерево и зашвырнуть так далеко? — поразился бледный Пол Джакопетти, которого наконец отпустила боль. — Сколько оно весит? Восемьсот-девятьсот фунтов?

— Не взвешивал, — ответил Киндл.

— А ветер поднял его, как палочку! — продолжал дивиться Джакопетти. — Поднял и бросил!

Мэтт взглянул на часы. Десять сорок пять.

В четверть двенадцатого Бет Портер почудился запах дыма. Может, что-то попало в вентиляцию? Киндл ответил, что это маловероятно, но на всякий случай пошел выключить генератор.

— Включайте переносные лампы. Глаз бури скоро будет над нами.

Без стационарного освещения в коридоре как будто похолодало. Может, и вправду. Мэтт поду-

мал, что там изначально было не слишком тепло. Он помог Эбби раздать одеяла.

Коридор содрогнулся от нового толчка, затем еще от одного.

«Боже, — подумал Мэтт, — что там творится?»

Он попытался представить, как должен измениться окружающий мир, чтобы в нем копьями летали пихты.

В полдвенадцатого раздался новый, еще более громкий удар, сопровождавшийся ревом, который сотряс фундамент. Откуда-то снизу, из-под бетона, из-под почвы, пришла вибрация.

— Теперь точно что-то обрушилось, — заявил Джакопетти. — Может, даже целый этаж.

— Похоже на то, — ответил Киндл, после чего шепнул на ухо Мэтту: — Надеюсь, ты не слишком усердно его лечишь.

— Я сейчас закричу, — призналась Эбби, садясь рядом с бледно светящимся фонарем. — Предупреждаю заранее.

Мэтт решил, что глаз бури совсем близко. Стена ветра тверже кирпича. Ветер обрел плотность: стал твердым, смертоносным.

Он представил, как ветер срубает больницу, точно дерево, и подкапывается под пенек, под которым попрятались люди, — терьер, разрыва-

ющий лапами мышиное гнездо.

Фундамент снова содрогнулся. Мэтт опять посмотрел на часы. В этот миг батарейка решила сесть. Циферблат погас; Мэтт постучал по нему, и часы показали 13:91.

— Эбби, у тебя есть часы?

В двенадцать двадцать пять ветер вдруг стих.

Грохот товарных поездов постепенно умолк.

Воздух шевелился. С пола поднялась пыль и заплясала в свете фонарей.

— Глаз бури, — догадался Киндл. — Здание выдыхает.

— У меня барабанные перепонки лопнули, — заявила Эбби.

Мэтт подумал о гигантском перепаде давления, которым сопровождался приход центра тайфуна.

— У меня еще хуже, — ответил Боб Ганиш. — Кровь носом пошла.

Было спокойно, как во сне. Мэтт слышал, что в глазу бури небо ясное, можно видеть звезды. Он представил Бьюкенен — руины Бьюкенена, — окруженный правильным кольцом облаков, и сияющую луну над мокрыми развалинами.

Остатки тепла, казалось, разом улетучились. Мэтт плотно закутался в одеяло и заметил, что остальные поступили так же.

Эбби была словно загипнотизирована тишиной.

— Буря ведь снова ударит? Так же или еще сильнее? Одним махом. Верно?

Киндл передвинулся на матрас Эбби и приобнял ее.

— Верно. Но это будет значить, что худшее позади. Останется только ждать.

— Можно мне ваты? — подал голос Боб Ганиш. — Кровь так и хлещет.

Мэтт помог ему. В полумраке кровь на рубашке Ганиша казалась черной. Мэтт работал на автомате, по-прежнему думая о лунном свете.

— Ох, — печально вздохнула Эбби. — Я слышу… шум возвращается.

Мэтт втянул в себя воздух, прислушался. Действительно. Вот он, этот грохот товарных поездов. Он надвигался на землю с воды, поднимался по склону к бьюкененской больнице. Легко можно было вообразить, что это живое существо. Громадный, тяжеловесный, тупой и злобный левиафан.

— Мэттью, лучше присядь, — посоветовал Киндл.

«Господи, — с трепетом подумал Мэтт. — Только послушайте».

«Помощник», надежно прикрепленный к земле рядом с местом, где ранее стояла городская ратуша, наблюдал за разрушением города.

Он собирал воедино картинки с нескольких каналов, заглядывал глубоко внутрь тайфуна. Он видел то, чего не могли видеть смертные.

Видел, как тайфун надвигается. Видел то, что Мэтт Уилер мог лишь представить: луну, освещающую разбитые пни, кирпичи, искореженные грузовики, надломившиеся опоры мостов, куски гипсокартонных перегородок, дорожный асфальт, кровли и потоки воды, над которыми серебристой дымкой висели частицы фитопланктона Странников.

Затем с запада приблизился глаз бури, и луну заслонило черное щупальце ветра.

«Помощник» смотрел, как глаз бури поглощает больницу Бьюкенена.

Тайфун уже сорвал крышу и часть третьего этажа. Нового удара ослабленная структура не перенесла.

Куски бетона взмыли вверх, таща за собой ржаво-красные, как разорванные артерии, фрагменты арматуры. Обломки больницы смешивались в воздушном котле с кусками других зданий. Белые халаты наматывались на ветки

деревьев, больничные простыни насаживались на осколки стекла.

В полости под развалинами здания прятались люди. Но даже зоркие глаза «помощника» не могли видеть сквозь землю.

Здание рухнуло под аккомпанемент ветра с таким грохотом, что Мэтт даже не уловил звука. Его словно обухом по голове ударило. Отправило в нокдаун.

Он видел, как кричит Эбби, но не слышал ее.

Остальные вжались в матрасы и как будто уменьшились.

Потолок столовой обвалился. Посыпались куски бетона, останки западной стены. Мэтт ясно видел это из коридора сквозь открытые двери столовой. Двери распахнул штормовой ветер, прорвавшийся внутрь через пробитый потолок.

«Если бы мы были там, — пронеслось в голове у Мэтта, — если бы остались в столовой…»

Над головой стал виден кусок истерзанного неба. Ветер накрыл коридор одним страшным порывом. Главный удар принял на себя Тим Беланже. Он опрометчиво лег у самого входа в столовую. Ветер, пронизанный пылью, влажный, почти смолистый, треснул его головой о стену и отбросил в сторону.

Потом смел переносные фонари и зашвырнул их далеко в коридор. Том Киндл успел подхватить один, но остальные потухли, ударившись о дверь на лестничную площадку. Неразборчиво крича, Киндл замахал спасенным фонарем, подзывая остальных к себе.

Мэтт против ветра прорвался к Тиму Беланже. Секретарь городского совета был без сознания. Мэтт набрал в грудь побольше воздуха вместе с мокрой пылью и грязью и потащил Беланже подальше от столовой, к едва различимому маяку в руках Киндла.

Тяжелее всего было дышать. Мэтт думал, что справится, если получит достаточно кислорода из влажной жижи, в которую превратился воздух. С каждым вдохом рот наполнялся мелким песком, в легких саднило. Он нашел нужный ритм: вдыхал, кашлял, сплевывал, выдыхал. Беланже висел на нем мертвым грузом, и Мэтт несколько раз подумал о том, чтобы бросить его. Это было бы разумно. Спасти свою шкуру, тем более что Беланже мог быть уже мертв. Но руки не отпускали пострадавшего. Предательские руки.

Он столкнулся с Эбби Кушман; та указала налево, в сторону дверного проема. Мэтт перетащил Беланже через порог. Киндл вжался в стену, вы-

ставив фонарь в коридор.

— Готово! — крикнул он, увидев Беланже. — Мэттью, помоги мне закрыть дверь!

Они с трудом захлопнули ее. Киндл закашлялся и выплюнул на пол черный сгусток.

— Хватай эту балку, нужно заколотить! Потом посмотрим, как там остальные.

Киндл снял с пояса молоток и принялся заколачивать гвозди, пока Мэтт держал балку и одновременно пытался откашляться.

Насколько Мэтт мог судить, они были в котельной — бетонный пол, открытые трубы, громадный нагревательный котел. В воздухе парила густая пыль, но в целом все было достаточно спокойно. Рано или поздно пыль осядет, а пока…

— Если трудно дышать, прикройте нос и рот куском ткани.

— Еще бы платяной шкаф найти, — слабо ответил Джакопетти.

— Оторвите рукав рубашки или еще что-нибудь. Если чувствуете, что без этого никак.

Заколотив дверь, Мэтт занялся осмотром пострадавших, взяв у Киндла фонарь и позвав на помощь Бет. Первым делом он занялся Тимом Беланже. Секретарь городского совета начал приходить в себя после удара головой. Волосы

слиплись от крови, но травма оказалась не очень серьезной — насколько Мэтт мог прикинуть на глаз, без специального оборудования.

Мириам Флетт дышала с трудом, как и все. Он посоветовал ей сплевывать при необходимости.

— Мириам, сейчас не до приличий.

— Вижу, — выдавила она. Левой рукой она сжимала полиэтиленовый пакет со своими дневниками.

Джакопетти снова накрыла стенокардия, но на этот раз приступ был легким.

— Док, это ведь нормально? Учитывая, что на нас только что обрушилось чертово здание?

— Думаю, мы все неплохо справляемся.

— У нас нет одеял, — с грустью заметила Эбби. Она откашлялась, едва не подавилась и снова откашлялась. — У нас ничего нет.

— В резервуаре есть вода, — сказал Киндл. — Я проверил перед бурей. Здесь отдыхали подсобные рабочие. В углу есть карточный столик и автомат с шоколадками.

— У кого-нибудь есть мелочь? — спросила Эбби.

— Нет, — ответил Киндл. — Зато есть молоток.

Ветер продолжал завывать. Но Мэтт почувствовал, что буря идет на спад. Это было очевидно.

Худшее осталось позади, тайфун постепенно затихал над окраиной континента. До утра оставались считаные часы.

Наверху ветер грыз остов здания, неутомимо, но уже не с таким остервенением.

Том Киндл сел рядом с Мэттом, устало сложив руки. Каким бы выносливым ни был Киндл, усталость одолела и его. Все его лицо было в пыли, волосы спутались в черно-серый клубок.

— Если рухнула даже больница, — заметил он, — от города вряд ли что-то осталось.

— Скорее всего, — согласился Мэтт.

— Когда буря пройдет, настроения будут такими, что придется ехать на восток.

— Наверное.

— Жаль этот город.

Неужели города действительно больше нет? Мэтт не хотел даже думать об этом. Но факты были налицо. Что могло выстоять против тайфуна? Коммершл-стрит разрушена. Ратуша рухнула. Гавань смыло в море.

«Дос агилас» разрушен. Парк Олд-Куорри превратился в груду грязных поваленных деревьев.

И его дом, где он вырастил дочь, где умерла Селеста. Разрушен. Однако…

— Это не город, — произнес Мэтт. Мысль, рож-

денная усталостью и сожалением, пришла к нему в тот же миг. — Город — это люди в этой комнате. Город — это мы.

— Тогда, пожалуй, можно сказать, что город уцелел, — ответил Киндл.

«Может быть, — подумал Мэтт. — Может быть, город доживет до утра».

Часть четвертая. Жатва

Глава 25. Странник

Мальчик проделал долгий путь.

Его худощавое двенадцатилетнее тело закалилось в дороге. Глаза у него были голубыми, волосы — темно-русыми. На нем были джинсы, свободная белая футболка и новые высокие кроссовки.

Кроссовки ему нравились. Туго зашнурованные, они крепко облегали лодыжки. Как вторая кожа. Приятное ощущение.

Он ехал на дорогом горном велосипеде «Накамура», взятом с витрины магазина в Уичите. По дороге на север, при переезде через границу Юты и Айдахо, велосипед запылился, и накануне вечером мальчик почистил его влажной тряпкой на заправочной станции «Эксон». Смазал втулку заднего колеса, тормоза, кабели и механизм переключения передач. Подтянул цепь и крепления педалей, отрегулировал подшипники. С утра маленький «нак» шел чудесно.

Было прохладно. Суровое, стеклянистое голубое небо напоминало мраморный шарик, который когда-то был у мальчика.

Он ехал по федеральной автостраде № 84 через заросшие полынью равнины, вдоль берега

Снейк-ривер, рассеянно напевая себе под нос. Ему нравилось, как ветер теребит волосы и заставляет футболку развеваться, словно флаг.

За восемьдесят дней он повидал большую часть страны. Пересек Миссисипи у Кейро, проехал через Арканзас до Техаса, три недели укрывался от бурь в Далласе. Добрался до мексиканской границы у Эль-Пасо и повернул на север вдоль Рио-Гранде, а затем — снова на запад, через Континентальный водораздел.

Он крутил педали среди бескрайних пустынь юго-запада, где пейзажи были удивительными, почти лунными. В Аризоне его накрыл проливной дождь. Дождь затопил пересохшие русла рек, молнии пронзали засушливые холмы, и мальчик промок до нитки, прежде чем нашел убежище. Но он не болел и не уставал.

Теперь его ждали горы Салмон-Ривер — одно из самых непроходимых мест континентальных Соединенных Штатов. Заросли лиственниц и канадских елей, кедров и сосен.

В полдень он остановился пообедать в маленьком безымянном городке. Взломал холодильник на заправочной станции и достал две бутылки виноградного «Краша». Одну выпил сразу, другую оставил про запас. В некоторых городах, включая

этот, еще работало электричество. Газировка была холодной, почти ледяной. В соседнем гастрономе он нашел холодильник с готовыми обедами. Странно. Без обслуживания холодильники часто отказывали даже при наличии электричества. Срок годности обедов вышел, но совсем недавно. Мальчик распечатал один и подогрел в микроволновке прямо в магазине. На вкус — сносно. Он запил еду второй виноградной газировкой, и его губы окрасились фиолетовым.

В сумке на багажнике мальчик хранил кое-какие вещи. Пообедав, он достал оттуда панаму цвета хаки, взятую из магазина «Охотник-рыболов» на востоке. Размер был неподходящий, но от солнца панама защищала надежно.

Мальчик вскочил на велосипед и погнал по белой линии, ровным меридианом делившей надвое пустую дорогу. Подшипники вытягивали тонкую, протяжную ноту.

Он миновал орошаемые фермы, огромные картофельные плантации, в отсутствие человека ставшие коричневыми от гнилой ботвы, и снова углубился в полынь, следуя вдоль Снейк-ривер на запад.

Незадолго до заката, подумывая о том, чтобы разбить лагерь, мальчик заехал в другой го-

родок, где увидел вереницу припаркованных автоприцепов и домов на колесах. Среди машин копошились люди.

Мальчик понял: он кое-что знает об этих людях и о том, куда они держат путь.

Неожиданная встреча встревожила его. Нужно было решать, что делать дальше.

Здесь дороги расходились. Одна бежала к горам Салмон-Ривер — последнее приключение, прежде чем отправиться Домой. Другая вела в неизвестность.

Возможно, он не случайно наткнулся на этих людей.

Мальчик постоял немного в размышлениях, зажав велосипед между ног.

Затем тяжело вздохнул и покатил к ближайшему прицепу.

Это был пыльный «трэвелер». Задняя дверь была распахнута настежь, внутри сидела пожилая женщина с книгой. На ней было мешковатое цветастое платье, поверх которого была накинута голубая вязаная кофта. В свете низкого солнца она, щурясь, читала Библию короля Иакова.

Щелканье подшипников привлекло ее внимание. Мальчик остановился в ярде от прицепа, слез с велосипеда и уставился на женщину.

Та уставилась на него.

— Здравствуй, — сказала она наконец.

— Привет, — опасливо ответил мальчик.

Женщина отложила книгу:

— Откуда ты взялся?

— Приехал с востока.

— Ты один?

Он кивнул.

— А мама? Папа?

— Умерли.

— Ох. Жаль.

— Уже давно.

— Куда путь держишь?

— Да особенно никуда.

— Есть хочешь?

С обеда прошло уже несколько часов. Мальчик кивнул.

— У меня есть еда, — сказала женщина. — Свежие яйца и вяленая говядина. И плитка есть, чтобы готовить. Поужинаешь со мной?

— Хорошо, — ответил мальчик.

Он забрался в прицеп. Внутри была пропановая плита. Женщина включила ее и поставила на огонь сковородку. Сразу стало тепло. Стояла солнечная, довольно приятная погода, но в это время года ночи еще были холодными. Мальчику

хотелось поспать в тепле.

Пока женщина готовила, он осмотрелся. Смотреть, впрочем, было особенно не на что. Несколько книг, включая потрепанную Библию. Стопка альбомов, которые, видимо, когда-то промокли — обложки выгнулись, страницы сморщились. Нестираная одежда. Он сел за маленький раскладной столик.

На сковородке шкворчали яйца. Женщина что-то напевала. Мальчик узнал песню. «Unforgettable». Старая песня, которую прославил Нэт Кинг Коул.

«Давным-давно»[36].

Он подождал, пока женщина прочитает молитву, после чего принялся уплетать омлет.

— Вот соль, — показала женщина, — вот перец. Вода для кофе кипятится. Ты пьешь кофе?

Он кивнул с набитым ртом.

— Надо познакомить тебя с остальными. — Женщина подцепила вилкой свой кусок омлета. — Мы путешествуем группой. На восток. К другим людям. Мы из Орегона, с побережья. У нас разразилась ужасная буря, и… ох, долго рассказывать. Потом узнаешь. Ты устал?

---

[36] Примечания: 36

Первая версия песни в исполнении *Нэта Кинга Коула* (1919–1965) была записана в 1951 г.

— Немного.

— Ты, наверное, проделал долгий путь на своем велосипеде.

Он кивнул.

— Ладно, — сказала женщина. — Вечером тебя представлю. Будет собрание. Вроде городского совета, если можно назвать нашу компанию городом. Если хочешь, можем не задерживаться, но нужно оповестить других, что ты здесь… Господи, я ведь даже не спросила, как тебя зовут! Где мои манеры? Я Мириам. Мириам Флетт. А ты?

— Уильям, — ответил мальчик.

— Уильям?..

— Просто Уильям.

— Потерял фамилию?

Он развел руками.

— Ну ладно. Я все равно рада знакомству, Уильям. Не сомневаюсь, что и остальным ты понравишься. — Мириам откусила маленький кусочек омлета и принялась медленно, по-старушечьи жевать. — Докучать тебе никто не будет. Нас всего десять. Точнее, одиннадцать, если считать этого полковника Тайлера.

Глава 26. Выборы

Бет Портер пожала мальчику руку и на миг заглянула в его большие голубые глаза.

«Странные глаза для мальчугана, — подумала Бет. — Слишком… какие? Спокойные? Спокойные, но внимательные».

Но с виду он был вполне милым парнишкой. Все были рады увидеть новое лицо. Пожимали Уильяму руку и что-то приветственно говорили. Даже полковник Тайлер взъерошил мальчику волосы — однако в этот момент улыбка Уильяма вдруг перестала казаться искренней.

«Тоже странно», — подумала Бет.

Затем Мэтт Уилер призвал всех сесть.

Они собрались в гостиной небольшого деревянного дома у заправки. Дом слишком долго стоял запертым, в нем было пыльно и затхло, но по сравнению с холодной весенней улицей — вполне уютно. Мэтт принес из своего фургона десять складных стульев. Том Киндл подключил электрический обогреватель, который мало чем помогал, но для Бет главным было то, что они выбрались из Каскадных гор на Территорию Рабочих Розеток. Она полагала, что во всех здеш-

них городках электричество работает благодаря какой-то магии «помощников»… и в Бьюкенене тоже работало бы, если бы тайфун не разнес все на своем пути. Ей было все равно. Фонари, которым не нужны батарейки? Отлично. Горячая вода? Превосходно.

Днем они по очереди помылись в душе. Бет все еще вспоминала первые чудесные прикосновения горячей воды к коже. Как ласки огненного ангела. Она смаковала эти ощущения несколько часов.

Она села на стул рядом с Эбби Кушман, позади Джоуи. Перед ними Мэтт Уилер (выглядевший особенно бледным под двумя шестидесятиваттными лампами) рассказывал о чем-то неважном, в первую очередь о том, что Джоуи раздобыл в Твин-Фоллз переносную радиостанцию. Затем все единогласно проголосовали за то, чтобы завтра с утра продолжить путь на восток.

Наконец пришло время для серьезного голосования, которого Бет ожидала с ужасом.

— На прошлой неделе мы решили провести перевыборы председателя, — устало объявил Мэтт. — Можем начать с выдвижения кандидатур. Кто первый?

— Предлагаю полковника Джона Тайлера! —

вскочил Джоуи, едва не повалив стул под ноги Бет.

— Поддерживаю, — добавил Джакопетти.

«Вот это номер», — подумала Бет.

Эбби Кушман с легким удивлением подняла руку:

— Мэтт, ты хорошо справлялся. Можно оставить все как есть? Я предлагаю тебя.

Ее поддержала Мириам. Бет снова удивилась.

— Итак, у нас два кандидата, — сказал Мэтт. — Кто-нибудь еще?

— А двух мало? — ответил Джакопетти. — Может, нам всем выдвинуться?

Больше предложений не последовало.

— Хорошо, — сказал Мэтт. — Дебаты нужны? Думаю, все и так знают наши с полковником позиции.

Все согласились.

— Голосуем поднятием рук. Мы с полковником Тайлером воздержимся… и, думаю, наш новый гражданин тоже должен воздержаться, пока не войдет в курс дела.

— Полагаю, Уильям не будет возражать, — улыбнулась Мириам Флетт.

— Отлично. Кто за полковника Тайлера?

Бет поспешно огляделась вокруг. Разумеется,

Джоуи мгновенно вскинул руку. Джакопетти, несколько высокомерно, сделал то же самое. Двое. Двое из девяти.

Поднялась пухлая лапа Боба Ганиша. Три.

Повисла долгая, напряженная пауза. Все.

— Кто за вашего покорного слугу?

Эбби с Томом Киндлом разом подняли руки, за ними — Мириам. Три на три.

— А что, если ничья? — спросила Эбби.

— Обычно, — ответил Мэтт, — решающий голос остается за председателем. Но это будет нечестно, так как мы с полковником Тайлером договорились воздержаться. В «Правилах», наверное, что-то есть по этому поводу. Но проще, наверное, переголосовать. У нас много воздержавшихся. Вдруг кто-нибудь передумает?

«То есть я. — Бет покраснела. — Я, Чак Мейкпис и Тим Беланже».

Решение Мейкписа предсказать было невозможно. А что касается Беланже… Мэтт спас ему жизнь, вынеся в бурю из разрушенного коридора. Но Беланже сблизился с Тайлером, когда тот присоединился к ним. И это, в конце концов, было лишь голосование за председателя, а не проверка лояльности… по крайней мере, на первый взгляд.

Мейкпис, Беланже…

«И я, — подумала Бет. — Господи, пожалуйста, пускай до меня не дойдет!»

— Кто за полковника Тайлера? — повторил Мэтт.

Та же троица: Джоуи, Джакопетти и Боб Ганиш… и — «упс», — подумала Бет. — Чак Мейкпис присоединился к лагерю Тайлера. Теперь их стало четверо.

— Еще можно добыть ничью, — заметила Эбби.

— Не агитируй, — приструнил ее Мэтт. — Кто за меня?

Мириам, Эбби, Том Киндл. Бет сложила руки и уставилась на них. Когда она подняла голову, то увидела, что Беланже поднял руку за Мэтта. Четыре на четыре.

— Срите или слезайте с горшка, дорогуша, — бросил ей Джакопетти.

Она подумала о Мэтте: один перед всеми, усталый, недовольный.

Она подумала о полковнике Тайлере, о том, как он при встрече пожал ей руку. О том, как он улыбался.

Бет не находила в себе сил смотреть на кандидатов. Или на Джоуи. Или на беззубого сукина

сына Джакопетти.

— Тайлер, — прошептала она.

— Что-что? — переспросил Джакопетти.

— Полковник Тайлер! — Она смерила его полным ненависти взглядом.

В комнате повисла тишина.

Джоуи с ехидной ухмылкой повернулся к Бет.

Мэтт откашлялся:

— Полковник?

— Да, доктор Уилер?

Тайлер поднялся, выглядя безупречно в военной форме.

— Полагаю, теперь это ваш молоток.

Бет вспомнила, как полковник Тайлер появился в городе. После тайфуна началась настоящая безнадега: Бет выбралась из развалин и увидела плоский мир без ориентиров, где все было разрушено, где из «фольксвагенов» торчали кровати, а прогулочные яхты плавали по морю поваленных елей.

Через несколько дней Бет отправили на поиски еды. Они с Эбби Кушман и Бобом Ганишем поехали на юг по шоссе, которое теперь можно было назвать так лишь с трудом. Оно превратилось в тропу, вилявшую среди обломков зданий. Их целью был большой супермаркет. Поиски были

чем-то вроде археологии. Бет всегда ориентировалась по рукотворным объектам, дорожным знакам, перекресткам и магазинам. Теперь не осталось ничего, кроме изгиба береговой линии и причудливого склона горы Бьюкенен, возвышавшейся над равниной, полной однотипного мусора.

После бури небо стало пастельно-голубым. Дул холодный ветер. Поношенный свитер не согревал Бет и быстро испачкался от ползания по сырому гипсокартону и старой опалубке в поисках консервов. Найденные банки грузили в большие двухслойные мешки для мусора, чтобы отвезти в город. Бет чувствовала себя женщиной Средневековья. Грязной побирушкой.

После обеда, шмыгая носом от холода, она распрямилась, чтобы дать отдохнуть спине, и увидела его.

Полковника Джона Тайлера.

Она сразу поняла, кто этот человек вдалеке. Джоуи говорил с ним по радио. Совсем недавно Чак Мейкпис объявил, что полковник следует в Бьюкенен. Но это было еще до тайфуна. Бет думала, что тайфун все изменил, спутал все планы.

Но полковник Тайлер прибыл, как и обещал.

Он был пешком. Немного испачкался. Но он

шел по шоссе с высоко поднятой головой, гладко выбритый, в поношенной, но аккуратно надетой военной куртке, и Бет при виде его почувствовала немыслимое удовольствие. Он был как будто призраком утерянного мира.

Она не стала звать других. Пусть копаются в развалинах. Бет смотрела, как приближается полковник. Ей хотелось предстать перед ним не такой грязной, с расчесанными волосами.

Тут его заметила Эбби.

— Ну и ну, — вырвалось у нее.

Боб Ганиш встал и разинул рот. В одной руке у него был зеленый мусорный мешок, пузо вываливалось из штанов.

«Хорошая из нас приветственная делегация, — подумала Бет. — Пожилая леди, чумазый автодилер и я».

Приблизившись, Тайлер улыбнулся. Его возраст бросался в глаза, но для своих лет он находился в отличной форме. Седые волосы были коротко подстрижены. Казалось, он ничуть не устал и, если понадобится, может идти вечно.

Бет вдруг засмущалась и принялась одергивать свой грязный свитер.

Первым выступил и представился Ганиш. Полковник Тайлер с серьезным видом пожал ему

руку.

— Помню, мы общались по радио, — сказал он спокойным, звучным голосом. — Рад встретиться с вами лично.

Затем пришел черед Эбби.

— Наслышан о вас, миссис Кушман.

Улыбки и ничего не значащая дребедень, какую обычно говорят при знакомстве. Наконец Боб и Эбби представили полковнику Бет.

Полковник Тайлер пожал ей руку.

Его рука была большой и теплой. Рука Бет — ледяной и огрубевшей от работы. Ей стало приятно. Она подумала, что его рука — одна из самых интересных вещей на свете. Большая мужская рука, в морщинах, твердая, но нежная.

— Если позволите мне эту ремарку, мисс Портер, — сказал Тайлер, — то я давно не встречал таких красавиц.

— Бет, — выдавила она.

— Бет.

Ей понравилось то, каким тоном он произнес ее имя.

Они вместе побрели в город. Тайлер взвалил на себя мешок с консервами и по пути рассказал, как испортились дороги («но в горах лучше»), что им придется тщательно подготовиться к путеше-

ствию на восток, и так далее и тому подобное. Бет не отвечала и не особенно прислушивалась. По возвращении Тайлер представился остальным, ему показали убежище, устроенное в уцелевшем уголке больницы; Джоуи был вне себя от счастья и улыбался каждый раз, когда Тайлер обращался к нему — а это случалось часто, ведь они весьма тепло общались по радио. Затем Тайлер с Мэттом и Томом Киндлом принялись планировать путешествие, и с тех пор все дни были заняты насыщенной работой.

Но Бет не забыла прикосновение его руки.

«Давно не встречал таких красавиц».

По пути из Орегона Бет отметила свой двадцать первый день рождения. Но никому об этом не сказала. Может, она и вела себя как не желавший взрослеть подросток — разъезжая с Джоуи на мотоцикле и занимаясь вандализмом, — но все-таки ей исполнился двадцать один год; она была полноценной женщиной, пусть не самой привлекательной и воспитанной, но единственной среди выживших, кому было меньше сорока. Из-за этого у Джоуи развилась настоящая паранойя (хотя никто не давал ему на это права) и все немного нервничали. К ней пару раз пытался подкатывать Чак Мейкпис, да и Тим Беланже тоже

позволил себе несколько осторожных намеков.

Но они ей не нравились.

А кто нравился?

Ну… Джоуи, но это было в прошлом. Об этом периоде своей жизни она старалась забыть.

Ей нравился Мэтт Уилер.

Ей нравился полковник Тайлер.

Этому не стоило удивляться. Удивляться стоило тому, что она могла нравиться им. И возможно (это было удивительнее всего), не только потому, что выбора у них не было.

После того как Мэтт обучил ее первой помощи, после приступа Джакопетти, Бет подумывала, что для нее может найтись занятие в новом мире.

Кое-что получше работы кассиром в «Севен-Илевен».

Новый мир, новая работа, новая Бет Портер, выбившаяся из грязи в князи.

Она вспомнила татуировку на своем плече.

«БЕСПОЛЕЗНАЯ».

Когда-то это казалось прикольным.

Может, так и было.

Может, это даже было правдой.

А теперь, пожалуй, нет.

Ей придется объясниться с Мэттом по поводу голосования. Будет неприятно.

А пока она наблюдала за полковником Тайлером. Тот улыбнулся, поблагодарил Мэтта за работу, а остальных — за доверие относительно новому члену коллектива. Сказал, что отнесется к председательству со всей серьезностью и постарается оправдать ожидания.

Затем он взглянул на часы:

— Уже поздно, всем наверняка хочется выспаться перед отъездом. Поэтому я выдвину лишь одно предложение. Кое-кто был недоволен еженедельными собраниями. Может быть, нет нужды устраивать официальные встречи так часто, учитывая, что мы видимся каждый день? Мне кажется, разумно делать это лишь в экстренных случаях. Думаю, мы спокойно можем сократить число заседаний Комитета до одного раза в месяц. Разумеется, с вашего согласия. Есть возражения?

Возражений не было, хотя Мэтт сильно нахмурился.

— Хорошо, — сказал Тайлер. — Тогда еще пара мелочей. Сегодня я выставил часовых. Думаю, следует выставлять их на постоянной основе. Джозеф и Тим вызвались выполнять эту работу. Если никто не возражает, можно назначить обоих караульными, пока им не надоест.

— Вооруженными караульными? — уточнил

Киндл.

— С легким огнестрельным оружием, — ответил Тайлер.

— Полковник, это необходимо? — спросила Эбби.

Тайлер ласково улыбнулся:

— Надеюсь, что нет, миссис Кушман. Полагаю, применять оружие не придется. Но рисковать глупо. В конце концов, существует угроза нападения диких зверей. Я не могу отправить человека в ночной дозор безоружным.

(— Доигрались, — прошептал себе под нос Киндл.)

Он внес еще несколько предложений. Без голосования; полковник лишь брал паузы на случай «возражений», которых не последовало.

«По-деловому, — подумала Бет, — но второпях».

Обсудили радио. В группу по связи вошли Джоуи с Мейкписом. Остальным доступ был ограничен. Общаться с «помощниками» — а свои «помощники» были даже в самых маленьких населенных пунктах — теперь разрешалось лишь через назначенного представителя: Тима Беланже.

— На мой взгляд, учитывая, как мы пострада-

ли от действий Странников, коммуникация с «помощниками» должна быть ограниченна. Не уверен, что мы должны доверять их посланцам, хотя временами они доказывали свою полезность.

Наконец пришло время закрывать заседание. Вверх взметнулись руки.

— Быстро работаете, полковник, — заметил Том Киндл и одобрительно присвистнул.

— Мистер Киндл, у вас было время, чтобы высказать возражения. Для этого мы и проводили собрание. Но теперь обсуждения окончены.

— Это уж точно, — ответил Киндл.

В местной библиотеке Мэтт нашел учебник для Бет — пособие Красного Креста по первой помощи, в котором была глава о травмах. Там, где информация устарела, он сделал пометки на полях. Он рассчитывал, что Бет за пару недель научится делать инъекции и выучит список современных антибиотиков. Не считая сердечно-сосудистых проблем Джакопетти и старческих болячек Мириам, единственными их проблемами были травмы и плохая еда.

Ближайший урок был назначен на вечер, но собрание затянулось, и Мэтт сомневался, что Бет придет.

«Наверное, не захочет», — подумал он.

В его автофургоне было холодно. Почти все собрались спать в доме. Киндл предупреждал об опасности давно не используемых масляных обогревателей (доказательством чему был сгоревший район Твин-Фоллз, через который они проехали), а газовые по неизвестным причинам перестали действовать. А вот электричество благодаря дотошности Странников работало исправно. Киндл подключил несколько дорогих электрообогревателей, которые вырубались сами, если уронить их. Можно было легко обогреть комнату для всех. Это было безопасно и спасало от лишних мучений тех, кто страдал артритом, — вроде Мириам.

Но Мэтт предпочитал спать в фургоне. Он служил ему одновременно и домом, и приемным кабинетом, обеспечивая связь с прошлым в мире, где столько всего перевернулось кверху дном.

Мэтт взял другую книгу, детектив Рэймонда Чандлера; действие происходило так давно, что казалось фантастикой. Включил лампу и устроился поудобнее.

На сухих берегах Снейк-ривер ветер был порывистым и изредка потряхивал фургон, отчего старые амортизаторы скрипели. Мэтту никак не

удавалось сосредоточиться. Он думал то о книге, то о Тайлере, о собрании, о мальчике, забредшем в лагерь…

Он уже зевал, когда постучала Бет.

Она вошла. Мэтт взглянул на часы:

— Бет, уже поздно…

— Знаю. Все уже спят. — Она замешкалась. — Я пришла объясниться.

Очевидно, насчет выборов. Объясниться, не извиниться.

— Ничего, — сказал он.

— Нет. — Она нахмурилась. — Не «ничего». Не хочу оставлять это без объяснений. Мэтт, дело не в том, что я тебе не доверяю, и не в том, что ты плохо справлялся. Все ценят твой труд. Но когда я посмотрела на тебя там… ты выглядел смертельно усталым.

Правда? Ну, может быть. Устал ли он на самом деле?

Сильнее, чем отваживался признать.

— Возможно, я допустила ошибку, — сказала Бет.

— Ты поступила так, как считала правильным в тот момент. Никто не может тебя за это винить.

— Мне показалось, что тебе надоела эта работа.

— Надоела.

— Но тебе не хотелось передавать должность Тайлеру.

— Ну… не хотелось.

— Он вроде неплохой человек.

— Дело не в этом. Бет, он не просто принял руководство Комитетом, он его уничтожил. Что мы получили за десять минут после избрания Тайлера? Доступ к «помощникам» ограничен. Доступ к радио ограничен. Лагерь под вооруженной охраной.

— Звучит зловеще. — Бет передернуло.

— Так и есть.

— По-моему, он просто привык к армейским порядкам.

По его собственным словам, полковник Тайлер ушел из армии почти пятнадцать лет назад. Нет, не привычка позволила ему занять руководящий пост, а тщательно подготовленный план и присутствие вечно недовольных оппозиционеров: Пола Джакопетти и Джоуи Коммонера.

И еще кое-что. Мэтт чувствовал в поведении полковника некое беспокойство, нетерпеливость на грани агрессии. Если присмотреться, можно было увидеть, как Тайлер притоптывает ногой в такт своему внутреннему ритму, уставившись

в одну точку отсутствующим взглядом и крепко сжав кулаки.

Но он не мог рассказать об этом Бет. Та решила бы, что его подозрительность чрезмерна, что он просто завидует. Как бы то ни было, ее голос значил не больше, чем голос Чака Мейкписа или Боба Ганиша. Он лишь казался более весомым из-за важности момента.

Она поступила так, как посчитала правильным, и, возможно, ее решение было не таким уж плохим.

— Наверное, мне лучше уйти, — сказала она.

— Как хочешь.

— Ты не сердишься? — осторожно спросила она.

— Нет.

Он и правда не сердился.

Бет села рядом и прислонилась к нему головой.

Мэтт погладил ее волосы, прислушиваясь к ночному ветру, трепавшему фургон. Он никак не мог привыкнуть к равнинам материка. Скучал по морю.

Он задумался о Бет, обо всех ее ипостасях. Брошенная, угрюмая Бет. Бет с татуировкой «БЕСПОЛЕЗНАЯ» на плече, из-за которой Джоуи

Коммонер взялся за нож.

И другая Бет. Бет, своим спокойствием утихомирившая нервного Джакопетти. Бет, с монашеским усердием изучающая учебники по анатомии.

Из мусора, которым была полна ее жизнь, прорастало нечто чистое и сильное.

— Джоуи на посту, — сказала она. — Сидит у костра на западном шоссе.

— Он видел, как ты шла ко мне?

— Нет. Я устала волноваться из-за Джоуи. Он ведет себя как мудак.

— Возможно, он опасен.

— Джоуи с карманным ножиком? Сомневаюсь.

— После того, что ты тогда сказала…

— Я сожалею об этом. Но он мне не хозяин. И никогда не был.

— У нас хрупкое сообщество. Не хочу создавать лишних проблем.

— Значит, мне уйти? — с вызовом бросила она.

— Бет… ты сама знаешь, что я тебя не гоню.

— Тогда я останусь.

— Оставайся.

Холодная ночь стала немного теплее.

Глава 27. Маршруты

Караван из десяти фургонов и домов на колесах, во главе с полковником Тайлером, ехавшем за рулем полноприводного «форда», повернул на юг, в сторону Юты.

Несмотря на сухой воздух, от которого до крови трескались губы, Тайлер ехал с открытыми окнами. Он вел машину аккуратно, не спеша. Иногда он чувствовал себя связанным вереницей идущих позади машин. Тогда он напоминал себе, что прокладывать путь для других, быть впередсмотрящим — большая честь.

Пустое шоссе казалось шире, чем было на самом деле. Время от времени они проезжали мимо брошенных легковых машин и грузовиков. Приятно было знать, что в случае необходимости из них можно слить бензин. Но такой необходимости не было. Почти все придорожные заправки работали, а Джоуи Коммонер с Бобом Ганишем поддерживали двигатели машин в исправном состоянии.

Следуя за Тайлером, они пересекли Большой Бассейн и добрались до Юты, где проехали по некогда оживленной трассе 1-15 к северу от

Бригем-Сити, потом свернули на восток и направились по 1-80. Города попадались все реже.

Тайлер внимательно изучал карты. Его беспокоили Скалистые горы. Значительную их часть можно было объехать по 1-80, которая повторяла маршрут железной дороги «Юнион пасифик» до Красной пустыни в Вайоминге, но ранние и поздние грозы могли сильно задержать неподготовленных путешественников.

Он объявил остановку у городка Эмори, а наутро караван снова двинулся в путь. Когда он завел мотор, все небо покрывали елочки облаков.

Дорога поднималась, опускалась, снова поднималась.

Вдали от цивилизации Тайлер чувствовал себя лучше. Пустые города давили на него. Горы и пустыни были вечными. Гранит, заросли полыни и мятлика, нетронутые той дисгармонией, той черной магией, что упала с небес.

Он был один в кабине пикапа, и только Сисси составляла ему компанию.

Сисси навещала его с тех пор, как он побывал в том джорджийском городке — Лофтусе.

Она шептала ему на ветру, но Тайлер не замечал ее до того вечера в техасской глубинке, когда он ехал на запад в «хаммере». Сисси появи-

лась перед ним в пустыне, и в этом было что-то символическое. Пустыня — родина миражей, пыльных вихрей и сверкающих на горизонте кобальтово-синих озер. Сисси, усевшаяся на место А. У. Мердока, тоже казалась фантомной. Она была прозрачной, иссушенной солнцем, но наряженной в неподобающий для пустыни пестрый хлопок, нейлон и полиэстер. Ее одежда настолько пропиталась грязью, что при каждом движении хрустела и испускала удушливый запах. Запах чего-то, что сдохло и долго пролежало на солнце.

«Радио — отличная идея, — говорила ему Сисси. — Говорить с людьми полезно, умно, но будь осторожен; держись подальше от групп, от этих беглецов с Восточного побережья, они тоже умны и опасны». Почему, Сисси не объясняла. «Больше говори с Джозефом, — советовала она. — Он тобой восхищен».

Тайлер понимал, что Сисси — иллюзия. Безусловно, понимал. Только сумасшедший поверил бы, что ее призрак на самом деле сидит рядом.

Она была, как сказали бы психологи, его личным ревенантом, частью его самого. Тайлером, дающим Тайлеру тайлеровские советы.

Но в то же время она была настоящей Сисси. Сисси, освободившейся из темницы его воспоми-

наний. Его память выпустила Сисси, как ребенок выпускает воздушный шарик, и, как шарик, она вылетела из его головы и приземлилась рядом, на пассажирское кресло.

Сисси посоветовала ему ехать в Орегон, спуститься с прибрежных гор к Бьюкенену и взять шефство над этими голодранцами.

«Веди их на восток», — сказала Сисси.

К месту сбора выживших, в новый дом в долине реки Огайо, в укрытие, — по крайней мере, так сообщил им Тайлер, и некоторое время это казалось правдой.

Но Сисси, это вместилище неприятных сюрпризов, держала истинное место назначения в тайне.

Тайлер вел свой караван по дороге, пробитой между гранитных скал, аккуратно объезжая обвалы. Поворачивая голову, он всегда встречался глазами с Сисси. Сегодня она сияла, как солнце, ее пухлые щеки были ослепительно-белыми, и на них невозможно было смотреть.

«Люди с востока окружили себя „помощниками“, — говорила Сисси. — Они с ними общаются».

— Это правда, — произнес Тайлер.

«„Помощники“ — глашатаи этой штуковины

в небе».

— Знаю, — ответил Тайлер, начиная уставать от путаных пророчеств. Глаза Сисси, беспокойные и настойчивые, требовали от него ответов.

«И мертвых», — добавила она.

— Каких мертвых?

«Людей без кожи».

То есть контактеров. Умершие контактеры могли обращаться к людям через «помощников». Мертвые говорили с живыми.

— Опасность… — начал Тайлер.

«Джон, они расскажут о тебе. Девчонка, которую ты убил в Лофтусе. Может, сам Мердок. Может, он теперь тоже на той стороне. И не он один. Могут вспомнить и о Штутгарте. Обо всех твоих грехах».

Это стало для него неприятным откровением.

«Люди узнают, каков ты на самом деле».

— Я ничем не хуже других, — раздраженно бросил он.

«Они узнают о Лофтусе. Скажут, что ты убийца».

Скажут ли? Он совершил это в экстраординарной ситуации. Девчонка не была человеком. Она была одержима инопланетянами.

«Как бы то ни было, — думал он, — я человек

заслуженный. Я служил своей стране, многого добился в бизнесе. Был частым гостем в Капитолии, обедал с высокими чинами министерства обороны и членами надзорных комитетов. Это важнее грязных намеков».

«Чепуха, — заявила Сисси. — Нет никакой разницы между тобой и любым вашингтонским жуликом».

Тайлер с трудом вспоминал тот период своей жизни. Все было распланировано, формально, пунктуально. Тогда он умел наглухо закрывать Сисси. Отсек А: представительный полковник Тайлер. Отсек Б: какие-то фантомы. Какие-то позывы.

Но после Контакта границы стерлись. Переборки не выдержали, моторный отсек понемногу затопляло. В трюме начался пожар.

А самое печальное — у него теперь не было выбора, разговаривать с призраком или нет. «Будь внимателен», — наставляла его Сисси. Зачем?

«Тебе грозит опасность! Нельзя рисковать быть раскрытым!»

Но даже полковник Тайлер грезил зеленой долиной Огайо. Место сбора всех людей, новая жизнь… безопасность.

«Ловушка», — настаивала Сисси.

— Но если мы едем не туда, — произнес Тайлер вслух, — то…

Когда он повернулся, чтобы задать вопрос, Сисси исчезла.

Дорогу преградил упавший телеграфный столб. Тайлер остановил караван и велел Джоуи Коммонеру с Чаком Мейкписом обвязать столб цепью, которую потом прицепили к пикапу. Тайлер завел мощный двигатель «форда». Пикап медленно, дюйм за дюймом, двинулся вперед. Столб заскрипел и тоже сдвинулся.

Тайлер внимательно наблюдал за выбравшимися из фургонов людьми. Они наблюдали за спектаклем, потягивая газировку.

Киндл с Уилером держались вместе, оба старались сохранять невозмутимый вид. Но Уилер явно скрывал эмоции. Скорее всего, обиду за смещение с лидерского поста.

Другие смотрели с праздным любопытством. Эбби Кушман и Мириам Флетт слегка хмурились, Джоуи Коммонер откровенно восторгался.

Тайлер на миг повернулся, чтобы проследить за результатом, а когда посмотрел обратно, то, к своему удивлению, увидел в толпе призрачный силуэт Сисси.

На перевале дул сухой ветер, но длинные

спутанные волосы Сисси свисали на плечи, а многослойная одежда даже не шелохнулась. Она занесла руку над головой недавно прибывшего мальчика, Уильяма.

«Этот, — произнесла она беззвучно, но Тайлер услышал ее слова, как свои собственные. — Не спускай с него глаз».

Они ехали до самого заката.

— По этим дорогам ходило множество переселенцев, — рассказывал Киндл. — В первую очередь мормоны, но также первопроходцы Орегона и Калифорнии. В прерии, милях в сорока отсюда, до сих пор можно увидеть следы их повозок.

Мэтт с другом гуляли вдоль шоссе вдали от лагеря.

Заночевали они на окраине скалистой вайомингской пустыни, казавшейся Мэтту бесконечно сухой и безмолвной. Ужин закончился, зажглись сторожевые костры.

— Мэттью, давай прогуляемся, — предложил Киндл. — Поболтаем о том о сем.

Мэтт понял, что старший товарищ хочет рассказать ему нечто важное.

В холодном небе не было видно ни луны, ни Артефакта, только звезды. Когда Киндл говорил,

его голос как бы повисал в воздухе.

— Раньше это место называли Южным перевалом, — сказал Киндл. — Ты ехал вдоль реки Норт-Платт до Свитуотер, от Свитуотер до Пасифик-Крик, Сэнди-Крик и далее до переправы через Грин-ривер. По этому же маршруту ходили дилижансы. «Пони-экспресс».

— А ты хорошо знаешь эти места, — заметил Мэтт, шаркая ногами по пустой дороге.

— Два года жил на хребте Уинд-Ривер. Ходил через горы Виски и Попо-Аджи. Красивые места.

— Скучаешь?

— Часто вспоминаю.

Они подошли к костерку, у которого нес вахту Джоуи Коммонер. Услышав шаги, Джоуи вскочил и наставил на них полученный от Тайлера пистолет.

— Стой, кто идет?! — хрипло выкрикнул он.

Киндл зевнул.

— Джоуи, еще раз наставишь на меня заряженный пистолет, и я заставлю тебя его съесть. Без шуток.

— Полковнику не нравится, когда люди по ночам шастают за границами лагеря.

— Не сомневаюсь. Не сомневаюсь, что ему также не нравится моя рубашка, не заправленная в

брюки, но с этим придется смириться.

— Нужно докладывать, когда вы уходите.

— Ладно, — ответил Киндл. — Если полковнику захочется, может потом меня отшлепать.

— Говнюк, — процедил Джоуи.

Киндл пристально посмотрел на него; с грустью, как показалось Мэтту. Затем они пошли дальше, мимо костра, мимо Джоуи.

Мэтт попробовал представить, каково это — ехать через бескрайнюю пустошь в дилижансе. Тогда не было шоссе, заправочных станций, мотелей. И «помощников». Звезды были колючими, как иголки.

— Мэттью, только подумай, в какое дерьмо мы вляпались? Отчитываться перед простой прогулкой?

Мэтт развел руками:

— Джоуи просто…

— Джоуи не «просто». Джоуи выполняет приказы, и ему это нравится. Наш маленький город превратился в казарму. Вот почему…

Киндл замешкался.

— Почему что? — спросил Мэтт.

— Вот почему я ухожу.

Только не это.

— Ты не можешь.

— Мэттью. — В свете звезд Киндл казался большой серой тенью.

— Господи, Том, я, как и ты, прекрасно понимаю, что происходит. Тайлер устроил путч, и нам теперь с этим жить. Это неприятно. Но мы продолжаем движение. Направляемся туда, где Тайлер будет лишь одной из лягушек в большом пруду. В Огайо настоящие выборы. Если верить радио…

— А когда ты в последний раз слушал радио? Полковник его отжал.

— Это не важно. В Огайо у полковника власти не будет.

— Ты его недооцениваешь.

— Короче говоря, суть в том, что с тобой у нас куда больше шансов оказаться там.

— Суть в том, что я на это не подписывался. — Киндл поднял камушек и бросил во тьму. Тот сразу скрылся из вида. — Так или иначе, я никогда не хотел жить в Огайо. Вот что я тебе скажу. Както раз я ходил через долину Титкомб — это в горах Уинд-Ривер. Мне было тридцать три, казалось, что это глубокая старость. К востоку от долины — пик Фримонт. К северу — гора Сакагавея. Самая высокая точка долины и всего Вайоминга — пик Ганнет. Лес там уже не растет. Только ледники,

как голубые ледяные реки. Так красиво, что глазам больно. Я переночевал там. Когда уходил, дал себе слово, что вернусь, прежде чем умру, и еще раз взгляну на всю эту красоту. Пока не довелось.

— Том…

— Мэттью, я знаю, что тебе меня не понять. Ты счастлив в окружении людей. Тебе в радость помогать им. Это похвально. Но я не такой. Мне лучше в горах. Уинд-Ривер, Тетоны, Бертус — не важно.

Мэтт представил, как этот сильный, жилистый пожилой мужчина выживает один в дикой местности.

— Сломаешь ногу, — сказал он, — помочь будет некому.

— Мне не улыбается умереть в одиночестве. Да и кому улыбается? Но выбирать не приходится. В конце концов, разве не все мы умираем в одиночестве? — Он пожал плечами. — Раньше здесь жили шошоны и арапахо. Может, кто-то еще остался.

— А в Огайо… — попытался вставить Мэтт.

— В Огайо только люди. Люди и «помощники». Это совсем другая история. Как по мне, Мэтт, у нас только два пути. Первый: Странники сваливают и оставляют нас одних, без «помощников», без

электричества, если только мы сами не научимся его добывать. Со временем планета вновь будет заселена и повторится то же самое. Второй: они устраивают для нас Эдемский сад, как и обещали, безопасное, защищенное место, где вдоволь еды и существует контроль рождаемости. Может, это не так уж плохо. Но подумай: учитывая возможности Странников, нельзя ли считать их богами? По-моему, по людским стандартам последних лет — вполне. Тебе хочется жить рядом с богом? С настоящим, который каждую ночь появляется в небесах? Богом, который посылает дождь, помогает всходить посевам, исцеляет больных детей? Какими мы станем через десять лет? А через тысячу? Может, в нас останется не больше человеческого, чем в тех, кто скинул свою кожу. Может, даже меньше.

— Все не обязательно будет так.

— Ну да. Или будет.

Мэтт снова устал. В последнее время он либо грустил, либо уставал, как бы обменивая одно на другое. С тех пор как ушла Рэйчел, он перестал грустить и каждый день чувствовал себя утомленным.

Возможно, Киндл был прав и их ждала участь своего рода домашних животных. Кто знает, ка-

кие темные чудеса Земля породит через сотню или тысячу лет. Скажем, люди будут делиться на два вида: дикие и домашние.

— А с Эбби ты говорил? — спросил он.

— Ты имеешь в виду, сообщал ли я ей о своем решении? Нет. Думаю, скажу перед тем, как уходить. Скажу и сразу уйду. Чтобы у нее не было времени винить себя.

— Она все равно станет это делать.

— Может быть.

— Для нее это станет ударом.

— Она и не такое проходила. Черт, я не так уж много значу для Эбби Кушман. Так, подвернулся под руку. Будь она лет на пятнадцать моложе, скорее с тобой бы замутила. Вам обоим позарез нужно кого-то лечить. Родственные души. В Огайо ей будет хорошо.

— Вот так просто?

— Ни капли не просто, Мэттью. Эбби была добра ко мне. Ты тоже.

— Ты с лихвой нам отплатил.

Киндл посмотрел на звезды и почесался.

— Пора возвращаться, пока Джоуи на стенку не полез. Я доеду с вами до Ларами, — сказал Киндл. — Там развернусь.

— Тяжело нам будет. Одним противником Тай-

лера меньше.

— Повторяю: я на это не подписывался.

Во взгляде Киндла, который Мэтт разглядел сквозь темноту, читалось: «Теперь отдувайся сам».

Утро выдалось ясным и прохладным. Завелись моторы, фургоны двинулись в путь, отбрасывая длинные тени на заросли колючки.

Ведя караван через просторы Вайоминга, полковник Тайлер первым увидел новое чудо.

На горизонте виднелся тусклый голубой купол, слишком симметричный, чтобы быть творением природы. Верхушка его была белоснежной, как у горы.

Он был рукотворным. Невероятно огромным. Чудом инженерной мысли, заставляющим померкнуть все прежние творения рук человеческих.

Он спокойно и величаво маячил в голубой дали.

«Это космический корабль, — шепнула Тайлеру Сисси. — Он увезет мертвых».

Тайлер смутно вспомнил, что слышал об этом во время Контакта и по радио. Почти разумная гигантская штуковина, в которой разместятся души переселенцев и миниатюрная копия Земли.

Элизий, мир, где не ведают зла.

Голос Сисси звенел в ушах.

«Нужно посмотреть поближе. Хотя бы ненадолго заглянуть туда».

Даже Сисси была взволнована.

Глава 28. Не отрываясь от земли

Роза Перри Коннор всегда хотела летать.

Она росла привязанной к земле. Никогда не покидая свой район типовой застройки в Южной Калифорнии, в детстве Роза каждое лето исследовала бетонные ливневые коллекторы, недостроенные дома и редкие апельсиновые сады соседей. Она обожала читать и запоем поглощала сказки, книжки о приключениях близнецов Бобзи[37], энциклопедию «Что есть что?» старшего брата. Среди прочего Розе попался том, посвященный авиации, который пробудил в ней неослабевающую любовь к полетам.

В пропитанном выбросами нефтеперерабатывающих заводов воздухе Ориндж-Каунти часто летали пассажирские и военные самолеты и вертолеты. Всякий раз, когда над головой пролетал один из них, Роза останавливалась, вставала по стойке смирно и вытягивала шею, приложив руку ко лбу, как при воинском приветствии, чтобы

---

[37] Примечания: 37

«*Приключения близнецов Бобзи*» — серия книг от разных авторов, которые писали под псевдонимом Лора Ли Хоуп, издававшаяся с 1904 по 1979 и с 1987 по 1992 г. Главными героями были две пары близнецов.

прикрыть глаза от солнца.

— Эф — сто четыре, — объявляла она вслух. Или: — Кажется, Дуглас-восемь.

Она могла отличить любой самолет по силуэту и даже по инверсионному следу. Дотошная во всем, она знала назубок историю авиации и космонавтики от братьев Монгольфье до ракеты «Атлас».

Друзья не разделяли ее увлечения, а родители о нем даже не подозревали. Отец Розы разрабатывал микросхемы. Мать играла в бридж с подругами, кожа которых от загара напоминала покрытие старых диванов, а мышцы челюстей, когда они смеялись, напрягались наподобие канатов. Роза представляла, как за штурвалом «фоккера» расстреливает пикники и вечеринки родителей. Никаких больше дышащих перегаром толстяков в деловых костюмах, никаких больше дамочек в пастельных шортах, томно потягивающих мартини. Она будет выше всего этого.

Ее родители ненавидели летать.

У них была родня на востоке: бабушка Перри в Висконсине, бабушка Хагстром во Флориде. Иногда Роза с родителями ездили их навещать. На машине. Через пустыню. Через фермерские поля. Не отрываясь от земли. Они мчались через ад

придорожных магазинов, мотелей и сувенирных лавок, вместо того чтобы лететь над всей этой мерзостью!

С семи лет и до семнадцати Роза умоляла родителей хотя бы раз сесть в самолет. Она умоляла их оставить машину дома. В машине было тесно и жарко, а дорога занимала целую вечность. Самолет сэкономил бы им несколько дней. Превратил пытку в удовольствие.

— Но в машине можно посмотреть страну, — с доводящей Розу до бешенства невозмутимостью отвечала мама.

«Господи! — хотелось кричать Розе. — Да мы ее всю видели! Каждый дюйм дороги навсегда отпечатался в наших мозгах! На что там еще смотреть? На очередной пластмассовый вигвам? На очередную открытку с рогатым зайцем?»

Тем временем Роза строила планы. Она собиралась в колледж. Изучать… то, что нужно, чтобы стать пилотом. Математику, аэродинамику. Зрение у нее было превосходное. Она намеревалась получить работу в гражданской авиации и потом как-нибудь попасть в кресло пилота.

И тут, за десять дней до ее восемнадцатого дня рождения, родители объявили, что снова собираются во Флориду.

— На этот раз мы полетим.

Это стало для Розы лучшим подарком и почти компенсировало все те мили, проведенные прежде в дороге.

Роза с нетерпением ждала знаменательного дня. Для нее в новинку была даже поездка до международного аэропорта Лос-Анджелеса. В зале ожидания она вдоволь насмотрелась — вблизи! — на серебристые фюзеляжи «вангардов», «конвэйров» и «Боингов» 707-й модели. На земле они казались громоздкими, не в своей стихии, как выброшенные на берег киты. Вдали, набирая скорость на взлетной полосе и отрываясь от земли, они вновь превращались в волшебных небесных существ. Роза дрожала от восторга, наблюдая за ними.

Приглашение на посадку застало ее врасплох. После бесконечного ожидания оно показалось слишком скорым.

Им предстояло лететь на новеньком «Дугласе DC-8 Супер 61», удлиненной версии стандартной модели. Роза настояла на том, чтобы сесть у окна, и глядела, как багаж перегружают с тележки в невидимый отсек под пассажирским салоном. Она внимательно слушала, как закрываются двери, как запускаются двигатели, как шуршат

по рулежной дорожке колеса.

Перед взлетом она успела рассмотреть полосу. Полоса была длинной и пустой — странная дорога для столь массивной машины. Стюардесса показала, как пользоваться кислородными масками, и предупредила, что съемные сиденья кресел могут служить спасательными средствами в случае посадки на воду. Для Розы все это было каким-то бредом. Что еще за посадка на воду? Она собиралась лететь, а не плавать.

Двигатели заревели. Их ревом наполнился весь салон: отделяющая кабину перегородка, иллюминаторы, кресло, сама Роза. Наконец самолет снялся с тормоза и помчался по полосе.

Начал ускорение. К такой скорости Роза была не готова. С земли взлет самолета выглядел грациозно. Элегантно. Изнутри он казался демонстрацией грубой силы. Крылья, на первый взгляд прочные и монолитные, тряслись и вибрировали. Фюзеляж раскачивался так, будто вот-вот разойдется по швам.

Розу посетили первые сомнения.

Насколько это практично? Неужели вся эта техника на самом деле работает? Как этот хрупкий автобус выдерживает перегрузки в миле над поверхностью земли?

Она верила в полет. Но начала сомневаться, что верит в надежность двигателей, изготовленных потными мужчинами на заводе «Пратт и Уитни».

Но тут колеса оторвались от полосы… и Роза полетела.

DC-8 взмыл вверх стремительно, как лифт. Земля понеслась вниз под углом, показавшимся Розе чрезмерно крутым. Она представила, что самолет на самом деле находится на склоне горы, вот-вот остановится и покатится вниз.

Руки вспотели, и она вытерла их о юбку.

Ее по-прежнему переполняло радостное волнение. «Я лечу! — говорила она себе. — Это по-настоящему! Я на самом деле лечу!» Она смотрела вниз на исчезающий в сером смоге Лос-Анджелес. Самолет накренился и как будто обернулся вокруг собственного крыла, разворачиваясь над Тихим океаном. Родители Розы уткнулись в журналы. «Невероятно», — подумала она. Мать читала «Редбук», женский журнал, отец — «Тайм». Как будто они сидят в приемной зубного врача, а не внутри металлической трубки, летящей высоко над океаном!

Самолет по дуге набрал нужную высоту и двинулся на восток.

Стюардесса предложила напитки. Роза отказалась. Радостное волнение превратилось в нечто иное.

Роза раскраснелась; ей стало жарко и дурно. Глаза метались к иллюминатору и обратно. Если она не смотрела в окно, то не видела землю. Не вспоминала о невероятной высоте, на которой они находились. О том, как долго придется падать, если самолет упадет.

«Но я лечу!»

Но в то же время она не летела. Просто сидела, пристегнутая к креслу. Беспомощная! В металлическом ящике, который удерживался над горами Сан-Габриэль лишь благодаря нескольким неуклюжим, грязным турбовинтовым двигателям.

Это можно было назвать полетом… но куда больше это казалось неоправданным риском для жизни.

Самолет вздрогнул, попав в зону турбулентности, Роза охнула и схватилась за подлокотник.

— Милая, с тобой все в порядке? — спросила мама. — Ты какая-то бледная.

— Кажется… — Роза сглотнула. Она не могла решить, что хуже: страх, унижение или разочарование. К горлу подкатил комок страха. — Сколько нам лететь?

— Примерно пять часов.

Пять часов?! Неужели эти двигатели могут работать пять часов без передышки? Полные легко испаряющегося топлива? Вращающиеся на бог знает какой скорости? С раскаленными, как сковородки, подшипниками? Неужели металл фюзеляжа не устает?

Она заметила далеко внизу горы. Облака. И необъятное пустое воздушное пространство.

— Роза? — снова окликнула мама. — Милая, в чем дело?

— Господи, — раздался голос ее отца. — Дай ей уже этот чертов пакет, зря их, что ли, выдали?

Она сдала обратный билет и вернулась в Калифорнию автобусом.

Поездка была долгой, некомфортной и унылой. Каждый дюйм, пройденный автобусом, был распиской о ее неудаче. Она ни с кем не разговаривала. Просто смотрела на горизонт, на эту шаткую грань между землей и небом.

Вернувшись домой, она записалась в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Посреди первого семестра она встретила студента по имени Винсент Коннор, который помог ей избавиться от мыслей о полетах и прекратить самобичевание. Винс был неотесанным красавчиком с

фермы. Его отец разводил овец в Вайоминге, но в благодарных и затуманенных глазах Розы Винс выглядел персонажем бродвейского мюзикла «Оклахома!»: милым блондином-здоровяком в клетчатой рубахе. Того и гляди запоет!

Весной она вышла за него замуж и стала Розой Перри Коннор. Из Вайоминга прилетели пятеро его двоюродных братьев и отец. Никто из них не страдал боязнью полетов. Фату за Розой несли ее четырехлетние племянницы-двойняшки, дочки брата. После церемонии Винс повез ее в Сан-Франциско; они провели ночь в мотеле на Первой автодороге, где сосны были подернуты морским туманом. Там они впервые занялись любовью как муж и жена, что добавило им энтузиазма. Роза звала его ковбоем, а он улыбался в ответ.

А потом…

Спустя годы Роза недоумевала, как быстро пролетело время. Винс постоянно менял работу и однажды даже устроился в фирму ее отца в Ориндж-Каунти. Роза начала посещать светские приемы и вращаться в кругах для избранных, которые так презирала в детстве. Она чувствовала себя не в своей тарелке. Винс вел себя еще хуже. Он не умел одеваться. На вечеринках он отпускал сальные шуточки либо вообще мол-

чал. «У него на лбу химическим карандашом написано „Вайоминг“», — однажды сказала Розе подруга. Винс мечтал о собственном бизнесе, но никак не мог накопить денег. Он начал пить. Роза тоже. Она перестала относиться к светским вечеринкам всерьез и обычно сидела по-турецки на ступеньках патио, вспоминая свои детские мечты о «фоккере». Берегитесь, девочки, Красная Баронесса атакует! Для страдающих воздушной болезнью на каждом кресле размещены пакеты.

Когда умер отец Винсента, тот привез ее через пустыню в Вайоминг, показавшийся Розе враждебной чужой планетой. К ее ужасу, Винс решил принять управление фермой.

— Привыкнешь, — говорил он ей, не обращая внимания на возражения. — Тут совсем не плохо.

Но было плохо. Необъятные пространства, на которых жили агрессивные мужчины и послушные женщины. Роза только и делала, что готовила, занималась уборкой и смотрела телевизор. Винсу не слишком хотелось детей, да и ей тоже — она рассматривала беременность как средство от скуки, но не настолько серьезно, чтобы перестать принимать противозачаточные таблетки. Несмотря на скуку, Розе казалось, что

годы летят стремительно. Морозные зимы, грязные весны, лето настолько сухое, что все посевы, которые она пыталась вырастить в небольшом садике, регулярно не доживали до осени. Год за годом перед телевизором. Они с Винсом несколько раз ездили в Шайенн, но, боже милостивый, Шайенн? Последнее пристанище галстуков в виде шнурка, с зажимом?

Ее жизнь стала монотонной, ровной, как восточный горизонт, и даже хуже… ее жизнь незаметно прошла. Разрушилась. Роза состарилась. Да, состарилась. В Вайоминге ей исполнилось сорок — и как только это случилось? Потом сорок пять. Потом, о господи, пятьдесят. Пятидесятилетняя старуха с овечьей фермы в Вайоминге!

Когда в небе замаячил Артефакт — луна цвета слоновой кости, — ей был пятьдесят один год.

Розу Артефакт ничуть не напугал. Винс поначалу полагал, что это вестник конца света. Может, и так. Но Розе он нравился. Нравился его ровный полет, не требовавший никаких усилий. Он полностью соответствовал ее представлениям об идеальном полете.

И разумеется, он разворошил старые воспоминания.

Теперь Роза была привязана к земле сильнее

прежнего. Прикована к этой бескрайней прерии. К Винсу. За последние годы она набрала вес, девичья походка стала развалистой. «Месть притяжения», — думала Роза. Но чем был вес, как не мерой ее привязанности к земле?

Следующим летом ее, как и всех людей, охватила контактная лихорадка… и она проснулась, поняв, что ее прежняя жизнь была лишь прологом.

К ее удивлению, Винс так же легко согласился на предложение Странников. Ей казалось, что он полностью удовлетворен жизнью в Вайоминге. Под его управлением ферма процветала, и он выглядел вполне счастливым. В конце концов, он-то никогда не мечтал летать.

Но Винса вдруг поманила грядущая Золотая эра, он без тени сомнения отказался от образа невозмутимого ковбоя Мальборо и с разбега бросился в топкие глубины Большего Мира.

После Контакта Роза почувствовала, что они с Винсом вновь сблизились, но в то же время отдалились друг от друга. Она смогла отдать должное его образу жизни, вспышкам гордости и пропасти амбиций, которые заставили его отправиться в Калифорнию и вернуться обратно. К своему удовольствию, Роза даже обнаружила

целый ворох искренних теплых чувств, которые он к ней испытывал.

Но она также увидела, что их связь была во многом случайной, произвольной. Их любовь вышла на пик в том мотеле на Первой автостраде, после чего переросла в лучшем случае в привязанность, а в худшем — в безысходность.

Когда Винс сбросил кожу, она не удивилась. Надвигалась зима, а Винс никогда не любил колючие морозы и холодные ветра, приходившие каждый год из Канады.

А вот план Розы был иным.

Она задумала некую трансформацию, драматическое прощание с планетой, на которой родилась.

На это требовалось время. Ей предстояло задержаться на Земле дольше большинства остальных. И как только Винс ушел, оставив на память свою кожу, которую вскоре унес осенний ветер, она принялась осуществлять свой замысел.

Роза заперлась в спальне их фермерского дома, где стояла старая двуспальная кровать, которую они с Винсом делили много лет.

Она разделась и в последний раз посмотрела на себя в ростовое зеркало. Перед ней предстала грузная седовласая женщина, на лице которой,

впрочем, не отражалось прежней печали. Затем она растянулась на кровати.

Неоциты в ее теле притупили ее сознание, чтобы казалось, что время летит быстрее. Роза вдруг почувствовала, что плывет по волнам сна.

В тот день она весила двести тридцать семь фунтов — совсем немало, — и неоцитам предстояла большая работа. Структура жировой ткани начала меняться. Из пор кожи потекла серая фиброзная масса. За несколько дней она полностью покрыла тело Розы. Через неделю Роза прекратила дышать; ее сердце перестало биться.

Внутри своего прочного кокона она начала меняться.

Бледный кокон всю зиму пролежал без движения.

Мир вокруг него менялся. Зимние метели в этом году были особенно лютыми. Сюда не приходили ураганы с побережья, но снежные бури заморозили воду в трубах, и над домом выросли сверкающие голубые дюны. Январский ветер был настолько сильным, что разбил окно на первом этаже. В спальне Розы стало холодно; зеркало покрылось тонким морозным узором, но сама Роза была надежно защищена от мороза и ветра.

Перед тем как уйти, Винс снес заборы и отпу-

стил овец пастись на волю. Но глупые овцы почти все передохли за зиму.

Недалеко от фермы, к югу от границы Вайоминга и Колорадо, микроорганизмы Странников начали сооружать новый Артефакт. Если бы Роза подошла к окну, то увидела бы, как он растет, почувствовала бы подземные толчки — результат выкачивания земной магмы, — а звездными зимними ночами замечала бы призрачное сияние в небе.

Весной, когда снег растаял, а почва размякла, она увидела бы на юге новую гору — Дом. Таким, каким его видел А. У. Мердок в день, когда расстался со своей плотью.

Но Роза Перри Коннор продолжала спать.

Когда Роза пошевелилась, на дворе уже стало теплеть. Ночи еще были холодными, но снег давно стаял.

Каждый день она немного ускорялась внутри своего кокона.

Восприятие возвращалось. Она чувствовала, что процесс близится к концу, ощущала, как ее новое «я» пытается вырваться на свободу.

Осталось потерпеть всего несколько дней.

Роза также чувствовала Больший Мир, ставший еще более многогранным с тех пор, как туда

переселилось столько новых душ.

Но она не осталась одна на Земле. Были и другие изменившиеся.

И, по правде говоря, довольно много, на всех континентах. Новые полулюди, или экс-люди, или постлюди.

«Как тот мужчина, — думала Роза, в которой медленно пробуждалось сознание. — Мальчик… старик, ставший мальчиком…

…который знал о ней…

…который был очень близко…»

С помощью Большего Мира он пытался привлечь ее внимание.

«Роза, — звал он, пока она выходила из зимней спячки. — Роза, мы близко…»

«Да слышу я, — подумала она. — Я еще сплю. Чего тебе?»

«Роза, — сказал мальчик, — мы очень близко. Поторопись, Роза. Закончи, что хотела, ведь мы близко, и тебе может грозить опасность».

Глава 29. Я знаю, кто ты

Караван остановился на пустой парковке для грузовиков на шоссе № 80.

Дом, гигантский, на три четверти законченный диск над юго-восточной прерией, на закате окрасился в темно-синие тона. Последний луч солнца поплясал на его изгибе, придав морозной шапке красноватый оттенок.

«Нельзя здесь задерживаться», — думал Уильям.

Дом был почти достроен и вскоре, уже через несколько дней, должен был покинуть Землю. Несомненно, зрелище будет потрясающим, но в то же время крайне опасным для всех неперестроенных людей в округе. Для создания Дома в земной мантии открылась глубокая рана. Когда Дом отправится на орбиту, из раны потечет магма, начнутся землетрясения.

Уильям знал об этом благодаря Большему Миру, но никому не рассказывал.

Он не знал, следует ли делать это.

По горячему асфальту он прошел от фургона Мириам к брошенной кем-то «хонде» и уселся на пыльный капот. На нем были небесно-голубая

футболка, слишком большая для него, и джинсы с дырками на коленях. Он закрыл глаза и почувствовал нежные прикосновения ветра к своей юной коже.

В Большем Мире шли ожесточенные дебаты. Когда человеческий полис заполнился, он взял на себя некоторые задачи, прежде выполнявшиеся Странниками, в первую очередь — управление Землей. Весьма обременительное занятие.

Странники обращались с Землей как доброжелательные, но неуклюжие великаны. Несмотря на свою мудрость, они не могли предугадать, что отказавшихся от их предложения будет так много. Они недооценили людское упрямство, что, по мнению Уильяма, было вовсе не удивительно. Их собственный переход от биологического, земного состояния к виртуальному, космическому, был самостоятельным и почти единогласным решением.

Оставался вопрос: как людской коллектив в Большем Мире должен поступить с упрямым меньшинством?

«Оставим их в покое, — предлагала одна фракция. — Они выбрали независимость, и нужно ее уважать. Пусть сами творят свою судьбу».

Пунктом назначения полиса были звезды, а

Земля как-нибудь справится сама.

«Бесчеловечно бросать их, — возражали другие. — Они сделали свой выбор, но как насчет их детей? Если наша цель — звезды, как мы можем обречь на смерть новое поколение?»

Решение не было принято.

Уильяма заботили те же вещи, только в меньших масштабах. Он знал, кем был полковник Тайлер, и понимал, какая угроза исходит от него. Но следовало ли вмешиваться?

Ради своего последнего странствия по Земле он решил снова стать ребенком. Он отказался от многих воспоминаний, временно переместив их в другое хранилище, потому что хотел получить свежие впечатления — не просто почувствовать себя двенадцатилетним, а на самом деле стать им. Его президентство скрылось в туманной дали, Больший Мир стал слабоосязаемым.

Но неприятная ситуация, в которую он попал, вывела его из экстаза и породила множество сомнений.

Он полагал, что вновь встретился с полковником не случайно. В Вашингтоне, когда полковник Тайлер держал его на мушке, между ними установилась невидимая связь. Мальчик бесцельно колесил по Америке, но внутри мальчика сидел

мужчина и намеренно направлял его навстречу этой печальной экспедиции. Неизвестно было, что случится дальше, но он чувствовал, что сыграет в этом немалую роль.

А всего в полумиле стояла ферма Коннноров — еще одна проблема! («Роза, — безмолвно позвал он, — Роза, торопись!»)

Он услышал, как сзади подошла Мириам. Ее шаркающие шаги громко раздавались на гравийной парковке. Для своего возраста Мириам была удивительно сильной и сама вела свой фургон. Уильям глубоко ценил и уважал ее упорство. Но она быстро уставала и порой страдала одышкой.

Мириам встала рядом, глядя на возвышающийся на горизонте Дом.

— А он по-своему красив, — заметила она.

И правда. Как стена глубокого каньона на закате, Дом переливался всеми оттенками синего, от бледно-пастельных на вершине до индиговых у основания. У его западного склона висели редкие тонкие облачка.

— Ты какой-то грустный, — сказала Мириам.

— Просто задумался, — ответил Уильям.

— О чем?

— О всяком. — Он пожал плечами.

Вдали зазвенело стекло: полковник Тайлер

вломился в придорожный ресторан.

— Уильям, — сказала Мириам серьезным тоном. — Я сомневалась, стоит ли об этом говорить, но, кажется, время пришло. Уильям, больше ни к чему меня обманывать и притворяться. Я знаю, кто ты. — Она посмотрела на него свысока. — Ты — один из них.

Мириам подозревала его с самого начала.

Почему нет? Уже несколько месяцев она жила одними подозрениями и сомнениями. После Контакта в ней не осталось уверенности ни в чем.

Мириам твердо ответила «нет» на предложение бессмертия, но той августовской ночью она также заметила кое-что, пережила некие потрясения.

Она взяла старую отцовскую Библию, в которой слова Иисуса были выделены красным, и прочитала от первой строчки Бытия до последней строчки Откровения Иоанна Богослова. Библия всегда была для Мириам краеугольным камнем. Не потому, что давала ответы на все вопросы, как утверждали телепроповедники. Наоборот. Она верила Библии из-за ее загадочности. Та была, как сама жизнь, насыщенной, противоречивой и плохо поддающейся трактовке.

«Справедливо», — думала Мириам. Как можно поверить в подлинность книги мудрости, если ты

понимаешь в ней все с первого взгляда? Мудрость так не работает. Мудрость — это гора, на которую ты взбираешься, задыхаясь, едва не теряя сознание, сомневаясь в себе даже у самой вершины.

Но после Контакта…

Мириам понимала, что это серьезное богохульство, но после Контакта Библия казалась ей едва ли не бульварным чтивом.

Все это низменное увлечение рабами и царями, пастырями и патриархами.

В прошлом августе настал незабываемый миг, когда Мириам познала Вселенную — неописуемо древнюю, необъятную, полную миров, как море полно воды.

И где же в этой необъятности прятался Бог?

«Возможно, везде, — думала Мириам. — Возможно, нигде».

На этот вопрос Странники не дали ответа. Мириам с каждым днем все сильнее сомневалась, что сможет найти его сама.

«Нет, — сказала она им, — не нужно мне ваше бессмертие». Ее ждало бессмертие у Божьего престола, и этого было достаточно.

Но с тех пор мир сильно изменился.

Когда большеглазый Уильям без фамилии прикатил на велосипеде с востока, Мириам

настолько привыкла сомневаться, что сразу догадалась: это не простой мальчуган.

Однако он ей понравился. Работая в начальной школе, Мириам не слишком жаловала детей — нерях, грубиянов и нахалов. «Сыны века сего догадливее сынов света в своем роде». Лука 16: 8. Но Мириам подозревала, что галилейские дети вряд ли звали старших «ушлепками».

Уильям тоже не выражался так. Уильям был другим, и Мириам решила, что когда-то он был гораздо старше. Об этом она ему и сказала.

Он задумчиво сидел на капоте пустой машины, постукивая пятками о решетку.

— Я вас не обманывал.

— Но ты не тот, кем кажешься.

— Я тот, кем кажусь. Но не только.

— Ты старше.

— Не только.

— Ты не человек. — Он пожал плечами. — Ты не хочешь, чтобы остальные знали твой секрет?

Он снова пожал плечами.

Мириам переступила с ноги на ногу. От долгого стояния ее ноги устали.

— Я никому не расскажу, — заверила она. — Не думаю, что тебя стоит бояться.

Уильям сдержанно улыбнулся в ответ.

— Окажешь мне услугу? — спросила Мириам.

— Какую?

— Поговори со мной. Расскажи мне о… — Она не смогла подобрать нужное определение.

— О Большем Мире? — подсказал Уильям.

— Да. — Мириам отметила, насколько парень наблюдателен, и добавила, немного стыдливо: — Мне любопытно…

— Хорошо, — ответил Уильям.

— Но сначала поужинаем. — Мириам вздрогнула и поежилась. — Сейчас по ночам так холодно. Пробирает до костей.

Полковник устроил ужин в придорожном кафе. Эбби Кушман нашла ящик консервированного чили и разогрела в большой стальной кастрюле на ресторанной плите. Как жесть с уксусом, подумал Уильям. Однако в эти дни любая горячая еда была благом.

Группа разбилась на отдельные компании. Мэтт Уилер с Томом Киндлом заговорщицки помалкивали — видно было, что им обоим неловко.

Джон Тайлер совещался со своими рекрутами: Джоуи Коммонером, Полом Джакопетти и Бобом Ганишем. Их явно что-то беспокоило, но говорили они слишком тихо, чтобы разобрать хоть

какие-то слова.

Бет Портер стояла с миской в руке, нервно поглядывая то на одну, то на другую компанию.

Уильяму не нравилась напряженная атмосфера. Чем раньше они продолжат путь, тем лучше. Он подумал о Мириам (та молча хлебала ложкой суп — чили для нее было слишком острым), Мириам, разгадавшей его тайну.

Он подумал о Розе Перри Коннор, пытавшейся выйти из заточения в полумиле от этого места.

Он подумал о Доме.

Вернувшись в фургон, он как мог ответил на вопросы Мириам.

Та хотела знать больше, чем он мог рассказать. Хотела, чтобы он прочитал ей настоящую лекцию об устройстве Вселенной. Он с трудом подбирал слова, но приложил все усилия, чтобы выразить свое понимание пространства и времени при помощи простого английского языка.

— Мы живем во временно́м колодце, — начал Уильям. — Подумайте о своем самом раннем воспоминании, о чем-нибудь из детства. Теперь представьте, сколько времени прошло с тех пор, сколько раз за эти годы тикали стрелки часов. Настоящий океан времени. Удвойте это время, затем еще раз, потом умножьте на сто и еще раз

на сто, но даже тогда, Мириам, вы не сможете объять прошлое. Умножьте полученное на число с таким количеством нулей, что результат не поместится на странице, и вы, возможно, дотянетесь до юрского или докембрийского периода, когда на Земле жили чудовища. В истории время их жизни — миг. Умножайте снова и снова, и рано или поздно вы доберетесь до зари времен, до тех дней, когда наша планета была в жидком состоянии, до формирования Солнца. Не останавливайтесь, продолжайте умножать, и вы придете к элементам, из которых в неописуемой кузнице сверхновой сформировались Солнце и планеты Солнечной системы. И даже тогда вы снимете лишь песчинку с Времени.

— Это грустно, — прошептала Мириам.

— Космос, — продолжил Уильям, — это загадка. Он бесконечен, но ограничен. Наша галактика — лишь точка среди миллиардов галактик, наше Солнце — лишь одна из миллиардов звезд, а этот момент — ось колеса, громадного, как само небо.

— Уильям, хватит! Как тебе хватает сил об этом говорить? — слабым, печальным голосом остановила его Мириам. — Это так грустно.

Но из этого беспорядочного смешения частиц и сил родилась жизнь. Чудо, которым восхищались

даже Странники. Сознание родилось из кокона звезд и времени. Жемчужины сознания сверкали в темноте.

— Мириам, что здесь грустного? — Он не мог скрыть восхищения. — Наше появление подразумевалось во Вселенной с момента ее возникновения. Мы продукт естественных законов, как и любые мыслящие существа в космосе. Мы отражение Вселенной. Это великая тайна и утешение. Каждый из нас — Око Божье.

Мириам проснулась в три часа ночи, повернулась на бок и в тусклом освещении увидела, что Уильям с открытыми глазами лежит в своем спальном мешке, закинув руки за голову.

Мимолетность сна была главным проклятием преклонного возраста. В старости ночная бессонница становится обычным делом. Но Уильям, взрослый мальчик, тоже не спал.

«Мы оба беспокоимся, — подумала Мириам. — И старуха, и тот, у кого больше нет возраста».

— Уильям, — шепнула она.

Он не ответил, но услышал.

— Я вот о чем думаю, — сказала Мириам. — О нас. О тех, кто путешествует с нами, и о тех, кто сейчас в Огайо и других частях света. О тех, кто ответил «нет». Кто не хотел бессмертия. Скажи,

ты думаешь об этом… Большем Мире?

— Да, — тихо ответил он из темноты.

— Ты думаешь о том — почему?

— Иногда.

— Почему некоторые из нас предпочли остаться в смертной оболочке? — (Уильям кивнул.) — На этот вопрос есть ответ?

— Множество. — Он взял паузу, как бы собираясь с мыслями. — Сколько людей, столько и ответов. Иногда дело в религии, в вере. Но не так часто, как можно подумать. Услышав Странников, в глубине души многие усомнились. Люди утверждают, что верят в одно или другое, но слова — это просто слова. Люди называют себя христианами или мусульманами, но лишь единицы верят так сильно, чтобы отвергнуть бессмертие.

— Я — одна из них?

Он снова кивнул.

«По крайней мере, была», — подумала Мириам.

— А другие? — спросила она вслух.

— Другие слишком независимы и готовы умереть за свою независимость.

«Том Киндл», — подумала она.

— Некоторые просто хотят умереть. Они могут этого не признавать и даже бояться, но на самом

деле ищут смерти.

«И кого же отнести к этой категории? — задумалась Мириам. — Боба Ганиша, толстого автодилера? Может быть. Пола Джакопетти, бывшего торговца инструментом? Он так боится смерти, но втайне жаждет ее? Все возможно».

— Другие убеждены, что не заслуживают вечной жизни. Терзаются мыслью о собственной порочности.

«Джоуи», — подумала Мириам.

— Есть и те, кем движут несколько из перечисленных причин.

«Бет».

— А может, — сказала Мириам, подумав о полковнике Тайлере, которому не доверяла с первого взгляда, — некоторые люди злы по своей природе.

— Может быть, — согласился Уильям. — Но многие отъявленные негодяи с радостью избавились от этой части себя, как от раковой опухоли. Не все. Остались те… Мириам, возможно, это трудно принять, но есть люди, которые пусты с рождения. Им не на что отвечать «да» или «нет». Они строят себя из любого мусора, который подвернется под руку, но внутри остаются пустыми.

— Полковник Тайлер, — сказала Мириам

вслух.

Уильям промолчал.

Но она сразу поняла, кого он описывает. Джон Тайлер был абсолютно пуст; она чуть ли не слышала, как ветер свистит в его костях.

— А что насчет доктора Уилера или Эбби Кушман? Они вроде самые обычные люди.

В окно постучал степной ветер. Уильям долго раздумывал.

— Мириам, вы читали Йейтса? — спросил он наконец.

— Какого Йейтса?

— Поэта.

Из поэзии Мириам читала только псалмы и честно в этом призналась.

— Мне навсегда запомнилась строка из одного его стихотворения, — сказал Уильям. — «Мы любим только то, что эфемерно»[38]. Я не считаю, что это так — по крайней мере, не в том смысле, который вкладывал в эти слова поэт. Но для Йейтса, наверное, это было так. И для некоторых других людей — тоже. Мириам, кое-кто любит то, что не вечно, настолько сильно, что не готов расстаться с ним.

---

[38] Примечания: 38

У. Б. Йейтс. Тысяча девятьсот девятнадцатый. Перевод Г. Кружкова.

«Трудная любовь», — подумала Мириам.

То ли по чудесному стечению обстоятельств, то ли благодаря Странникам в туалетах ресторана смывалась вода. Мириам была этому крайне рада — она терпеть не могла биотуалеты.

На рассвете на горизонте новый Артефакт предстал перед ней в перламутрово-розовом цвете. С Библией в руке Мириам поспешила из фургона в прохладный, покрытый зеленой плиткой женский туалет.

Она открыла книгу наугад и прочитала: «И се, Я с вами во все дни до скончания века». Матфей 28: 20.

Этим утром она снова заметила в туалете кровь.

«Я умираю», — подумала Мириам.

Глава 30. Фейерверк

Мэтт проснулся от стука в дверь фургона. На пороге стоял Том Киндл в старых джинсах, футболке, кроссовках и бейсболке «Цинциннати редс». В руках он держал ружье.

— Никак на медведя собрался?

— Ружье тебе, — ответил Киндл. — Вроде подарка.

— А как же ты без него?

— Найду новое в Ларами. И патроны заодно. Мэттью, хочешь — соглашайся, хочешь — нет, но ты теперь ходишь по тонкому льду. Тебе оно нужнее.

Мэтт взял ружье. В его семье охотников не было, в армии он не служил. Ружье держал впервые в жизни. Оно оказалось тяжелее, чем он думал. Ложе за долгую службу отполировалось до блеска. Металлические части были недавно смазаны.

Мэтту было грустно держать ружье в руках, так же грустно, как осознавать скорый уход Киндла.

— Не мое это. — Он протянул его обратно.

— Мэттью…

— Я серьезно.

— Не будь дураком.

— Не упирайся.

— Черт, — выругался Киндл, но забрал ружье. В его левой руке оно смотрелось на своем месте.

— С Эбби поговорил?

— Собираюсь. Но без удовольствия.

— Еще не поздно передумать.

— Ну уж нет. — Киндл развел руками.

Он протянул руку, и Мэтт ее пожал:

— Береги себя, старик.

— Смотри в оба, доктор Килдэр.

— Хотели известить вас о том, что все наши «помощники» вдруг замолчали, — сказали по радио.

Ранний утренний вызов не был запланирован, и Тайлер слушал с нарастающим интересом.

Они с Джоуи поставили приемопередатчик в неказистой комнатушке для персонала кафе. Тайлер устроил здесь свой командный пункт и сидел там один.

Один, как обычно в эти дни.

— Огайо, повторите, — попросил он, взяв в правую руку микрофон и нажав кнопку «говорить».

Передатчик был подключен к переносной антенне и питался от розетки. Перевалив через горы, они включали радио везде, где находили электричество. Джоуи хотел собрать переносную станцию, работающую от автомобильного ак-

кумулятора, — так, по его словам, было проще и удобнее. Но Тайлер не разрешил. Тайлера больше не интересовало радио. Оно понемногу превращалось в обузу.

— «Помощники» замолчали, — повторил человек из Огайо. В Огайо радио работало двадцать четыре часа в сутки, и в утреннюю смену на связь выходил парень по имени Карлос, говоривший с легким испанским акцентом. — У вас то же самое?

— Огайо, вблизи от нас сейчас нет «помощников».

— Мы предполагаем, что Странники готовятся улетать. Может, их сменят контактеры, может, нет. Вероятно, скоро Артефакт покинет орбиту. Конец эпохи, а? Если, конечно, это так. — Карлосу явно хотелось поболтать.

В углу комнаты появилась Сисси, слабо светясь и явно желая дать совет.

— Абсолютно все «помощники» молчат?

Тайлеру хотелось убедиться в этом раз и навсегда.

— Все до единого, — ответил Карлос. — Молчат, не шевелятся, ничего.

Тайлер задумался. Прокрутил новости в голове, пытаясь вывести из них смысл.

Он посмотрел в грязное окно, на дугу нового Артефакта, еще прочно стоявшего на земле, — человеческого Артефакта, космического корабля размером с гору.

— Огайо, сигнал пропадает.

— Извините, полковник… погода плохая?

Небо было голубым, как одеяло в кроватке младенца. И ни единого дуновения ветерка.

— Гроза надвигается, — ответил Тайлер.

— Полковник, вы в опасности?

— Не думаю. Но на некоторое время придется покинуть эфир.

— Жаль. До связи?

— До связи. Спасибо, Огайо.

Сисси одобрительно засияла.

Теперь нужно было хорошенько подумать.

Если Странники улетят… если «помощники» навсегда умолкнут…

«Тогда мы будем в безопасности. Все наши тайны будут в безопасности».

Голос Сисси звучал тихо, но назойливо, как жужжание провода под высоким напряжением. Тайлер не знал, так это работает или нет. Никто не знал.

«Тогда подожди. Подожди, и увидишь».

Подождать? Здесь?

«Да».

Сколько?

«Пока все не закончится. Пока Странники не улетят навсегда, пока небо не опустеет».

Тайлер знал, что его группа не хочет здесь задерживаться. Они стремились в Огайо.

«Придумай что-нибудь. Скажи, что те, в Огайо, просили подождать. Что у них плохая погода. Плохая погода во всем бассейне реки Платт. Дамбу смыло».

У Сисси было прекрасное воображение.

Это могло сработать. Но они легко могли связаться с Огайо, а люди из Огайо — с ними. Радио…

«Ты же не дурак, — сказала Сисси. — Возьми да „почини“ радио».

Тайлер закрыл пыльные горизонтальные жалюзи и подпер дверную ручку стулом.

Было раннее утро, и люди, которых Тайлер, убежденный в своем непревзойденном чувстве юмора, прозвал «несчастными туристами», еще не приступили к активной деятельности. Джоуи производил обход лагеря — идиотское задание, которое он обожал. Джакопетти, как всегда, спал до полудня, если никто его не трогал. Остальные вряд ли стали бы стучаться к полковнику в бли-

жайшие несколько минут.

Он взял лежавший на верстаке ящик с инструментами Джоуи. Отключил приемопередатчик и отвинтил крышку. С помощью двух щипковых зажимов и прочного куска проволоки сделал перемычку, прикрепил один зажим к низковольтной части преобразователя, а другой — к положительному полюсу источника постоянного тока. Для верности обмотал внутренний предохранитель голым проводом.

«Перед тем как подключать, закрой крышку», — напомнила Сисси.

Тайлер так и сделал. И на всякий случай сразу поставил переключатель питания в положение «вкл».

Затем нагнулся и сунул вилку в розетку.

Полсекунды ничего не происходило. Затем массивный приемопередатчик издал звук, похожий на выстрел, подпрыгнул над столом на четверть дюйма, засветился ярче фотовспышки и заискрил от перегрузки.

На потолке мигнула и погасла лампа. В здании выбило пробки.

«А теперь живее», — скомандовал Тайлер самому себе. Он отключил прибор и приоткрыл жалюзи, чтобы не работать в полной темноте.

Когда он открыл крышку, в лицо ударил едкий дым. Тайлер не обратил на это внимания и принялся избавляться от улик. Он вытащил то, что осталось от переходника, снял зажимы, размотал провод. Захлопнул крышку и один за другим начал закручивать винты.

Снаружи послышался голос Тима Беланже. Тот кричал что-то о погасшем свете и спрашивал, где электрический щит.

Восемь винтов, по четыре с каждой стороны. Тайлер закрутил пятый, шестой, седьмой. Он весь вспотел.

В коридоре раздались шаги.

Полковник сунул последний винт в дырку. Отвертка никак не хотела попадать в него. А когда попала, винт встал наперекосяк.

— Черт, — прошептал Тайлер.

«Не ругайся», — пожурила его Сисси.

В дверь постучали.

— Полковник? Вы тут? — раздался голос Джоуи.

Три поворота, и винт оказался на месте. Пара секунд на то, чтобы убрать со стола инструменты Джоуи. Еще пара — на то, чтобы вытащить стул из-под дверной ручки.

— Темно, как у негра в жопе. — Тайлер впустил

Джоуи внутрь. — Извини.

— Чем это воняет? — принюхался Джоуи.

— Проблемы с радио, — ответил полковник Тайлер.

— Накрылось, — констатировал Джоуи, осмотрев оплавленные внутренности радио. — Похоже, преобразователь закоротило, хотя не представляю, как это возможно.

Он предложил съездить в Шайенн за новым передатчиком.

— Годится, — ответил Тайлер. — Только попозже.

Джоуи захотелось узнать почему.

— Сегодня будет экстренное собрание. Дело важное, и ты мне понадобишься. Как голосующий и как охранник.

— Да я к вечеру вернусь.

— Нельзя рисковать. — Тайлер приосанился. — Сейчас радио не так важно, мистер Коммонер. Поверьте мне на слово.

Джоуи кивнул.

«Хороший солдат», — подумал Тайлер.

Мэтт составлял список лекарств, который хотел передать людям в Огайо, и не знал о проблеме с радио, пока не услышал доносившийся с парков-

ки надрывный голос Эбби Кушман.

Догадавшись, в чем дело, он выскочил из фургона и побежал к остальным машинам, стоявшим кружком.

Том Киндл уже сидел в кабине своего громадного дома на колесах и заводил мотор. Эбби вышла из своего фургона. На ней были джинсовая юбка и свободная блузка. В руке — расческа. Она была босиком и плакала. Эбби пробежала несколько шагов по горячему полуденному асфальту, направляясь к машине Киндла.

— Да как ты СМЕЕШЬ?!

Когда стало очевидно, что он еще как смеет, Эбби, как профессиональный бейсболист, с криком «УХ!» метнула в него расческу. Та со звоном ударилась в боковую дверь.

Киндл высунулся из окна и, как бы извиняясь, помахал ей.

— ТРУС! СТАРЫЙ ЭГОИСТИЧНЫЙ ТРУС!

Дом на колесах выехал на шоссе, набирая скорость.

Мэтт схватил Эбби за плечи. Она оттолкнула его. Вид у нее был грустный.

— Мэтт, как ты мог ему позволить? Как мы теперь без него?!

— Эбби! Эбби! Я знаю. Но он все для себя решил.

Я не мог ему помешать. Если Том Киндл что-то решил, никто ему не указ. Понимаешь?

— Понимаю, но… — Она обмякла. — Черт побери, Мэтт, почему именно сейчас?

Мэтт не знал, как ее утешить. Он сам слишком многое потерял. Но он обнял Эбби, пока та плакала.

Подбежал Джоуи Коммонер, за ним — Тайлер и Джакопетти.

Джоуи прикрыл глаза рукой и проводил взглядом исчезающий фургон Киндла. Затем посмотрел на Эбби и все понял.

— Сукин сын! — воскликнул Джоуи. — Да он в самоволку метнулся!

Эбби смотрела на Джоуи так, будто тот был марсианином.

— Успокойтесь, — произнес полковник Тайлер, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Сэр, — сказал Джоуи, — он ведь не спросил разрешения!

— Молчать, — отрезал Тайлер. Волосы полковника величественно серебрились на солнце. Его взгляд задержался на Мэтте. — Обсудим это сегодня на собрании.

— Вы же, кажется, сомневались в пользе собраний? — откашлявшись, заметил Мэтт.

— Сегодня особый случай, — ответил Тайлер.

Тайлер начал речь еще до того, как все заняли свои места.

Собрание проводилось в ресторане, под засиженными мухами люминесцентными лампами. Тайлер стоял у темного окна и постукивал по нему костяшками пальцев, чтобы привлечь внимание.

— Сегодня по радио передали, что на границе штата вдоль Платт установилась скверная погода, — сказал он. — В Огайо нам рекомендуют некоторое время оставаться на месте, и я с этим согласен, но считаю, что нужно решить этот вопрос голосованием.

Он взял паузу, давая остальным подумать. Все были еще обескуражены внезапным отъездом Тома Киндла и предвкушали новые проблемы.

— Так радио же взорвалось, — заметил Мэтт Уилер.

— Доктор Уилер, вызов поступил до этого.

— Правда? И кто его принял?

— Я.

— А кто-нибудь еще слышал?

— Простите, доктор Уилер, но я не додумался пригласить понятых.

Джакопетти громко рассмеялся.

— Полковник, было бы неплохо получить подтверждение, — сказал Мэтт.

— Мистер Коммонер предложил найти замену нашему приемнику. Не сомневаюсь, что он быстро с этим справится. А пока давайте без лишней паранойи, хорошо?

— Стоянка для грузовиков — не лучшее место для длительной остановки, — подняв руку, заметила Эбби.

— Согласен. Завтра утром нужно осмотреть ближайшую ферму к югу отсюда. Там наверняка будет удобнее.

Тайлер обратил внимание, что мальчик Уильям вдруг обеспокоился, но не понял почему.

— Может, лучше все же двигаться дальше? — опять Уилер. — Если погода совсем испортится, найдем убежище.

Недоверчивый сукин сын отказывался отступать.

— После того, что случилось с Бьюкененом, — ответил Тайлер, — вряд ли стоит рисковать. Есть и другая проблема. Один решил сегодня покинуть нашу компанию. Ваш близкий друг, доктор Уилер. Учитывая это, возможно, нам стоит задержаться здесь и дать мистеру Киндлу возможность передумать. Если он захочет вернуться, то, по

крайней мере, будет знать, где нас искать.

Это замечание зацепило Эбби Кушман и заставило ее поколебаться. Она сложила руки на коленях.

— Кто за то, чтобы остаться, поднимите руки, — попросил Тайлер.

Решение было принято подавляющим большинством голосов.

Глава 31. Ночные огни

Они вышли из ресторана, молчаливые и подавленные. Вдруг Тим Беланже ткнул пальцем в небо:

— Эй, смотрите!

Тайлер поднял голову.

— Артефакт, — произнес он и спокойно посмотрел на часы. — Пора бы ему уже появиться.

«Хоть в чем-то придурок прав, — подумал Мэтт. — Уродливая инопланетная луна порядком задерживается».

Она пропала.

— Боже милостивый, — прошептала Эбби, — что же теперь будет?

В небе остались только яркие звезды. Первого Артефакта не было, а второй еще стоял на южном горизонте.

Земля снова осталась одна. Мэтт так сильно и так долго этого желал, даже не думая, что желание может исполниться. Он считал, что чересчур раскатал губу.

Однако вот оно, пустое вайомингское небо.

«Слишком поздно», — с грустью подумал он. Если они улетели, значит их работа здесь закон-

чена.

Другой, так называемый человеческий Артефакт в свете звезд казался холодным и беспощадным. По размеру и внешнему виду этот объект никак не напоминал творение рук человеческих, и не важно, кому он принадлежал и что происходило внутри.

— Инопланетяне улетели? — спросила Эбби.

— А что им еще здесь делать? — ответил Мэтт шепотом. — У нас теперь есть свои.

Это было не поддающееся трактовке знамение, непонятный сигнал. Все отправились спать. Хватит удивительного на сегодня.

И все уснули в вайомингской мгле, холодной, весенней…

Кроме одной старой женщины и одного мальчика без возраста.

— Уильям?

— Что?

Его большие глаза были яркими, как две луны.

— Ты когда-нибудь спишь?

— Иногда, — улыбнулся он.

Электронный будильник Мириам высвечивал в темноте цифры. 3:43. 3:44. У нее снова разболелся живот.

— Странники улетели?

— Да.

— Но ты остался.

— Мы все остались.

Он имел в виду человечество. То, что он называл полисом; мир, сокрытый в пузыре на горизонте — Доме.

— Уильям?

— Что?

— Я показывала тебе свои дневники?

— Нет.

— Хочешь посмотреть?

— Конечно, Мириам. С удовольствием.

Его улыбку было невозможно разгадать.

Она вылезла из постели и сняла с полки толстые альбомы, полные вырезок из «Бьюкенен обсервер». В зимнюю бурю они промокли; страницы слиплись и измялись. Но почти все вырезки остались целы.

Уильям сел на раскладушку и принялся листать альбомы. Мириам считала, что в них заключена причудливая история. Она помнила, как поначалу Артефакт всех напугал — загадочный, устрашающий посланец из другого мира. Теперь, хотя не прошло еще и двух лет, посланиями из другого мира казались ее вырезки.

«Вселенная, — подумала Мириам, — оказалась

более диковинным местом, чем мы могли предположить».

— В них вложено много труда, — заметил Уильям.

— Да. Мне казалось, что это важно.

— Казалось? А теперь?

Мириам отчаянно защищала свои дневники. Но чем они на самом деле были? Той ночью казалось, что лишь бумагой и чернилами.

— Теперь… нет.

Уильям внимательно пролистал все альбомы и отложил их.

Мириам собралась с духом, чтобы задать последний, самый важный вопрос; тот, который она откладывала и не отваживалась задать.

«Дай мне силу, — повторяла она про себя. — Тебе виднее как. Дай мне силу».

— Уильям… мне уже поздно поменять решение?

Она с дрожью ждала ответа. Закрыла глаза, крепко зажмурилась.

— Нет, Мириам, — ласково ответил мальчик. — Не поздно. Пока не поздно.

Он целомудренно поцеловал ее в губы.

По его словам, неоциты должны были быстро проделать свою работу внутри нее.

Незадолго до рассвета, когда Мириам наконец уснула, мальчик выбрался из фургона на холодную улицу.

В небе плыл тонкий месяц. Дыхание Уильяма вырывалось изо рта морозными перьями; асфальт на стоянке покрылся изморозью и сверкал в слабом звездном сиянии.

Несколько часов назад Артефакт покинул земную орбиту, продолжив странствия по неисследованным рукавам галактики. Необходимость в его присутствии отпала. Коллективные знания Странников были скопированы и сохранены в человеческом Доме, которому также предстояло отправиться в путь — как только будут разрешены последние разногласия.

Велосипед Уильяма был привязан к заднему бамперу фургона Мириам. Он тихо отвязал его и осмотрел.

По дороге из Айдахо велосипед запылился. Цепь и механизм переключения передач натужно скрипели. Но ехать было недалеко. Уильям вскочил в седло и поехал по шоссе № 80. Мальчик крутил педали в свете луны, замерзшее дыхание трепыхалось позади него, словно флаг.

За воротами он свернул налево, на отдельную дорожку, что вела к дому Конноров.

«Роза, поторопись, — думал он. — Утром они придут. Поторопись!»

Глава 32. Освобождение

Уильям встретил с ней рассвет.

Роза лежала на кровати. Пострадавшая от морозов и ветра комната выглядела потрепанной. Дубовый шкаф потемнел, зеркало потускнело, занавески спутались и намотались на карниз. Единственное большое окно выходило на юго-восток, где почти все небо перекрывал Дом. На его далеких склонах играли слабые рассветные лучи.

Серый кокон на кровати треснул и начал разделяться надвое. Уильям без видимых эмоций наблюдал за пульсирующим содержимым.

«Роза, они уже идут».

«Тогда помоги мне», — попросила Роза.

Уильям подошел к кровати, подумал, схватился за половины плотного пористого материала и попробовал раздвинуть их.

«Больно», — простонала Роза.

Уильям беззвучно извинился.

«Ничего. Продолжай».

Мальчик был с этим согласен. Он снова схватился за кокон и напряг тонкие руки, пока материал не разошелся по заднему шву с сухим треском,

будто разломилась скорлупа грецкого ореха.

Он почувствовал, как Розу накрыло облегчение.

И отошел, чтобы не мешать ей расправить крылья.

Тогда она наконец смогла встать в полный рост перед кроватью, солнце поднялось уже высоко. Ее громадные крылья дрожали в холодном воздухе.

В этом воплощении Роза Перри Коннор весила меньше пятнадцати фунтов. Новое тело было пустой оболочкой без человеческих костей и тканей. Неоциты преобразили его в нечто более хрупкое и гораздо менее плотное. Ее лицо уменьшилось и сжалось, но черты остались узнаваемыми. Уильям подумал, что она весьма привлекательна. У нее были большие ясные глаза.

Она моргнула, по-прежнему не в силах произнести ни слова. Легкие стали хрупкими мехами, голосовые связки деформировались. Чувствительные к свету зрачки превратились в черные точки. Влажные крылья, очертания которых напоминали двойной эллипс, обнимали все тело, яркие разводы, синие и фиолетовые, играли на солнце.

Уильям чувствовал ее возбуждение.

«Занятно, — подумал он, — какой вид мы выбираем для своего последнего недолгого воплощения на Земле».

Принятая Розой форма вовсе не казалась ему странной. Она была мимолетным воплощением навязчивой мечты.

Роза не могла воспользоваться крыльями, пока они не обсохнут. Уильям не торопил ее — для ускорения процесса ничего нельзя было сделать.

Он сорвал занавески с окна. Другого способа выйти не оставалось. Окно было старомодным: одна рама — неподвижная, другая — подъемная, с противовесом. Тело Розы стало маленьким, крылья были гибкими, но в половину окна она бы не протиснулась.

Уильям выбил оба стекла, аккуратно, тщательно собрал осколки и выбросил вниз, на сухую землю. Затем, с удивительной для мальчика силой, он стал тянуть за деревянный край рамы, пока та не оторвалась с треском.

Несмотря на меры предосторожности, он наставил себе заноз и порезал правую руку. Кровь была густой и темной, почти черной.

Проходя по парковке вместе с Джоуи Коммонером, Тайлер вдруг остановился и поднял голову:

— Джозеф, ты это слышал?

— Э… нет, сэр.

— Как будто стекло разбилось.

— Не слышал, сэр.

В штиль звуки разносились далеко над засушливой прерией. Тайлер затаил дыхание, прислушался, но ничего больше не услышал.

— Поторопи остальных, — приказал он. — Завтрак окончен. Дела не ждут.

— Есть, сэр, — ответил Джоуи.

Уильям услышал, как один за другим завелись моторы, но из окна стоянка была не видна.

«Знаю, — успокоила его Роза. — Еще чуть-чуть».

Мальчик понимал, что времени у них в обрез.

Вереница фургонов свернула на частную дорогу и выстроилась в ряд у фермы Конноров.

Дом сразу понравился Эбби Кушман. Изысканный с виду двухэтажный каркасный особняк выгодно выделялся на фоне пахотных земель. Он стоял на занимаемом им участке с каким-то колониальным достоинством.

Входная дверь была не заперта. Эбби вошла следом за полковником Тайлером и его подручными. Внутри тоже было мило, хотя ветер, проникнувший в гостиную сквозь разбитое окно, изрядно

потрепал кое-какие вещи.

Большой центральный зал был украшен в стиле юго-западных индейцев хопи, который был в моде несколько лет назад и посреди северной прерии казался несколько неуместным, но имел свое очарование. Цветастые ковры, бежевые стены, длинный диван песочного цвета, индейские куклы в серванте, низкие фарфоровые светильники. Эбби гадала, кто здесь жил. Наверное, какой-нибудь приезжий. Тот, кто не чувствовал себя здесь как дома.

Полковник Тайлер отправился исследовать кухню и погреб на наличие припасов.

— Посмотрю, что наверху, — сказала Эбби Мэтту Уилеру, который усаживал в кресло запыхавшуюся Мириам Флетт.

Эбби удивилась отсутствию Уильяма. В последнее время старушка с мальчиком были неразлейвода. Впрочем, Мириам уже некоторое время вела себя странно.

Ее хотелось спросить, что произошло, но она заранее знала ответ. «Эбби, не суй нос не в свое дело». В лагере каждый был чем-то недоволен, и удивляться этому не приходилось. Путешествие наглядно проиллюстрировало пустоту мира и неустойчивость человеческого темперамента.

Америка стала пустой, как старая чашка, и лучше всех в ней выживали старые тру́сы вроде Тома Киндла.

Думать об этом было неприятно.

Эбби быстро поднялась по лестнице и оказалась в застланном коврами коридоре, тусклом и прохладном. Перед ней было три двери, — вероятно, все вели в спальни.

Уильям услышал, как повернулась дверная ручка.

«Роза…»

«Знаю, — ответила она и сделала шаг — осторожный пируэт — к окну. Уильям понял, что она с трудом удерживает равновесие. — Спасибо. Что бы ни случилось».

Эбби настолько привыкла к пустоте мира, что опешила, увидев в спальне человека.

— Уильям! — воскликнула она.

Затем она посмотрела в сторону окна… на существо перед окном.

В утреннем свете силуэт выглядел изящно. Сперва Эбби решила, что это какой-то элемент декора, причудливо собранные листы целлофана, дробящие солнечные лучи на фиолетово-синие блики. Но тут силуэт пошевелился. Он был живым, органическим… Эбби заметила глаза и

подобие лица.

Уильям приложил палец к губам: «Тише!»

Эбби едва подавила желание вскрикнуть.

— Не бойтесь, — прошептал мальчик.

А как тут не бояться? Она заметила на кровати остатки кокона. Какое-то насекомое. Эбби не любила насекомых. Старшие братья издевались над ней, подкидывая ей гусениц. Если существо сбросило кокон, значит это был некий человек-кожук. Эбби охватило такое отвращение, что ей захотелось убежать и позвать на помощь.

Уильям почувствовал ее испуг.

— Эбби. — Он впервые обратился к ней по имени, как взрослый ко взрослому. — Это Роза Коннор. Она не может говорить. Не бойся ее. Ей просто хочется улететь. Она очень хрупкая, и я боюсь, что другие ей навредят. Эбби, ты меня понимаешь?

Конечно, она не понимала. Как такое поймешь?

Но Уильям говорил искренне. Эбби рассеянно подумала, что он был странным ребенком. Эбби хорошо знала детей. Вырастила свою дочь и воспитывала двух ее сыновей до того, как их забрал Контакт. Уильям был немного похож на ее старшего внука Кори. Кори всегда таскал в

дом всякую дребедень. Камушки, бутылочные крышки… коконы. Она пыталась проявлять к этому интерес, пусть и отстраненно, пыталась понять мир ребенка, где все было удивительным и загадочным. Может быть, Уильям тоже очаровался этим… существом.

Сердце Эбби отчаянно колотилось. Но она вспомнила, что случилось с Полом Джакопетти в подвале бьюкененской больницы, и твердо решила не повторять его ошибок, не поддаваться панике.

— Если она хочет улететь, — сказала Эбби, зажмурившись и сглотнув, — то почему не летит?

— Эбби, ты видела только что вылупившихся бабочек? У них мокрые крылья. Им нужно просохнуть, иначе они упадут.

— Ясно. И сколько еще ждать?

— Несколько минут.

— Уильям… я не смогу помешать остальным подняться сюда.

— Главное, не зовите…

— Не буду. — Она постепенно успокаивалась. — Но полковник Тайлер обыскивает дом.

— Эбби, нам нужно совсем чуть-чуть.

— Надеюсь, вы успеете.

Даже в этот критический момент Уильям был

впечатлен грацией Розы. Она ухватилась за остатки рамы тонкими, как струны, руками, пальцами-ниточками. Подтянулась, задержалась на подоконнике, глядя внутрь, затем расправила на всю ширину крылья — коралловые паруса; синие и фиолетовые тона в лучах солнца стали светлее. Роза напоминала гигантский цветок орхидеи. Подул ветер, и она задрожала.

«Еще немного», — сказала она.

«Пора».

Тут Эбби охнула. Дверь распахнулась, и на пороге появился полковник Тайлер.

Удивительно, как быстро Тайлер оценил ситуацию. Его глаза метнулись от Эбби к Уильяму и к женщине-насекомому. Очевидно, он пребывал в шоке, но не застыл, как ранее Эбби. Его рука сделала резкое движение.

Он выхватил револьвер, который постоянно носил с собой.

— Нет, — сказала Эбби.

Полковник не обратил на нее внимания, сосредоточившись на существе, которое Уильям называл Розой. Его лицо перекосила гримаса отвращения. Эбби стало страшно, а полковник, как она быстро поняла, чувствовал себя оскорбленным.

Расставив ноги, он прицелился в Розу, держа револьвер двумя руками.

Эбби показалось, что время поползло невероятно медленно. Она успевала увидеть все. Грусть и озабоченность Уильяма. То, как женщина-насекомое подставила свои невероятные крылья утреннему небу. Пистолет Тайлера — во всех деталях: сложный стальной механизм.

Она слышала собственное хриплое дыхание, отмерявшее секунды, как метроном. Время увидеть было; времени действовать не было.

Но Уильям действовал.

Несмотря на сжавшееся время, мальчик сориентировался быстро. Невероятно быстро. Нечеловечески быстро.

Он бросился на Тайлера. От толчка револьвер нацелился в потолок. Полковник выстрелил; хлопок жестоко ударил по ушам. С потолка посыпалась штукатурка. Образовалась маленькая дырочка с кривыми краями.

— Тьфу! — взбесился Тайлер.

Эбби посмотрела в окно. Крылья женщины-насекомого поднялись, почувствовали воздух, встрепенулись; Роза скользнула вниз по длинной траектории… и начала подниматься…

Спотыкаясь, Тайлер бросился к окну и снова

направил на нее револьвер.

Уильям был тут как тут и дернул его за руку.

Тайлер отпихнул мальчика. Эбби услышала хруст — голова Уильяма ударилась о стену.

— Прекратите! — закричала она.

Нельзя было так обращаться с детьми.

Однако Уильям не пострадал. Он выпрямился, и теперь Тайлер прицелился уже в него.

— Прекратите! — возмущенно повторила Эбби. — Полковник, остановитесь!

Он что, глухой?

Уильям повернулся к ней. Это было глупо, но Эбби показалось, что он хочет ее успокоить. Сказать, что все будет хорошо. Но ничего хорошего его не ждало.

— Я знаю, кто вы такой, — четко сказал мальчик, глядя на полковника Тайлера.

Полковник нажал на спусковой крючок. Грудь Уильяма разорвало.

— НЕЕЕЕТ! — надрывно завопила Эбби.

Тайлер выстрелил снова, в лицо Уильяма, на котором еще моргали глаза. Звук выстрела и его последствия были невыносимы для Эбби. Она вспомнила Кори, другого своего внука, Дэмиана, свою дочь Лору. Лора погибла в авиакатастрофе, а Кори с Дэмианом ушли в Больший Мир. Эбби не

состояла в родстве с Уильямом, но не могла вынести потерю еще одного ребенка, кем бы он ни был, только из-за того, что тот осмелился встать на линии огня полковника Джона Тайлера. Она сделала то же, что раньше сделал мальчик: бросилась через всю комнату, как в замедленной съемке, понимая, что опоздала, видя перед собой целый океан крови, и врезалась в полковника. Тот упал на спину. Они сцепились в борьбе за пистолет. Эбби была удивлена собственной силой, силой ее ненависти. С полными слез глазами она пыталась вырвать у противника оружие и покарать Тайлера, но смогла лишь повернуть револьвер. Тайлер еще дважды спустил курок. Обе пули ушли в стену; посыпалась краска, поднялись облачка пыли. Наконец силы и мужество оставили Эбби, и Тайлер смог ее оттолкнуть. Он прицелился в нее, и Эбби подумала: «Давай, застрели меня, сраный детоубийца!» Тут кто-то схватил ее сзади, а Тайлер с устрашающим видом принялся тыкать пистолетом в труп мальчика.

— Эбби, он не человек! Посмотрите! — Он ковырнул обмякшее тело носком ботинка. — Это не кровь! Боже всемогущий! Похоже на моторное масло для грузовика! Господи Иисусе!

Какая разница?

«Никакой», — подумала Эбби.

Удивляясь себе, Эбби собрала все слюни, что оставались в ее пересохшем рту, и плюнула полковнику в лицо. Плевок попал точно в цель.

Тайлер замер.

Все присутствующие — а в комнате уже собралась толпа, включая Боба Ганиша, Пола Джакопетти и Джоуи Коммонера, державшего Эбби, — застыли в ожидании.

— Уведите ее в фургон, — скомандовал полковник. Слюна стекала по его щеке; голос был резким и обиженным. — Уведите и заприте там. Потом решу, что с ней делать.

Роза Перри Коннор парила в струях утреннего нагревающегося воздуха, взмывая все выше, пока ферма не осталась далеко внизу.

Она чувствовала себя в своей стихии. Небо не было пустым вакуумом — скорее морем со множеством течений. Оно манило ее новыми открытиями, новыми впечатлениями, призывало исполнять акробатические номера, скользить и нырять, выписывать чувственные виражи. Опьяняло.

Роза наблюдала за своей тенью, скользящей по сухим пастбищам, зарослям колючки и мятлика, раскинувшимся внизу, как океан. Солнце прият-

но согревало крылья.

Она знала, что произошло в доме. Поняла, что Уильям освободился. Увы, преждевременно. Он был путешественником, как и она, стариком в теле мальчика. Роза послала в сторону Дома известие о своей скорби. Она испытывала грусть и одновременно — восторг от полета. Уильям принял ее соболезнования легко, радуясь полету вместе с ней.

Печалила его лишь людская трагедия.

«Вся их жизнь — трагедия, — подумала Роза. — Трагедия — их океан; Уильям — их воздух».

Он послал ей грустное возражение, которое, впрочем, не полностью противоречило ее мыслям.

«Ты тоже когда-то была человеком».

Да, Роза это признавала. Она взяла курс на вершину Дома, в утреннем свете похожую на голубую фарфоровую тарелку.

«Когда-то я была человеком, — подумала она. — Теперь — нет».

После непродолжительного сопротивления Эбби Кушман заперли в ее фургоне, под охраной Джоуи Коммонера.

Эбби была настолько сбита с толку и опечалена, что не могла ясно мыслить. Прижавшись лицом

к окну, она смотрела, как крылья цвета орхидеи скрываются в южном небе.

Глава 33. Провокация

Услышав выстрелы, Бет вылезла из фургона и помчалась в дом. Навстречу ей Джоуи с Бобом Ганишем вывели заплаканную Эбби Кушман.

Наверху Мэтт Уилер ругался с полковником Тайлером. Бет остановилась у лестницы в конце коридора, слишком далеко, чтобы отчетливо слышать перебранку, но достаточно близко, чтобы понять, насколько отчаянной она была, и испугаться, что полковник Тайлер снова пустит в дело пистолет.

От необъяснимо ожесточенной атмосферы у нее закружилась голова. Двое достойных мужчин — Мэтт, в потертых джинсах и футболке, полковник в поношенном военном мундире — выглядели абсолютно вымотанными собственным гневом.

Мэтт что-то сказал об убийстве.

— Он шпионил! — отрезал полковник Тайлер. — Он не человек.

О ком они говорили?

Затем Мэтт сказал Тайлеру, что тот не вправе запирать Эбби Кушман, а Тайлер ответил, что доктор не вправе командовать. Они еще долго

обменивались грубыми, едкими репликами, пока Мэтт не развернулся и не ушел. Бет спряталась от него в пустой спальне. Спор закончился.

К собственному удивлению, Бет вдруг вспомнила, как эти мужчины прикасались к ней. Тайлер — своей большой лапищей; Мэтт — более нежной. В некотором роде она была соучастницей всего этого.

Она подошла к полковнику Тайлеру.

Тот заметил ее, но взгляд его был отстраненным.

— Что случилось? — спросила Бет, заглядывая в комнату. Внутри было разбито окно и пахло чем-то едким. — Там что, кровь?

Полковник положил руку ей на плечо и развернул:

— Я все объясню.

Шпионом был Уильям. Его пришлось убить.

Выслушав объяснения полковника, Бет вернулась в фургон.

Они взяли все машины в салоне в Уилламетт-вэлли, к востоку от Берегового хребта, где тайфун не вызвал больших разрушений. Бет никак не могла привыкнуть к тому, что у каждого теперь были сорокатысячедолларовые «трэвелеры» и «сайтейшены», модные коробки на колесах,

подключавшиеся к водопроводу и оснащенные телевизорами.

Бет подумала, что почти все достижения человеческого прогресса — это коробки. Дом — коробка, офисный центр — коробка. Телевизор — коробка, микроволновая печь — коробка с излучением. Сплошные коробки. Теперь их перестали производить. Все нужные коробки можно было взять бесплатно.

Она в одиночестве слушала отзвуки утреннего конфликта. Кто-то куда-то ходил, хлопали двери, звучали сердитые голоса.

Бет не привыкла к жестокости. В ее семье жестокости никто не проявлял, если не считать редких поездок отца на охоту. Ее мать была аккуратной строгой женщиной, уехавшей с новым мужем в Терре-Хот, когда Бет было пятнадцать. Отец частенько сердился, но никогда не поднимал на нее руку. После аборта, который ей пришлось сделать в четырнадцать лет в сиэтлской больнице, он почти не удостаивал ее вниманием. На нее обращали внимание лишь для того, чтобы посмеяться или поиздеваться, — все, кроме Джоуи.

Бет продремала почти до вечера, боясь того, что могло происходить снаружи. Она вышла, когда пришло время ужина, и увидела Тайлера с Джоуи

и Полом Джакопетти у костра за фермерским домом. Никто не хотел есть внутри, где погиб Уильям. Полковник даже не взглянул на Бет, Джакопетти тоже.

Джоуи посмотрел на нее, как обычно, следя за ней взглядом, как бы невзначай, но назойливо. Его внимание было как зубная боль. Он следил за ней так с того дня, как они покинули Бьюкенен, взглядом собственника, от которого Бет негодовала.

Она решила, что не голодна. Развернувшись, она подошла ко входу в дом и шагнула внутрь, хотя там еще стоял утренний запах горячего металла и крови. Внутри в кресле сидела Мириам Флетт. Она не была ничем занята, просто смотрела, как в воздухе летает пыль. Бет осторожно приблизилась. Старушке нравился мальчик, пусть он и был шпионом, и теперь она наверняка грустила.

Заметив Бет, Мириам повернула к ней морщинистое лицо.

— Извините, — сказала Бет. — Не хотела вас напугать.

— Ничего страшного, — сухо прошептала Мириам.

— Вы, наверное… — Какие слова подходили к

данной ситуации? — Вы, наверное, ужасно себя чувствуете. Мне жаль, что так случилось.

— Ты уже знаешь?

— Полковник рассказал. Он сказал, что Уильям был… гм…

— Не совсем человеком, — закончила за нее Мириам. — Да, я это знала.

— Правда? Все равно… он умер. Это печально.

— Раз он не был человеком, то не умер, — твердо ответила Мириам.

Бет не сразу ее поняла.

— Да, наверное. Мне сложно это себе представить.

Тут Мириам сделала то, чего на памяти Бет не делала никогда. Улыбнулась.

— Я тоже не сразу смогла, — ответила она.

Пошли разговоры о том, чтобы ехать дальше или вернуться на стоянку для грузовиков — лишь бы оказаться подальше от этого печального дома, — но полковник Тайлер наложил вето на все предложения, по крайней мере, до утра. Никакой опасности пока не было, и все могли спать в фургонах. Бет решила, что это разумно. Но вечером лагерь погрузился в угрожающую тишину.

Незадолго до наступления темноты, когда высокий склон человеческого Артефакта еще розовел

на горизонте, Тим Беланже отсоединил прицеп от своего пикапа и погнал на восток. Следом за другим беглецом, Томом Киндлом.

«Нас все меньше, — с грустью подумала Бет. — Осталось всего девять».

Она бы предпочла, чтобы уехал Джоуи.

Она наткнулась на него у костра за домом. Джоуи как раз тушил его, и Бет загрустила, увидев это. Костер был единственным огоньком во всей прерии.

На Джоуи была старая футболка с черепом и розами и черная кожаная куртка, чтобы не замерзнуть ночью. Из-за пояса торчал пистолет — правда, малокалиберный, но Бет все равно считала, что полковник поступил опрометчиво, доверив его Джоуи. Чудо, что тот еще не отстрелил себе яйца.

Она не искала его намеренно. Ей хотелось просто прогуляться по полю в одиночестве, посмотреть на звезды и хоть как-то уложить произошедшее в голове. Но Джоуи подозвал ее.

— Присядь, — сказал он.

— Мне кое-куда нужно, — ответила она, понимая, как нелепо это звучит.

— В кино собралась? Или за покупками? — Он усмехнулся. — Бет, мы посреди чертовой пусты-

ни. Куда бы мы ни поехали, везде пустыня. Тут вообще бывают дожди или только у нас в Бьюкенене?

— В Огайо бывают.

— Огайо, — презрительно фыркнул Джоуи.

Он высыпал еще ведерко песка на тлеющие угли, загасив последнюю искру.

— Утром творилась какая-то дичь, — произнес он. Бет кивнула. — Я все видел. Два выстрела. — Джоуи выставил палец. — Бах — в грудь. Бах — в голову. Хорошо, что ты не видела. Парень точно не был человеком. Он был как… не знаю, на хрен. Как арбуз, заполненный машинным маслом?

— Господи, Джоуи!

— Говорю как есть, — улыбнулся он.

— Эбби Кушман еще под арестом?

— Джакопетти сторожит ее. Вряд ли он сможет помешать, если ей захочется выйти. Я скоро его сменю. Не знаю, какой в этом смысл. Куда ей идти?

— Она может просто уехать, как Том Киндл и Тим Беланже.

— Не выйдет. Я вытащил провод распределителя зажигания.

— А полковник об этом знает?

— Похвалил меня за инициативность, — ух-

мыльнулся Джоуи.

Бет раздражало, что Джоуи был с полковником на короткой ноге. Казалось несомненным, что причина всех бед — дурное влияние Джоуи. Она вспомнила, как Тайлер утром дотронулся до ее плеча. Его рука казалась такой родной. Она отчетливо помнила свои ощущения.

Его прикосновение воплощало все то, чего она достигла после Контакта, а Джоуи воплощал собой все то, что она хотела забыть. Их дружба была невыносимой.

— Бах! — повторил Джоуи, вспоминая. — Знаешь, в чем точно изменился мир? В нем теперь меньше абсурда.

Говорить такое было глупо и опрометчиво, и Бет разозлилась:

— То есть конец света хорош тем, что тебе впервые в жизни доверили пистолет? По мне, это и есть абсурд.

— Верно. Если бы не конец света, у меня не было бы пистолета. А ты бы не трахалась с доктором.

— Откуда тебе знать, с кем я сплю? — вспылила Бет. — Ты даже не представляешь!

— Просто хочу, чтобы ты не задирала нос, когда у тебя между ног торчит табличка «Продается».

Возможно, в ней уже давно копилась ярость.

Возможно, она злилась даже не на Джоуи. Но слышать, как Джоуи Коммонер в открытую называет ее шлюхой, видеть, как он ухмыляется после бредового, начавшегося с гибели человека дня, — это было уже чересчур. Тем самым уничтожалось все, что Бет, как ей казалось, достигла, и за это она ненавидела Джоуи.

Она едва сдержала слезы. Джоуи наблюдал за ней до умопомрачения пристально; его лицо в свете звезд выглядело спокойным и расслабленным, и Бет вдруг вспомнила свой старый сон.

Джоуи — дикий жеребец. Бет скачет на нем к обрыву. Он останавливается, но она пришпоривает его, и он прыгает.

«Молчи, Бет. Не открывай рот. Не усугубляй».

Голова закружилась, она чувствовала себя совсем слабой, почти невесомой.

«Обрыв, — подумала она. — Эта пустыня — обрыв».

— Урод, — процедила Бет. — Ты даже близко не знаешь, что творится в этом лагере.

— Так расскажи, — ответил Джоуи.

Глава 34. На краю пропасти

Мэтт еще не успел уснуть, когда в дверь фургона постучали.

Он сел и выглянул в окно. В прерии стояла ночь. Звезды казались ледяными, а на востоке уже виднелся белесый свет восходящей луны.

«Бет?» — подумал он. Но даже для Бет было уже поздновато.

И она стучала не так. Громче. А здесь — три осторожных тихих удара.

«Господи, — подумал он устало, — что на этот раз?»

Натянув футболку и шорты, он доковылял до двери.

Тук-тук-тук!

— Господи, тише! Иду я!

Он распахнул дверь, впустив поток ночного воздуха, и потерял дар речи.

— Мэттью, — сказал Том Киндл, — впусти меня, а то я тут околею.

Вид у Киндла был неважный. Он не был ранен или болен, но выглядел пристыженным. Мэтт попытался вспомнить, когда он видел Тома Киндла

таким.

Ну конечно; когда тот, привезенный в больницу со сломанной ногой, бредил о каких-то чудовищах. Тысячу лет назад.

Мэтт оставил тусклый свет и налил другу едва теплого кофе из термоса.

— Недалеко ты уехал, а? Вряд ли дальше Ларами.

Киндл отставил в сторонку ружье и развел руками. Его глаза почти потерялись среди глубоких морщин.

— Я сгонял на юг. К этой… штуковине…

— Новому Артефакту.

— Мне стало любопытно. А тебе? Даже неподвижно сидя на горизонте, эта штука закрывает полнеба. — Жадно хлюпая, он отпил кофе. — Мэттью, фокус в том, что она притягивает внимание. Ты когда-нибудь бывал в Моабе? Видел тамошние каньоны? Вот здесь такая же фигня. Красные скалы, голубое небо, и все огромное-преогромное. Голову теряешь. Смотрел я на это, смотрел и решил подъехать поближе.

— И как, получилось?

— Подъехать-то? Не слишком. — Он помотал головой. — Но насколько мог, приблизился. Воздух там едкий. Пахнет серой и обжигает легкие.

Почва ненадежна. Мэттью, эта штука уходит корнями в землю! Буквально! Только корни у нее из камня, черного песчаника или пемзы. Тянутся на несколько миль. А среди этих корней, Мэттью, суетятся какие-то существа…

— Существа?

— Может, машины. А может, животные. Или и те и другие. Но их видно издалека. Расплывчато, как в дымке, когда смотришь на город с другого берега озера, но видно. Настолько они большие. Размером с город. В высоту больше, чем в ширину, вроде жирафов или подъемных кранов. Или пауков. Или журавлей. — Киндл вздрогнул. — Начали в августе и уже успели столько построить! За полгода? Боже всемогущий! Знаешь, Мэттью, пока я смотрел на этих существ, мне в голову пришло вот что: они, кажется, почти закончили. Непохоже, чтобы у них оставалось много работы. Это же космический корабль, правильно? Когда будет готов, улетит в космос. А размером он со штат Делавэр. Мы, по сути, сидим у него на хвосте. Вот я и вернулся… смотрю, а вы еще тут. По-моему, это весьма неблагоразумно.

— Это все Тайлер, — ответил Мэтт. — Утверждает, что по радио сообщили о плохой погоде на востоке. Вот мы и сидим.

— А голосование было?

— В стиле полковника.

— Запудривание мозгов и прочие махинации, ясно.

— Вроде того.

— А что значит «он утверждает»?

— Ну… радио взорвалось.

— Когда он им пользовался?

— По его словам.

— А свидетели?

— Ни единого.

— И ты это оставил вот так?

— Том, он не дурак. Он знает, как заставить Комитет плясать под свою дудку. Выставил меня параноиком.

— Немного паранойи никому не помешает. Я постарался подойти незамеченным. Оставил фургон за рекламным щитом, а дальше пошел пешком. Почти весь вечер прятался за пригорком к югу отсюда, наблюдал за вами. У меня глюки или Джоуи Коммонер охраняет трейлер Эбби?

Мэтт рассказал о женщине-насекомом, о гибели Уильяма и стычке Эбби с полковником.

— Что-что? — Киндл вытаращил глаза. — У нее были крылья?!

— Крылья, как у бабочки, — ответил Мэтт. —

Сам видел, как она летела.

— Ух, Мэтт… хватит с меня чудес, — сказал Киндл.

— Ага.

Добавить было нечего.

— Вопрос в том, что ты собираешься делать дальше. — Киндл положил ружье на колени.

— Он не сможет вечно держать Эбби взаперти. Какой бы ни была погода, нам придется скоро выезжать.

— Если останется время. Не знаю, чего ждет Тайлер, да оно и не важно. Эта гора на горизонте не станет нас дожидаться. Рискует не только Тайлер. Я волнуюсь за Эбби и за старушку Мириам…

«И Бет», — подумал Мэтт.

— Но Тайлер держит Комитет на крючке.

— К черту голосования. Я говорю о побеге. Нужно сваливать, и как можно скорее. Лучше прямо сегодня.

— Ты же только вернулся.

— Всем нужно сваливать. Всем, кто не прислуживает Тайлеру. Тим Беланже вот уже уехал, я сам видел. Молодец, понял, что к чему. Так что берем Эбби. Мириам…

— И Бет, — добавил Мэтт.

— И Бет. Садимся в фургон и даем деру, пока

полковник соображает.

— Если брать только один фургон, то этот. Не хочу бросать медикаменты.

— Значит, этот. Мы все поместимся, а потом найдем новый транспорт. До Огайо два дня пути без остановок.

— Ты же вроде не хотел в Огайо? Собирался посмотреть на Уинд-Ривер?

— Может, мне не понравилось, что Тайлер запер Эбби Кушман. Может, я хочу убедиться, что он нас больше не потревожит. — Киндл поднял ружье и осмотрел его. — А может, один говнюк убедил меня в том, что этот долбаный трейлерный парк — наш общий город.

Бет было стыдно за слова, сказанные в разговоре с Джоуи… но в то же время это ее возбуждало.

Он принялся яростно возражать, и, что страшнее всего, Бет это понравилось.

Ее всегда нравилось, что она способна пробуждать Джоуи от его сонливой флегматичности; возбуждать его, злить. Потыкать тигра палкой и посмотреть, укусит ли он. Даже если он кусал ее. Пожалуй, особенно тогда, когда он кусал ее.

Она оставила Джоуи кипеть от ярости у потухшего костра за домом.

«Так ему и надо, — говорила Бет себе. — Это

некрасиво, но справедливо. Теперь они квиты».

Но, думая об этом, она никак не могла уснуть.

«Хочешь знать, где я провожу ночь?»

«В том фургоне, — ответил Джоуи. — Как всегда».

«Не каждую ночь. Не всю ночь. Послушай…»

От этих мыслей она вся обмякла. Разгорячилась — во всех смыслах.

Если сейчас выйти, заметит ли Джоуи?

Он сторожил Эбби Кушман. Прижавшись к заднему окну, Бет видела свет от спиртовки, которой Джоуи грелся. Он серьезно относился к своим обязанностям. Почти не спал. Казалось, ему это было не нужно.

Он сидел, сгорбившись, у слабого огня, как сказочный тролль.

«Если я выйду с другой стороны и обойду дом…» — подумала Бет.

Может получиться.

Она надела старые джинсы и блузку. Сделала три глубоких вдоха и открыла дверь в холодную прерию. Вышла наружу босиком, с распущенными волосами, как деревенская девчонка.

Снаружи оказалось светлее, чем ей хотелось. Только-только вышла луна. И что это за бледное мерцание? Отражение лунного света или сия-

ние земного Артефакта, накапливающего некую странную энергию?

Бет тихо и легко шла сквозь ясную ночь.

Закрывшаяся в своем фургоне Мириам понимала, что́ это за сияние. Оно отпечатывалось на ее веках и под ними, пока она лежала в постели, а ее тело опустошалось.

Теперь Мириам существовала сразу в двух местах: здесь и в Доме. Неоциты работали быстро. Мириам в Доме была не из плоти и крови, она вообще была не вполне материальной. С каждой секундой Мириам все больше становилась той Мириам, а эта, старая и больная, делалась пустой и хрупкой.

Повернув голову к окну, она увидела Дом в призрачном ореоле, призывавший силу, способную оторвать его от Земли.

Призывавший силу, которая унесет его к звездам, добавит человеческую эпистему к растущему запасу знаний галактики.

«Еще чуть-чуть», — подумала Мириам.

Полковник Тайлер обосновался в комнате на первом этаже дома Конноров. Раньше это был кабинет Винса Коннора, здесь хранились договоры, страховые документы и бухгалтерские

книги. На длинном кожаном диване можно было растянуться в полный рост.

Полковник Тайлер сидел в любимом кресле Винса, обитом искусственной оливково-зеленой кожей, с высокой откидывающейся спинкой. Час был поздний, но полковнику не спалось. Он не спал уже трое суток — плохой знак.

Он терпеть не мог темноту. В темноте Сисси пряталась, и хотя ее присутствие нервировало его, оставаться одному было еще хуже. Днем все было хорошо. Днем был свет, был горизонт. По ночам его одолевали сомнения.

Сомнения… и безумие.

Полковнику казалось, что его безумие, некогда прочно запертое, теперь выплеснулось в повседневную жизнь. Оно проявлялось во всем: в Сисси, чья настойчивость стала ненормальной, в уродстве мира, в появлении женщины-насекомого и смерти псевдоребенка Уильяма.

А еще в этот день уехал Тим Беланже — самое дурное из всех предзнаменований. Признак того, что разрушительный процесс перекинулся с второстепенной фигуры Тома Киндла на куда более важную — Беланже и вскоре захватит главных: Ганиша, Джакопетти, Джоуи, даже самого Тайлера…

— Полковник Тайлер?

Он удивленно повернул голову.

В дверях стояла Бет Портер. Он не услышал стука.

— Бет? — откашлявшись, произнес он, принимая облик дневного полковника Джона Тайлера.

Она посмотрела на него и на табельный револьвер на подлокотнике кресла:

— С вами все в порядке?

Кто последним задавал ему этот вопрос? А. У. Мердок. В том городке в Джорджии, Лофтусе.

— Само собой.

— Можно войти?

Он кивнул. Она шагнула в тонкий луч света от лампы и закрыла за собой дверь. Тайлер подумал, что она уже не ребенок, но и не взрослая; у нее были повадки подростка, неосознанная подростковая игривость.

— Что привело тебя сюда в столь поздний час?

— Мне стало одиноко, — ответила Бет. — Я решила, что смогу здесь согреться.

Мэтт с Киндлом приблизились к спиртовке, горевшей у трейлера Эбби, ожидая резкого оклика Джоуи. Пламя отбрасывало длинные неровные тени на алюминиевый борт фургона. Внутри царил мрак, дверь была заперта, но Джоуи и след

простыл.

— Наверное, устал и пошел спать, — предположил Мэтт. — Или в туалете сидит.

— Джоуи не спит, — помотал головой Киндл, — и ссыт в кустах, когда никто не видит. Странно.

Он постучал в дверь костлявым кулаком.

— Кто там? — раздался изнутри сонный, смиренный голос Эбби.

— Я, — ответил Киндл. — Мы с Мэттом. Есть разговор.

Спустя несколько секунд Эбби появилась на пороге в синей ночной рубашке и заспанными глазами посмотрела на Киндла.

— Эгоистичный сукин сын! — выругалась она. — Ты же уехал!

— Эгоистичный сукин сын вернулся, — ответил Киндл. — Эбби, я и подумать не мог, что он осмелится тебя запереть.

— А где Джоуи? — спросила Эбби.

Тут она обернулась на звук выстрела.

— Стойте! — крикнул Киндл. — Бога ради, стойте!

Он остановил Мэтта и Эбби, бросившихся к дому Конноров. Выстрел раздался там.

— Подумайте. Кто сейчас в доме?

— Тайлер, — ответил Мэтт. — Может, еще кто-

то.

— В какой он комнате?

— В боковой.

— Покажи. Но сам держись подальше от дома.

Они обошли дом по часовой стрелке, прячась за трейлерами. В фургонах, один за другим, зажигались огни.

— Вот его окно, — показал Мэтт.

Маленькое окно было закрыто шторой. Они увидели за ним вторую вспышку — второй выстрел, — а через несколько секунд и третий.

Роза Перри Коннор не слышала выстрелов, занятая другим.

Она улетела на несколько миль от дома Конноров. Несомая скорее ветром, чем своей волей, она полетела на юг, мимо Артефакта, воспарила над заброшенным Денвером и понеслась над горами и долинами, в безмолвном упоении полетом.

Продолжительность ее жизни в измененном теле была недолгой, но достаточной. На землю опустилась ночь. Подхватываемая холодными воздушными потоками, Роза приближалась к звездам. Ее физические ресурсы истощались; она становилась все легче.

Пришла пора отправляться Домой. Всем, кто еще странствовал по миру, на земле, в воде и воз-

духе, был брошен клич: «Отправляйтесь Домой. Отправляйтесь Домой немедленно! Пора улетать!» Но Роза, как непослушный ребенок перед сном, оттягивала этот момент.

Над сумрачным пространством равнин взошла луна.

«Еще один взмах, — думала Роза, наслаждаясь резким ночным ветром, который должен был вот-вот развеять ее прах. — Еще один».

Глава 35. Раны

Джоуи исполнял обязанности часового каждую ночь с тех пор, как они пересекли Снейк-ривер, и за это время научился слушать темноту.

Каждую ночь он разводил огонь, чтобы не замерзнуть. Была весна, и днем нередко стояла жара, но после захода солнца тепло уходило наверх, воздух становился холодным, а ветер пробирал до костей.

Разведи большой костер, и его треск заглушит все прочие звуки. Поначалу Джоуи жег поломанные ветром ветки, придорожный мусор, оторвавшиеся амбарные доски и мебель из заброшенных еще до Контакта пустынных хижин. Смолистые сосновые ветки трещали, как выстрелы, и разбрасывали искры, угрожая поджечь сухой придорожный шалфей. Полковник Тайлер показал Джоуи, как пользоваться спиртовкой, и тот начал собирать банки спирта «Стерно» в магазинах туристических товаров и супермаркетах. «Стерно» горел почти бесшумно, едва шипя на ветру. Большого тепла он тоже не давал — если повезет, можно согреть руки, не более того. Но в кожаной куртке Джоуи почти не замерзал.

Трейлеры встали в ряд у дома Конноров. Джоуи развел огонь на цементной дорожке у фургона Эбби Кушман и прислушался.

Его слух быстро обострился. Мир казался пустым, но Джоуи понимал, что это не так. Во-первых, в нем жили звери. Собаки — в прошлом домашние и теперь выживавшие в дикой природе и дикие. Волки — уже пару ночей Джоуи слышал их вой. И люди. Удивительно, какое разнообразие звуков издавали люди ночью. У трейлеров были тонкие стены, и Джоуи часто слышал шепот и разговоры по ночам. Люди говорили сами с собой, бормотали во сне. Ворочались в постелях, раскачивая фургоны. Кто-то шлепал в туалет, кто-то выходил поглазеть на звезды.

Этим вечером Джоуи пытался успокоиться и навострить уши.

Но никак не мог забыть о встрече с Бет.

Та несла какую-то чушь. Джоуи знал, что творится в лагере, особенно по ночам. Он знал, чем Бет занималась ночью. Обычно спала одна, иногда прокрадывалась к доктору.

Это само по себе было плохо. Парадокс Бет был в том, что он одновременно и хотел ее, и нет. Иногда у него случался стояк от одного лишь взгляда на ее бедра в синих джинсах. В другой же

раз она казалась ему не более привлекательной, чем лежалый кусок мяса. Порой он укорял себя за мысли о ней, порой — терзал себя мыслями о том, что о ней думает кто-то другой.

Он предполагал, что они с доктором трахаются, и, пусть это и было неприятно, почти смирился с этим.

Но в этот день Бет наговорила такого… таких грязных слов о полковнике Тайлере…

Нет.

Невозможно.

В глазах Джоуи полковник Тайлер был ангелом мщения, могущественной светлой силой, осенившей своим присутствием грязный караван. Полковник Тайлер пришел в руины Бьюкенена в чистой одежде, с револьвером на поясе и попросил поговорить с мистером Джозефом Коммонером. Тайлер доверил Джоуи пост часового, Тайлер доверил ему пистолет.

Ему претила сама мысль о том, что полковник мог опуститься до тайных потрахушек с кем-то вроде Бет. Это было бы неблагопристойно.

Но ночь тянулась, луна поднималась, новый Артефакт озарял все вокруг своим бледным светом, и Джоуи услышал, как дверь фургона Бет открылась. Скрип петель заглушил шипение

«Стерно». Не в силах бороться с любопытством, Джоуи поднялся, сделал три бесшумных шага к углу трейлера Эбби и увидел Бет, которая тенью метнулась ко входу в дом Конноров и вошла внутрь.

Наверное, ей просто понадобилось в туалет. Но Джоуи был уязвлен ее словами и обошел дом, подойдя к окну, за которым горела лампа полковника Тайлера. Шторы были задернуты, но Джоуи прижался к стеклу и смог заглянуть в щелочку. Полковник Тайлер неподвижно сидел в кресле. Его револьвер лежал рядом, на подлокотнике.

Джоуи дотронулся до своего пистолета, заткнутого за пояс. Он знал, что полковник его не видит, что в такую темную ночь окно будет отсвечивать, но все равно покраснел от стыда. Его сердце бешено колотилось.

Он увидел, как полковник Тайлер подошел к двери и что-то произнес, однако прочитать слова по губам было невозможно.

Дверь находилась вне поля его зрения, и Джоуи не видел, кто пришел… но кто еще это мог быть?

Он отрывисто задышал.

Полковник Тайлер еще что-то сказал, замолчал, затем снова заговорил.

Джоуи фиксировал образы, но был не в состоя-

нии их анализировать. Он вообще не мог думать; только смотреть.

Наконец, Бет появилась у него перед глазами, одетая слишком легко, немного раскрасневшаяся. Она выглядела взволнованной и возбужденной, волосы свободно ниспадали на плечи.

Она остановилась у кресла Тайлера. Тот не шелохнулся. Бет что-то неслышно сказала. Потянулась к большой руке Тайлера и взяла ее. Положила себе на блузку и провела по груди. Джоуи этот жест показался омерзительным.

Он достал пистолет и бросился ко входу в дом.

Когда Тайлеру стало очевидно, зачем пришла Бет, он почувствовал, что полностью контролирует ситуацию.

Она не слишком отличалась от сотен подобных женщин, которые обслуживали Тайлера за его жизнь. В ее приходе не было ничего удивительного. Судя по всему, он унаследовал от Мэтта Уилера не только председательский молоток.

Бет положила его руку себе на грудь, и он почувствовал ее форму, нащупал твердый сосок. Тайлеру нравилось видеть, как его морщинистая рука мнет податливую ткань блузки.

Он встал и прижал Бет к себе. Она была невысокой. Ее голова запрокинулась назад, глаза

прикрылись в ожидании поцелуя. Но Тайлер не целовался. Это был грязный обычай. Вместо этого он вцепился рукой в ее волосы и дернул.

Она вытаращила глаза. Он приказал ей молчать. Разговорчивые женщины его не привлекали.

Тайлер прижался к ней бедрами, сунул левую руку под блузку и начал исследование. Запрокинул ей голову так, чтобы видеть тонкий бледный изгиб горла. Бет не знала, как реагировать на боль. В ней смешались возбуждение и страх.

Ее синие джинсы застегивались на пуговицы. Тайлер успел расстегнуть две, когда Джоуи пинком выбил дверь.

Полковник Тайлер ни разу не был ранен в бою — он и в боях-то никогда не участвовал — и потому опешил, когда его ударила пуля.

Он почувствовал боль и гнев, но в первую очередь — непомерное удивление, будто отбросивший его назад кинетический импульс был Божьей карой.

Тайлер успел ухватиться правой рукой за кресло. Левая рука не реагировала на посылаемые мозгом команды. Словно ее отсекли и заменили похожим на плоть куском резины. Все плечо полковника было в крови.

Бет стояла на том же месте, хотя пуля прошла в считаных миллиметрах от ее головы. Тайлер не сразу понял, что́ она выкрикивает; звук ее голоса казался ему посторонним.

— С дороги! — скомандовал ей Джоуи; полковник узнал его невыносимый визг. — Живо!

Тайлер прижался бедром к креслу и схватил свой револьвер.

Вечером он зарядил. Он собирался привычно поводить холодной сталью у виска, может, лизнуть ствол. Но не спускать курок. Сисси всегда отговаривала его. Курок спустил другой человек. Выстрелил в него. Джоуи выстрелил в него.

Схватив револьвер, он резко повернулся.

Скользнув ногой по лакированному дубовому паркету, Тайлер принял сидячую стойку, спиной к креслу. Должно быть, Джоуи решил, что он потерял равновесие, а может, вообще не обратил внимания на это движение, всецело занятый Бет. В глазах полковника Джоуи выглядел гротескно: раздувшийся от ревности, как лягушка-бык.

— С дороги, — повторил Джоуи, и теперь Бет поняла.

Она сделала два шага назад и оглянулась на Тайлера. Увидела кровь и вытаращила глаза. Тайлер ждал, что она снова закричит. Бет тоже

выглядела смешно; ее гладкий живот торчал из расстегнутых джинсов.

Джоуи посмотрел на полковника, и полковник выстрелил ему в голову.

В этом действии не было ни точности, ни грации. Он просто поднял револьвер и спустил курок. Джоуи упал и секунд тридцать-сорок подергался в конвульсиях, прежде чем умер.

Бет склонилась над Джоуи и издала сдавленный стон, увидев рану. Рука опустилась на его пистолет. Полковник внимательно за ней наблюдал. «Следи за ее рукой», — предупредила Сисси. Сисси вдруг появилась под потолком, но Тайлер не смотрел на нее, лишь следовал ее совету, следя за рукой Бет на пистолете.

Она взяла пистолет и повернулась к Тайлеру.

Предлагала взять его? Угрожала? Выражение ее лица невозможно было прочитать под непроницаемой маской печали. Невозможно было оценить угрозу.

Поэтому полковник Тайлер выстрелил и в нее.

После третьего выстрела Мэтт бросился к своему фургону за докторской сумкой.

Когда он вернулся, Киндл попытался удержать его.

— Мэттью, не ходи туда! Это глупо. Мы не зна-

ем, что случилось. Мэттью, бога ради, подожди!

Мэтт пропустил его слова мимо ушей, пробежал по лунной дорожке и ворвался в темный дом Конноров.

Глава 36. Профилактика

«Девчонку — зря», — сказала Сисси.

Теряя силы от кровопотери, полковник Тайлер поднялся с пола, забрался в кресло и устало посмотрел на призрак матери.

Сисси редко появлялась после наступления темноты. Но в этот день она не просто маячила поблизости, а была почти осязаемой. Многослойные юбки шуршали вокруг тучного тела, кожа была бледной, а глаза — безумными и внимательными. Казалось, зайди в угол, и сможешь дотронуться до нее.

«Зря ты стрелял в девку. Убийство парня можно было бы оправдать. Отмазаться. С девчонкой не прокатит».

«Ты сама сказала: следить за ее рукой!»

«Но не стрелять».

«Она взяла пистолет!»

«Она бы им не воспользовалась».

Тайлер начал отвечать, но умолк, когда распахнулась дверь.

На пороге появился ошалелый Мэттью Уилер с докторской сумкой. Он явно не понимал, что произошло. Его взгляд метался от тела к телу — к

Джоуи, Бет, Тайлеру.

Тайлер почти машинально поднял револьвер и прицелился во врача.

«Так, слушай, — зашептала Сисси. — Если ошибешься, все сбегутся сюда. Ввалятся в эту комнату и увидят, что ты натворил. Поймут, что ты за человек. Нам придет крышка. Так что слушай. Слушай».

— Полковник Тайлер, — произнес врач, — я не смогу оказывать помощь под дулом пистолета. Позвольте мне войти.

Очевидно было, что в первую очередь его интересовала Бет. Дыхание девушки было громким, хлюпающим. Точно вода стекает в сливное отверстие, подумал полковник.

Тайлер слушал Сисси, не опуская револьвер.

— Входите, — ответил он наконец. — И закройте за собой дверь.

— Только если вы положите револьвер.

— Входите, доктор Уилер, а то я и вас пристрелю. Других вариантов нет.

Уилер помешкал, глядя на Бет, и вошел.

— Теперь закройте дверь.

Уилер послушался. Он собрался было склониться над девушкой, полез в сумку, но Тайлер его остановил:

— Подождите.

— Ей нужна помощь. Она тяжело ранена, — раздраженно ответил доктор.

— Вижу. Это я в нее стрелял. Подойдите к окну.

Уилер скептически посмотрел на револьвер.

— Если надо будет, я без промедления пущу его в ход. Вы думаете иначе? Тогда еще раз посмотрите на эти два трупа.

— Один, — возразил Уилер. — Она еще жива.

Тайлер нервно кивнул, слушая еще один молчаливый совет Сисси. Он наклонился, хотя рука болела, и прицелился в девушку.

— Жива. Думаю, вам хочется, чтобы так и оставалось. Поэтому идите к чертову окну.

Уилер наконец выпрямился и сделал, как велено.

— Раздвиньте шторы. До конца. Хорошо. Теперь откройте окно. Молодец. И выключите лампу.

— А как я буду работать без света?

— Доктор Уилер, пока вы не работаете. Пожалуйста, выключите лампу.

Уилер выключил. Стало темно; комнату освещал лишь свет луны и слабое голубоватое сияние — вероятно, от человеческого Артефакта. Тайлер посмотрел, что творится снаружи, за стенами дома Коннноров. В окне виднелся лишь последний

фургон каравана, здоровенный «глендейл» Боба Ганиша.

— Пусть все соберутся здесь, чтобы я видел.

— И как я это устрою, полковник?

— С помощью вашей знаменитой силы убеждения. Скажите, что иначе я вас застрелю.

Уилер высунулся из окна и подал сигнал Эбби Кушман, которая стояла поблизости.

Сисси отвлеклась на сияние Артефакта, которое на глазах Тайлера становилось все сильнее.

«Эта гора собирается взлетать».

«Хорошо, — подумал Тайлер. — Тогда мы сможем спокойно ехать в Огайо».

«Никто не будет знать, кто мы такие».

«Кроме этой компашки».

«А мы их с собой не возьмем».

«Как им помешать?»

«Сам знаешь».

«Перебить всех будет сложновато», — подумал Тайлер.

«Сообразим, — ответила Сисси. — Что-нибудь придумаем».

Мэтт подозвал Эбби Кушман и попросил собрать всех на площадке между домом и «глендейлом» Боба Ганиша.

— Пусть встанут так, чтобы полковнику было

видно.

Эбби опасливо держалась подальше от окна и недоверчиво смотрела на Мэтта.

— Мэтт, в чем дело? Кто-то ранен?

— Не могу сказать.

Эбби шагнула ближе. Лунный свет отразился в стеклах ее очков. Она напоминала напуганную сову.

Мэтт подумывал о том, чтобы вскочить на подоконник и выпрыгнуть наружу, оставив раненого полковника. Но у Тайлера на мушке была тяжелораненая Бет. Мэтт слышал ее хриплое, жуткое дыхание. Ему хотелось как можно скорее покончить со всей этой чепухой и оказать ей помощь.

Эбби подошла достаточно близко, чтобы увидеть в сумраке Тайлера с револьвером.

— Боже милосердный.

— Эбби, делай, как он говорит. Собери всех и постарайся не нервничать.

Она в страхе закрыла рот ладонью, но кивнула и ушла.

— Теперь отойдите от окна, — приказал Тайлер. Мэтт послушался.

— Можно мне заняться девушкой?

— Пока нет.

— Она может умереть.

— Может, — согласился Тайлер. — Но не будем бежать впереди паровоза.

— Господи Иисусе, Тайлер! — Мэтт готов был сорваться.

Полковник махнул револьвером в сторону Бет:

— Если будете упрямиться, я быстро решу эту проблему.

Смотреть на Тайлера было все равно что таращиться в сточный колодец. За день он убил двоих и убивал третьего, не позволяя оказать медицинскую помощь. Очевидно, он сорвался с катушек. Очевидно, Тайлер был безумен.

Крайне важно было следить за словами, тщательно взвешивать то, что собираешься сказать.

— Мне не хватит медикаментов в сумке. Нужны бинты…

— Всему свое время. Помолчите.

Все внимание полковника было обращено к окну. Эбби выстроила людей перед блестящим алюминиевым фургоном Ганиша. Мэтт нетерпеливо пересчитал. Эбби, Боб Ганиш, Чак Мейкпис, Пол Джакопетти… кого-то не хватало.

«Киндла, — вспомнил он. — Где Том Киндл?»

Однако он тут же спохватился. Киндл вернулся в лагерь лишь час назад, и Тайлер не рассчитывает увидеть его среди собравшихся. Полковник

до сих пор считает, что Киндл сбежал с концами.

Тем не менее… куда он подевался?

Эбби жестом поманила его.

— Подойдите к окну, — разрешил Тайлер, — только медленно.

Мэтт так и сделал.

— Позовите ее.

Мэтт позвал.

— Скажите, что здесь не все.

Мэтт невольно уставился на Тайлера. «Как он узнал про Киндла?»

— Где старуха… Мириам Флетт? — спросил Тайлер.

Мэтт передал вопрос Эбби.

— Знаю, что не все! — ответила Эбби. Она встала у окна, с ненавистью глядя на револьвер и его владельца. — Я хотела об этом рассказать. Мириам в своем трейлере. Мы не можем ее добудиться.

«Боже всемогущий! Не хватало, чтобы еще кто-нибудь умер! — подумал Мэтт. — И откуда весь этот свет?»

— Ладно, — сказал Тайлер. — Пусть миссис Кушман отведет всех в «глендейл» и запрет дверь.

— Полковник Тайлер, я прекрасно вас слышу, — ответила Эбби. — Надолго?

— До дальнейших распоряжений.

— Эбби, иди, — сказал Мэтт. — Все будет хорошо, обещаю.

Она ушла и отвела унылую троицу — Ганиша, Чака Мейкписа и Джакопетти — в фургон. Последние печальные остатки Бьюкенена, Орегон. Дверь фургона закрылась, и Мэтту стало совсем одиноко.

Не успел он отвернуться от окна, как заметил, что у заднего правого угла «глендейла» что-то блеснуло. Он мог ошибаться… но ему показалось, что это ствол ружья Тома Киндла.

Заметил ли Тайлер?

Судя по всему, нет. Мундир Тайлера насквозь пропитался кровью. Мэтт не сомневался, что полковник сильно ослаб. И должно быть, испытывал болевой шок. Но сверхъестественное спокойствие Тайлера пугало его.

— Мне нужны бинты, — напомнил Мэтт.

— Я не хочу, чтобы вы выходили к остальным.

— Полковник, я не волшебник. Раны необходимо перевязать. В том числе вашу. Мне понадобится как минимум чистая ткань.

— В доме найдете. Наверху, если не ошибаюсь, был платяной шкаф.

— И вы меня отпустите?

— Не будьте идиотом. Если не вернетесь быстро, я пристрелю девчонку. Или если увижу вас на улице. Идите и возьмите, что надо. Живее.

Лицо Тайлера побледнело и покрылось холодным потом.

Мэтт отсутствовал пять минут. Он вернулся со стопкой чистых белых простыней и найденной в ванной коробкой прокладок Розы Коннор. У него родился план.

Нескладный и опасный, но другого варианта, чтобы дать шанс Бет и выжить самому, не было.

Комната — кабинет Винса Коннора — была освещена ярким голубым сиянием. Мэтт не мог не обращать на это внимания, но времени на раздумья не было. Пусть и с величайшим трудом, он сосредоточился. Вспомнил интернатуру. Бывало, в конце долгой смены, после долгих часов без сна, когда мысли путались в голове, а желудок урчал от голода, привозили тяжелого пациента. И вариантов было два: либо он напортачит и поставит под угрозу жизнь пострадавшего, либо обретет неестественную ясность ума, окружит себя пузырем сосредоточения.

Он сосредоточился на Тайлере и Бет, посмотрел на проблему со всех точек, вычертил мысленно геометрию жизни и смерти.

Затем подошел к Бет, но Тайлер снова его остановил.

— Потом. Я потерял много крови. Не хочу отключиться.

— Полковник, она ранена тяжелее вас.

— Знаю, — раздраженно бросил Тайлер. — Перевяжите мне плечо и займитесь девчонкой.

Мэтт не стал спорить.

«Сосредоточься», — повторял он себе.

Нельзя было отвлекаться ни на что.

Тайлер продолжал держать Бет на прицеле, но позволил Мэтту подойти и осмотреть свою рану. Света хватало, чтобы понять, что пуля прошла чисто, навылет.

— Вас ранил Джоуи?

Тайлер кивнул.

— Застукал меня с девчонкой. — Он посмотрел за реакцией Мэтта. — Вас это удивляет?

— Не слишком.

— Она была… как бы помягче выразиться… распущенной.

— Полковник, вы и сами не слишком туго связаны.

— Что?

— Ничего. — Мэтт померил ему пульс. Быстрый, но не слабый. — Вас не тошнит? Голова не

кружится?

— Вроде нет.

— Рана не слишком серьезная.

— Я не чувствую руку.

— Вероятно, задет нерв. С учетом обстоятельств, я ничего не могу поделать. Понимаете?

Тайлер кивнул.

Мэтт разорвал его рубашку и прижал входное и выходное отверстия стерильными тампонами. Они хорошо впитывали влагу и не должны были прилипнуть к ране. Импровизированным широким бинтом он замотал плечо Тайлера. Полковник скривился. Боль понемногу взламывала его оборону.

Зафиксировав повязку, Мэтт открыл сумку, взял одноразовый шприц и снял с иглы пластиковый колпачок.

Он то и дело косился на револьвер Тайлера, небрежно наставленный на Бет. Какое усилие необходимо, чтобы нажать на спусковой крючок? Насколько сосредоточенным нужно быть, чтобы не промахнуться?

Мэтт проткнул иглой резиновую крышку маленькой коричневой ампулы и набрал в шприц прозрачной жидкости.

— Что это? — спросил Тайлер.

— Антибиотик. Пуля — не самый чистый предмет.

— Это необходимо?

— Зависит от ситуации. Полковник, вы хотите заработать гангрену? Ближайшая больница далеко.

Тайлер довольно долго смотрел на него. Кажется, он прислушивался.

«Но к чьему голосу? — думал Мэтт. — К какому невидимому третьему лицу?»

— Можете уколоть в раненую руку? Я не дурак, чтобы опускать револьвер.

— Могу и в ногу, — ответил Мэтт. — В бедро.

— Штаны снимать? Еще чего.

— Они у вас не слишком плотные. Игла пройдет. Но это тоже не слишком гигиенично.

Боль уже настолько достала Тайлера, что он просто пожал плечами.

Мэтт выпустил из шприца воздух, встряхнул его, воткнул иглу в мышцу Тайлера и ввел содержимое.

— Теперь можно заняться девушкой?

— Валяйте, — разрешил Тайлер.

«Сисси, — взмолился полковник Тайлер, — я слабею».

«Неправда, — настаивал призрак матери. — Не

спи! Не спи!»

Она продолжала висеть в углу и пахла застывшей кровью — а может, так пахла комната.

«Твоя рана не опасна! Врач сказал!»

«А ты ему веришь?»

«Он дал клятву. Все врачи дают ее».

«Но я так устал».

«У тебя есть все, что нужно, — ответила Сисси. — Оружие. Все оружие в этой комнате. Джоуи мертв, девчонка почти мертва. Том Киндл сбежал, Тим Беланже сбежал. Старуха тебе не соперница. Захочешь — убьешь доктора, когда пожелаешь. А четверо в трейлере безоружны, и среди них — женщина и старик. Легкие мишени».

«Сколько можно убивать?» — подумал Тайлер. От убийств его уже немного мутило.

«Сколько нужно, — приструнила его Сисси. — Иначе люди узнают».

Тайлер подумал, что справится. Застрелит Уилера. Дойдет до фургона. Идти — самое сложное. Откроет дверь и перестреляет всех.

Задача простая, но трудновыполнимая. Слишком уж он устал. Он поправил револьвер, который опустился вниз, потеряв цель — Бет, — и в голову тут же закралось новое подозрение.

Свет становился все ярче.

Мэтт склонился над Бет. Он боялся, но заставил себя посмотреть на рану. Расстегнул блузку Бет, оголив маленькую грудь, бледную, забрызганную кровью, кожу.

Пуля пробила грудную стенку, и в полость теперь проникал воздух. С каждым вдохом в ране булькали кровавые пузырьки. Дыхание давалось ей с большим трудом, было сдавленным и прерывистым.

Выходного отверстия не было. Пуля оставалась внутри, возможно отклонившись от курса из-за касания кости.

Мэтт проверил пульс на сонной артерии. Слабый и неровный. Бет вся обмякла; зрачки не реагировали на свет.

Он достал из коробки прокладку и прикрыл рану полиэтиленовой оберткой. Рану следовало закрыть, а пленка была достаточно чистой и воздухонепроницаемой. Мэтт закрепил ее хирургическим пластырем. Затем перевел Бет в полусидячее положение, чуть наклонив вперед, и ее дыхание стало более легким.

«Бет!» — мысленно позвал он. Ее голова склонилась набок.

Девушку нужно было доставить в больницу и сделать переливание крови. Но Мэтт сомневался,

что справится в одиночку с таким ранением, даже имея под рукой современное оборудование. Пулю придется искать наугад.

Он посмотрел на Тайлера.

Веки полковника опускались, губы беззвучно шевелились. С кем он разговаривал?

Мэтт увидел, как рука полковника опустилась, пока револьвер не уставился в пол. Челюсть обвисла, глаза почти закрылись. Мэтт снова переключился на Бет.

Нужно уложить ее на носилки и погрузить в машину. Какая машина здесь самая быстрая? И где ближайшая больница? Ларами? Шайенн?

Он встал и шагнул к двери.

И тут случилось несчастливое чудо. Тайлер тоже встал.

Он поднялся со старого кресла Винса Коннора, как Нептун из морской пучины. Его глаза были широко раскрыты, зрачки сузились, голубое сияние образовало призрачный нимб вокруг головы.

— Это был не антибиотик, — сказал Тайлер.

Это был морфий, в дозе, достаточной, чтобы усыпить его и, возможно, даже убить. Какой силой воли, какой злобой надо обладать, чтобы сопротивляться так долго?

Здоровой рукой Тайлер поднял револьвер.

«Мне конец, — подумал Мэтт. — Я умру в этой дурацкой комнате. Из-за глупости».

Тайлер удивленно посмотрел на него, повернул голову и выплеснул содержимое своего желудка на письменный стол Винса Коннора.

Мэтт бросился на пол. Нужно было еще немного времени, чтобы морфий сделал свое дело. Он откатился в угол, сбив настольную лампу.

Полковник Тайлер обернулся на звук.

Револьвер двинулся в том же направлении.

В тот же миг распахнулась дверь. Из темного коридора, с охотничьим ружьем наперевес, появился Том Киндл.

Тайлер крутнулся, реагируя на новое движение.

Киндл выстрелил.

Тайлер тоже.

Два громких звука в тесной комнате ударили по ушам. Вздрогнула даже давно потерявшая сознание Бет.

Киндл вскрикнул и ретировался в коридор.

Полковник Тайлер упал без звука. Пуля Тома Киндла вошла ему в сердце.

«Джон!» — закричала Сисси, когда он упал.

Впервые с детских лет она назвала его по име-

ни.

Тайлер посмотрел на нее. Жизнь покидала его в одном могучем выдохе. Точно он пятьдесят два года задерживал дыхание, которое было его жизнью, а теперь раскрыл рот и выпустил наружу.

«Джон, — слабым голосом повторила она. — Теперь мы снова будем вместе».

«Все кончено», — подумал Мэтт. Слова кружились у него в голове. Эта мысль казалась нехорошей и неуместной, в то время как его внимания требовали и тяжелая рана Бет, и Том Киндл в коридоре, но Тайлер был мертв. Теперь никто ему не мешал.

«Все кончено».

Должно быть, он произнес это вслух, когда нагнулся над Томом Киндлом, раненным в больную ногу. Икра истекала кровью.

— Мэттью, ты ошибаешься, — процедил Киндл сквозь зубы.

— Что ты хочешь сказать? — Мэтт принялся перевязывать рану.

— Ты что, ослеп? Снаружи ясно, как днем! В два часа ночи! А этот звук? Господи. Мэттью, ты оглох?

Не оглох. Просто слишком занят.

Теперь он услышал далекий гул.

Гул доносился сквозь воздух. Гул доносился сквозь землю.

От него начал сотрясаться дом.

Артефакт покидал планету.

Глава 37. Вознесение

Из окна в двери дома на колесах Эбби видела дом Конноров, темное окно комнаты, где полковник Тайлер держал в заложниках Мэтта, а за домом — диск нового Артефакта, ослепительный, как прожектор или яркая новая луна.

Пол Джакопетти принял пропранолол и отдыхал на узкой кровати. Боб Ганиш с Чаком Мейкписом напряженно сидели за столиком на кухне. Они ворчали и жаловались на заключение, но не слишком громко; так распорядился Тайлер, а они были его клиентами и думали, что начальство похвалит их за послушание.

— Откуда нам знать, что там происходит? — сказал Мейкпис. — Рано выносить вердикт.

«Идиот», — подумала Эбби.

Она волновалась за Мэтта, за невероятно исхудавшую Мириам, за Тома Киндла, прятавшегося в укрытии с ружьем. Но взгляд ее был прикован к Артефакту. Она успела привыкнуть к его присутствию в прерии и забыла, что это за потрясающее сооружение. Космический корабль, круглый, как мраморный шарик, и громадный, как гора. Он прицепился к Земле, как клещ к собаке… питался

Землей, наполнялся людьми и теперь, насытившись, очевидно, готовился улетать.

Если долго смотреть на него, становилось больно глазам.

Эбби прикрыла глаза и встала у двери, ожидая исхода. Новых выстрелов, появления Мэтта. Или Тайлера. Или конца света. Глядя на озарившее прерию голубое сияние, она не исключала и этого.

— Слышите? — произнес вдруг Боб Ганиш.

Торговец машинами внимательно прислушался.

— Нет, — хмуро ответил Чак Мейкпис, отвлекшись от раскладывания пасьянса.

— Что-то грохочет, — сказал Ганиш. — Будто грузовик проехал. Точно не слышите?

Эбби прижалась к холодному окну и почувствовала прикосновение страха, не покидавшего ее со вчерашней ночи.

— Я слышу, — ответила она. — Слышу.

Шум был тихим, но отчетливым, как гром, как канонада пушек в далеком сражении.

Вдруг пушки загремели ближе. За домом Конноров, в полях, словно рассыпалась гора жестяных бочек. «Глендейл» заскрипел и закачался.

Эбби схватилась за дверь. Джакопетти заорал

из постели, повторяя одно-единственное слово, которое сквозь грохот было не разобрать. Эбби попыталась прочитать по губам. Но он обращался не к ней, не к кому-то внутри фургона; он взывал к Богу. По крайней мере, так показалось Эбби. Его глаза бешено таращились.

— Землетрясение! — вот что он кричал.

Чак Мейкпис упал на пол, увлекая за собой столик. Карты вспорхнули, как подстреленные птицы. Боб Ганиш тупо оглядывался по сторонам, после чего неуклюже припал к полу, сложив руки за головой. Он набил трейлер всевозможными припасами, и теперь по полу катались банки консервов, бутылки с водой, баллоны с пропаном и пластмассовые канистры с бензином.

Эбби кое-как выпрямилась.

Она увидела, как Артефакт поднимается. Горизонт закрывал его нижнюю окружность, но там, видимо, образовался зазор.

Космический корабль поднимался аккуратно, невероятно плавно.

Под ним взорвалось облако горячих вулканических газов.

Канонада превратилась в низкий устрашающий рев; пол ушел у Эбби из-под ног, появился, снова ушел. Она потеряла равновесие и упала.

Корни Дома уходили глубоко в литосферу. Центральная артерия, своего рода пуповина, связывавшая его с Землей, представляла собой шахту, уходившую глубоко под базальтовую кору — до жидкой магмы.

В результате взлета Дома субстрат под ним распался на хонолиты, напоминавшие выбитые зубы, и резервуар с жидкой породой оказался на холодном воздухе.

Мантия запротестовала. Затряслась. В находившемся на севере Колорадо эпицентре кратера родилась тектоническая ударная волна, за ней вторая и третья.

Из дыры в земле вырвалось сияющее облако газов, называемое геологами nuée ardente[39]. С ним на огромной скорости вырвались фрагменты вулканических пород, осыпав взлетающий Дом. Облако осело вокруг новообразованного кратера и подожгло прерию. Кольцо огня достигало нескольких миль в диаметре и продолжало расширяться.

Дом воспарил над огненной круговертью, ускорился и рванул в верхние слои атмосферы, к звездам.

---

[39] Примечания: 39

Огненное облако (*фр.*). Имеется в виду пирокластический поток, смесь горячих газов, пепла и вулканических пород.

С высоты кальдера напоминала цветок: тычинка из кипящей лавы, лепестки из серого дыма, обрамленные пламенем.

Дом бесшумно поднялся над тонким слоем облаков, ярко сверкая в разреженном воздухе. Двигался он беззвучно; неизрасходованные гигаватты энергии превращались в бело-голубые фотоны.

Внутри, под виртуальным солнцем, раскинулись сияющие пустыни; альпийские луга зацвели с приходом виртуальной весны. Волны новых океанов набегали на берега новых континентов.

Внизу, во тьме, пузырь из огня и пепла разрастался над холодными нагорьями Колорадо.

Первый толчок швырнул Мэтта на пол рядом с Томом Киндлом.

Он сразу предположил, что началось землетрясение. Дом Конноров будто отрастил ноги и поскакал по прерии.

Ухватиться не за что, понял впавший в отчаяние Мэтт. Он был беспомощен, как мышь в катящейся бочке. После тряски, показавшейся бесконечной, ему удалось зацепиться рукой за дверной косяк — достаточно крепко, чтобы поднять голову и осмотреться.

Кругом все было в пыли. От землетрясения

пыль поднялась отовсюду. На фоне грохота было слышно, как скрипят потолочные балки. Он не знал, сколько выдержит дом.

Том Киндл валялся на полу, схватившись за раненую ногу.

Мэтт вполз в комнату, где лежал труп Тайлера. Толчки становились слабее, но не прекращались. Он поискал Бет. Тела полковника и Джоуи сцепились в макабрическом объятии; обмякшая рука полковника повисла на плече Джоуи, а ладонь легла на его простреленную голову. Бет лежала примерно там же, где Мэтт ее оставил, но больше не прислонялась к креслу. Девушка соскользнула на пол, дыхание — она еще дышала — было очень прерывистым и влажным.

Пол снова содрогнулся, и Мэтт сгруппировался, пока тряска не прекратилась. Послышался треск сухого дерева, за ним грохот, — должно быть, обвалилась веранда. Окно выскочило из рамы и разбилось о землю.

Когда дрожь стихла, Мэтт подтянулся к подоконнику и бросил торопливый взгляд наружу.

Артефакта он не увидел — окно выходило на другую сторону, — но понял, что тот взлетает. Артефакт еще испускал яркое голубое сияние, но тени, отбрасываемые фургонами и кустами,

становились все короче и тянулись к западу.

Распахнулась дверь «глендейла», из нее выглянула потрепанная и ошалелая Эбби, прикрыв глаза рукой от света. Мэтт услышал, как в трейлере кто-то кричит — наверное, Джакопетти. Ему хотелось крикнуть Эбби, чтобы та не подходила к дому; здесь стало небезопасно, стены накренились, было чудом, что обрушилась только веранда. Нужно было как можно скорее, до нового толчка, вынести наружу Бет и Киндла…

Но он не успел ни крикнуть, ни махнуть рукой, ни сделать какой-либо вменяемый жест. Эбби в ужасе раскрыла рот и схватилась за дверь дома на колесах.

Позднее Мэтт сообразил, что под трейлером, должно быть, возник провал, карстовая воронка, открывшаяся в результате землетрясения. Но тогда он увидел лишь, как громадный «глендейл» накренился на левый борт, а фургон перед ним — фургон Мэтта — на правый; первый покатился вперед, в яму глубиной около десяти футов, другой — назад. Машины столкнулись, образовав подобие сплющенной буквы V, и «глендейл» начал соскальзывать вбок.

Эбби покатилась внутрь, в темноту. Надрывные крики Джакопетти вдруг прекратились.

Ничем не прикрытый двигатель «глендейла» чиркнул о разодранный борт фургона Мэтта. В ночную мглу полетели искры.

— Господи, только не это, — прошептал Мэтт.

Не успел он это произнести, как дом на колесах охватило пламя.

События опережали его мысли. Огонь не просто распространялся, он был невероятно стремительным. Еще секунду назад его не было, и вот он уже полыхал повсюду. Боковая дверь «глендейла» выгнулась под невероятно крутым углом.

Мэтт выскочил в окно и побежал через высохший сад Конноров к горящим машинам. Горели уже оба фургона. Взорвался пропановый баллон, и мимо уха Мэтта просвистела шрапнель.

Провал не был глубоким. Но когда Мэтт добрался до «глендейла», огонь перекинулся на шасси, и ему пришлось отступить.

Он звал Эбби. Та не отзывалась. Он подбежал к заднему концу трейлера. Сюда пламя еще не добралось, но с алюминия уже облезала краска, и когда Мэтт попытался залезть в окно, руки сразу покрылись волдырями.

Он рухнул на землю и отполз подальше, туда, куда не доставал обжигающий жар от горящих машин.

Артефакт набирал высоту, становясь все меньше, и наконец скрылся за горизонтом. Его сияние померкло.

Остались лишь сияние горящих фургонов и зловещий свет кальдеры вдали, над которым возвышался широченный столб дыма, веером поднимавшийся к небу.

Прерию еще трясло. Волны были длинными, редкими, как на океане в тихую погоду. Или Мэтту просто показалось.

Можно было ожидать более сильных толчков.

Он подумал о Бет. Ему предстояло еще много работы.

Время ковыляло вперед, точно пьяный. Мэтту кое-как удалось вынести Бет из дома Конноров. Он нашел силы, чтобы вернуться за Томом Киндлом: тот успел доползти до выхода, прежде чем потерял сознание.

Он вспомнил о Мириам. Старушка слишком плохо себя чувствовала, чтобы быть запертой с остальными. Ее небольшой фургон уцелел. Мэтт подбежал к двери и открыл.

Но Мириам внутри не оказалось. Только напоминание о ней. Только ее кожа.

За это время успело взойти солнце.

На юге стояла пыльная туча, широченная, закрывавшая Артефакт. Небо с каждой минутой серело, и вскоре с него, как снег, посыпался пепел.

Бет продолжала дышать. Но каждый вздох был чудом, маленькой победой с призрачными шансами на успех.

Мэтт кое-как погрузил Бет и Тома Киндла в уцелевший фургон.

Начиналось самое длинное в его жизни путешествие.

Глава 38. Око Божье

В тени вулканического облака было холодно.

Солнце слабо освещало потемневшее небо, придавая безликой серости оловянно-латунный оттенок. Мэтт ехал, включив дальний свет.

Он направлялся по шоссе № 80 к Шайенну. По правую руку иногда можно было разглядеть место, где прежде стоял Артефакт, не саму кальдеру, а далекое пламя, свечение потоков лавы, отличавшееся от света солнца. Время от времени дорога под колесами вздрагивала.

Ехать было сложно. С неба дождем осыпался пепел и скапливался на асфальте, образуя угольно-черные дюны. Порой дорога вообще исчезала, и Мэтт ориентировался по смутным очертаниям стен, дорожным знакам, указателям, превратившимся в серые кенотафы. Колеса фургона постоянно сносило, они скользили по покрытому пеплом асфальту. Продвижение вперед было медленным и тяжелым.

Мэтт миновал Ларами — безнадежные руины. В полдень — как ему казалось — он остановился на заправочной станции: окна вылетели, но постройка уцелела. Замотав нос и рот рубашкой,

продираясь сквозь стену вулканического пепла, тонкозернистого, пахнувшего тухлыми яйцами, он пролез в дыру на месте окна и отыскал в ненадежном укрытии дорожный атлас Колорадо и Вайоминга.

Неплохо было бы дозаправить фургон, но помпы не работали.

Мэтт поежился от холода. На другой стороне шоссе тлело какое-то здание. Все вокруг покрылось пеплом, стояла тьма, словно после черного снегопада. Нужно было проверить, как там Киндл. Как там Бет.

Он оставил их в фургоне, забинтованных и завернутых в одеяла. Все его драгоценные медикаменты погибли в пожаре. Он мог лишь давать пациентам антибиотики из сумки.

Киндл время от времени приходил в себя. Бет оставалась без сознания, дышала совсем слабо. Частый пульс едва прощупывался. У нее были внутреннее кровотечение и болевой шок.

Мэтт проверил повязки и решил, что менять их не нужно. Ничего больше он сделать не мог. Только держать Бет в тепле да следить, чтобы одно ее плечо было выше другого и в здоровое легкое не попадала кровь.

Он работал в свете переносного фонарика на

батарейках. Тусклый солнечный свет за серыми от пепла окнами почти не помогал.

После Бет он занялся Киндлом. Пока Мэтт осматривал рану в ноге, Киндл открыл глаза.

Рана не выглядела опасной, но пуля, кажется, отбила кусок малой берцовой кости. Вдобавок именно эту ногу Киндл сломал осенью. Нужно было наложить шину и не снимать, пока не представится возможность провести более тщательное обследование.

Закончив осмотр, он увидел, что Киндл смотрит на него.

— Господи Иисусе, Мэттью, что с твоими руками?

А что с его руками?

Он поднес их к свету. А… ожоги. Обжег руки, пытаясь вызволить Эбби из трейлера. С красных ладоней облезла кожа, кое-где сочились содранные волдыри. Мэтт оторвал полоску от чистой простыни, разорвал надвое и обмотал руки.

— Адски болит, наверное? — спросил Киндл.

— У нас есть обезболивающие, — ответил Мэтт. — Хватит до поры до времени.

— Ты со вчерашнего вечера за рулем?

— Угу.

— На одних обезболивающих?

— На обезболивающих и амфетамине.

— На спидах, что ли?

Мэтт кивнул.

— Ты их в своей сумке носил?

— Нашел в фургоне у Джоуи.

— Ну ты и псих. Теперь понятно, отчего у тебя такой дерьмовый видок. — Киндл застонал и заерзал под одеялом. — Бет жива?

— Да.

— Где мы?

— В нескольких милях от Шайенна.

— Сейчас ночь?

Киндл повернулся к окну.

— День.

— А это снег?

— Пепел.

— Пепел?! — с изумлением воскликнул Киндл и уставился в окно.

Киндл был прав: он слишком много времени провел без сна. Посмотрев на карту, Мэтт понял, что названия ближайших географических объектов звучат угрожающе. Грозовая долина. Ручей Ядовитых Пауков. Малый Колдовской ручей.

«Лекарств осталось совсем мало», — подумал Мэтт.

Фургон ехал до безумия медленно. Пепел не

переставал падать. Трудно было поверить, что Земля могла извергнуть столько пепла и так выгореть.

Мэтт где-то читал, что вулканический пепел богат фосфором и другими микроэлементами. Земля в этих краях будет удобрена на долгие годы. Что вырастет здесь через год, через два?

Стрелка спидометра балансировала на отметке десять миль в час.

Чем дольше тянулся день, тем сильнее Мэтта одолевала мысль: Бет может умереть.

Много часов он старался не думать об этом. Боялся. Позволив себе такие мысли, сказав такие слова, не повлияет ли он на исход? Не призовет ли смерть, назвав ее вслух?

Но избежать этого было нельзя. Чрезвычайная ситуация требовала внимания с его стороны. Бет могла умереть. Умереть, даже если бы он нашел больницу с рабочим оборудованием и сделал переливание крови… что с каждой минутой становилось все невероятнее.

Следовало подготовиться к этому.

В конце концов, он сам выбрал жизнь в мире, где люди не просто могли умереть, а неизбежно умерли бы. В смертном мире.

Он вспомнил Контакт. В сумерках, на пусто-

ши, воспоминания вернулись легко. Он мог выбрать другой мир — мир, где смерть отложена на неопределенный срок, мир бесконечных знаний… Больший Мир, как его называли.

Мир без убийств, пожаров, старения, зла. Селесте нравилась одна пьеса, «Страна, желанная сердцу». Автора Мэтт не запомнил. Какой-то сентиментальный викторианец. Вцепившись окровавленными руками в руль, Мэтт отчетливо вспомнил, как Селеста читала вслух, как будто она вдруг оказалась рядом с ним:

> *Тогда б я создал мир из пламени и рос,*
>
> *Без строгости, и опыта, и скуки,*
>
> *Без стариков, тебя терзать готовых…*[40]

Мэтт подумал, что именно это контактеры и построили в прерии. Удивительная круглая гора была их миром из пламени и рос.

> *Там красота не ведает упадка,*
>
> *Там счастье, мудрость, пенье без конца.*

Звучало соблазнительно. Олицетворение древ-

---

[40] Примечания: 40

У. Б. Йейтс. Страна, желанная сердцу. Перевод Э. Ермакова.

них людских желаний, прочно вписанных в гены. Сон, от которого не хотелось просыпаться.

Но этот мир был безжизненным. Не безрадостным, не лишенным плотских утех — все это контактеры сохранили. То, от чего они отказались, было куда более деликатным.

Мэтту понадобилась почти вся его жизнь, чтобы научиться жить в мире, где все, что он любил, могло исчезнуть, и ему это не нравилось. Но он научился терпеть. Заключил своего рода контракт с этим миром. Ты не скупишься на любовь, даже когда те, кого ты любишь, стареют или отдаляются от тебя. Пускай все смертны — ты спасаешь другому жизнь, если можешь. Ни к чему сдерживаться. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, и не жди лучшей награды.

«Но какова цена? — думал Мэтт. — Боже правый, какова цена?»

Все наши страдания. Вся наша боль. Раны, что наносит нам безразличная Вселенная. Или, чаще, мы сами. Страдания, падающие из бомбоотсеков. Страдания, что причиняют другим испуганные или угрюмые парни, на которых против их воли надели военную форму. Страдания от ножей в темных переулках, от электродов в подвалах

правительственных зданий. Страдания, вызванные осознанным и неосознанным злом, а также ходячими моральными пролежнями вроде полковника Тайлера.

«Может, они были правы, — думал Мэтт. — Странники, Рэйчел и большинство людей. Может, нас не исправить. Может, безжизненный Больший Мир, не подчиняющийся законам рождения и смерти, был лучше.

Может, он сделал неправильный выбор.

Может, и так».

По его прикидкам, в Шайенн он приехал на закате.

Улицы были почти непроходимыми. В темноте легко было заблудиться. Он свернул с шоссе № 80 на, как ему казалось, Шестнадцатую улицу, где пришлось остановиться, чтобы переждать ночь.

Но не успел Мэтт заглушить двигатель, как в небе появились звезды. Неожиданное чудо.

С севера подул ветер. Холодный, крепкий, способный создавать настоящие вихри из пепла. Но пепел перестал падать. Серый ландшафт озарился слабым голубоватым сиянием.

Мэтт попробовал отпустить руль. Руки больше не болели. Он превозмог боль, хоть и потерял часть кожи.

Почти весь город сгорел дотла.

Мэтт ехал мимо покрытых пеплом развалин, причудливых кирпичных колонн, торчавших кривыми зубами из пустых оболочек зданий.

На карте были отмечены две больницы. Больница Де Пола оказалась дымящейся руиной.

Расположенный неподалеку госпиталь Ветеранов войн не сгорел, но землетрясение разрушило его до основания.

Мэтт снова проверил состояние Бет и Киндла.

Киндл очнулся и кивнул ему. С ним все было в порядке.

А вот Бет…

Еще не умерла. Мэтт сам не понимал почему. Пульс еле-еле прощупывался. Она почти не получала кислорода. Губы посинели. Зрачки, когда Мэтт поднимал ей веки, едва расширялись.

Но она продолжала дышать.

В каждом ее вздохе было что-то грандиозное. Для Бет каждый вздох был подвигом, восхождением на Эверест, и Мэтту казалось, что она решительно отвечает на этот вызов. Но одного вздоха недостаточно, чтобы насытить тело кислородом, за ним должен последовать следующий — новая вершина.

Она не умерла, но умирала.

Где найти уцелевшую больницу? Мэтт посмотрел на карту. Глаза никак не хотели фокусироваться. Где-то за границей пепельных осадков? В Денвере? Нет; чтобы попасть туда, пришлось бы ехать совсем рядом с кальдерой. Слишком долго и, наверное, невозможно. На севере, в Каспере? Мэтт понятия не имел, что осталось от Каспера, да и расстояние тоже было слишком большим.

Все было слишком далеко.

Бет могла протянуть еще час. От силы два.

— Поспи, — сказал ему Киндл. — Мэттью, я понимаю, каково тебе. Но ты ничего не добьешься, если угробишь себя. Поспи.

— Времени нет.

— Ты целых пятнадцать минут пялился в карту. Что искал? Куда поехать? Место, где есть больница? Наверняка ничего не нашел. Как вообще ехать в таких условиях? — Он приподнялся и сел. — Там сущий Армагеддон.

— Бет тяжело ранена.

Мэтт аккуратно сложил карту и отложил в сторону.

— Вижу. Слышу, как она дышит.

— Я не могу ей помочь.

— Мэттью, я понимаю. Я не говорю, что ты должен сдаться, — ласково добавил Киндл. —

Просто чудеса нам не подвластны. Ни к чему себя изматывать. Взгляни на себя. Смотреть больно. Удивляюсь, как ты держишься на ногах.

Было очевидно, что до больницы им не добраться. Оставалось с этим смириться.

Но тут всплыла идея, которую он прежде не хотел рассматривать.

— Есть другой выход, — сказал он.

Он объяснил все Киндлу, выслушал массу возражений, но вскоре страх за Бет пересилил. Мэтт вернулся в кабину и развернул фургон.

Новый Артефакт попался ему на глаза, стремительно двигаясь по небу на восток. Небо вновь потемнело, почти все звезды скрылись, но виной тому был не пепел, а яростный холодный ливень.

Впитывая воду, пепел превратился в скользкую непроходимую грязь. Мэтт еще больше сбросил скорость, но даже так заднюю часть трейлера постоянно заносило. Как будто он ехал по реке из жидкой глины.

Но цель была недалеко.

В конце широкого проспекта, обсаженного пепельными деревьями и заваленного сучьями, он нашел административный центр города — точнее, то, что от него осталось. Три четверти здания

обрушилось. Осталось одно крыло, гигантской занозой торчавшее из земли и освещенное всполохами еще горевшего внутри пламени. Широкая площадь перед зданием была покрыта блестящей от дождя пепельной массой, отражавшей огонь.

Мэтт не был уверен, найдет ли он здесь то, что нужно. Но административные здания вроде ратуши Бьюкенена обычно располагались в самом центре, и где, как не здесь, искать «помощника»?

Он остановил фургон и вылез из кабины. На руле была кровь, на его руках — тоже.

Он едва не поскользнулся на спрессованном пепле. Дождь был не только холодным, но и грязным, пропитанным сажей. Кожа Мэтта быстро почернела. Он спохватился, что оставил куртку внутри, у Киндла, и пошел ее забрать.

Дыхание Бет было едва слышным.

— Не делай этого, — сказал Киндл.

Мэтт натянул куртку.

Киндл сел и схватил его за руку:

— Мэттью, скорее всего, это не сработает. Плохо, но что поделать. Но если сработает… ты думал, как быть дальше?

— Да.

— Здесь не больница. Это не врач. Это непонятная космическая хреновина. А та штука на

орбите — не вместилище человечества. Я в это не верю. То, что ты задумал, — не просьба о помощи. Это молитва.

— Она умрет, — сказал Мэтт.

— Господи, а то я не знаю? Все это время я слушал, как она умирает. Но она умирает человеком. Разве не это мы решили прошлым августом? Когда нам задали вопрос, разве мы не ответили: «Нет, спасибо, я хочу умереть человеком»? Ты, я, даже полковник Тайлер. Даже Бет.

— Дело не в этом.

— А в чем же, черт возьми?! Мэттью, послушай. Странники улетели. Навсегда. Это лучшее, что могло случиться. Новый Артефакт наверняка тоже улетит. Искать новые звезды, или чем там они занимаются. Так и должно быть. У нас останется наше человеческое достоинство. Но если ты пойдешь и станешь молить о помощи, я боюсь, что эта штука действительно поможет и не остановится на этом. На небе появится новый Бог, и это будет означать, так или иначе, конец человечества.

— Я всего лишь один человек, — возразил Мэтт.

— Может, этого вполне достаточно. Может, они могут решить сразу тысячу проблем. Может,

любая мелочь важна.

— Я обязан ей помочь. — Лучшего ответа он придумать не мог.

— Почему?

— Потому что иногда люди помогают друг другу. Совершают добрые дела.

Он повернулся к выходу.

— Мэттью!

Он посмотрел на Киндла.

— Не подпускай ко мне эту штуку. Плевать, насколько мне плохо. Пусть даже близко ко мне не подходит. Обещаешь?

Мэтт кивнул.

«Помощник» стоял у подножия лестницы вайомингского Капитолия.

К нему прилипли комки мокрого пепла. Мэтт смахнул их рукой, несмотря на ледяной дождь.

Он чувствовал жар и невероятную усталость. Странно было просто стоять здесь, у инопланетного устройства, под дождем, по щиколотку в пепле, перед лишенным купола горящим зданием.

Мэтт вздрогнул. Дрожь перешла в судорогу, и он согнулся в расчете на то, что она пройдет, надеясь не потерять сознание.

Густые тяжелые капли падали на «помощника». Этот «помощник» казался ниже и корявее

того, что стоял на площади Бьюкенена. Неужели начал разрушаться? Возможно, рано или поздно он, ненужный, станет бесформенной кучей и растворится в земле.

У «помощника» не появились глаза. Он не смотрел на Мэтта. Оставался неподвижен.

Мэтт рассказал ему о Бет. Описал ее ранение. Внутренне он прислушивался к собственным словам и дивился, насколько меланхоличными их делал шум дождя и ветра. Он снова ощутил себя интерном во время обхода, пересказывающим симптомы пациента враждебно настроенному врачу. Был в этом хоть какой-то смысл? Казалось, да.

— Я знаю, что вы можете, — сказал он. — Я видел ту женщину. Женщину-бабочку. Если вы можете так переделать человека, вылечить рану грудной клетки для вас — плевое дело. Вы даже Синди Ри избавили от опухоли.

«Помощник» не реагировал.

Умер? Оглох? Или просто не слушал?

— Отвечай, — потребовал Мэтт. — Отвечай немедленно.

Холод пробирал его до костей. Он чувствовал, что не сможет долго стоять под дождем. Он схватил «помощника», оставив кровавые отпечатки

на инопланетной материи. «Помощник» был холоден, как и воздух вокруг.

Он молчал.

Он принес Бет из фургона.

Выносить умирающую девушку под ледяной дождь было безумием, но ничего другого не оставалось. Логика уступила место панике.

Бет была тяжелой. Одной рукой Мэтт подхватил ее под плечи, другой — под колени. Она не была крупной, просто он жутко устал и едва не падал под весом тела. Ее голова запрокинулась назад, дыхание прекратилось. Мэтт подождал, пока оно восстановится.

«Дыши», — подумал он. Бет сделала вдох. На губах появился кровавый пузырь.

Мэтт говорил ей, как он сожалеет о том, что все это произошло. Она такого не заслуживала. Она не была плохой. Просто случилась непредвиденная трагедия, как землетрясение, как пожар.

Он опустил ее перед инопланетным часовым. Мертвенно-бледная Бет тут же осела в мокрый серый пепел. Дождь заливал ее. Мэтт накрыл ее курткой. Откинул с лица шальную мокрую прядь.

Затем обратился к «помощнику»:

— Вот она. Почини ее.

Слишком категорично? Но он не знал, как еще попросить.

Черный обелиск не реагировал.

— Я знаю, ты можешь ее починить. Не увиливай.

Время тянулось бесконечно долго. Порывистый ветер превращал дождевые капли в иглы. Ветер гулял в развалинах административного центра и, казалось, что-то шептал.

Мэтт полагал, что «помощник» связан с Артефактом, в котором теперь находилось человечество — или то, что когда-то было человечеством.

— Вы там?

Несколько миллиардов душ.

— Вы меня слышите?

Ничего.

Голова кружилась. Он облокотился на «помощника», чтобы не упасть. «Помощник» был холодным, прочным, неживым.

— Все там? — От постоянного говорения Мэтт охрип. — Джим Бикс? Лиллиан? Энни, ты там? Рэйчел?

Тишина и плеск дождевых брызг.

— Я от вас не отстану! Вы можете помочь этой девушке. Рэйчел, слышишь меня?! Нехорошо стоять и смотреть, как она умирает! Мы тебя не

так воспитывали!

Он закрыл глаза.

Ничто не изменилось.

Он почувствовал, что соскальзывает, и плюхнулся в мокрый пепел рядом с Бет. Той было не слышно. Наверное, перестала дышать. В ушах Мэтта стоял звон, заглушавший все прочие звуки.

— Если вы были людьми, то должны помочь.

Он отчаянно старался мыслить логично, но постепенно начал нести какой-то вздор. В нем не осталось ничего, кроме безысходной досады.

— Были вы людьми, как же. Ничего подобного. Плевать вам на нас хотелось. Плевать на эту девушку. Бедную умирающую девушку. Вы мне противны. В жопу вас. В жопу вас всех.

Мэтт попытался открыть глаза, но не получилось. Прошло еще какое-то время.

На миг он вновь встрепенулся:

— Рэйчел! А ну выходи!

Он почувствовал, как его голова легла на твердое тело «помощника».

— Рэйчел!

Ему приснилось, что она и в самом деле вышла.

Во сне «помощник» изменил облик, принял

форму его дочери. Рэйчел, словно изваяние из черного льда, стояла на фоне серого неба, и дождь, как роса, стекал по ее гладко отполированной коже.

Ему приснилось, что она прикоснулась к Бет и Мэтту, и прикосновение было теплым.

Ему приснилось, что она произнесла какое-то слово, прекрасное, утешительное, но он его не понял, потому что язык не был человеческим.

Глава 39. Пути расходятся

Когда Том Киндл решил, что может оставить Мэтта без присмотра на несколько часов, то нашел уцелевший автомобиль — погребенную до того под пеплом, но более или менее умытую дождем «хонду» — и поехал на север в Каспер.

Нога по-прежнему донимала его. В икре на месте пулевого ранения сформировался огненный комок. Но рана была продезинфицирована, и Мэтт хорошо ее перевязал, поэтому Киндл чувствовал, что сможет нормально передвигаться, если не будет слишком нагружать ее. Он думал о том, как его хромота выглядит со стороны.

«Выгляжу кривым старым сукиным сыном», — предположил он. Примерно так оно, впрочем, и было.

Холодный сухой воздух из Канады прогнал дождь. Киндл ехал по пустой дороге, пока не покинул зону выпадения пепла, и сам удивился, насколько приятно было снова увидеть зеленую траву. По обочинам уже цвели дикие цветы.

По дороге он заметил мертвых животных. Во время взлета Артефакта погибло много домашнего скота. Они об этом знали? Заботило ли это

так называемых наследников человечества? Но Киндл решил, что это не хуже стихийного бедствия. Одноразовое событие нанесло не больше вреда, чем человек регулярно наносил животному миру с незапамятных времен. Не стесненные заборами и оградами, животные скоро расплодятся вновь.

В Каспере он добыл переносную радиостанцию, работавшую от двенадцативольтного аккумулятора. Он толком не знал, как пользоваться ею, но рассчитывал разобраться с помощью инструкции. Помощь Джоуи, конечно, не помешала бы.

Ближе к вечеру Киндл занялся поисками воды. Водопровод перестал работать, и достать питьевую воду было непросто. В разбитом землетрясением супермаркете он нашел десяток пластиковых канистр с дистиллированной водой.

Он погрузил их в новую машину, в которой собирался возвращаться обратно: «бьюик»-универсал с почти полным баком бензина. Заправки теперь работали не лучше водопровода, но на улицах оставалось достаточно свободных авто из Детройта.

Опустились сумерки. Киндл ехал с включенной печкой, в салоне пахло горячим металлом

и сосновым освежителем. На горизонте, над полным лавы вулканическим кратером, стояло зарево. Шоссе № 25, казалось, вело в западную область ада.

На следующее утро, в Шайенне, Киндл сколотил из найденных досок и гвоздей два креста.

Когда кресты были готовы, он взял гвоздь и нацарапал на горизонтальной планке первого букву. Неуклюже, коряво. Но это его не остановило.

Он нацарапал: Э, Б, Б.

Затем задумался. Что бы она сама предпочла? Эбигейл или Эбби?

Он знал ее как Эбби и в конце концов остановился на простейшем варианте:

ЭББИ КУШМАН

А на втором кресте выцарапал:

ДЖОЗЕФ КОММОНЕР

Киндл взял кресты и вбил их в землю на пепельно-серой лужайке перед административным центром Вайоминга, рядом с памятником Эстер

Хобарт Моррис[41]. Да, Джоуи и Эбби не были похоронены здесь. Их тел так и не нашли. Но они заслужили памятник поприличнее, чем обгорелый остов автофургона.

Что касается Джакопетти, Ганиша, Мейкписа и полковника Тайлера… пускай гниют.

Киндл вернулся к фургону и принялся сторожить неподвижные тела Мэттью Уилера и Бет Портер.

Мэттью вроде бы спал. Его руки покрывала глянцевая субстанция цвета каменного угля. Казалось, что это перчатки.

— Мэттью? — позвал Киндл. — Мэттью, ты меня слышишь?

Но врач не откликнулся, как и вчера, как и позавчера.

Бет была покрыта той же субстанцией с головы до пояса. С ней Киндл не разговаривал. Не видел смысла — у нее ведь не было видно даже рта и носа.

Он развел костер и смотрел, как дым поднимается к синему сумеречному небу.

Вряд ли кто-нибудь в Шайенне заметит костер.

---

[41] Примечания: 41

Эстер Хобарт Моррис — первая женщина-судья в США, борец за права женщин. Умерла в Шайенне в 1902 г.

Город по-прежнему дымился. Но в прерии нужно быть осторожнее. Ночью дым от костра станет отчетливо виден. Можно нарваться на других людей, которым не захотелось в Огайо. Людей вроде полковника Тайлера.

Наутро Мэтт очнулся.

Черной субстанции на его руках больше не было. Киндл не знал, куда она подевалась. Впиталась в тело? Испарилась?

— Пить хочу, — прошептал Мэтт.

Киндл принес ему воды. Кожа на руках доктора была свежей, розовой.

— Мне снилась Бет, — сказал Мэтт. — Снилось, что они ее починили.

— Может, и так, — ответил Киндл.

Вечером Мэтт помог ему сложить костер. Они сварили кофе и грелись в обнимку у мерцающего огня.

— Я решил, что ты свалил на ту сторону, — сказал Киндл. — Думал, останется от тебя одна шкурка, как от других.

Мэтт помотал головой. Нет, он принял другое решение.

Киндл выждал достаточно, чтобы тишина стала естественной. Вышли звезды, типично

вайомингские, яркие.

— Я связался с Огайо, — сказал он.

— Подключил радио?

Киндл кивнул:

— «Помощники» снова заработали. Полагаю, спустя долгое время. С тех пор как улетел Артефакт Странников, все выключилось. Даже электричество. Видимо, Странники поддерживали работоспособность турбин и тому подобного по всей стране, по всему миру. Теперь все снова работает. Но, как мне сказали, только в Огайо, в зоне вокруг поселения. На других континентах та же история.

— Что за зона?

— Не тюрьма уж точно. Но как я понял, уйдешь слишком далеко — сможешь полагаться только на себя. Ни электричества, ни воды, ни гарантий безопасности.

— Что-то вроде убежища, — сказал Мэтт.

— Эдемский сад, — ответил Киндл. — Как еще сказать? По сути, это и есть сад. За тобой там ухаживают. Пока ты жив, Бог за тобой приглядывает. Заставляет солнце светить, траву расти.

— Они — не Бог, — возразил Мэтт.

— Какая разница?

— Но так только в Огайо, — задумался Мэтт. —

Может, когда Артефакт покинет орбиту, все опять перестанет работать.

— Если покинет. «Помощники» говорят, что это еще не решено. Так мне парень из Огайо сказал.

— Война небесная?

— По крайней мере, спор.

Мэтт посмотрел на серую лужайку перед зданием администрации, на местного «помощника» — того, которому он молился.

— А если спросить его…

— Мэттью, он ожил на время, но теперь снова отключился. Если хочешь поговорить с «помощником», тебе надо в Огайо.

Мэтт кивнул. Он то и дело поглядывал на свои руки — новые, свежие руки.

— Думаешь, я заварил эту кашу?

— Остановил Артефакт? — Киндл пожал плечами. Он уже думал об этом. — Кто знает. Речь идет о коллективном решении десяти миллиардов душ, и вряд ли один Мэттью Уилер мог так сильно склонить чашу весов. Но ты уж точно повлиял на ход их дебатов. Заставил оглянуться на то, что остается после них. Может, не ты один. Может, таких, как ты, тысячи в разных уголках Земли. Есть поговорка: хочешь стать Богом, прояви чуточку сострадания. А раз ты еще человек, прояви

чуточку человеческого сострадания.

— Ты меня обвиняешь?

— Нет.

— Но тебе это не нравится.

— Нет. — Киндл глотнул кофе, горячего и горького. — Не нравится.

На следующее утро очнулась Бет. Она едва держалась на ногах, но полностью исцелилась. О вошедшей в грудь пуле напоминало лишь пятно свежей здоровой кожи.

Она спросила о Джоуи и полковнике Тайлере. Мэтт рассказал все, не смягчая: о случившемся невозможно было говорить мягко.

Бет внимательно выслушала и надолго замолчала.

Вечером она села у костра с чашкой кофе, то и дело поеживаясь. Разговор Мэтта и Киндла огибал ее, как ручей огибает лежачий камень.

Она время от времени трогала рукой правое плечо, то место, где была — и оставалась — татуировка. «Помощник» ее не свел. Мэтт понял, что одни раны заживают быстрее других.

Ночью она спала, свернувшись калачиком на матрасе на полу фургона.

Утром они отправились на восток, через грани-

цу Вайоминга и Небраски.

Том Киндл сказал, что будет ехать с ними какое-то время. Но не долго.

Небраска делилась на две климатические зоны — засушливую на западе, влажную на сельскохозяйственном востоке. К востоку от дамбы Кингсли трасса № 80 пересекала Платт-ривер, питавшую плодородные пойменные почвы, на которых росли кукуруза, свекла, картофель и бобы. Оставшись без ухода этой весной, растения одичали.

За рулем почти все время был Мэтт. Нога еще беспокоила Тома Киндла; от долгого сидения ее сводили судороги. Мэтт ехал через пустые сельскохозяйственные города, симпатичные, но пришедшие в упадок после тяжелой зимы. Брэди, Гетеборг, Лексингтон, Кирни. Иногда рядом с ним в кабине сидел Киндл, но обычно — Бет.

Когда Киндл не слышал, Бет разговаривала о том, что произошло, и том, что может произойти.

— Они еще внутри нас, — заметила она. — Эти, как их… неоциты. — Мэтт кивнул. — И останутся надолго. — Он снова кивнул. — Ты тоже знаешь?

— Да.

— Как и я? То есть… тебе никто не говорил, ты просто знаешь, и все?

— Именно.

— Они внутри нас. Но вроде как спят и ничего не делают. Пока…

— Говори, не стесняйся, — сказал Мэтт.

Слова приобретают волшебную силу, когда их произносишь вслух.

— Пока мы не умрем, — закончила Бет. — И тогда они дадут нам еще один шанс сказать «да». Отправиться с ними.

Мэтт кивнул.

— Как в рай, — сказала Бет. — Типа того.

— Не только нам. Всем, кто живет в том городке у реки в Огайо.

«Всем жителям Эдемского сада», — подумал Мэтт про себя.

Они не стали делать остановку на ночь.

Киндл первым заметил разделительную черту на Артефакте: черный экватор на ярком круге.

— Он разделяется, — передал Киндл услышанное по радио. — Так говорят в Огайо. Будет два Артефакта. Один полетит к звездам. Другой останется.

— Вроде смотрителя, — сказал Мэтт.

— Или местного божка. — Киндл искоса посмотрел на него. — Ты не удивлен.

— Нет, — признался Мэтт.

— Ты знал об этом?

— Да.

— Как?

Мэтт пожал плечами.

Киндл отвернулся и уставился на дорогу.

— Ты теперь не тот, что прежде, — сказал он.

— Не совсем.

— Черт побери, — выругался Киндл. Он не был расстроен. Не злился на Мэтта. Он просто сотрясал холодный ночной воздух. — Черт побери!

Эпилог

Мудрые Странники прибыли на Землю по определенным причинам и с определенными ожиданиями. Они были доброжелательными, но неуклюжими великанами, и внутри оставшегося на орбите человеческого полиса начали корректировать некоторые введенные ими изменения.

Численность фитопланктона Странников в океанах существенно сократилась. Работа продолжалась — в атмосфере оставалось еще достаточно углекислого газа, предназначенного к растворению в море, — но ее не нужно было совершать за один сезон, не нужно было так неистово выбрасывать энергию в атмосферу.

Не было и необходимости снабжать электроэнергией и водой абсолютно все земные города. Это была неловкая реакция Странников на людское упрямство; на непонятное желание столь многих принять свою смертность.

Человеческий полис разработал более совершенные и удобные альтернативы: в Огайо, на Украине, в Хунани, Кении и других местах.

За границами поселений начиналась дикая

земля, и находились те, кто хотел там жить.

Дом разделился надвое: одна часть отправилась странствовать в пробуждающуюся галактику, другая осталась хранительницей своего прошлого, своей родины и своих предков.

После суровой ветреной зимы наступила мягкая весна. Моря были спокойными, небеса — голубыми.

На границе Айовы Киндл заявил, что дальше не поедет.

Он целый день прошатался где-то вдали от лагеря и вернулся верхом на тощей оседланной лошади, которая пережила зиму и не совсем одичала. По его словам, за лето бензин в брошенных автомобилях должен был выпариться, детали — заржаветь, масло — загустеть и так далее. Хорошая ездовая лошадь в долгосрочной перспективе была надежнее.

— Поедешь на запад? — спросил Мэтт.

Киндл ответил утвердительно.

— Винд-ривер? Горы Виски?

— Куда-нибудь туда, — сказал Киндл.

Бет смотрела, как двое мужчин обмениваются рукопожатием. Было что-то похожее в том, как они смотрели друг на друга. Их связывало нечто

большее, чем дружба, нечто большее, чем горечь расставания.

Один смотрел на другого и видел того, кем он мог бы стать — или должен был стать, — но не стал и никогда не станет.

Здесь их дороги расходились, чтобы больше никогда не сойтись. Оба это понимали.

Киндл уехал по разбитому шоссе в горячий полдень.

Мэтт долго смотрел ему вслед.

Ночью, когда Артефакт прошел над головой, она была с ним.

Артефакт почти разделился и напоминал гигантскую восьмерку. Две половины человечества.

Бет грела руки у костра. Казалось, без Тома Киндла огонь осиротел. Ей не хотелось, чтобы Киндл уходил. Но перемены происходят, хочешь ты этого или нет.

— Все меняется, — сказала она, желая донести свои мысли, но слова грустно прозвучали в пустой прерии, что привело ее в уныние. Так вот чего все так боятся? Перемен. Прошлое ускользает, а потом его уже не вернуть и не понять. А будущее — загадка. Ничто не стоит на месте. Ни для нас, ни для людей в небе. Ничто не прочно.

Даже деревья, горы, планеты и звезды. Понаблюдай за ними достаточно долго, и они исчезнут у тебя на глазах. Бет поняла это в день Контакта. Увидела мысленным взором. — Это танец, — сказала она. Невозможно сохранить то, что тебе дорого, потому что все — любовь, дружба, люди и молекулы, — все танцует в скоротечном сиянии.

Она беспомощно посмотрела на Мэтта. Понимал ли он это?

Похоже, да. Бет подумала, что он, наверное, знал это с самого начала.

Она посмотрела на восток, где в темном небе всходили звезды.

— Становится зеленее, — сказала Бет. — И теплее.

— Может, лето выдастся теплым, — ответил Мэтт. Ночи уже стали не такими холодными.

— В Огайо хорошая погода? Тепло и зелень?

— Думаю, да, — ответил Мэтт.

— Хорошо бы, — сказала Бет и едва не расплакалась без причины. — Значит, мне там понравится.